

FORGOTTEN REALMS

ЛУЧШЕЕ В
КОРОЛЕВСТВАХ
Книга II

Рассказы
ЭДА ГРИНВУДА
соавтор Города Роскоши

Опасность

Затем что-то пронеслось сквозь деревья, подняв вихрь измельченных листьев, и стремительно полетело прямо на нее.

Оно пронеслось над головами людей с клинками, мелькнуло в лунном свете как сокол, а затем затрепыхалось в воздухе, подхваченное когтями безмолвной дикой магии Места, и беспомощно рухнуло на камни перед ней: задыхающийся, бездыханный, босой Шторм.

Как будто этого и ждали люди с ножами, они бросились вперед в нетерпеливой волне темной кожи, сверкающих ухмылок и ножей.

Интрига

- Он упивается тем, чтобы высосать этого зверя досуха, - заметил холодно-злорадный голос, - и не видит ничего другого.

- Неужели наше время наконец-то пришло, учитель?

- Да. Ты знаешь, что делать.

Ученик кивнул, сглотнул и осторожно начал долго отработанное заклинание.

Рундарвас Таазель улыбнулся и махнул рукой второму ученику. И третьего, и четвертого, и пятого. Было много порталов, которые нужно было разрушить и изменить, а такие вещи требуют времени. Поспешная работа — это всегда неряшливая работа.

Честь

- Мне нужно, чтобы ты, Андур Имраит, держал свой меч острым и не терпел лжи ни от придворных, ни от благородных, ни от регента.

Конюх молча смотрел на нее.

- Но нужна ли я тебе, Андур? - тихо спросила принцесса. - Нужен ли все еще есть кто-то, кого можно любить, на кого можно равняться, за кого можно бороться? Или для тебя все кончено, кроме пьянства и брюзжания о том, что в твоё время все было лучше, а в наши дни королевством правит стая продажных и беспринципных дураков?

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “**Forgotten Realms**”. Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Команда переводчиков:

0. Королевства джгут тебя - **Senar**
1. Не самый удачный пир - **Аюна Сынгоева**
2. Тёмные когти приструнят вас - **Аюна Сынгоева**
3. Шепчущая корона - **RoK**
4. Сколь велика цена - **Gdolkín** и **Styrkaar**
5. Один визит, тайный, в Зирту - **Аюна Сынгоева**
6. Танец в саду у Шторм - **Аюна Сынгоева**
7. Тихий День в Скуллпорте - **Habilis**
8. Кровная связь - **Аюна Сынгоева**
9. Как мудрость пришла к искалеченному волшебнику - **Аюна Сынгоева**
10. Око Дракона - **RoK**
11. Пустяк, но сколько хлопот - **Аюна Сынгоева**
12. Ухмыляющийся призрак Чертогов Тавертона - **PyPPen**
13. Место, где стража храпит на постах - **RoK**
14. Живущий вечно - **неизвестно**
15. Долгий путь домой - **Senar**

Русская обложка: **nikola26**

Редактура: **Алинка Назарова**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно. ;-)

Эд Гринвуд

«ЛУЧШЕЕ В КОРОЛЕВСТВАХ»

книга 2

Всегда ли вы обращаетесь к захватывающим фрагментам в любой книге, которую открываете? Сцены "Потом дракон изверг пламя, и башня рухнула, повергая кричащих магов в прах"? Нет?

Ну, а что тогда? О. Вы ищете глубокие, проникновенные отрывки, которые раскрывают секреты Всего Сущего?

Дорогой, милый. Вы взяли в руки не ту книгу. Это книга другого рода, и дракон вот-вот...

Силуна из Долины Теней

Сказки на ночь для Малышей

Королевства джуют тебя

Приветствую вас! Знай, читатель, что я - Аландо из Кендлкипа.

Мне дано видеть проблески будущего, мгновения того безмерного времени, что ждет этот мир Торила, называемый некоторыми "Забытыми Королевствами". Я сижу здесь, среди залов, коридоров и палат, заваленных книгами - книгами, в которых запечатлено что-то из нашего великого прошлого. Слишком часто люди хотят знать, где находятся кости великих королей или легендарных драконов... или, точнее, где можно найти их сокровища. Однако есть несколько искателей, в чьих глазах горит свет удивления, и которые хотят узнать больше об этом огромном, славном, историческом мире...

И для них я расскажу сначала о блестящем прошлом - о славе, которой был Незерил. Когда-то эти королевства были домом для людей, чья могущественная магия могла изменить само небо, деревья и землю вокруг нас, людей, которые показались бы нам богами, если бы они ходили по миру сегодня: королей-колдунов Незерила.

Они были первыми людьми, пришедшими к власти после Рассветных Дней, когда людей, как скот, пожирали драконы, слетавшие с небес и правившие всеми королевствами. Нетерезы приручили этих ужасных драконов, создали замки,

взлетающие высоко в воздух, и светящиеся врата, через которые храбрые, любопытные и безрассудные люди могли сделать всего один шаг в другие, более странные миры, которые некоторые мудрецы называют Планами Существования. Много могущественных и ужасных вещей совершили, создали и стали творить короли-колдуны, и со временем они возгордились и пришли в упадок. В конце концов они были сметены своей глупостью и чарами злых существ, называемых Фаериммами.

До наших дней дошли лишь осколки бывшего великолепия, но, несмотря на отсутствие той укрощающей мир магии (или, как говорят некоторые, благодаря ей), человечество процветало многие годы после падения Незерила. Барды рассказывают богатые истории о доблести, любви и высоких достижениях... и этих историй много, и они бесконечны. Приходите в Кендлkip, если хотите услышать их, или ищите настоящего барда и слушайте внимательно, ибо к тому времени, как вы прочтете это, мое кресло наверняка опустеет, а мои кости рассыплются в склепах под нами.

Я записал эти слова из любви - любви к моему миру, который здешние жители называют "Фаерун" (то есть "Дом"). Он будет жить, когда вы, в свою очередь, уйдете из жизни, так же, как он бурлил, сверкал и выкрикивал ярость своих бурь, землетрясений и извержений огня снизу, а его красоты очаровывали эльфов, dwarфов и людей на протяжении тысячи тысяч лет.

Если вы только недавно пришли в Королевства или впервые отправляетесь из места своего рождения, чтобы вкусить его красот и опасностей, я завидую вам. Так много славы ожидает ваших глаз. Послушайте, что я видел в Торице...

Я видел глубокие зеленые поляны, где Танцующий Народ резвится среди папоротников, рассеивающихся туманов и древних сплетенных деревьев, используя магию, чтобы погрузиться в камни под своими копытами, когда опасность подступает слишком близко. Некоторые из них обитают в лесах столь обширных, что эльф, сбившийся с прямого пути, может пройти целое лето и не пересечь ни одной кромки деревьев.

Я видел, как драконы вырываются из моря и взмывают в воздух, чтобы ударить дыханием, клыками и когтями по соперничающим вирмам, находящимся в воздухе, в то время как испуганные моряки пытаются провести свои корабли в целости и сохранности через бушующее сердце такой битвы.

Я видел, как рыцари - и лорды, и леди, в ярких доспехах - едут по лесным тропам с гордыми вымпелами, развевающимися на их копьях, и с грохотом несутся к полям для поединков. Там их ждут толпы людей, посланники королей среди толпы возбужденных тел, готовые увидеть, кто из этих честных бойцов станет хорошим представителем короны, которой они служат.

Я видел, как забытые замки рушатся среди удушливых зарослей, прорастающих деревьев и когтей зимы. Башни рушатся на землю, камни, превышающие человеческий рост, трескаются и катятся, а когда пыль оседает, чудовища заползают в логово в тенистых внутренних покоях. В некоторых из этих потайных комнат стоят сундуки с золотом и сундуки с драгоценными камнями, а в других таится старая магия, слабо мерцающая над свитками, жезлами и зачарованными вещами в ожидании тех, кто отважится вторгнуться сюда.

Я видел, как призраки и более страшные существа восстают из могил, чтобы угрожать живым. В темных подвалах и заброшенных местах по ночам летают черепа, а в некоторых склепах руки скелетов холодят незваных гостей своими костлявыми лапами. Не все павшие мирно лежат в земле.

В многолюдных городах Фаеруна я видел людей, чьи пальцы за долгие, мучительные годы труда обрели великое мастерство, так что они могут оправить драгоценный камень, едва ли достаточно большой, чтобы заглянуть в зрачок глазного яблока резной статуэтки ростом не больше моей руки... или выковать замок столь сложной конструкции, что нужно повернуть шесть ключей в правильной последовательности, чтобы он поддался.

Я видел тесные и дымные таверны, где женщины танцуют в свете камина и поют причитания, столь печальные и сладостные среди арф и труб, что закаленные дварфы воют от горя, а гордые эльфы плачут беззвучными слезами, которые блестят в отблесках пламени, и все люди под этими крышами - братья, сплоченные и движимые одними и теми же чувствами.

Я видел деревни, где тяжелые телеги с сеном грохочут по дорогам, которые почти лениво бродят по холмам, где хозяйничают халфлинги, гномы, люди и полу-эльфы. Там люди выходят в сумерках, чтобы посидеть и покурить трубки или тихо спеть и поднять тост за заходящее солнце с вином собственного изготовления, в то время как их амбары и погреба наполняются едой, чтобы накормить королевства, которых они никогда не видели... и нежные ручейки бесконечно журчат под копытами пасущегося скота, когда ночь снова опускается на землю.

Я видел гордых мужчин, стремящихся захватить эти зеленеющие земли мечом или защитить их от дерзких риверов или ворчливых горных орков. Я видел, как искатели приключений со смехом скачут навстречу своей гибели, потому что отважиться на опасность - значит жить по-настоящему.

Я видел сборища колдунов, известные как ярмарки магов, где сотни заклинаний вспыхивают и сверкают, когда существа всех кровей стремятся поразить друг друга своей силой; заключают договоры о найме на работу; поражают троны, враждующие семьи и врагов за полмира; продают свою магию или обучают тех, кто хочет стать более могущественным в искусстве. И я видел, что творит такая магия.

Я видел корабли, плывущие по небу, мосты, вечно парящие в воздухе, и сверкающих металлических монстров, управляемых заклинаниями, которые ходят, копают или карабкаются, пока их чары не разрушатся, или их не разрушат соперники, или они не умолкнут из-за смерти тех, кто их создал.

В конце концов, все мечтатели умирают, и гордая задача тех писцов, что окружают меня здесь, в Кендлките, - следить за тем, чтобы мечты не умерли вместе с ними. Ибо гибель людей в том, что они мечтают, поглощенные сиюминутными заботами, и забывают о великопепных и героических деяниях, свидетелями которых они стали, а также о мудрости, которую они заслужили... и которой должны были научиться. Поэтому здесь, в Кендлките, мы храним множество толстых томов - целые залы, защищенные заклинаниями от гниения и огня, - в которых хранятся гордые саги о величайшем мире, который я знаю. О том мире, что лежит перед вами и ждет.

В свое время я видел славу Королевств и видел кое-что из того, что ждет нас впереди. Среди сияющих достопримечательностей таятся опасности, сотрясающие сам мир, и темные дни для Фаеруна. Потребуются смелые и отважные искатели приключений.

Если вас будоражит мысль о том, чтобы орудовать мечом или заклинанием в этом великолепнейшем из миров, внимайте. Я Аландо из Кендлкипа, которого некоторые называют Аландо Провидец, и я говорю вам: Королевства ждут вас.

Сначала я собрал вместе несколько довольно плохих историй о мече и колдовстве, которые я написал (в нежном возрасте шести и семи лет; я был одним из тех "плохих" детей), и решил, что создал мир, который я назвал... Забытые Королевства! Да, в этом есть своя изюминка! - почти сорок лет назад. С тех пор я работал над ним каждый год, еще до появления игры Dungeons & Dragons®, на протяжении сотен статей в журнале DRAGON®, исходников игр и романов, вплоть до сегодняшнего дня.

За время своего существования Королевства накопили изрядную часть историй. Большая ее часть существует благодаря геймерам и читателям, которые полюбили Королевства и захотели узнать, "как все стало таким".

И небольшая ее часть находится там, потому что я намеревался поместить ее здесь с самого начала.

Это крошечный кусочек подобного рода, мимолетный взгляд на то, как все было "в те времена", в дни, когда Эльминстер Аумар, принц Аталантара, Королевства Оленя, был всего лишь двенадцатилетним мальчиком. Эта книга должна была стать прологом книги "Эльминстер: Рождение мага, но из-за нехватки места, исчезла из неё. Как сказал Эльминстер несколько веков назад: "В любой книге есть лишь множество страниц".

Так что давайте вернемся в вечер одиннадцатого дня Элейнта, в Год Пламенных Лесов (224 DR), и посетим замок, давно исчезнувший, в стране, давно унесенной в эхо пустых имен, которые хранят только мудрецы...

Не самый удачный пир

Вступление

В самом начале я собрал вместе несколько довольно плохих историй о мечах и магии, которые написал (в нежном возрасте шести и семи лет; я был одним из тех «плохих детей» в детстве), и решил, что создал мир, который назвал бы... Забытыми королевствами! Да, в этом есть своя изюминка! – почти сорок лет назад. С тех пор я работал над ним каждый год, еще до появления игры Dungeons & Dragons, на протяжении сотен статей в журнале DRAGON, исходников игр и романов, вплоть до сегодняшнего дня.

За время своего существования Королевства накопили изрядную часть рассказов. Большая их часть существует благодаря геймерам и читателям, которые полюбили Королевства и захотели узнать, «с чего все началось».

Часть их находится здесь, потому что я с самого начала намеревался опубликовать их.

Этот рассказ – один из тех, маленький кусочек, мимолетный взгляд на то, какими были те времена, когда Эльминстер Аумар, принц Аталантара, королевства Оленя, был всего лишь двенадцатилетним мальчиком. Этот рассказ должен был стать прологом к книге «Эльминстер: Рождение мага», но из-за нехватки места исчез.

Как сказал Эльминстер несколько веков назад: «В любой книге есть только определенное количество страниц».

Так что давайте вернемся в вечер одиннадцатого дня Элейнта в Год Пламенных Лесов (224 ЛД) и посетим давно исчезнувший замок в стране пустых имен, давно унесенных эхом, которые хранят только мудрецы...

Настало Время Снятия Покрова, когда богиня Шар раскинула по небосводу свое просторное одеяние из фиолетовой темноты, украшенное блистающими звездами. День был прохладным, и ночь обещала быть ясной и холодной. Последние отблески дня тускло играли на длинных волосах одинокой наездницы, длинные тени ползли впереди нее.

Временами женщина оглядывалась на надвигающуюся ночь. Огромные темные с поволокой глаза, стрелы бровей, прекрасные русые локоны, обрамлявшие дерзкое белое личико, – суровая сила и острый ум не ладили с нежной красотой. Из-за этой ли силы или этой красоты многие из мужчин не могли не думать о ней. Даже королевы завидовали ее красоте – по крайней мере одна-то уж точно. Сейчас в ее

огромных глазах не было гордости – только печаль. Весной по этим землям пронеслись пожары. Только обуглившиеся голые стволы торчали там, где буйствовала зеленая красота, которую она все еще помнила, и эти милые сердцу воспоминания составляли все, что осталось ныне от Халангорского Леса.

Когда на пыльную дорогу опустились сумерки, откуда-то с севера донесся волчий вой. Неподалеку в унисон ему завыл другой волк, но одинокая наездница едва ли обратила на это внимание. Видавшие виды рыцари, передвигавшиеся по этой дороге только большими, хорошо вооруженными отрядами, недоверчиво удивились бы ее спокойствию, и не только ему: женщина ехала налегке. Окутывавший ее длинный плащ, стеснявший движения правой руки, трепетал под порывами ветра. Невероятно, но эта высокая, стройная наездница путешествовала по опасной дороге даже без меча. Только глупец мог позволить себе такое! Рыцари скорее всего приняли бы ее или за сумасшедшую, или за колдунью и в этом случае обнажили бы клинки. Кстати сказать, они оказались бы не так уж и не правы.

Судя по вышитой серебристой надписи на плаще, ее звали Мириала Темноокая. За нелюдимый образ жизни, за силу ее колдовства многие крестьяне и горожане побаивались Мириалы, но в то же время любили ее: бывали случаи, когда эта колдунья, как вихрь возмездия, повергала жестоких баронов и забывших о чести и совести рыцарей, оставляя позади себя в назидание другим пылающие в темноте тела. Поэтому-то далеко не всем надменным обитателям замков была она мила и желанна.

Когда ночная темень опустилась на дорогу, Мириала, чуть придержав лошадь, сняла плащ. Она тихо произнесла какое-то слово, и одежда свилась у нее в руках, меняя свой цвет с привычного темно-зеленого на красновато-коричневый. Серебристая волшебная надпись, извиваясь змеей, превратилась в две скрещенные золотые трубы.

Превращения коснулись не только плаща. Длинные локоны Мириалы потемнели и укоротились до плеч, сами же плечи вдруг ожили и начали раздаваться, обрастая сердито перекатывающимися буграми мышц. И вот уже покрытые волосами руки с пальцами, похожими на обрубки, снова надевают плащ, извлекают из притороченной к седлу сумки меч в ножнах и прикрепляют его к поясу. Вооруженный всадник, хорошенько расправив плащ так, чтобы издали было видно, что он – посланник, снова прислушался к волчьему вою, раздававшемуся теперь гораздо ближе, и спокойно направил лошадь к последнему на его пути перевалу. Там, где самая устрашающая колдунья в этих землях могла быть встречена стрелами и готовыми клинками, лорд-герольд всегда приветствовался.

Стражники как раз зажигали фонари над воротами, когда лошадь перемахнула через деревянный разводной мост. Стражники, узнав всадника по знаку на плаще и камзолу, приветствовали его согласно этикету. Во внутреннем дворе раздался удар колокола, и начальник стражи взмахом перчатки велел ему поспешить на вечерний пир со словами:

– Приветствую тебя в замке Морлин, если ты явился с миром.

В ответ герольд, как принято, молча поклонился.

– Лорд-герольд проделал долгий путь из Таварея и, должно быть, проголодался, – уже менее официально добавил начальник, помогая всаднику слезть

с лошади. Приехавший медленно прошел несколько шагов, чтобы немного размяться, и едва заметно улыбнулся.

Взгляд его необыкновенно темных глаз встретился прямо с взглядом начальника стражи.

– Я проделал гораздо более длинный путь, – последовал тихий ответ, и, кивнув на прощание, мужчина, с видом человека, хорошо знающего дорогу и то, что его здесь ждут, направился к замку.

Начальник стражи проводил его недоуменным взглядом. Один из лучников, подойдя ближе, негромко произнес:

– Ни шпор... ни провожатых, ни охраны. Что это за герольд?

В ответ его собеседник только пожал плечами:

– Если он расстался со своими спутниками где-нибудь по дороге или еще что такое, это довольно скоро выяснится. Позаботься о его лошади. – Он повернулся и вдруг застыл в изумлении.

Лошадь, о которой шла речь, стояла рядом с ними с таким видом, словно внимательно вслушивалась в их разговор. Затем она кивнула и сделала полшага вперед так, чтобы повод сам по себе оказался в руке лучника. Видевшие это стражники обменялись настороженными взглядами, и лучник увел лошадь.

С минуту начальник стражи провожал их взглядом, затем, пожав плечами, направился к воротам.

Что бы там ни приключилось, они еще успеют наговориться за смену.

Где-то поблизости в ночи опять завыл волк, всхрипнула и нервно забила копытом какая-то лошадь. Начальник стражи оглянулся через плечо и увидел, как лошадь герольда спокойно оглядывалась из стороны в сторону, пока ее вели во внутренние конюшни. Он покачал головой и поднялся по лестнице к своему посту над воротами.

В часы после заката в огромном и задымленном высоком зале замка Морлин лорд Брейр спокойно сидел за большим изогнутым пиршественным столом, глядя на танец и игру огня в очаге. Вертела, на которых жарилось шипящее мясо, унесли подальше от неумолимого жара скачущего пламени, чьи янтарные тени плясали на стенах вокруг сидящей компании.

При всей приготовленной пылающей и блестящей трапезе, компания состояла всего из трех человек.

Обильный и великолепный стол ломился, усыпанный дюжиной жареных блюд и украшенный торжественной посудой. Между горами мяса возвышался небольшой лес блестящих кувшинов. Некоторые стояли с открытыми крышками, в которых плескались соусы, сверкающие в свете огня, словно темные бассейны с драгоценными камнями, сияющими в их глубине. Из глубоких серебряных чаш, в которых находились внутренности в соусе, поднимались клубы пара. Они стояли среди сверкающих латунных тарелок с фруктовыми шпажками в медовой подливке

и высоких тонких графинов с красным вином. Отраженное пламя мерцало в их рубиновых глубинах, отбрасывая на лица обедающих прыгающие красные тени.

В центре изогнутого пиршественного стола сидел лорд Морлина, барон Крутых Водопадов и лорд-протектор Холмов Меча. Это был крепкий мужчина, старый лев-воин, дошедший до седой тени своих лет. В светлые дни своей юности он сражался с ордами орков, хобгоблинов и отрядами великанов – и даже сейчас песни странствующих бардов хорошо помнят его доблесть. Некоторые называли его простым человеком, грубым в манерах и речи. И это было правдой – он не любил хитрости и обмана, а любил хорошую еду, медовуху, а также веселых друзей, с которыми можно было разделить и то, и другое. Он все еще мог влезть в свои старые покрытые шрамами доспехи, а тяжелые кольца битого золота украшали длинные пальцы, покрытые буграми и шрамами там, где они были сломаны тяжелыми ударами меча по перчаткам или порезаны ищущими клинками, когда перчатки не выдерживали. Острые глаза лорда перебежали из-под кустистых бровей с одного гостя на другого – он не наслаждался трапезой и причиной тому были они.

Пожилой слуга в поношенном дублете ловко поставил на один конец стола полный кубок и бутылку охлажденного изумрудного цвета вина из мяты из Ардипа. Надменные, резкие черты лица сидевшего здесь эльфа на мгновение смягчились в знак благодарности. Короткая улыбка была ослепительной, и слуга почти не отрываясь смотрел на высокого, изящного эльфийского лорда, чьи большие серебряные глаза мерцали каким-то слишком хитрым для эльфа взглядом. И все же заостренные уши, тонкая бронзовая кожа, золотисто-светлые волосы и длинная как у служанки грива, строго стянутая на затылке филигранной, переливающейся драгоценными камнями и ослепляющую заклинаниями, заколкой – говорили о том, что он принадлежит к самой старшей и самой надменной расе эльфов. На нем была белая шелковая рубашка с туникой из золоченой переливающейся ткани, и он непринужденно откинулся в кресле, потянувшись за только что принесенным вином.

В то же самое время служанка такого же возраста поставила высокую кружку пива перед обедающим на другом конце стола – широким дворфом с разбитым носом, чье покрытое шрамами лицо становилось ожесточенным, когда он немигающим взглядом смотрел через весь зал на лорда эльфов.

Эльф позволил ответной усмешке на мгновение промелькнуть на своих губах, затем резко повернул голову в сторону, чтобы обратиться к хозяину в центре стола.

– Хорош ли ваш урожай в эту летнюю пору, милорд?

Румяное лицо лорда Брейра расплылось в облегченной улыбке. Два его уважаемых гостя застыли при первом же взгляде друг на друга и он не посмел обидеть ни одного из них несмотря на их грубость. Оба были важными людьми – баронами или даже лучше – в своих собственных землях. В старых и гордых землях, достаточно богатых, чтобы разорить все владения людей на Севере. В землях, жители которых открыто смотрели свысока на своих новых соседей-людей. Без сомнения, будь он владыкой любого из них, он бы поступал так же. Он бы внимательно следил за боевой мощью и делами лордов людей... как, несомненно, было поручено обоим его гостям. Должно быть жестокая прихоть богов привела их обоих к его воротам в один и тот же вечер. Так, по крайней мере, он надеялся.

Крепкий краснолицый лорд настороженно переводил взгляд с одного гостя на другого, затем повернулся, чтобы ответить эльфу. До наступления сумерек оба его гостя успели обменяться изощренными и резкими оскорблениями за вином. Если теперь они решили быть вежливыми друг с другом достаточно долго, чтобы насладиться пиром, ему лучше воспользоваться этой возможностью и успокоить их обоих, чтобы они почувствовали себя желанными гостями. Более того, это был его долг. Уже не в первый раз ему хотелось, чтобы его жена, обладавшая гладким языком, была все еще жива. Она бы лучше знала, что сказать.

Лорд Брейр заурчал с дружелюбной неуверенностью, словно пробуждающийся дракон, решая, как лучше поприветствовать своих товарищей, и сказал:

– Мы надеемся на хороший урожай, лорд Фалав – хотя у нас нет такого умения работать с землей, как у ваших древоточцев. Он поспешно повернул голову, чтобы улыбнуться оскалившемуся гному:

– Мы также не умеем выращивать растения в пещерных глубинах – да и пещер рядом с рекой поблизости нет.

Он сделал небольшую паузу, но никто из гостей не ответил, поэтому он собрался с силами, чтобы заполнить тишину с легким оттенком усталости, будто терпеливый медведь после того, как рыба снова ускользнула от его лап, и добавил:

– Лишь бы никто не голодал этой зимой, когда исчезло столько деревьев.

– Я никогда не видел таких пожаров раньше, – пробурчал гном, обхватив край высокой кружки. Он решительно поставил его на стол перед собой и мрачно добавил:

– Поговаривают, что его вызвала неосторожная магия или, что еще хуже, злые заклинания.

– Поговаривают? – Эльф с ястребиным носом наклонился вперед. Его тон был легким, но слово, казалось, промелькнуло, как отточенный клинок. – Среди кого?

– Гномов, конечно, – бородатый крепыш нарочито подался вперед, опираясь на находившийся перед ним стол. – К кому еще я мог бы прислушаться или доверять словам?

Эльф поднял плечи и брови, искусно пожал плечами, и снова многозначительно отвернулся, чтобы обратиться к хозяину. Дворф предупреждающе зарычал, но все неприятности, которые могли последовать за этим, навсегда затерялись в скрежете служебного посоха управляющего.

Все трое за столом обернулись на этот звук и лицо эльфа застыло в неодобрении: лорд Брейр назначил на должность управляющего собственную дочь, а не какого-нибудь старого преданного воина. Ее чистый голос прозвучал в пещерном зале, когда она трижды стукнула посохом о каменные плиты и сказала:

– Милорд Морлин! Я пришла с гостем, которого мы приветствуем в наших стенах: Хантингхорн, герольд Таварая!

Среди слуг, стоявших у стен зала и склонившихся над вертелами перед очагом, раздался слабый ропот – лорды-герольды были редкими гостями так далеко в Делимибуре. Однако после опустошительных пожаров этой весной ходили разговоры о восстаниях и волнениях, а смутные времена всегда призывают гонцов и посланников, как великих, так и малых. Любопытные глаза высматривали тень за

спиной управляющего, в то время как лорд Брейр, с радостным облегчением восприняв эту долгожданную отсрочку от словесной дуэли, нетерпеливо сказал:

– Пусть ему будут рады в Морлине, лишь бы он присутствовал здесь и поделил наш пир! Как только будут удовлетворены его потребности после дороги, приводи его, чтобы поговорить и разделить с ним веселье!

Управляющая склонила голову, но не поспешила уйти. Она отступила назад и в сторону, а из тени за ее спиной вышел элегантный и бородатый мужчина в темной одежде и направился прямо к креслу лорда.

Там он поклонился и его меч вспыхнул. В свете прыгающего пламени он отсалютовал так, как обычно приветствуют королей или великих лордов – и лорд замка Морлин покраснел от удовольствия под благоговейный и довольный ропот.

Наблюдавший за этим эльфийский лорд поднял голову и с еще большим неодобрением посмотрел на молодого бородатого герольда, который на мгновение встретил его взгляд черных глаз с жестким, холодным презрением, а затем снова опустил их, чтобы почти ласково улыбнуться дородному старому лорду.

– Внизу у моря я слышал о Морлине только хорошее, и когда ночь застает меня здесь во время моих странствий, я прихожу и вижу, что все слова правдивы, – сказал герольд легким, но сильным голосом. – Милорд, я рад знакомству с вами. Мир и удача сопутствуют этому светлому залу.

Лорд Брейр заурчал от удовольствия и протянул большую руку, указывая на еду.

– Мы польщены вашим присутствием, лорд-герольд. Добро пожаловать, и знайте, что нам так же приятно ваше общество. Не хочешь ли ты посидеть с нами и попить? Этой ночью в моем скромном зале уже собрались два почетных гостя: Артлах, лорд топора, хранитель Вестдельва в Аммариндаре, – дворф серьезно кивнул, держа в руке высокую кружку, – и верховный лорд Фалав из Силуванеде. Мы как раз говорили о злополучных пожарах этой весной и о том, что могло их вызвать.

Молодой человек плавно кивнул, опускаясь в кресло, поспешно приготовленное для него справа от лорда.

– Слухи о темной магии?

Повелитель Фалав невесело усмехнулся.

– Так считает сам добрый... лорд топора. – он замешкался лишь на мгновение при описательном слове, достаточно долго, чтобы все в зале отчетливо услышали его, но не настолько долго, чтобы дворф мог открыто обидеться, – или его соратники из крепкого народа. Что скажете вы, лорд-герольд?

Человек и эльф открыто изучали друг друга, и когда их взгляды встретились, в комнате возникло такое напряжение, какого лорд Брейр никогда не ощущал в своем доме. Он побледнел и нащупал на поясе меч, которого там не было.

Человек, который не был человеком, смотрел через изгиб большого пиршественного стола в гордые и холодные глаза. На губах высокородного эльфа-лорда играла улыбка, которая хоть и не была насмешкой, но ясно говорила о его превосходстве над всеми в зале. На украшенных драгоценными камнями браслетах эльфа красовался серебряный грифон Силуванеде – и они сверкали, когда он медленно подносил к губам тонкий хрустальный кубок с мятным вином, не отрывая взгляда от глаз герольда.

Верховный лорд Фалав уже не раз сталкивался с людьми – более грозными и сильными, чем этот щенок в гербовой накидке. Он носил скрещенные трубы Хантингхорна и, должно быть, прибыл как один из царственных посланников прибрежных человеческих владык, возможно, из Элембера. Он был гладким и стройным, носил аккуратно подстриженную короткую бороду, которая висела по его подбородку, словно шерсть охотничьей кошки. Гладкий придворный – один из тех, кто считает себя одновременно тонким и умным.

Верховный лорд Фалав слегка улыбнулся и снова поставил вино на стол, сделав мельчайший знак длинным тонким пальцем. Слуга увидел и бесшумно скользнул вперед, чтобы наполнить кубок.

Тишина длилась так долго, что ее почти можно было услышать – высокий звон готовых мечей, звенящих над треском огня в очаге. А может, это был просто звук натянутых, напряженных нервов.

– Мой добрый... повелитель Силуванеде, – мягко сказал Хантингхорн, в точности копируя нарочитое колебание эльфа-лорда, – я не называю такие убеждения просто «слухами». Я имел несчастье наблюдать в бассейне прорицаний, наведенной моей доброй подругой Эльтагарр, которую, как я знаю, вы почитаете как самую старшую колдунью вашего королевства, – он сделал паузу, и эльф сурово склонил голову, гневно сверкнув глазами на слегка побледневшем лице, – как темное колдовство подействовало на ваших сородичей и отбросило назад леса, чтобы расширить границы человеческого королевства и отвоевать себе место для новых ферм.

– И какой человеческий маг устроил это разрушение? – спросил верховный лорд Фалав очень мягким голосом. – Один из тех безответственных детей Нетерила?

Где-то в зале кто-то из слуг громко вздохнул. О возвышении Нетерила рассказывали в полусотне колыбельных сказок и народных слухов. Его магическая мощь сдерживала даже сильных эльфийских владык и бесчисленное количество диких орков, когда люди впервые пришли на Север, и хотя его мощь давно пропала, он оставался ярким воспоминанием – воспоминанием, которая по словам жрецов, передавалась более тысячи зим... жизнью тридцати отцов и сыновей. Может ли этот эльф-лорд быть таким же древним?

Однако герольд покачал головой.

– Прошу прощения, повелитель, – сказал он Брейру, а затем снова повернулся к эльфу, чтобы произнести успокаивающие слова. – Нет, верховный лорд. Ни лич, ни бессмертный лорд-чародей Нетереза. Это был человек, высокопоставленный в советах земли, расположенной неподалеку от этой – в королевстве Аталантар.

Лорд Брейр разинул рот, а в зале возникло волнение. Беззвучно зашелестела ткань, когда слуги наклонились или шагнули вперед, чтобы лучше слышать. Губы эльфа-лорда сжались.

– Довольно глупостей, – сказал он. – Это страна простых фермеров и охотящихся на кабанов мечников, у молодого короля которой хватило ума набрать несколько безземельных магов, чтобы они давали ему советы. У них нет ни магического мастерства, ни желания творить такую разрушительную магию.

Герольд невесело улыбнулся.

– Я тоже так думал. И все же этим летом они разбили своими плугами большую часть выжженных земель и работают над этим до сих пор.

– Какой человек не воспользуется таким случаем? Люди выжидают и бросаются в атаку, чтобы схватить или убить, когда находят слабость или возможность. Это их путь. – Холодно произнес эльф-лорд и в тишине, наступившей после его горьких слов, все в зале увидели, как гном медленно и неохотно кивнул головой.

– Да, – нерешительно хмыкнул лорд Брейр. – Принцы Оленя, охотящиеся на кабанов? В это трудно поверить.

Герольд развел руками.

– Я видел то, что видел. Ты хочешь сказать, что Эльтагарр обманула меня, используя ложные заклинания? Я уже много раз видел, как действуют подобные заклинания, и хорошо их знаю – в ее заклинании не было никакого обмана. Более того, она не знала, кто этот человек в бассейне. А я знал, и с тех пор провел много времени, пытаюсь найти другие приметы и знаки, чтобы доказать ее правоту или неправоту.

– И? – В мягком тоне эльфа-лорда прозвучал нежный вызов.

– Я все еще работаю. Я нашел некоторые вещи, которые могут доказать ее правоту. Но ничего, что доказывало бы обратное.

– И все же, – мягко проговорил верховный лорд.

– Вы хотите сказать, что Эльтагарр солгала, милорд? – Герольд говорил мягко, но в его тоне прозвучала нотка упрека, отчего эльф покраснел. – Мне бы не хотелось сообщать ей об этом при нашей следующей встрече.

Верховный лорд Фалав махнул рукой с длинными пальцами в знак отказа.

– Хватит! Значит один глупый или неосторожный волшебник сам был обманут. Ни один заговор не зародится в таком простом царстве... хорошем соседе для этих людей. – Он махнул рукой на зал и получил несколько кивков от слуг вдоль стен. – Я не стану слушать такой клеветы на целое королевство, не имея на то оснований. За многие годы я видел больше, чем вы или кто-либо другой здесь – возможно, всех вас вместе взятых, не считая лорда-гнома, – что многие истины и убеждения, особенно вопросы интриг, при долгом и пристальном рассмотрении здравомыслящими людьми, рассеиваются, как туман перед ярким солнцем позднего утра.

Потянувшись, как тощий и опасный кот, он поднял свое мятное вино. Подняв его, чтобы поймать свет огня, он сказал:

– Не будем больше слушать мрачные разговоры об Аталантаре. Это неприлично, когда ты в гостях.

– Нет, – выкрикнул гном, нарушив долгое молчание. Он наклонился вперед, его щетинистая борода в свете камина стала янтарной, как львиная грива, и сказал, жестикулируя ногой ягненка со специями, словно скипетром:

– Говори! Только не о волшебниках, вырубаящих леса, и все такое. Расскажи мне лучше об этом Аталантаре. Мы слышали о раздорах там, но я недостаточно знаю это место, чтобы знать, чему верить. Расскажи мне об этом побольше, мой лорд Брейр!

Лорд Морлина неуверенно прочистил горло. Он был прямым человеком, старым воином, которому нравились простые вопросы, приказы и взгляды – объяснение причин и следствий действий целого королевства было для него непосильной задачей. Он развел руками.

– Я... пожалуй лорд-герольд лучше разбирается в подобных вопросах, ведь он больше других повидал земель чтобы сравнивать...

Герольд склонил голову.

– Я расскажу о нем кратко, мой господин.

Он повернулся лицом к гному и сказал:

– Аталантар очень похож на то, о чем вы слышали – это страна фермеров и лесников, с одним крупным городом – Хастарлом. Его называют Королевством Оленя и его последний король, Утграэль Аумар, умер восемь лет назад. У него было семь сыновей, широко известных как Воюющие принцы. После смерти отца они боролись за трон. Один не был заинтересован в таких распрях, другой разбогател в далеком Калимшане и не проявил желания вернуться. По крайней мере один, а возможно и другие, мертвы, а старший, Белаур, похоже теперь занимает Олений трон. Среди Вестников, однако, мы задаемся вопросом, кто же правит на самом деле.

– Люди удивляются многим вещам, – спокойно сказал эльф-лорд. – Нужно всегда быть осторожным, чтобы эти чудеса не оказались простыми фантазиями.

– О? – отмахнулся гном. – Среди моего народа мы ценим простую речь. Говорите, сэр герольд, и не обращайтесь на звуки слишком умных языков.

Эльф холодно поднялся, но гном проигнорировал его, устремив свой взгляд на молодого герольда, а лорд Морлина оставался сидеть неловко переминаясь с ноги на ногу.

Бородатый мужчина ободряюще улыбнулся своему хозяину и сказал:

– Наше беспокойство по поводу правления Аталантара связано с тем, как Белаур добился победы. Он купил или заключил союз с человеческими магами из других земель, которые теперь составляют мощную силу в Аталантаре. Люди называют их «маглордами».

– Какие люди? – спокойно спросил эльфийский владыка. Он снова потянулся и расправил длинные шелковые рукава. Дворф и герольд внимательно наблюдали за ним и увидели, как длинные эльфийские пальцы, наполовину скрытые под шелком, двигаются в замысловатых жестах.

– Змея произносит заклинание! – прорычал гном, бросая через пространство между ними обглоданную баранью ногу. Его мощные плечи вздыбились при броске и кость, стремительно вращаясь, попала эльфу в лицо и отбросила его назад в кресло.

Слуги вскрикнули и с воплями разбежались. Эльф закричал от ярости, на его лице блеснули жир и соус, и протянул руку. Лицо его потемнело от ярости и когда он указал на гнома кольцо на руке внезапно вспыхнуло.

Дворф зарычал от страха и гнева. Его рука метнулась к поясу. Мгновение спустя, когда Владыка Морлина зарычал от собственного гнева и испуга и попытался встать из-за стола руками, которые уже не казались ему такими сильными, как раньше, в свете костра сверкнул и закружился металл. Боевой топор гномов, брошенный так сильно и быстро, как только мог бросить его лорд топора Артлах, пронесся по воздуху еще до того, как гном успел выкрикнуть:

– За Аммариндар!

Повелитель Фалав из Силуванеде, казалось, пытался повернуться и посмотреть на топор, который дрожал возле его уха, глубоко вонзившийся в высокую спинку кресла. Кровь красным дождем брызнула на белый шелк, переливчатые кружева и

стол вокруг. Голова эльфийского лорда продолжала поворачиваться, затем – почти отрубленная – упала и безвольно болталась.

Тело немного сползло и захлебнулось кровью. Женщины закричали и в зал вбежали мужчины с мечами наготове.

Лорд Брейр стоял и в ужасе смотрел на убитого эльфа-лорда, гадая, означает ли его смерть разрушение его владений. До сих пор люди умирали и за меньшее. Затем все краски исчезли с его лица, и он ужасным эхом своего обычного рева прохрипел:

– Смотрите! Смотрите все!

Дрожащей рукой он указал на труп в кресле. В пляшущем свете костра среди темной и сверкающей крови, он менялся – плоть влажно скользила, смещаясь и перестраиваясь в форму... человека.

– Это Убриен, королевский маг Аталантара! – Потрясенный и удивленный голос принадлежал начальнику стражи, поспешившему со своего поста с мечом наготове.

В наступившей тишине все услышали, как герольд негромко сказал:

– Так-так. Похоже, мне стоит лучше осмотреть окрестности Аталантара.

Что-то в его голосе изменилось. Начальник стражи и его лорд пристально посмотрели на молодого герольда.

На их глазах гладкое бородатое лицо герольда Хантингхорна растворилось в белом, как кость, лице колдуньи, известной на весь Делимбир.

– *Темноокая!* – зашипел слуга и люди отпрянули назад.

Мириала слабо улыбнулась им и повернулась лицом к лорду Морлина.

– Я с удовольствием и радостью провела эту ночь за вашим столом. Как я уже говорила, милорд Брейр, я рада познакомиться с вами. Мир и удача сопутствуют этому светлому залу.

В тяжелой, повисшей тишине она сказала потрясенному начальнику стражи:

– Не ищите моего коня, он знает выход.

Он посмотрел на нее, но ничего не ответил. Мириала улыбнулась и встретила взглядом с дворфом, который одарил ее свирепой ухмылкой.

– Да будет топор твой всегда таким же острым и быстрым, господин. Ради Аммариндара и всех нас.

Он поклонился.

Она ответила ему, затем повернулась и пошла прочь от всех.

Слуги и оруженосцы отпрянули от нее, когда она направилась к огню. В двух шагах от пламени она заколыхалась, словно струйка дыма, и исчезла.

Лорд Брейр сглотнул и оглянулся на окровавленный труп на столе.

Мягкая рука коснулась его плеча.

– Отец?

– Возвращайся, милая, – грубо сказал он. – Ты не должна этого видеть.

– Я видела, – был простой ответ, – и я боюсь, это будет нелегкое время для нас в эти годы, живя так близко к Аталантару.

Не в первый раз лорд Брейр понял, что она права.

Тёмные когти приструнят вас

Введение

Переходный возраст почти никогда не проходит гладко и легко. Это одна из причин, почему я до сих пор уклонялся от этого –и намерен продолжать откладывать как можно дольше обряд перехода. Да, как можно дольше.

Тем не менее, бури юности, смиряющиеся с окружающим миром, часто становятся интересным чтением, и, если верить писателям-классикам, так было на протяжении истории всех поколений.

И Королевства не исключение.

Мой роман «Искушение Эльминстера» (нет, это не то искушение, о котором вы подумали –если только вы не подумали о силе предложения божества) закончился тем, что Эльминстер встретил трех серебряноволосых младенцев, которых ему было поручено воспитать, чтобы они стали его сотоварищами по Избранности в грядущих веках.

Однако я не настолько гордый родитель нескольких тысяч персонажей Королевств, которых создал на данный момент, чтобы навязывать читателям все эти смены подгузников, плач и ободранные коленки младенческого возраста, поэтому давайте перенесемся на несколько лет вперед и посмотрим на событие, которое началось шестнадцатого числа Флемерула, в Год Сломанного Арбалета (780 DR).

Сейчас Амбаре Голубке семнадцать лет, Шторм (Эфина Асторма) наслаждается шестнадцатым летом, а Лаэраль (Анамануэ Лаэраль) достигла пятнадцатого года.

Достигнув своего возраста, они сделали Эльминстера намного старше.

Ох уж эти современные дети...

– О, Великая Госпожа, услышь меня.

Распространившийся в пустоте во всех направлениях шепот от бледных конечностей парящей Жрицы Ночи был тих, но нес в себе жуткую силу.

– Услышь меня, я умоляю.

Как обычно, эти слова доводили Врасабру Помазанницу до слез, когда она парила одна в бесконечной тьме. Она чувствовала себя истощенной, как всегда бывало после того, как из нее выходили темные когти Пожирателя. Этой ночью они с неистовой силой рвали плоть кричащих людей, даже переламявая кости обреченных жертв, прежде чем исчезнуть.

Верная Врасабра снова осталась одна, паря в темноте и шепча:

– Услышь меня, моя богиня, я прошу.

Тьма внезапно ожила, и невидимая угроза наполнила ее, превращая все до последнего воронено-черного отростка в жесткое острие копья.

Шар пришла.

Я ДОВОЛЬНА, ВЕРНАЯ СЛУГА. ВСЕ ЖЕРТВЫ ДОСТОЙНЫЕ. ТЫ ДОСТОЙНА ВЕЛИКОЙ ЗАДАЧИ.

Кроткая женщина дрогнула бы и проглотила проклятие отчаяния, но Врасабра из Темных когтей – не была кроткой женщиной. Она была жрицей Ночи – и именно сейчас Жрицей Ночи, возвышающейся над всеми остальными.

– Прикажи мне, моя богиня, – прошипела она, перебирая конечностями от возбуждения.

КОНЕЧНО. Голос разума Шара был жесток, как никогда. У МОЕЙ САМОЙ НЕНАВИСТНОЙ СОПЕРНИЦЫ ЕСТЬ ТРИ СЛУЖАНКИ, КОТОРЫЕ ПРОЖИЛИ УЖЕ СЛИШКОМ ДОЛГО. ПОТЕРЯ ЭТИХ ТРЕХ ДОЧЕРЕЙ ПРИЧИНИТ ЕЙ ОГРОМНУЮ БОЛЬ. ТВОИ КОГТИ СТАНУТ ПРИЧИНОЙ ЭТОЙ ПОТЕРИ.

– О, да, богиня!

ДА, ВРАСАБРА. Раздалось насмешливое эхо.

ИДИ СКОРЕЕ И ПОЖРИ ДЛЯ МЕНЯ ТЕХ, КОГО ЗОВУТ АМБАРА ГОЛУБКА, ЭФИНА АСТОРМА И АНАМАНУЭ ЛАЭРАЛЬ. ТРИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СЛУЖАНКИ С ДЛИННЫМИ СЕРЕБРЯНЫМИ ВОЛОСАМИ И ДЕРЗКИМ НЕПОВИНОВЕНИЕМ МИСТРЕ, КОТОРОЙ ОНИ СЛУЖАТ. ОНИ НАХОДЯТСЯ НА ПОПЕЧЕНИИ ТОГО, КОГО ЗОВУТ ЭЛЬМИНСТЕР.

Врасабра зашипела от ненависти, но Шар, кажется, почти усмехнулась.

НЕ УБИВАЙ ЕГО. У МЕНЯ НА НЕГО ДРУГИЕ ПЛАНЫ.

– Да, богиня, – пообещала парящая жрица, не пытаясь скрыть разочарования в своем голосе.

Темнота словно пронзила ее насквозь, и она задохнулась от внезапного страха, боли и экстаза.

Восторг переполнил ее и вознаградил ее за все, сейчас и навсегда...

Когда прикосновение Шар покинуло ее, темноты больше не было, и Врасабра лежала лицом вниз на холодных камнях своего храма в лунном свете.

Она поднялась, кипя от силы, и наступила очередь кольца коленопреклоненных жриц задыхаться.

Кожа жрицы Ночи цвета слоновой кости была безупречна, как и прежде, но ее глаза – два темных колодца, были без зрачков и белков.

Улыбка ее, однако, была так же жестока, как и прежде.

Руины были слишком стары, чтобы иметь имя. Да и не то чтобы им подошло бы какое-то простое и короткое название, ведь они представляли собой не более чем несколько гладких, как масло, потрескавшихся каменных плит вокруг круглого основания давно исчезнувшего столба в папоротниковой глубине лесной поляны.

Девочки называли их просто «Место» и любили там играть – в основном потому, что дядя Эл запрещал, но также и по причине, стоявшей за его запретом: заклинания, произнесенные там, были «дикими перевертышами» и заставляли кожу светиться, как слабый лунный свет, ноги отрывать от земли в легком парении, а

весь холод исчезать – даже в середине зимы. Снег никогда не падал на камни «Места», даже когда вокруг было полно снега.

Сейчас Голубка бездельничала там, в лунном сердце теплой летней ночи, лениво танцуя в воздухе со всей неспешной уверенностью семнадцати лет. Она растрачивала те немногие слабые заклинания, которым научил ее Эл, и наблюдала, как они вырываются из ее пальцев в виде распускающихся цветов, угрей и маленьких струй обжигающего пламени. Искусство пахло дождем, жалящим в ноздри, а кожа покрывалась колючками от его приливов.

– Высвобождение магии в Месте... опасно, – сурово нахмурившись, сказал ее высокий бородатый опекун.

На что Голубка показала ему язык, в направлении его невидимого, далекого присутствия.

Словно в ответ на ее грубость, знакомая фигура осторожно выскользнула из-за деревьев и присоединилась к ней. Она была стройнее ее, и стройнее Эльминстера Аумара, и предпочитала, чтобы ее звали «Шторм».

Длинные распущенные серебряные волосы сестры струились за ее спиной, словно каскад лунного дождя. Она подошла к краю камней, улыбнулась Голубке и весело объявила:

– Андур Марлестур дома.

– Ищет меня? В такое-то время? Дядя уже превратил его в лягушку?

– Нет, потому что он не делает ничего более романтического, чем искренне спрашивает твое мнение о том, какие цветы понравятся его матери на день рождения. Он, конечно, забыл, и...

– Да, это было утром. И что же я отвечаю, учитывая, что меня там нет? Или Эльминстер ищет по лесу, а ты любезно прибежала за мной раньше него?

– Дядя Эл спокойно курит свою трубку и посмеивается над болтовней лорда Марлестура. А ты безжалостно дразнишь его, отчего бедняга Андур запинается больше обычного, и забавляешь дядю до того, что он задыхается от дыма.

– Я что?

– Кажется, я сказала, безжалостно дразнишь его, – ответила Шторм с напускным спокойствием.

Возможно, магия Голубки и была слабее, чем у двух ее младших сестер, но с умом у нее все было в порядке. Ее глаза едва успели сузиться, прежде чем она прошипела:

– Лаэраль! Она снова приняла мою форму, маленькая ведьма!

Она перевернулась в воздухе так неожиданно, что магия Места подбросила ее на расстояние вытянутой руки ближе к старым камням, и добавила сердито:

– Я хочу, чтобы она прекратила делать это!

– Ах, – ответила Шторм, улыбаясь высоко взошедшей луне, – так же как дядя Эл хотел бы, чтобы ты перестала ходить сюда?

– Дядя Эл может засунуть свою трубку туда, где он почувствует ее жар, и засунуть туда конец своей бороды! – злобно прорычала Голубка, вырываясь из волшебного «Места» и ударяя босыми ногами по мертвым листьям и мху под ногами. – У меня есть планы на Андур Марлестура!

Шторм хихикнула и весело сказала в спину удаляющейся старшей сестре:

– Только представь себе. Смею предположить, что и у него есть планы на тебя.

– Маленькая сучка! – рыкнула Голубка, приветствуя ее. Из ее глаз посыпались серебряные искры, пробивающиеся сквозь спутанные волосы, – верный признак ярости. По крайней мере, Голубка, пробивающаяся сквозь деревья, выглядела именно так.

Голубка, на которой не было ничего, кроме рваных и сильно помятых бриджей лесника и пылких юных рук лорда Андур Марлестур, выглядела удивленной и немного встревоженной.

Еще мгновение назад она прикинула губами к губам местного молодого лорда, юная грудь нежно касалась его, но теперь...

Теперь она надеялась, что дядя Эл окажется здесь.

Андур, в свою очередь, смотрел на нее с ужасом и стыдом, размышляя, кого же он держит в руках, если это не его Голубка.

Голос его возлюбленной -- разъяренной Голубки, которая только что прилетела, – раздался в быстром, гневном пении где-то за его плечом, и Андур в страхе отбросил нежную фигуру в своих объятиях и бросился к деревьям, слепо убегая в ночь с несчастным криком.

Ярко-синяя молния пронзила ночь позади него, и Андур с воплем ужаса бросился лицом в кусты.

– Ах ты, сука! Ты, сука, вмешиваешься! – прорычала Голубка, когда ее молния ударила в защиту, которую дядя Эл сплел вокруг Лаэраль, и безвредно разлетелась в стороны. Единственное, что она сделала, – это сорвала с младшей сестры маскировку и открыла истинный облик Лаэраль всему лунному Фаэруну вокруг них.

Лаэраль пожала плечами, развела руками и надулась:

– Я просто немного повеселилась и, добавлю, оказала тебе услугу, показав, чего на самом деле добивается высокий и могучий лорд Марлестур!

Голубка набросилась на нее, подняв руки, чтобы сгрести и цапнуть, но Лаэраль рассмеялась и была уже в другом месте. Если быть точным, она стояла в центре поляны дома в вихре искр заклинания.

– Я прекрасно знаю, чего хочет Андур, Лаэр, и это не объятия с пятнадцатилетним подростком, который за всю свою короткую и извращенную жизнь научился только одному – играть в тупые розыгрыши.

Задышавшись, она взвизгнула и бросилась в лес, где скрылся Андур Марлестур, и загибающиеся ветки заплесали у нее за спиной.

Через мгновение Лаэраль пожала плечами и подошла, чтобы подобрать плащ, который Андур так неуклюже расстегнул и отложил в сторону несколько дыханий назад. Держа его перед собой, она позволила себе одно короткое хихиканье.

– Это было жестоко, Лаэр, – сказал Шторм, стоя у нее за спиной.

Лаэраль обернулась и почти сердито пожала плечами.

– И что? Голубка проводит все свое время, бросая вызов дяде Элу, будучи с ним по-всякому жестокой, а он для нас – все! Наш повар, наша прачка, наша швея, наш дровосек...

Шторм вздохнула.

– Да, мне тоже не нравится, когда мне запрещают что-то делать. А дядя Эл говорит нам не делать так много вещей.

Лаэраль с отвращением покачала головой.

– И так же как Голубка ты попадаешься на его удочку – тут же бросаешься делать эти запрещенные вещи, как он и задумал. При всем своем превосходстве и взрослости, вы обе в большинстве случаев просто тупицы.

Шторм и Лаэраль в ярости столкнулись почти нос к носу в лунном свете, их серебряные локоны колыхались на плечах, как раздраженные змеи. Поэтому ни одна из них не заметила человека, которого они называли своим дядей и который ухмылялся про себя за ближайшим кустом терновника.

Они были бедствием, эти трое, а боги, в конце концов, дали ему только две руки. Но иногда они устраивали восхитительное развлечение. Хотя бедный молодой Андур, наверное, сейчас так не думал...

Темный лес был полон шипов и колючих веток, и не прошло и нескольких минут, как задыхающийся, измученный Андур Марлестур, лорд Тарнвуда, окончательно потерялся.

Заблудившись и испытывая сильную боль: порезы там, где его не кололи, ушибы от стремительных падений с невидимых обрывов на неожиданные камни, Андур стонал, глотал воздух и, пошатываясь, бежал вперед. Что-то грохотало среди деревьев далеко позади него, и от этого холодный страх подступал к горлу, почти душил его. Он должен был выбраться из леса, должен был найти знакомую башню Тарнвуда...

Перед ним в лунном свете показалась открытая местность. К счастью, он пробился вперед сквозь трещащие ветки и чуть не упал на... гладкие камни каких-то старых, исчезнувших руин. Высокая женщина с темными волосами и темными глазами стояла у их основания, обнаженная и прекрасная, ожидая его с холодной и голодной улыбкой.

– Вот ты где, лорд Марлестур, – сказала она, приветственно протягивая руку.

Андур в недоумении уставился на нее, его взгляд привлекли ее улыбка и ее... ее... Она стояла гордо, гладкая кожа цвета слоновой кости сияла в лунном свете и он смотрел на нее.

– Да, – тихо прошептала она, почти смиренно повернув голову в сторону. – То, что я могу дать, ты можешь получить...

Неуклюжие ноги Андур споткнулись, и он, шатаясь, упал на камни, а через мгновение его обхватила рука, мягкая плоть прижалась к нему, и ледяной клык вонзился ему в горло.

Жрица крепко прижала его к себе и он харкал кровью – Всевышняя Шар, сколько крови! – содрогался, бился в судорогах и умирал.

Затем Врасабра Помазанная позволила Пожирателю внутри себя проявиться настолько, что множество ртов выплыли из-под ее плоти и стали сосать. Их длинные языки слизали все следы крови Андур Марлестура, после чего она позволила его телу упасть на камни, где разбушевалась магия, а сама с только что очищенным кинжалом удалилась.

Чтобы не дать Пожирателю разжать челюсти и разрывать на куски, ей потребовались все силы, так что она задыхалась и пошатывалась не меньше Андур, пока возвращалась к деревьям. Но Жрица Ночи обучались быть сильными, а Врасабра была очень хорошей Жрицей Ночи.

Чтобы приманка сработала, тело Андур Марлестура должно быть достаточно целым, чтобы его узнала девица, которая каждый день с ним болталась.

И, клянусь всей Святой Тьмой самой Шар, приманка сработает.

– Андур? Андур!

С ночным зрением у Голубки все было в порядке, и она уже видела смерть. Андур Марлестур был еще теплым, его широко раскрытые глаза изумленно смотрели на луну, рот был приоткрытым и... обескровленным. Но как, за столь короткое время, можно было...

Амбара Голубка, стоя на коленях с мальчиком на руках, которого возможно любила, вдруг увидела рваную полосу на его горле, услышала слабый шелест деревьев вокруг себя... и поняла, кто, если не как.

Слезы превратили лунный свет в множество мерцающих звезд, но сквозь них она видела мужчин с клинками – дюжину, не меньше. С холодными лицами и глазами, одетые в темное они стремительно разделились и окружили ее, образовав кольцо вокруг камней Места.

В порыве сердечной ярости Голубка обрушила на них огонь – или попыталась это сделать. Ее магия конечно же разбушевалась, превратившись в искры, которые разлетелись в насмешливом звоне колокольчиков и безвредно унеслись в деревья, а мужчины в темных одеждах ухмыльнулись, глядя на нее.

Они все еще расходились, каждый мужчина все дальше от другого, и смеялись над ее яростными рыками. Голубка попробовала еще одно заклинание, но оно оказалось еще более слабым, чем первое.

После этого она не могла придумать ничего другого, кроме как наблюдать, как убийцы замыкают свое кольцо. Затем, по резко прозвучавшему приказу – откуда он исходил, она не могла уловить – все они сделали шаг к ней.

Там они остановились, глядя на нее с ухмылками, в которых не было ни капли милосердия.

Голубка сглотнула, поборолла желание запустить в них еще одним заклинанием, которое окажется бесполезным, и заставила себя погрузиться в свой разум... вниз, в

теплое, гудящее, вечно ждущее сияние Плетения. Там она бросила безмолвный клич в сторону невидимого дома:

– Дядя Эл! Шторм! Дядя Эл! Помогите, помогите, или я умру!

С этой мольбой она послала блеск кинжалов, на которые она смотрела и обернула ее звоном настоятельной просьбы, чтобы показать опасность, с которой она столкнулась.

И ждала, дрожа от страха и горя, мертвое лицо Андурра было так близко от нее, надеясь, что люди с кинжалами продолжат ждать – чего бы они ни ждали.

Снова прозвучал резкий приказ, и кольцо сжалось еще на один шаг, ноги в сапогах в унисон ступили на камни, на которых она сидела на коленях.

И тут они снова остановились.

Что-то зашевелилось в глубине души Голубки, чуть не задушив ее, и она не смогла скрыть тревогу. Эта суматоха была не по ее вине, не...

Затем что-то пронеслось сквозь деревья, увлекая за собой вихрь из измельченных листьев, и стремительно полетело прямо на нее.

Словно сокол он пронесся над головами убийц, на кратчайшее мгновение поймал лунный свет, а затем с трудом взлетел в воздух, подхваченный дикой магией Места, и беспомощно рухнул перед ней на камни: запыхавшаяся босая Шторм.

Как будто именно этого и ждали люди с кинжалами, они бросились вперед неистойвой волной темной одежды, сияющих ухмылок и стали.

Лаэраль выгнулась дугой и впилась ногтями в освещенный луной воздух, растеряв свою напыщенность в диком вздохе с вытаращенными глазами, когда мысленный голос Эльминстера врезался в ее голову.

НЕМЕДЛЕННО ОТПРАВЛЯЙСЯ ТУДА, ЧТОБЫ СРАЖАТЬСЯ ЗА ЖИЗНЬ ГОЛУБКИ. МНОГО ЛЮДЕЙ С КИНЖАЛАМИ. ПОРАЗИ ИХ ЗАКЛИНАНИЯМИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ДИКОЙ МАГИИ.

Младшая из трех сестер, находившихся на попечении Эльминстера, пошатнулась и зажмурилась от вспышки боли, заполнившей ее голову. Дядюшкины телепатические слова не были мягкими.

Однако у нее хватило гордости и силы выпрямиться в дерзкой позе, вздохнуть, закатить глаза и спросить:

– Значит, высочайшая и могущественная госпожа твердолюбая Голубка наконец-то вляпалась в нечто неподвластное ей, да? Надеюсь, ты позволил ей помучиться достаточно долго, чтобы она чему-то научилась?

ДА. И НЕТ. ИДИ!

Приказ Эльминстера был мысленным криком, от которого Лаэраль упала на колени. Она закусила губу и беспомощно задрожала на пару вдохов, а потом надулась, выпрямилась и сказала луне над головой:

– В отличие от моей сестры Голубки, я не собираюсь послушаться только ради забавы. Это так по-детски.

Голубка оставила бедного Андурра под стремительными ногами мужчин впереди, развернулась и бросилась в другую сторону. Кинжалы вонзились в нее – она собиралась умереть – она...

Грохот в ее голове перерос в темный, нарастающий гром в теле, сотрясающем в своем неумолимо приближающемся потоке.

Она закричала, или ей показалось, что закричала, когда что-то вырвалось из нее, на мгновение ослепив. Шторм застонала от боли где-то позади нее, затем...

Убийцы прямо перед Голубкой повалились, словно у них подрезали ноги, из их дергающихся ног поднялся темноволосый бородатый человек, который был – да-да – дядей Эльминстером, и деловито вонзил кинжал в шею воина слева от него.

Бешеный рывок Голубки привел к тому, что она врезалась прямо в конвульсирующие тела павших убийц. Они были твердыми, тяжелыми и вонючими, и она заскользила вперед по тому, что могло быть только кровью, и остановилась, окруженная вонью смерти и темной кучей мертвецов.

Кто-то изрыгнул кровь и мучительный стон там, где дядя Эл орудовал своим кинжалом, а затем Голубка услышала, как двое мужчин застонали от боли, почти в унисон, словно в них обоих глубоко вонзилась острая сталь.

Она вскочила на ноги, дико озираясь в поисках оружия, и увидела, как Эльминстер опустился на камни, хватаясь за бок и едва не столкнувшись лбом с воином, делающим то же самое. Они проткнули друг друга!

Другие убийцы также спешили нанести удар дяде Элу...

Над всеми ними пронеслось заклинание, стремительная дуга молнии, которая в мгновение ока превратилась в поток безвредной воды. Кто-то выкрикнул изумленное проклятие, переросшее в вопль боли, когда Шторм рухнула навзничь на усыпанные трупами камни. Ее ладони все еще мерцали после бесполезного заклинания, и она со всей силы ударила ногой в промежность убийце.

Один из нападавших на дядю Эля повернул голову, чтобы посмотреть, что делает Шторм, и это дало Голубке достаточно времени, чтобы увидеть и схватить упавший кинжал. Другой убийца наклонился вперед, чтобы злобно нанести ей удар, и с легкостью рассек ей плечо.

Разрубленные остатки легкого платья Голубки спали до пояса, и она в отчаянии покатилась прочь. Она продолжала катиться, расстегивая застёжки своего пояса и снова поднимаясь, чтобы отбить кинжал убийцы в сторону, а затем ударила его по лицу кожаным корсетом.

Он вслепую нанес ей ответный удар, она поймала его руку с кинжалом и снова бросилась на камни, сильно извиваясь.

Он закричал, сломав кости, и выпустил свое стальное оружие.

Голубка схватила его и покатилась, по ходу избавляясь от остатков платья, запутавшихся на ее шее. Потребовалось всего мгновение, чтобы сорвать его и с размаху запустить в лицо другому убийце, а затем перерезать ему горло, как это сделали Андурра.

Горячая кровь брызнула на ее голое тело, и Голубка зашипела от отвращения, отпрянув в сторону, чтобы встретиться взглядом с человеком, которого она обезоружила. На мгновение он уставился на ее обнаженное тело, когда лунный свет поймал ее изгибы, и она бросилась к его лодыжкам.

Когда он выругался и тяжело рухнул на землю, она нанесла удар – еще более сильный.

Фонтаном хлынула кровь, но, к счастью, он упал и пролетел мимо нее, забрызгав кого-то еще.

Ночь вспыхнула жутким сине-белым огнем позади Голубки, и несколько мужчин в тревоге выругались.

Она оглянулась и увидела, как Эльминстер, шатаясь, поднимается на ноги. Лицо его исказилось от боли, а то, что должно было быть кровью, вытекало меж пальцев в виде бело-голубых капающих языков пламени. Эфес кинжала, у которого больше не было лезвия, отлетел от него и со звоном упал на камни.

Затем ночь разразилась настоящая молния, дополненная торжествующим смехом Лаэраль. На ее фоне Голубка увидела, как убийцы отлетели от камней, дергаясь в конвульсиях и судорожно взмахивая конечностями.

Молнии рассыпались сетью, подпрыгивая и перескакивая, куда бы они ни попали, – но там, где они ударялись о пылающую кровь Эльминстера, сети снова превращались в молнию, опалая по крайней мере одного убийцу до тех пор, пока из его испепеляющих глаз не повалили клубы дыма, и он упал, задыхаясь от дыма.

Голубка споткнулась о кого-то, увидела другого, нависшего над отчаянно сражающейся Шторм, и бросилась на него, нанося удар своим платьем и поясом. Мужчина уклонился, отбив ударом обе одежды, и Голубка бросилась вниз, обхватив его ноги.

Пытаясь удержаться на ногах дико размахивая руками, он начал падать, и она ударила его своим кинжалом. С торжествующим воем он вырвался и упал на украденный кинжал, который мрачно улыбающаяся Шторм держала наготове. Кинжал с темным бульканьем проткнул горло мужчины, и он едва успел неверяще уставиться на луну, прежде чем его широко раскрытые глаза застыли, а изрыгающий проклятия рот закрылся.

Шторм застонала под ним, прижатая и бездыханная, и Голубка наклонилась, чтобы освободить ее.

– Уходите, бесполезные глупцы, – раздался резкий приказ, и на этот раз Голубка услышала достаточно резкий голос, чтобы понять, что он принадлежит женщине. Голос исходил от высокой женщины с темными волосами и темными глазами, которая босиком выходила из-за деревьев. Свободный плащ развевался вокруг ее конечностей цвета слоновой кости, а темная маска не могла скрыть ее улыбку.

Двумя скользящими шагами женщина подошла к краю камней, когда убийцы, словно торопливые тени, скрылись в лесу. Плащ был сброшен, маска последовала за ним, и из открывшегося тела цвета слоновой кости хлынула непроглядная тьма, поглощая лунный свет.

Деревья, луна и даже усыпанные трупами камни Места исчезли в этом стремительно распространяющемся мраке, но в образовавшейся пустоте Голубка обнаружила, что все еще может видеть некоторые вещи.

Вернее, некоторых людей. Дядя Эл лежал, скрючившись от боли, его кожа светилась тусклым светом, а яркий сине-белый огонь вытекал из него ручьями и собирался вокруг него.

Кожа Шторм тоже была бледной, как и кожа Голубки, сине-белое пламя пульсировало в порезах и ранах на них обоих.

От стоящей перед ними стройной женщины исходило такое же лунно-белое сияние, но ее кожа двигалась, выпячивалась то тут, то там, словно под ней перемещались зажатые кулаки, и темнела там, где это происходило. Темнела и превращалась в длинные, жестокие черные когти и узкие усыпанные зубами челюсти.

– Узрите, – промурлыкала женщина, – Темные когти Пожирателя.

Она скользнула вперед, перестав быть стройной, и протянула небольшой лес похожих на угрей шеек, заканчивающейся челюстями, похожих на раковину моллюска с извивающимися щупальцами и мягкой жестокой улыбкой.

– Священным именем Шара я подкреплюсь, – спокойно объявила она, опускаясь на колени над мертвым убийцей и корчащимся, все еще прижатым к земле Шторм под ним. – Я, Врасабра Помазанница, Жрица Ночи.

Откуда-то из-за спины жрицы раздалась короткая вспышка магии, но она перешла в странную музыку, за которой последовало отвратительное проклятие Лаэраль.

Врасабра улыбнулась.

– Удобное место, это место дикой магии. И уместно, чтобы существа Мистры погибли из-за ее беспечности.

Когти почти нежно потянулись вперед, чтобы отбросить мертвого убийцу и достать...

Эльминстер выкрикнул отчаянное заклинание, и ночь вскипела.

Кровь хлынула из него во все стороны в сине-белом тумане. Сами камни Места содрогнулись, а затем высокий, стройный волшебник вдруг повис в воздухе, и из него выросли огромные белые крылья.

Три, четыре – Голубка в ужасе смотрела, как из недоуменной головы дяди Эла прорастает позвоночник и обрастает перьями, белые крылья мчались по его длине с необыкновенной скоростью. Он застонал, зарыдал и бросился вперед в хаосе невольных ударов крыльев, вращаясь, как перекасти-поле.

Врасабра Помазанная зашипела и отступила назад, когти и челюсти собрались перед ней в угрожающую стену.

Эльминстер ничего с ней не сделал, вместо этого он подхватил Шторм, по которой текла сине-белая огненная кровь, на руки и, шипя от боли, отступил в ночь.

– Слезь с камней! – закричал он Голубке, тяжело ударившись о землю, и бросился вперед – или попытался сделать это. В хаосе переломанных крыльев он выронил Шторм на землю при неуклюжем столкновении, заставив жрицу Шар весело вскрикнуть и наброситься на него.

Затем ночь озарилась белым потоком, от которого заслезились глаза, и все ошарашенно уставились на Лаэраль, стоявшей в одних лишь рваных и сильно залатанных бриджах лесника и с холодной усмешкой.

– Слишком далеко, Жрица Шар, – сказала она с триумфом, ее глаза загорелись как два серебряных пламени. – Теперь поцелуй Плетения.

Сам воздух гулко разорвался, когда магический огонь рассек кости и когти, швырнув визжащую Врасабру Жрицу Шар головой вперед через все Место. Камень засверкал и потяжелел там, где его коснулся огонь, но жрицу не задержал, и она врезалась в кусты на дальнем краю руин, оставляя за собой дым.

Голубка повернулась, подхватила упавший кинжал и бросилась к женщине – но позади нее ликующий крик Лаэраль перерос в режущий уши вопль, который продолжался, и продолжался, и...

Вырвалась вспышка и залила все вокруг, унося Голубку далеко-далеко.

Проплывая сквозь мерцающие волны слез, луна висела безмолвно и безмятежно, без слов сообщая Голубке, что прошло не так уж много времени.

Она села – или попыталась, но каким-то образом оказалась лицом вниз.

Она попыталась снова, но ночь закружилась вокруг нее, а затем отступила, снова оставив ее на спине.

Осторожно перевернувшись, она увидела, что поляна залита мягким синеватым свечением. Сам воздух сиял.

Это сияние, казалось, было связано с распростертым телом Лаэраль, которая бесчувственно лежала на спине и смотрела в никуда.

Между Лаэраль и пошатывающейся жрицей Шар – на ее обнаженном теле виднелись десятки хромых, безжизненных челюстей и когтей, хотя несколько из них все еще голодно извивались и щелкали – лежала выжженная площадка, на которой больше не было древних камней.

Места больше не было.

Плиты и основание столба исчезли, унесенные в какие-то иные миры, которые, казалось, забрали половину крыльев дяди Эла – они были отрублены по прямой линии, словно срезанные мечом. Остались только их основания, растущие из... распростертого, неподвижного тела терпеливого человека, воспитавшего Голубку и ее сестер.

Обгоревшая и ошеломленная Шторм бесцельно бродила среди деревьев и растоптанных кустов позади Эльминстера, где лежало то, что когда-то было Андуром Марлестуром. Несколько кинжалов и отрубленных рук и кистей также были разбросаны вокруг, но большинство мертвых воинов исчезли вместе с камнями, на которых они лежали.

– Оххх, – вздохнула Жрица Шар, вцепившись когтями в дерево, пока не оказалась в более-менее вертикальном положении, – это было заклинание. Здесь больше нет дикой магии. Исчезла, совсем исчезла. – Она попыталась улыбнуться и обнаружила между подергиваниями, что ей удастся держаться.

– Ни один из вас не будет достаточно силен, чтобы противостоять Пожирателю.

Врасабра Помазанница отпустила дерево и неуверенно направилась сквозь сияние к Шторм, один раз чуть не упав.

Она уже почти настигла свою бормочущую и пошатывающуюся жертву, когда под ее ногами зашевелилось тело Андур Марлестура, подставив ей подножку, и она упала навзничь.

Жрица Шар с рычанием поднялась и повернулась, чтобы встретить своего нового врага, а к тому времени мертвый юный лорд уже стоял на ногах, его голова безжизненно болталась, а глаза ни на что не смотрели.

– Нежить не появляется так быстро! – прорычала жрица в недоумении, отступая назад и шипя слова заклинания, которое должно было наложить ее волю на ходячий труп.

Останки лорда Тарнвуда вежливо сложили руки и ждали, пока она закончит, но как только она это сделала, бескровное тело, пошатываясь, бросилось вперед, чтобы обхватить ее.

– Поцелуй богини! – с отвращением произнесла Врасабра, отталкивая от себя это ходячее существо.

Голубка почувствовала, как в ней поднимается новая волна горя, когда она увидела, как ее Андур, пошатываясь, идет вперед, пытаясь помочь ей в последний раз.

Он не мог быть жив, просто не мог! Она тряхнула головой сквозь новые слезы, нашла один кинжал, потом другой и бросилась на Жрицу Ночи.

Та увидела ее и с рычанием развернулась, выставив когти...

И тогда Шторм, также шатаясь и неуверенно шагая вперед, словно кто-то толкал ее и одновременно держал, налетела на жрицу с одной стороны, а с другой в нее врезался бедный мертвый Андур.

Зажатая между ними, Врасабра упала единственным доступным ей способом: с беспомощным криком она упала вперед на поджидающие клинки Голубки.

Когти и кости заскрежетали в коротком исступлении, в результате которого Голубка застонала от боли, но Андур встал между ней и рычащей жрицей, стоя как щит. Когда агония отступила от Голубки, вместо нее она набросилась на него.

Прикусив губу от все еще мучительной боли, Голубка обняла своего мертвого возлюбленного и снова и снова вонзала кинжалы в то, чего больше не могла видеть.

Через некоторое время жрица издала тихий вздох, и клинки Голубки нашли только воздух.

Она выронила их, пошатнулась и попыталась упасть, но руки Андур отыскали и подхватили ее, сильные и нежные... и холодные.

Слезы ослепили ее и хлынули, как водопад. Холодно, так холодно...

Свет на ее лице был теплым и золотистым. Солнечный свет – полуденный солнечный свет. Голубка устало открыла глаза, напрягаясь от боли.

Но боли не было.

Как такое может быть? Она лежала на спине, обнаженная, но укрытая собственным одеялом. Снаружи?

Кто-то тихонько фыркнул рядом с ней – признак пробуждения, который показался ей знакомым.

Голубка повернула голову. Сонная Шторм потягивалась, как кошка. Лаэраль спала рядом с ней, в том же луче солнечного света. Все они лежали на поросшим мхом берегу возле дома, под своими одеялами, и длинная, знакомая тень лежала на одеяле Шторм.

Ее источник сидел на своем любимом пне и наблюдал за ними, на его лице играла грустная улыбка.

– Андур? – тихо спросила Голубка у дяди Эльминстера.

– Похоронен с честью. Его тело хорошо послужило мне, на то короткое время, когда оно было мне нужно.

Она закрыла глаза, глубоко вздохнула и кивнула.

Эльминстер дал ей помолчать, пока она не была готова спросить что-то еще.

– Жрица Шар?

– Мертва и увезена далеко отсюда. Мать Тайн была не слишком довольна.

– Что случилось с Местом? – тихо спросила Шторм.

– Сметено заклинанием Лаэраль – и дикая магия, и все следы камней. – В голосе дяди Эла прозвучало восхищение.

Голубка вздохнула и откинула одеяло, чтобы посмотреть на себя. Как она и ожидала, от кровавых ран, которые должны были остаться, не осталось и следа.

– Ты исцелил нас, да и себя тоже. Плетение?

– Плетение, – спокойно подтвердил Эльминстер.

– Неужели... неужели так будет всегда? – спросила Шторм. – С помощью правильной магии ты можешь все исправить?

Дядя Эл посмотрел на нее долгим, ровным взглядом.

– Большинство порезов и тому подобного я могу излечить, шрамы и все такое. – Он поднял руку и прикоснулся ко лбу. – Здесь, наверху, шрамы гораздо труднее убрать. Так что не ищи себе проблем больше, чем хочешь принять.

Голубка увидела, как дрогнули веки Лаэраль, и поняла, что она очнулась и лежит, прислушиваясь.

– Значит, мой Андур ушел, – сказала она, сумев произнести эти слова без дрожи, – а мы все перепугались и, кроме того, испытали сильную боль. А ты позволяешь нам драться друг с другом и попадать в такие переделки и ничего не делаешь, чтобы остановить нас, хотя ты мог бы кричать у нас в головах и даже подчинить наш разум и заставить нас ходить, действовать и говорить так, как ты хочешь.

Она села, посмотрела на обеих сестер, потом снова на Эльминстера и добавила:

– Мы были для тебя настоящими маленькими сучками, снова и снова – и ты позволял нам это. Почему? Разве Мистра так приказала тебе?

– Нет, – ответил волшебник. – Так же, как я стараюсь не командовать вами тремя.

– Даже когда мы ввязываемся в неприятности?

– Да. Жизнь – это обучение, девочка, или это вообще не жизнь, а просто существование. И лучше всего усваиваются те уроки, которые ты усваиваешь сам, и усваиваются они труднее всего.

– Но тебя чуть не убили, – внезапно сказала Лаэраль, усаживаясь так, чтобы взглянуть на него яркими глазами. – Я почувствовала это, когда...

– Когда Мистра направила в тебя всю силу Плетения. Я был почти готов, да.

– Но почему? Ты сделал что-то... глупое?

– Несколько вещей. Видишь ли, малышка, я еще усвоил слишком мало уроков.

– И Мистра доверяет тебе воспитывать и обучать нас?

– Полагаю, вы трое пользуетесь ее полным доверием.

– Что?

– Это вряд ли изысканный вопрос, не так ли? Подбери слова еще раз.

Лаэраль поджала губы, сморщила нос, затем недовольно сказала:

– Прошу прощения, добрый дядя, но неужели мои уши меня предали? Я почти уверена, что слышала, как ты сказал, что мы, три сестры, пользуемся полным доверием богини.

– Да, это так.

– И в чем именно она уверена, что мы можем сделать?

Эльминстер язвительно улыбнулся.

– Ну, конечно же, научить меня необходимым урокам.

Шепчущая корона

Молодая Леди Дасклея в одиночестве стояла в зале для празднеств, в последних золотистых отблесках заходящего солнца, и ждала смерти.

Дасклея и Великий Тентор находились в состоянии войны всего лишь день – но битва между Аэриндель и Раммастом, Лордом Великого Тентора, началась, когда они оба ещё были детьми. Он хотел её себе – в качестве рабыни и игрушки – уже больше двенадцати лет, а Раммаст был не из тех мужчин, что привыкли ждать долго.

Он придёт за ней, и скоро. Аэриндель задумалась, хватит ли ей сил удержаться за те три столпа, что она ценила превыше всего: свою свободу, свою землю... и свою жизнь.

Зная, что грядёт, она отослала слуг – но при этом понимала, что за ней из-за приоткрытых занавесок и не до конца запертых дверей с беспокойством наблюдают глаза. Глаза тех, кто боялся, что она решит забрать собственную жизнь.

Новость о смерти её брата тяжёлым покровом опустилась на дворец – но большая часть веса легла на Леди Аэриндель. Она до сих пор не могла поверить, что больше никогда не услышит, как эхо его звонкого смеха отражается от высоких стен этого зала, и никогда не ощутит, как его сильные руки хватают её за тонкую талию и крутят затем над головой.

Но новости были прямыми и ясными. Дабрас погиб от драконьего огня, сказали мрачные ветераны, протянув полурасплавленную рукоять меча и показывая собственные ожоги в подтверждение. Так она стала правительницей Дасклея.

Хотя и небольшой по размерам, Дасклея когда-то был широко известен – и внушал страх – благодаря человеку, стоявшему во главе, магу Табрасу Грозовому Посоху. И этот человек со слабой улыбкой и печальным взглядом был отцом Аэриндель. Он был самым сильным из всей длинной родословной знаменитых правителей дома Саммертин, начиная с Орбрара Старого, деда Аэриндель, которого та ни разу не видела, и заканчивая Аскласом, Орнторном и другими личностями из давно минувших дней, известными лишь по легендам. Маленькое, но гордое княжество, старейшее во всём Эсмелтаране, Дасклея расположился на поросших лесами холмах между озером Эмель и Облачными Вершинами. Теперь оно принадлежало ей.

Если она сможет им управлять. Аэриндель угрюмо выглянула в окно, по высоте бывшее в семь раз больше неё, на озеро, чьё имя и носила эта страна. На исходе ясного и прохладного летнего дня его воды выглядели тёмными и безмятежными. Зелёные Луга дальше к северу всё ещё казались полотнищем золотого света, но западнее сиреневые пики Гребня возвышались подобно стене, насылая ранний ночной сумрак на её землю.

Наступала ночь, в которую, несомненно, явится Раммаст. Дасклея был маленьким, но зеленеющим, и, возможно, наипрекраснейшим из государств во всём Эсмелтаране. Раммаст хотел его себе даже больше, чем его хозяйку.

Аэриндель посмотрела на оплавленный обломок – всё, что ей осталось от дорогого брата – и горестно и глубоко вздохнула. Больше плакать она не будет, что бы там будущее не готовило. Ведь она происходила из рода Саммертин, пусть даже её тонкие руки были слишком хрупкими для размахивания мечом.

Её магия могла сослужить службу там, где не справился его клинок – хотя она надеялась, что никогда не будет настолько глупа и кровожадна, чтобы отправиться в дальние Долины охотиться за драконами, как сделал её брат. Там это был Год 902, отсутствующе подумала она, вспомнив слова путешествующего торговца... но и там, и здесь, этот год стал Годом Слёз Королевы.

Какое подходящее название. Две ночи назад она рыдала часами, цепляясь за обожжённых воинов, словно их невесёлые воспоминания и неловкие утешения могли как-то вернуть Дабраса к жизни... рыдала, пока не истощилась полностью и не уснула прямо на их руках.

На следующий день – вчера – уже в кровати её разбудила напуганная горничная, доставившая ох-какое-вежливое послание от Раммаста.

Он сожалеет о её потере, гласили слащавые слова, и надеется стать опорой в час нужды. Мир становится всё более тёмным и опасным местом, и никто в Фаэруне не сможет остаться в безопасности, оставаясь один, без друзей.

Дасклея нуждается в надёжных мечах, могущих защитить его от разбойников и горных орков, следовали слова Раммаста – а Великий Тентор нуждается в её магии, равно как его сердце – в её руке. Мудрая женщина увидит, что союз этих двух государств откроет перед ними дорогу к светлому будущему; но если ей не хватает прозорливости или решимости, он знает свой долг. Его народу нужна защита

волшебницы, и потому он должен победить её в поединке, если она не хочет пойти добровольно. Когда солнце сядет в следующий раз, он придёт за ответом.

Аэриндель понатребовалась вся её хрупкая сила воли, чтобы не растоптать и не разорвать пергамент в порыве полной ужаса ярости. С течением прошедших лет потёмному привлекательный, жестокий Раммаст нравился ей всё меньше и меньше.

В те блёклые, скучные, слишком часто такие тихие дни её молодости, Лорд стал первым человеком, в чьём брошенном на неё взгляде таился голод. Позднее, он стал первым, кто увидел, что несмотря на то, что она унаследовала кольца, посох и книги заклинаний могучего Табраса, её магия представляла собой лишь тихое, робкое эхо его умений... и что у Дасклея, так долго находившегося под защитой его силы, было намного меньше закалённых бойцов, готовых к обороне, нежели у соседствующих княжеств.

Как-то раз, на проходившей в Хулдуге свадьбе, он оказался особенно настойчив в проявлении своего внимания во время уединённой прогулки по саду. Вырвавшись из его хватки, Аэриндель дала понять о своих собственных чувствах к нему холодно и кристально доходчиво. Невозмутимый Раммаст одарил её быстрой, коварной улыбкой, которую он использовал, когда над кем-то злорадствовал, и мягко пообещал, что однажды Дасклея будет принадлежать ему, и она вместе с ним – в роли куклы, жаждущей рьяно служить ему – когда его магия обретёт контроль над её разумом.

И сейчас, последние насмешливые строки письма открывали, что его сила, к сожалению, остаётся недостаточной для защиты Великого Тентора от внешних врагов, но зато он в некоторой степени научился... контролировать. Раммаст надеялся, что она помнит, и тепло приветствовал свою будущую невесту.

Аэриндель ничего не слышала о потугах Раммаста в изучении Искусства с тех пор, как он унаследовал Великий Тентор – если не считать нескольких слухов о призванных и затем обезумевших чудовищах, и найме магов-ренегатов в качестве наставников, затем таинственно исчезавших. Однако напоминание о желании видеть её в роли управляемой рабыни было достаточно явным. Его уверенность означала, что он знает пределы её магии, как знает и то, что из них двоих он сильнее.

Вернувшись мыслями к текущему положению дел, Аэриндель облизала высохшие губы и вновь взглянула на флагшток, один из двух, установленных по бокам окна. Жердь для флага на самом деле была посохом её отца. Несомненно, скоро он ей понадобится.

Ей понадобится посох... и серьёзная магическая поддержка, или союзник, которых она не знала, где отыскать и что предложить за помощь. Чем она может заплатить? Она сама, да её земля – вот всё, что у неё было... и чего хотел Раммаст. Она не видела способа не потерять что-то из этого – или всё сразу – до рассвета.

Ночь быстро опускалась на землю, последние отражения солнца сходили со спокойных вод озера.

А потом, внезапно, Леди увидела его – одинокую, тёмную фигуру, уверенно идущую через озеро к ней; идущую по воде, как по просторному двору. Лорд потратил заклятье на то, чтобы показать, насколько он могущественен – достаточно, чтобы позволить себе раскидываться заклинаниями до начала дуэли.

Аэриндель медленно развернулась, зашуршав обернувшимся вокруг бёдер тёмным платьем, и походя задумалась, почему она одета в лучший наряд, если встречает самого своего ненавистного врага. Оглядев зал, она спокойно обратилась к невидимым наблюдателям, повысив голос:

- Уходите, вы все. Опасность приближается быстро.

Женщина повернулась обратно к окну – как раз вовремя, чтобы увидеть, как Раммаст Тарангар широко улыбается в сардоническом приветствии, подавшись к ней и подняв руку.

Яркая вспышка, сорвавшаяся с неё, расколола высокое окно снизу доверху, послав звенящее стеклянное крошево внутрь дождём осколков радуги.

Леди Дасклея не дрогнула.

- Странный человек, - отметила Аэриндель, и её голос был ровнее, чем должен был быть, - чьи ухаживания приняли форму сражения.

Раммаст шагнул через пустую оконную раму в комнату; на его плечах слабо трепетали крошечные искорки охранных чар. Когда ответного удара не последовало, он обвёл взглядом помещение, ожидая увидеть солдат с оружием наготове. Никого не обнаружив, он улыбнулся женщине ещё шире, и начал приближаться, развязно вышагивая по плиткам пола.

- Ты всё такая же красивая, как и всегда, моя леди, - сказал он, всё ещё улыбаясь, - а твой язычок всё такой же острый и жестокий, каким я его помню. Но и его можно усмирить, Аэриндель.

- А, но что насчёт запросов, их тоже можно усмирить, Лорд Раммаст? Я не «твоя леди», не сейчас – и никогда. И всё же я не вижу надобности в отказе от союза с Великим Тентором. Оба наших государства могут дружить без нашей свадьбы... или принятия мной того положения, что ты предложил.

Глаза Раммаста прожигали её.

- Но я верю, что тебе понравится быть моей рабыней. Увидишь, я самый нежный и внимательный из мужчин – до тех пор, пока у меня не появятся два сильных сына, два наследника, - он пожал плечами. – К тому времени, конечно, ты можешь устать быть моей супругой, быть Леди Дасклея, или даже – кто знает? – устать от самой жизни.

Оба соперника услышали сердитый выдох за гобеленом, когда один из воинов, отказавшихся покинуть свою госпожу, не смог справиться с охватившим его гневом. Раммаст обыденным жестом поднял руку и отправил в ту сторону разряд потрескивающей молнии. В двух местах вдоль длинной череды шпалер, проявились застывшие силуэты, скользнули по изнанке тяжёлой ткани и затихли на полу.

Лорд Великого Тентора поднял бровь.

- Я опоздал, Леди? У тебя уже есть мужья?

Аэриндель прикусила губу, дрожа от горя и ярости, пока, наконец, не смогла подобрать слова. Мужчина ждал, насмешливо ухмыляясь; она открыла рот и осторожно произнесла:

- Здесь, в Дасклеяке, есть законы против убийц, Лорд Раммаст – и ты сейчас их нарушил. Хочешь сдать на милость моего правосудия, или это война?

Раммаст поднял другую бровь.

- Ты мне угрожаешь?

Тём же лёгким движением он бросил ещё одну молнию, обуглившую гобелены и картины, вдоль другой стороны зала.

- Или просто хочешь увидеть меня на коленях?

- Не сомневаюсь, что в этой позе ты очень часто представлял меня, - мрачно ответила Аэриндель, подняв руки и приготовившись плести ответное заклинание.

Раммаст улыбнулся ещё шире и, вежливо поклонившись, жестом призвал выплеснуть её магию на себя.

- А я всё спрашивал себя, как долго ты будешь отнекиваться и увиливать, прежде чем обрушить на меня частицу той ужасающей мощи, о которой мы все в Эсмеральтане говорим! Давай же, светлая леди!

Скрестив руки на груди, правитель Великого Тентора ждал.

Ответом ему стали ревущие вихри зелёного пламени, зародившиеся из воздуха вокруг изящных пальцев женщины; они полетели во врага, вращаясь и расширяясь.

Раммаст стоял, не шевелясь, когда они достигли до него и взорвались – долю секунды Аэриндель надеялась увидеть, как затухающие вспышки вонзятся в него. Но затем лорд-маг зевнул и снова шагнул вперёд.

- Не сказал бы, что ты не заслужила свою славу, - беззаботно отметил он, а его голос был полон скуки и пренебрежения. – Впечатляюще. Очень впечатляюще, - и он открыл ладонь.

Что-то маленькое вспорхнуло с неё – крылатый змей. Существо повертело головой, пока Аэриндель быстро читала ещё одно заклятье, а затем полетело к ней.

Ветвистая молния ударила в Раммаста. Два потрескивающих разряда свернули в сторону, встречая летящее создание, но рассыпались короткими вспышками, ударившись о какой-то щит, окружавший змея.

Лорд Великого Тентора стоял неподвижно, по-прежнему улыбаясь, даже когда молния достигла его. Аэриндель увидела, что змея пикирует, и пригнулась – но тварь следовала за ней, сверкая глазами и выставив клыки. Покрытая слизью, она блестела и пестрела, словно сырая сосиска.

Отступая, женщина быстро возвела свой магический щит – но сам воздух рассыпался стонами и яркими искрами, когда летающее существо сходу прорвалось сквозь защиту.

Аэриндель закрыла лицо, когда змей с клёкотом бросился вниз – ответом на её крик стал щелчок арбалета; кто-то выстрелил с одного из балконов.

Леди Дасклея перекатилась, отбиваясь от змея. Мельком она увидела, как арбалетный болт застыл в воздухе над головой, загорелся синим пламенем, однако, не уничтожившим его, затем развернулся и улетел туда, откуда появился.

За мгновение до удара раздался полный отчаяния крик, и вот голубое пламя бросилось вперёд яркой вспышкой, подсветившей кости стрелка - прежде чем разбросать их, очищенные от мяса и слабо светящиеся, по всему залу.

Аэриндель почувствовала, как болезненно натянулась кожа её головы. Что-то тянуло её за волосы - о боги, нет!

Раммаст улыбался, глядя на неё сверху вниз:

- Оно пожирает твои волосы, Леди... и взгляни - ты пачкаешь своё лучшее платье, катаясь вот так по земле. Покажи немного гордости, встань хотя бы на колени. Моя зверушка позаботится об одежде, после того, как закончит очищать

скальп. А ведь ещё ты носишь обувь, не правда ли? Пройдёт довольно много времени, прежде чем она доберётся до ресниц.

Аэриндель кричала, отчаянно барахтаясь и пытаясь сбросить существо. Оно оставляло влажный, склизкий след в волосах, продолжая кусать и терзать, как будто женщина ничего и не делала против этого – даже когда вытащила кинжал и несколько раз ударила тварь. Это было творение магии, неуязвимое для её стали.

Раммаст покровительственно улыбнулся ей, а затем прошёлся по залу, придирчиво рассматривая гобелены и статуи.

- А вкус у твоего отца не такой отвратительный, как я слышал, - признал он нехотя, игнорируя всхлипывания Аэриндель.

Женщина яростно вскочила на ноги, накладывая на себя очищающее заклинание.

- Убирайся из моего дома! - зарычала она, наконец почувствовав, как терзающая змея обратилась в ничто. - Хладнокровный мерзавец! Я...

Раммаст развернулся, встречая её пылающий взгляд, покачал головой, разочарованно вздохнув, и снова раскрыл ладонь. С руки поднялась ещё одна змея - услышав крик отчаяния, он лишь довольно усмехнулся, и неторопливо побрёл к ней.

- Возможно сначала платье, потом волосы, - предположил он. - Подозреваю, ты будешь лучше всех этих весьма кривых дам на постаментах, которых собрал твой отец. Твоя мать была настолько уродлива, или у него просто странные предпочтения?

Сквозь слезы незамутнённой ненависти, Аэриндель метнула своё последнее боевое заклятье, направив голодное, пожирающее плоть сиреневое облако в его направлении.

- Ооо, - одобрительно отозвался Раммаст, - бог ты мой.

И исчез, оставив её заклинание без добычи. Туман покатился над озером, тщетно пытаясь отыскать что-нибудь, что можно убить.

Неожиданно Лорд Великого Тентора оказался рядом со своей жертвой, и на его лице заиграла насмешливая улыбка, когда второй змей промелькнул над плечом женщины, вцепившись клыками в тунику.

Аэриндель закричала.

- На колени, Леди, - вежливо напомнил Раммаст. – Вы не забыли?

Мужчина махнул рукой, и она почувствовала, как её прижимает к земле невидимая сила. Хрипя, она прочитала последнее заклинание рассеивания, избавившись от давления, вместе с острозубой змеей.

Лорд улыбнулся ещё шире, и вновь раскрыл ладонь. И ещё одна крылатая тварь захлопала на ней крыльями, разглядывая правительницу полными возбуждённого блеска глазами.

- Ну, может, одну ресничку, - спокойно сказал её враг, - чтобы ты обо мне помнила.

И как только змей сорвался с его руки, Аэриндель поняла, что у неё больше не осталось заклинаний. Защищая глаза, из которых текли слёзы злости и отчаяния, она прорычала слово.

На стене рядом с разбитым окном, сверкнув, ожил Грозовой Посох – и молнии устремились вперёд, точно щупальца, захватив захватчика из Тентора и подняв его в воздух.

Даже пытаясь освободиться от хватки бушующей энергии, борясь с белым огнём, прорывающимся под кожу, Раммаст улыбался.

- Так вот насколько жалки твои заклинания... А ещё и слово для пробуждения отцовского посоха. Благодарю, Аэриндель. Ты очень мне помогла – пусть и оказалась намного слабее, чем я думал. Не стоит утруждаться и пытаться лишить себя жизни; я просто верну тебя из мёртвых и все равно заставлю служить.

Молнии начали разрывать его, но лорд Великого Тентора не выказывал признаков боли, только добавил:

- Можешь поправить причёску и сменить платье. Я вернусь за тобой.

И тогда, послав напоследок самодовольную ухмылку, его ненастоящее тело растворилось, не оставив ничего, что могли бы растерзать молнии.

Леди Дасклейка перенаправила поток магии на озеро, прежде чем залу или кому-нибудь из её народа окажется причинён ущерб, а потом упала на колени и долго плакала посреди разгромленной комнаты.

Когда слёзы кончились, Аэриндель затихла, растянувшись на полу во весь рост. Лёжа на гладком камне, прижавшись щекой к холодному и жёсткому полу, она пробормотала слова, которые должны были призвать к ней Грозовой Посох, дать рукам ощутить его успокаивающую поверхность.

Оружие подлетело к ней, и женщина крепко обхватила его, как тонущий моряк цепляется за обломки, а потом провалилась в призрачную тьму...

- Л-Леди? Леди Аэриндель? – осторожно позвала одна из горничных.

Женщина, свернувшаяся точно ребёнок, пошевелила головой и что-то пробормотала.

- Леди Аэриндель? Гран-Леди... вы в порядке?

Неожиданно фигура с взлохмаченными волосами и в потрёпанном платье села прямо и уставилась на луну. Посох издал звон и забился в её руках.

Аэриндель закричала от бессилия. Раммаст, должно быть, позвал его издалека!

Это было её последнее оружие... последняя надежда. Посох снова застонал и врезался в онемевшие пальцы, и Аэриндель поднялась на ноги с очередным диким криком, обернувшись телом вокруг него.

Она стояла, задыхаясь, в безучастном лунном свете, обводя взглядом разрушенное помещение и думая, что же ещё она могла предпринять против безжалостного Лорда Великого Тентора. Посох вновь закричал, зарычал у её груди, и Аэриндель иступлённо зарычала в ответ.

В короткое мгновение следовавшей тишины женщина слышала испуганные рыдания убегающей служанки, эхом отдающиеся в одном из ведущих на кухню коридоров, и вздохнула, глубоко и до дрожи.

Она сражалась, но враг презрительно легко превзошёл её. У неё не осталось скрытых козырей или тайных чар; она обречена – и Дасклеяк вместе с ней.

Как сказал однажды взволнованному Дабрасу её отец, глядя с обдуваемой ветром вершины горы Глиммердаун вниз, на поле сражения: «Всё кончено, осталось лишь молиться»

Лишь молиться...

Что ж, а что ещё она могла сделать?

Аэриндель заткнула Грозовой Посох за пояс и помчалась прочь из зала, пробираясь тёмными коридорами замка к одной пыльной и заброшенной лестнице. Многие факелы не горели, и нигде не было видно ни стражников, ни слуг. Они все сбежали? Или их сгубила тёмная магия Раммаста?

Но об их судьбе следовало волноваться позже. Сейчас, в сгущающейся тьме за кладовыми, нужно было найти спуск в семейную крипту.

В конце концов, хоть правительница и боялась его разбудить, Аэриндель всё же пришлось использовать Грозовой Посох, чтобы призвать источник слабого света – или сломать шею, упав со ступеней ведущей к воротам лестницы – к воротам, украшенным символом Саммертинов, расщеплённым дубом.

Посох её отца издал странный, приглушённый звук – будто множество голосов повторяли бесконечный припев без слов. Но он подчинился, не пытаясь вырваться, как тогда в зале для пиршеств. Возможно, чары Раммаста не могли достичь его здесь, внизу.

Ключа у Аэриндель не было, но в ней текла кровь рода Саммертинов – прокусив кожу на руке, она получила достаточно красной жидкости, чтобы оросить герб. Как только капли коснулись дерева, раздался слабый напевный звук, и ворота открылись.

На следующей двери не было ни замка, ни защёлки, поэтому женщина толкнула её ногой, сразу почуяв знакомый затхлый, землистый запах, всегда осаждавший место упокоения её предков.

Здесь находился длинный, узкий саркофаг Хаэриндры, матери, которую она не знала. Дальше – гробница Орбрара, с высоким балдахином; а справа – большой чёрный гроб с телом её отца.

Грозовой Посох неожиданно загудел, и этот низкий звук отразился от чёрного камня, оберегавшего отцовский прах; Аэриндель едва не развернулась и не убежала. Такого раньше не случалось.

Свет – слабое мерцание воздуха, не искра и не пламя – внезапно появился перед ней, в пространстве между тремя знакомыми гробами. В этом свете женщина увидела и другие саркофаги, уходящие в тёмную сводчатую высь... и источник сияния – белую звезду в простом каменном обелиске.

Алтарь Мистры. Давно – слишком давно – она в последний раз становилась на колени здесь, прося указать путь. Теперь же она торопливо опустилась наземь. Капли крови с руки упали на камень и напугали её, мгновенно обратившись в дым, сначала закружившийся вокруг неё, а потом исчезнувший так же быстро, как и появился.

- Мать Тайн, - зашептала правительница. - я пренебрегала тобой и не отличалась прилежностью в изучении священного Искусства магии... но ты мне

нужна сейчас, и я пришла умолять о прощении и просить совета. Святая Мистра, помоги мне!

- Помощь близка, - донёсся из темноты справа слабый шёпот. Аэриндель это потрясло так сильно, что она едва не выронила посох.

Мгновение спустя женщина поняла, что посох тонет... погружается в твёрдый камень, на котором она стояла на коленях!

Она потянула магическое орудие, но это было все равно, что пытаться сдержать бегущего жеребца. Посох неумолимо тянул вниз, обжигая цепляющиеся за него пальцы, выskalывая из них, утопая в камне, в котором не было ни дыр, ни отметин... и который остался холоден и твёрд под её руками, когда посох исчез.

Мистра забрала – вернула себе – Грозовой Посох. Что же это за помощь!

Всё ещё стоя на коленях в полутьме, Аэриндель снова услышала тот же едва слышный шёпот:

- Оставь свой страх и надень меня.

Она прищурилась, всматриваясь в темноту и пытаясь найти источник этого вкрадчивого голоса. Он повторил своё сообщение, и, следуя за словами, она нашла, то что искала: корону, лежащую на крышке гроба её отца.

Холодок коснулся её сердца. Чёрный камень последнего пристанища Табраса Грозового Посоха был свободен от всего, кроме пыли, когда она первый раз посмотрела на него несколько минут назад.

И всё же она узнала эту корону. Женщина вспомнила, что видела своего отца носящим её один или два раза, ещё когда его дочь была маленькой. Аэриндель нахмурилась. Корона не являлась частью регалий Дасклея, и исчезла ещё до его смерти. Насколько она знала, венец никогда не был помещён в гроб Табраса.

Она пару секунд смотрела на чёрный камень саркофага, обдумывая, но всё же дочь Саммертинов знала, что не посмеет вскрыть его, даже если сможет собрать достаточно силы, чтобы сдвинуть тяжеленную крышку.

На алтаре перед ней один раз моргнула сине-белая звезда, затем начала меркнуть. В тот же миг корона начала светиться.

- Оставь свой страх и надень меня, - вновь раздался настойчивый шёпот.

Аэриндель встала на колени и начала разглядывать диадему, а в её груди поднялся страх. Разве у неё был выбор? Если она будет колебаться и дальше, страх победит, заставив её сбежать отсюда – поэтому она уверенно протянула руки и подобрала корону.

Предмет оказался холодным, но не таким тяжёлым, каким выглядел. Он как будто позвякивал, пока она рассматривала его – не найдя ни надписей, ни украшений, женщина пожала плечами и поместила корону на голову.

Внезапно она задрожала – когда порыв холодного ветра как будто пронёсся через голову, а рядом кто-то – женщина, одновременно в отчаянии и в ярости – закричал:

- Нет! Ты не получишь меня!

Её крик утонул в низком, ликующем хохоте, завершившемся словами, произнесёнными совершенно другим голосом:

- Разумеется, я могу сделать ещё и – так!

- О, Мистра, - заговорил следующий участник; хриплый шёпот как будто раздавался у неё в ушах – правительница повернула голову, но там никого не было, - помоги же мне теперь!

- Не время, - следующий голос толковал устало, - дуракам играть в магию! Смотрите!

- Эльминстер! Помоги мне!

Последний голос заставил Аэриндель напрячься; полились слёзы. Этот голос принадлежал её отцу – а Эльминстер, как смутно помнила его дочь, был его наставником, магом, которого тот любил больше всех, и которому больше всех доверял. «Помоги мне!» - кричал Табрас – так испуганно, так отчаянно...

Прямо как она. Аэриндель сидела, не шевелясь, и слёзы струились по её щекам; голоса же продолжали звучать, повторяя одни и те же фразы снова и снова. Некоторые из них казались такими... окончательными. Такими же обречёнными, как она. Словно все эти люди выкрикивали свои предсмертные слова...

Когда она услышала, как Табрас произносит те же три слова в четвёртый раз, призрачные голоса как будто стали слабее; раньше они кричали, но теперь все смолкли. Ещё один голос - тот настойчивый шёпот, что женщина слышала ранее - возвысился над остальными:

- Я - та сила, которая нужна тебе, чтобы сохранить Дасклеик и навсегда уничтожить лорда Раммаста.

Аэриндель поднялась, осторожно прикоснувшись к голове, чтобы убедиться, что корона надёжно закреплена, и оглядела крипту. Обруч будто бы замерцал, и неожиданно женщина смогла увидеть каждый тёмный угол как при ярком свете.

- Я дам тебе возможность видеть во тьме и проникать через любую маскировку. Дам возможность твоим глазам смотреть очень далеко...

Внезапно правительница увидела бесконечное море, отливающее серебром в лунном свете, и поняла, что перед ней - Большая Вода, лежавшая к западу от Эсмеральтана, по ту сторону Облачных Вершин. Затем видение исчезло, сменившись образом незнакомой женщины, взрывающейся в воздух из гущи яростной битвы. Огненные росчерки вырывались из короны, поражая кричащих воинов, запуская их в воздух, как переломанные куклы. Она увидела, как чья-то рука, оторвавшись сама по себе, крутясь, улетела прочь.

- Со мной ты станешь на такое способна, - обещала корона.

Картинка сменилась, и теперь Аэриндель смотрела на бородатого мужчину, с суровым выражением лица стоящего посреди тюремной камеры. Корона на его голове внезапно взорвалась бурей ослепительно-белого огня, и камни перед ним затрещали и расплавились, стекая по сторонам, пока молния прорезала туннель высотой в человеческий рост.

- И на такое, - шепнула диадема.

И вновь сцена поменялась. Здесь, на испещрённой солнечными пятнами лесной дорожке, уже она носила корону, а перед ней взметнулась на дыбы гидра, плотоядно щёлкая зубами. Корона завибрировала – и внезапно чудовище начало сжиматься и дёргаться, бешено размахивая длинными шеями, пока не затвердело, превратившись в корявое дерево с тремя стволами.

- И на такое, - вновь повторила драгоценность, - помимо прочих умений... если у тебя хватит смелости владеть ими.

- Как? - затаив дыхание в неожиданном порыве предвкушения.

В ней зародились тепло, и волна... удовольствия?

Появившееся после этого ощущение было неприятным, скользким и каким-то глубоко личным – это корона подстроилась под волю женщины. Аэриндель содрогнулась, когда в её теле заструилась энергия – одновременно леденящая и согревающая – собираясь узлами в её внутренних органах, чтобы хлынуть затем до самых кончиков пальцев. Она услышала стон, звучащий почти как урчание, и смутно подумала, что, должно быть, его произвели её собственные губы.

А потом странное ощущение пропало, и правительница вновь стала собой.

Чувствуя возродившую надежду и немалую толику нетерпения, Леди Дасклеяка вновь опустилась на колени, благодаря Мистру, затем быстро вскочила и вихрем развернулась.

Она спешила вверх по лестнице, но её дух опережал её, устремившись вперёд. Этот дар видения... сейчас ей жизненно необходимо было понять, где находится Раммаст и что он затевает.

Впереди раздался крик и блеснула обнажённая сталь. Женщина замедлилась, но увидела не напуганного дасклеякского стражника перед ведущими в крипту ступенями – склонившего перед ней голову, с мечом в руке и страхом на лице – но золотого орла с окроплёнными кровью когтями, флаг Великого Тентора, трепещущий в свете факелов.

В свете факелов в ночном лесу, наполненном криками испуганных людей, бежавших среди деревьев; в свете факелов вдоль пыльной дороги, по которой со смехом маршировали воины Великого Тентора... дороги, которую она знала.

Мгновение спустя, боевой отряд Раммаста миновал вывеску таверны, и догадка правительницы подтвердилась. Даскинг! Они пришли в Даскинг, что на противоположной стороне её королевства – значит, уже вторглись в Дасклеяк и вырезают её народ!

В том далёком отсюда месте закричала женщина, и Аэриндель поняла, что трепещет от гнева.

- Отнеси меня туда! – прорычала она. На секунду в ней поднялась стена волнения, краткий миг ужаса, когда мир вокруг искривился и растянулся... а потом она оказалась в ночной темноте, посреди грязной дороги через Даскинг, с нависающим над головой баннером и группой людей с мечами наголо, топающих вокруг него.

Солдат Тентора присвистнул при виде хорошо одетой леди, одиноко стоящей на его пути, и помахал факелом.

- Эй, приятели, гляньте! Ух, скажу я вам, эта...

Аэриндель упёрла в него мрачный взгляд своих потемневших от ненависти глаз, и усилием воли направила вперёд поток огня. Болтающийся факел рассыпал искры, когда корона исторгла пламенную реку, захлестнувшую его держателя.

Солдат внезапно остался без головы, затем стал шатающейся половиной – и вот от него остались лишь две дёргающихся ноги без всего, что выше.

Огонь с драконьим рёвом промчался сквозь ряды остальных захватчиков, расшвыряв всех, кого не превратил в угли. Оружие плавилось в их рассыпающихся руках, люди кричали, но тут же замолкали, падая – а запах палёной плоти плотным облаком окутал продвигающуюся вперёд Леди Дасклеяка.

Последний воин упал замертво с булькающим криком отчаяния; волшебница смотрела, как с его костей стекает плоть, дымя копотью, а затем перевела взгляд на пустую, усыпанную пеплом дорогу, убеждаясь, что уничтожила всех тенторцев до последнего.

Неподалёку на дороге что-то блеснуло. Женщина приказала короне доставить её в то место – и обнаружила, что смотрит прямо в сердитые глаза Раммаста Тарангара. Магическое сияние доставившего его на место разгрома заклинания ещё не сошло с его рук; потрясённый, он заревел; на его руке сверкнуло кольцо, когда он поднял руку и ударил противницу.

Чары, которые должны были превратить её в жабу, лишь слегка щипнули за руки; артефакт открыл ей смысл этого заклатья, разбил его и отправил в Лорда Великого Тентора ответный испепеляющий луч.

Раммаст отшатнулся, на его внезапно побледневшем лице явственно читалась тревога – щит не выдержал натиска и в мгновение ока рухнул; луч укусил его руку, бок и плечо.

Задышавшись, чувствуя внезапную слабость, Раммаст прочитал собственное заклинание развеяния, избавляясь от чар, насланных короной; Аэриндель зловеще улыбнулась и прижала его к земле напором чудовищной мощи. Смотри, как ломаются ребра, и лорд корчится от боли, рыча и всхлипывая, она призвала всё, что мог предложить магический обруч, и начала рыться в его разуме, надеясь увидеть то, что видит он.

Испуганные глаза Раммаста заслонили собой всё; он что-то бормотал, точно умалишённый, объятый внезапным ужасом перед ней, пока диадема тащила женщину через его боль и ненависть, через ощущение твёрдой земли под ним... пока не добралась до того, о чём он сейчас думал.

Видение развернулось перед её внутренним взором – его мысли. Правительница смотрела на большую, вооружённую и скрипящую доспехами армию, продвигающуюся через узкий горный переход. Боги всевышние! Перед ней была основная ударная сила Великого Тентора, вторгшаяся с другого конца Дасклеяка, в непосредственной близости от замка – через узкий и опасный Проход Глимердаун!

Изображение внезапно рассыпалось. Смятый дёрн у её ног был пуст; Раммаст смог собрать достаточно силы воли, чтобы произнести заклатье, вырвавшее его из Дасклеяка и хватки волшебницы и вернувшее его в безопасность.

Аэриндель пожала плечами. Ей и самой пора было убираться отсюда – отправляться на продуваемую ветрами вершину горы Глимердаун, и немедленно!

- Только захотеть – значит, уже сделать, - соблазнительно, словно любовник, прошептала корона... и женщина поняла, что стоит в другом месте, на голых камнях, овеваемых холодным ветром. Вершина, место, где в далёком прошлом познал триумф её отец. Из темноты ущелья под ней доносились тихий скрип и негромкое фыркание беспокойных лошадей.

Леди Дасклейка посмотрела вниз, со сталью во взгляде – на нарушителей, которых она не могла видеть – и ощутила, как в ней растёт гнев.

Напротив, по ту сторону пустоты, высился пик-сестра, Большой Глиммердаун; женщина могла различить его зазубренные грани в свете луны.

- Вниз, - прошептала она ему, указывая на расщелину между двумя вершинами. - Обрушусь вниз.

Волшебница собрала свою волю, указала на каменную грудку напротив и торжественно махнула рукой вниз. Несколько валунов откололись и упали, быстро скрывшись из виду.

Снизу донеслись хруст и отчаянные крики, но Аэриндель их не слышала. Она поплыла в ночной тьме, внезапно почувствовав себя слабой и больной. Опустившись на колени, чтобы не упасть вслед за камнями, женщина схватилась за голову. Что с ней происходит?

Она чувствовала себя... странно. Леди Дасклейка стиснула зубы. Чем бы ни была вызвана эта слабость, её королевство по-прежнему нуждается в ней, иначе эти солдаты с оружием доберутся до мирно спящих жителей и атакуют замок, в котором едва ли наберется с дюжину бодрствующих стражей, способных встать на защиту... если ей повезёт.

Прямо сейчас захватчики спешили вперёд по дну ущелья. Оравший человек внезапно стих - несомненно, добитый мечами товарищей, желающих предотвратить пробуждение врага.

Аэриндель сжала кулаки, взглянула вновь на каменную громаду Большого Глиммердауна и прошипела:

- Вниз! Разворотит горный склон и обрушь его вниз, погребит врага!

В её голове словно хлынул красный дождь, и внезапно волшебница оказалась лежащей лицом на жёстком камне - в то время как рёв камнепада стеной вознёсся вверх, смешавшись с рваными криками снизу.

Леди Дасклейка держалась за своё имя посреди разлившегося моря неуверенности. Кто она? Где она? Казалось, будто она дрейфует в тумане; здесь же были и те, кто носил её корону - женщина изредка замечала их. И у всех на лицах была печаль, а сами они выглядели усталыми и разбитыми. Чем дольше правительница смотрела, тем старше и сгорбленней они становились, в конце концов исчезая.

Аэриндель услышала доносившиеся из ущелья крики, проклятья и чей-то рык:

- Оставьте лошадей! У нас хватит оружия, чтобы вырезать хоть дюжину дасклейских гарнизонов, идиоты! Выбирайтесь из этой ловушки, прежде чем они скинут на нас ещё больше камней! Проклятье, шевелитесь!

Аэриндель с трудом сглотнула. Не все оказались раздавлены. Она подняла глаза к только что будто срезанной вершине горы, сильно изменившейся там, где откололись валуны размером с загородный дом. Женщина изо всех сил пыталась оставаться в сознании.

Жёлтая дымка поднималась, загораживая ночь – поднималась перед её внутренним взором.

- Вниз, - прошептала она в третий раз, дрожа на скале, - обрушь вниз на них всех. Не дай ни одному тентирскому солдату выжить, чтобы потом поднять меч против моего Дасклея.

Корона вспыхнула вновь, и Аэриндель ощутила боль в каждом суставе, как и в груди, голове и животе. Она громко застонала, пытаясь подняться с камней, но её ослабевшие конечности не могли поднять её вес.

Но камни тряслись – содрогались, издавая низкий гул, от которого вибрировали зубы; гул ускорялся и усиливался, пока не стал громоподобным – и в этот же миг Большой Глимердаун обрушился в горный проход, подняв пыль, а камни завизжали, словно женщины от боли; армия Великого Тентора оказалась погребена заживо.

Аэриндель жестоко бросало из стороны в сторону на трясущейся вершине горы, пока она не ухватилась за неровный обломок скалы. Окутанные пылью остатки ущелья зияли перед ней, но волшебница лишь всхлипывала, терзаемая бесконтрольными судорогами и рвотными позывами. Несмотря на её метания, диадема оставалась на месте, будто припаянная к вискам – и в слабом свете, испускаемым артефактом, но не по её воле, она увидела, что руки стали морщинистыми, как у старухи.

Каким-то образом, корона питалась теми, кто её носил. Аэриндель на некоторое время зацепилась за эту мысль, но разум подводил её раз за разом, переключаясь на воспоминания о прыгающих камнях и скользящего вниз склона Большого Глимердауна, так что она не могла думать ни о чём другом.

Прямо как тогда в зале для празднеств, когда, страшась прихода Раммаста, она не могла придумать ничего путного в ответ.

Раммаст. Он всё ещё может что-то замышлять! Ей нужно увидеть его, узнать, что негодяй делает! Если она хорошо его знает, то собирается нанести ей удар в её покоях в замке – но не прямо сейчас. Там, в Даскинге, правительница потрепала его, и теперь лорду нужно сперва унять боль, прежде чем предпринимать что-то ещё. Исцелиться, обновить заклинания, подобрать магическое оружие – только тогда он заявится к ней.

Сейчас лорд должен быть в своей башне. Башне Тарангар, высочайшей точке хмурой крепости Тентарнагард, в самом центра Великого Тентора... в той стороне. Лёжа ничком на твёрдой поверхности, страдая от боли в раскалывающейся голове, Аэриндель задумалась, сможет ли ещё раз использовать дальновидение.

И она могла. Было больно – боги, как больно! – но, хотя огонь агонии терзал её руки и ноги, а тело скулило и корчилось на холодных камнях горы Глимердаун, волшебница как будто летела сквозь ночь, выискивая вонзившийся в небеса тёмный клинок Башни Тарангар. В самом высоком её окне будет гореть свет, знала она, а зловеще красивый лорд будет отчаянно готовиться встретить свою судьбу от её рук...

Вон там! словно тенторский орёл, она выплыла из ночной тьмы, по широкой дуге поднявшись к освещённым окнам, пытаясь высмотреть ненавистное лицо врага. Наконец, она разглядела его, шагающего по комнате среди столов, заваленных картами. Он как будто почувствовал её, застыл и уставившись в окно. Но волшебница уже пролетела мимо, своими невидимыми крыльями проложив путь в

обход башни, и теперь осматривала крутые крыши города, растянувшиеся под ней вдоль узких, освещённых фонарями вымощенных улочек. Она взлетела к луне, приказывая короне разметать башню под ней.

Правительница увидела, как тёмный оплот, трясясь, разваливается на крошечные камешки, взрываясь облаком осколков, осыпающихся дождём на Великий Тентор и оставляя после себя провал столь глубокий, что весь Тентарнагард содрогнётся и упадёт в него, погружаясь в затянутое каменной пылью забвение... прямо как встретившая свой конец в Проходе Глимердаун тенторская армия.

- Это можно устроить, - голос магического обруча как будто нащёптывал прямо в ухо, - но деяние очень впечатляющее. Ценой будет жизнь.

- Надо думать, много жизней, - пробормотала вслух Аэриндель, чей лоб всё ещё касался жёстких камней вершины.

- Жизнь того, кто владеет магией, - шептала корона. – Того, кого ты касалась, пока носила меня.

- Осознанное самопожертвование, значит, - устало отметила Леди Дасклея. – Или убийство.

- Если я не смогу дотянуться до другой сущности, - объяснила корона, - я заберу жизненную силу носящего.

- Значит, если я заставлю тебя смести башню, - сказала Аэриндель, - Башня Тарангар падёт – но я засохну и умру здесь, на горной вершине.

- Башня может пережить атаку, если она защищена достаточно сильными чарами, - ответил венец. – В любом случае, в скором времени я должна буду подпитаться, иначе рассыплюсь на куски.

Аэриндель лежала тихо, а холодный страх медленно овладевал её телом. Она добровольно приковала себя незримыми цепями к зловещему артефакту, который станет причиной её гибели. Представив, как она скатывается по склону в виде высушенного кожаного мешка, с перекатывающимися внутри костями, волшебница заставила себя пошевелить дрожащими руками.

Хрипя от усилия, Леди Дасклея волочила руки по неровному камню, очень медленно и очень болезненно. К тому моменту, как её пальцы, наконец, нащупали обруч, она задыхалась и обливалась холодным потом.

Магический предмет шевелился, но не поддавался. Как бы сильно она не тянула и стягивала её, диадема будто слилась воедино с головой. Шепчущую Корону не снять.

Сдавшись, правительница перекатилась на спину и в отчаянии уставилась на звёзды. Она уничтожила людей, не игравших никакой роли, и при этом вывела своё тело из строя – оставив себя и королевство беззащитными против настоящего врага. Скоро, слишком скоро Раммаст вернётся. Отдохнувший, сильный, готовый убивать – и она будет просто лежать здесь, слишком слабая, чтобы чем-то ответить... а с короной и жертвой, сходящейся для воплощения в жизнь первого же ужасающего желания, которое он потребует от артефакта, лорд-маг будет представлять угрозу всему Эсмеральтану.

Она хотела заплакать, но у Аэриндель Саммертин не осталось слёз. У истекающей кровью, разбитой, полуживой и одетой теперь в одни лохмотья

женщины не было сил даже чтобы подняться. Она лежала на вершине горы Глимердауни и смотрела вверх, на слабо мигающие звёзды, дожидаясь, когда же наглая ухмылка Раммаста закроет их собой.

Но лицо, в конце концов заслонившее звёздное небо, было незнакомым – с крючковатым острым носом, голубыми глазами, хранившими мудрость веков, да, вдобавок, окаймлённое длиннющей бородой. Оно принадлежало человеку в простой поношенной мантии. Его руки были пусты; склонившись, он посмотрел на женщину сверху вниз, с проблескивающим в глазах – чем? Восхищением? Симпатией? Циничным удовольствием?

- Леди Дасклея, снимите корону сейчас же, - отрывисто потребовал незнакомец, - пока ещё не поздно.

Аэриндель взглянула на него, слишком измотанная, чтобы заботиться о том, как она выглядит, или откуда он её знает.

- Неужели хоть какой-нибудь маг, сражающийся за свою жизнь и страну, собственными руками отбросит своё лучшее оружие? - устало возразила колдунья, желая сейчас остаться наедине со своим страданием, раствориться в приветствующей её пелене забвения.

- Аэриндель, ты хочешь закончить свои дни так же, как твой отец? – мрачно поинтересовался незнакомец.

Аэриндель почувствовала kloчущий внутри гнев. Почему кто угодно в Фаэруне знает всё о судьбе Табраса Грозового Посоха, кроме неё?

- Кто ты такой? – прошипела она, сверкая глазами. – Откуда ты знаешь моего отца?

Лицо с бородой приблизилось; человек встал на колени рядом с ней.

- Я научил его идти путями магии и сделал тем, кем он стал.

Секунду он смотрел через ущелье, на Высокий Глимердаун, затем вновь опустил взгляд на женщину и мягко добавил:

- И, полагаю, я в ответе за его судьбу. Я тот, кого называют Эльминстером.

- Эльминстером, - сипло повторила волшебница. Внезапно волна энергии захлестнула её, а корона зашептала в её голове: *«Уничтожь его. Его магия сильна, очень сильна. Он опасен для нас обоих – а его силы как раз хватит, что снести Башню Тарангара и самого Раммаста вместе с ней.»*

- Как? – спросила она, не заботясь о том, произнесла ли она это вслух.

«Посмотри не него и пошли вперёд пламя, как ты проделала с солдатами в Даскинге... и тогда я ударю. А после, не прерывай поток, чтобы я смогла забрать его жизненную силу нам.»

Аэриндель медленно улыбнулась и сделала, как было велено.

Огонь ревя устремился вперёд, и коленопреклонённый незнакомец вздрогнул и подался назад – но пламя лишь слегка лизнуло его одежды, как будто утонув в его глазах... глазах, что потемнели и словно стали больше.

«Даааа», - торжествовала диадема, и правительница почувствовала тёплое сияние ликования.

Эльминстер поднялся и отошёл на шаг, а Аэриндель повернулась голову вслед за ним, не сводя глаз, как требовал артефакт. Разум прорезала неожиданная, острая

боль, и накативший следом вал чистой ненависти, порождённой магическим обручем, заставил женщину резко выдохнуть и скрючиться на камнях.

- Нет, проклятый! – хрипела корона дрожащими губами колдуньи.

Эльминстер не обращал на это внимания, подняв руку и смахнув струю пламени точно нить паутины.

- Аэриндель, - настаивал он, вновь наклонившись над ней, - сними корону. Прошу.

Артефакт сверкнул, и Аэриндель почувствовала, как в неё вливается свежая энергия. Корона говорила, что и когда сделать – и женщина повиновалась.

Зелёная молния бросилась вперёд от её лба, с треском вцепившись в протянутую руку и окутав её язычками трепещущего пламени. Эльминстер поморщился. На его лице промелькнуло явное раздражение, когда он отмахнулся ещё раз.

Невероятно, но молния отскочила прочь, унесённая затем прохладным ночным ветерком. Аэриндель и сама почувствовала раздражение – которое исходило от короны, вместе со следующими указаниями.

Она послушно исполнила их – и на этот раз навстречу магу понеслось пламя ослепительно белого света, пытаясь отшвырнуть бородатого мужчину назад. Он пошатнулся, а его плечи затряслись, когда бушующий огонь начал раздирать его.

Леди Дасклея внезапно поняла, что достаточно оправилась, чтобы встать. Она кое-как поднялась, и поняла, что её голова укутана сиянием. Корона лучилась ещё сильнее, чем раньше. Она протянула руки и хлестнула мага призванными щупальцами, щёлкавшими и грызшими его, словно голодные угри длинными зубастыми челюстями.

- Аэриндель! – закричал он, голосом, как будто полным страдания, - борись! Не подчиняйся короне! Эта вещь обращает всех, кто её носит, во зло, если дать ей волю! Это ты должна управлять ей; не позволяй превращать себя в безвольного раба!

- Умри, маг, да побыстрей, - прошипела Аэриндель в ответ. – Всё это время Раммаст становится сильнее, а все, кто сейчас в замке, даже не предупреждены и всё ещё спят! Умри или уходи – избавь меня от своего общества!

Колдунья опутала его верёвками закручивающегося огня, развернула и подбросила в воздух над бездной, раньше бывшей Проходом Глимердаун.

Но он не полетел вниз, к своей смерти. Вместо этого он стоял на пустом воздухе, словно на твёрдой земле, и указывал на неё.

- Аэриндель, заклинаю – сними Шепчущую Корону, сейчас же!

- Никогда! – выкрикнула Аэриндель, обрушив мощь артефакта на камни, на которых стояла, вырезая из них длинные, острые куски и запуская их в волшебника.

Эльминстер устало взглянул на неё и пробормотал какие-то слова. Каменные копыя рассыпались в пыль прямо в воздухе. Он произнёс что-то ещё, взмахнул рукой – и Аэриндель почувствовала холод, сначала охвативший ноги, затем поднявшийся до горла.

Теперь, подрагивая над землёй, она не могла делать ничего другого, кроме как смотреть вперёд, но корона позволяла видеть ей всё – Эльминстер превратил её в длинный, изящный деревянный посох, каким мог бы владеть любой колдун.

Длиной больше чем её Грозовой Посох, она парила в воздухе, излучая белый свет, окутавший корону. Лишившись опоры в виде головы, обруч пролетел насквозь на всю длину и зазвенел по камням, а его шептания стихли. Эльминстер поймал посох, быстро отошёл на пару шагов и отпустил.

Холод быстро отступил, и правительница вновь стала собой, представ перед могучим магом – кипя от ярости и злости, со свисающими с оголённых и освещённых луной плеч остатками платья, и с когда-то красивыми волосами, превратившимися в разворошённую солому. Она выглядела старше. Кожа обвисла и покрылась морщинами и пятнами. Глаза впали, а губы потрескались, словно от возраста. Её грудь тяжело вздымалась от гнева, но даже несмотря на это она стояла сгорбившись и размахивая руками с пальцами, ставшими шишковатыми и скрюченными когтями старой карги.

- Отойди, маг! – прорычала правительница, её глаза – словно два брата-огонька. – Ты уже достаточно помешал мне! Мне нужна эта корона, чтобы защитить свою землю и... себя. Раммаст не получит ничего, если ты просто отойдёшь в сторону и дашь воспользоваться тем, что послала мне Мистра! Это её дар мне!

- Мистра делает подарки, которые предполагают выбор, - тихо возразил Эльминстер, внимательно изучая её глазами. Корона поблескивала на камнях позади него. – Каждый подарок – испытание. Ни один меч не станет смертельным оружием без держащей его руки.

- Ха! – фыркнула Аэриндель. – У меня нет времени на глупую философию, маг! Дасклеjk под угрозой! Раммаст собирает силы, пока мы здесь спорим! Уйди с дороги! Эльминстер склонил голову и отошёл в сторону.

- Выбор за тобой, - мрачно предупредил он. – Но знай, что вон то сияние означает, что корона должна выпить жизненную силу первого же наделённого магией существа, осмелившегося надеть её, иначе она рассыплется в прах.

Аэриндель бросилась вперёд, резко остановилась, одарила волшебника сердитым взглядом и прорычала:

- Такие слова – дешёвая уловка, маг; откуда мне знать, что это правда? Эльминстер пожал плечами.

- Иногда ты должна доверяться кому-то другому; почему бы не начать сейчас? Если я прав, а ты не поверишь мне, то умрёшь. Если послушаешь, то как насчёт такого предложения: я вместе с тобой защищу Дасклеjk от этого Раммаста, и обучу тебя магии, достаточной, чтобы больше никогда не надевать корону и не использовать любую другую магическую помощь. Что скажешь?

Глаза Аэриндель сузились. Затем лицо исказилось, и она сердито отбросила назад остатки волос.

- Какая гарантия того, что ты сдержишь слово? Я тебя не знаю – оно может ничего не стоить!

Эльминстер пожал плечами.

- Может. Вопрос в доверии, не так ли?

Волшебница презрительно махнула рукой, проносясь мимо.

- Хватит заумных слов, маг! Вот это мне знакомо – я носила её и понимаю! – она наклонилась и подхватила магическую диадему.

- Помни моё предупреждение, - напомнил бородатый мужчина.

Корона призывно, приглашающе светилась и пульсировала, её прохладное излучение пробегало вверх по рукам – и это было так похоже на ласку. Шепчущая Корона издала слабый звон, похожий на звон далёких колокольчиков, и послала волну тепла и успокоения. Аэриндель утонула в этой волне, глядя на Эльминстера с тихим вызовом в глазах, и подняла обруч, готовясь надеть.

- Дааа, - раздался шёпот-шипение короны, когда женщина пронесла предмет перед лицом. Но внезапно к ней присоединился ещё один голос, одинокий и насквозь пропитанный отчаянием.

- Эльминстер, помоги мне!

Крик её отца сейчас звучал громче, чем раньше.

Аэриндель посмотрела на корону и услышала её сердитое рычание. На его фоне она смогла различить слабые крики остальных. Тех, кто умер, нося её. Других жертв.

- Прощай, отец, - прошептала она дрожащим голосом. Развернувшись на каблуках, женщина швырнула Шепчущую Корону – сильно и высоко.

Магический обруч взмыл вверх, вверх над Проходом Глимердаун, взыв в бессильном отчаянии. Уже падая, он швырнул в бывшую хозяйку молнией – ударившей в камень перед её ногами и оборвавшейся, когда корона скрылась из глаз.

Даже лунный свет, казалось, засиял ярче, когда овеваемая холодным ветром Аэриндель повернулась, покосилась на мага и неуверенно спросила:

- Эльминстер?

Бородатый мужчина улыбнулся ей, и его лицо просветлело. Взяв её за руку, он сказал:

- Верный выбор, Аэриндель. Ты использовала эту корону ради той цели, с которой Мистра вложила её в твои руки... и отпустила, когда она этого и хотела. Теперь пойдём. Мистра защитит тебя; ты будешь учиться магии, как твой отец.

Янтарный свет завихрился вокруг их сомкнутых рук, заворачивая обоих в клубящееся облако – которое сверкнуло сине-голубым и растворилось, оставив лишь пустую горную вершину.

Мгновение спустя в это место ударила молния, подбросив в воздух те камни, что не сгорели от удара. Ночь затрещала и осветилась яростью этой атаки.

- Они никак не смогли бы пережить это, - удовлетворённо отметил Лорд Великого Тентора, глядя вверх со своего места посреди развороченных камней, засыпавших Проход Глимердаун. Где-то там, под завалами, лежали все его люди – но кому нужны воины в стране, где он будет единственным волшебником?

- Интересно, кто был этот маг? – высказал мысль вслух Раммаст, хлопнув в ладоши и готовясь прочитать заклинание полёта, которое перенесёт его над скалами, доставив в Дасклеик. Он пожал плечами – что ж, пожалуй, он заглянет на вершину, просто чтобы убедиться, что таинственный волшебник теперь просто кучка пепла и воспоминаний.

Конечно, жаль, что так вышло с Аэриндель, но её образ хранился в заклинании вечного зеркала, и он мог изменить внешность какой-нибудь шлюхи, которая займёт её место.

Даже если кто-то прознает, не найдётся никого, кто мог бы встать на пути объединения Дасклея и Великого Тентора под его началом, а там уже можно обратить внимание на богатые земли к западу, Марбрин или Дриммат. Так, он мог бы править империй уже через четыре зи...

На мгновение на вершине горы моргнул янтарный свет, высоко над головой. Нахмурившись, Раммаст посмотрел туда.

Что-то звякнуло о камни рядом с ним, и с металлическим звоном отскочило мимо ноги. Корона!

Должно быть, его молния сорвала артефакт с головы его соперницы!

Улыбаясь, Раммаст схватил обруч. Боги, эта штука наделила Леди Дасклея немалой силой! С ней Раммаст Тарангар станет практически неуязвимым!

Он назовёт своё королевство Тарангара – когда оно протянется от Большой Воды до Внутреннего Моря, и от Высокого Леса до горячих земель... Да, именем Мист-

Он всё ещё широко улыбался, когда возложил Шепчущую Корону себе на голову.

- А теперь посмотри, - тяжело предложил Эльминстер. Одной рукой он обнимал женщину за плечи. Другой он указал вниз, на валяющиеся там, где раньше было ущелье, камни; вниз, на одинокую торжествующую фигуру – Раммаста, Лорда Великого Тентора. Он... надевал Шепчущую Корону!

Аэриндель прикусила губу и попыталась сморгнуть слёзы, катившиеся из её глаз с тех пор, как она осознала, что сделала с ней диадема. Она стала старой, морщинистой, а её жизнь оказалась украдена у неё... и всё ради магии. «Мистра защитит тебя». Ха.

Значит, Раммаст умрёт, если, конечно, богиня не решила последний раз подшутить над ней... но нет. Он упал, превратившись в тёмное, искорёженное нечто – кожа висела на скелете, который быстро рассыпался в коричневую пыль... и сладкая, освежающая энергия наполнила её, заставив резко вздохнуть и испытать дрожь такого сильного восторга, какого она никогда раньше не испытывала.

Аэриндель поняла, что дрожит и рыдает, ухватившись за успокаивающие руки вокруг неё – а теперь жадно и радостно целует наполовину видимое выше лицо, обуреваемая волнами дикого веселья. Её кожа снова гладкая и молодая, её тело – такое, каким и было!

- Видишь, - прогрохотал в её ухе этот добрый голос. – Такое работает. Мистра помогает. Нужно только довериться, ясно думать и делать, как она велит.

- Но как я пойму её указания? – спросила Леди Дасклея, отбрасывая мешающиеся встретить его взгляд волосы в сторону от блестящих глаз.

Эльминстер снова указал вниз. Там, далеко, в кучке костяной пыли что-то блестело. Аэриндель заметила это всего на миг, прежде чем молния такой силы, что

никто из смертных не смог бы её повторить, сокрушила скалу напротив той, на которой они стояли, отправив огромный каменный поток вниз по склону – поток, погребший под собой Шепчущую Корону.

Когда вокруг них поднялась пыль, Эльминстер торжественно ответил:

- Она всегда шепчет нам.

- Эльминстер, - сказала Аэриндель с трепетной улыбкой, - помоги мне!

Сколь велика цена

Сколь высока цена.

Сколь охотно уплачена.

Кровь прольётся горячая

И правитель явится.

Минтипер Мунсилвер, «Баллада Тиранта»

Год Башенки

Солнечный свет вспыхнул от самых высоких башен Зентил Кипа и отбросил великолепные отражения сквозь соседние окна. Это был горячий день Миртул в Году Сверкающей Марки.

Ледджебёрд, пролетавший мимо одного из окон, запорхал на своих ловких крыльях и запел, как беззаботная дудочка. Он ещё не знал, что жить ему осталось совсем немного...

Маншун слегка улыбнулся и согнул палец. Птица взорвалась во вспышке зеленого пламени. Напевая себе под нос последнюю песенку менестреля, волшебник наблюдал, как её опалённые перья относит в сторону.

— Позвольте птице Зентил Кипа лететь к своей гибели, — фальшиво пропел он. Всё уже не могло продолжаться по-прежнему...

Первый лорд Зентил Кипа, улыбнулся, заметив себя в овальном зеркале, плавающем вертикально в углу. Изображение, сверкая чёрной, как уголь, причёской, возвратило улыбку. Его одежды были сшиты из лучшего фиолетового шелка, прошитого золотыми нитями. Рукава были сделаны по самой последней моде, и высокий воротник был скроен в стиле городских лордов.

С еле заметным шелестом, Таерсэль отвёл висящий гобелен в сторону и негромко проговорил:

— Тот, кого Вы ожидали, здесь, повелитель.

Маншун знаками показал слуге, чтобы тот впустил гостя и вышел, но остался бы при этом ждать незамеченным позади гобелена. Чтобы показать, что он понял,

Таерсэль коснулся рукоятки метательного ножа, скрытого в его декоративной застёжке пояса.

— Арглат, — объявил Таерсэль, и с поклоном вышел. Закутанный в плащ гость двигался странным скользящим шагом, как будто его ноги практически не касались пола.

— Да? — с холодом в голосе спросил Маншун.

Его гость сбросил с плеч свой плащ и ответил таким же ледяным тоном:

— Я полагаю, что вы, наконец, готовы действовать?

— Я надеюсь на это, — ровно ответил Маншун.

Формы тела его гостя были мягкими, как бы незаконченными. Приглядевшись, многие люди подумали бы, что он монгрелман – нечто, что не являлось человеком в полном смысле этого слова – после чего отпрянули бы в сторону, бормоча про себя и нащупывая руками оружие. И они действовали бы абсолютно правильно.

Волосы гостя растаяли и отпали в сторону, в то время как тело заблестело, расплылось, а затем разошлось в стороны, освобождая единственный зелёный, жидкий глаз. Пока Маншун смотрел на этот немигающий гигантский глаз, колеблющийся на конце длинной, змееподобной шеи, он вырос ещё больше. Тело же ниже осело и обвисло, как сброшенная одежда.

— Тогда говори, — холодный голос странного посетителя раздался снова. — Моего терпения не хватает на людей, которые любят разыгрывать таинственность.

Маншун вернул гостю его ледяную улыбку.

— На следующей встрече совета произойдёт открытая резня. Те, кто противостоят мне, умрут. И когда Зентил Кип станет моим, ваши соплеменники будут иметь то, чего они так желают: мощный город, полный рабочих рук, которые можно продать, свежее мясо для вашего пропитания, и мужчины, которые боятся вас и становятся на колени перед вами.

— Не думайте, что вы понимаете мой вид так хорошо, — ответило существо, подплывая немного ближе. — Более того, Маншун, не смейте думать или воображать, что вы можете командовать — *мною*.

Корчащиеся черви плоти выросли из его сферического тела.

Приглушенный вскрик ужаса раздался из-за соседнего гобелена. В следующий миг оттуда вылетел арбалетный болт, который просвистел вдоль покоев, и был отброшен невидимой магической силой резко в сторону только перед самым плавающим в воздухе огромным глазом. Болт закончил свой полет, расколовшись о стену.

Глаза открылись в концах все еще удлиняющих стеблей монстра и посмотрели в ту сторону, откуда вылетел болт. Один из них зловеще замигал.

Гобелен отбросило в сторону, обнажился провал прохода — и Таерсэль, который лежал ничком на полу, всё ещё сжимая в руках арбалет. Тонкие струйки дыма поднимались от его тела.

— Это не очень умно, — мягко заметил многоглазый повелитель, — угрожать нам.

Маншун взглянул в многочисленные глаза бехолдера и твёрдо ответил:

— Я слишком полезен для вас, чтобы вы могли убить меня — и слишком мудр, чтобы попытаться напасть на вас. — Он кивнул в сторону лежащего слуги. — Этот

человек действовал из своих собственных побуждений защитить меня. Безрассудный, он все же так же полезен мне, как и я вам. Я надеюсь, что вы ему не сильно повредили.

— Не смертельно. — Наблюдатель приблизился и все его глаза от неудовольствия пожелтели. — Когда вы в следующий раз будете выступать в совете, мы будем там. И знайте, владеющий: если вы и ваши приближённые не позаботитесь обо всём, для вас всех скоро наступит день беды.

— Если мы не позаботимся обо всём, — сказал Лорд Чесс в покоях другой башни, неподалеку от дома Маншуна, — день беды может наступить для всех нас.

Остальная знать за его столом заёрзала на своих местах. На собрании присутствовало большинство молодых дворян города. Некоторые скрывали своё волнение, часто прикладываясь к своим кубкам с львиным вином Мулхорандана. Другие надменно улыбались и принимали ещё более ленивые позы на своих больших, искусно вырезанных стульях.

— Мы не боимся выскочек волшебников, — сказал один из них, снисходительно усмехаясь. — Наши отцы и деды смешивали с грязью таких противников. Почему же мы должны бояться? Хватит одних только наших стражников, чтобы уничтожить этих Жентаримов.

— Да уж, — прогрохотал другой голос среди согласного ропота. — Позвольте седым бородам в совете твякать, и это продлится весь день! Я не вижу ничего, что могло бы угрожать Зентил Кипу или помешало бы увеличиваться нашим богатствам. Совет беспокоится всякий раз, когда болваны в Мулмастере осмеливаются бросить нам очередной вызов, или когда какой-нибудь волшебник из Тая вводит себя в заблуждение, что он является достаточно могущественным, чтобы управлять нами. Большую часть времени совет просто держит наших отцов и остальную часть стариков занятыми — и заставляет их держать свои носы подальше от наших дел!

— И сколько же дел у вас *сейчас*, Таэрун? — с ехидцей спросил один из дворян.

— Да, на этой декаде? — добавил кто-то сквозь общее веселье.

Чесс нахмурился.

— Вас что, несколько не заботят шпионы среди нас? Агенты Тая, Культа Дракона, даже Сембии и Калимшана — их обнаруживают каждый месяц! Их кинжалы намного ближе, чем вы можете себе представить.

— Ага, — торжествуя произнёс Таэрун, наклоняясь вперёд и облачиваясь на стол. — Вот в чём суть, Чесс. Их *обнаруживают* — и бдительные волшебники команды Маншуна, и жрецы Фзула. Именно поэтому мы терпим на первом месте этих надменных дураков в длинных мантиях! Они прикрывают наш зад, так что мы можем продолжать заниматься обогащением!

— И развратом, — пробурчал кто-то.

— И пьянкой, — добавил другой. — Кстати, Чесс, что это за помои?

— Мулхоранданское вино одного из лучших урожаев, — сухо сказал Чесс. — Я не сомневался, что ты не сможешь его узнать, Наер.

Наер сплюнул на стол.

— Вот тебе твои насмешки! Мой род настолько же стар, как и ваши!

— И настолько же распушенный, — пробормотал Таерун.

Чесс тонко улыбнулся.

— Вы вольны наслаждаться вашей беззаботностью, сколько можете, Лорды. Но учтите, что это драгоценное удовольствие будет утрачено, как только один из наших противников решится на войну с нами.

Таерун снова наклонился вперед, его глаза были холодны.

— Я действительно наслаждаюсь этим... и я буду наслаждаться. Каждое удовольствие имеет свою цену — но наша беззаботность стоит нам только крови нескольких дураков, преклоняющих колени у алтарей, и наёмников, время от времени. Это та цена, которую я заплачу охотно. Избавь нас от своих завуалированных угроз. Имя Блэкрин означает “гордый” — и я всегда готов к драке.

Мерцающие искры света вырвались из его сжатого кулака и, соединившись, превратились в декоративный скипетр, наконечник которого пульсировал и пылал.

Один из дворян раздражённо вздохнул.

— О, уберите это, Таерун! Вы постоянно пытаетесь показать, насколько вы воинственны, а вместо этого каждый раз показываете лишь отсутствие у вас деликатности и тонкости. У нас у всех есть такое же, а то и лучше! Вы что думаете, что вам единственному в Зентил Кипе хватило ума на то, чтобы пронести сюда магию, в то время как мы должны были оставить наши клинки за дверью?

Другой дворянин погладил свою неопрятную бороду и добавил:

— Да, и если Вы когда-либо используете это, Блэкрин, то прольётся кровь одного из нас. Тогда кровавая междоусобица начнётся снова. Это — *слишком* высокая цена за симпатию совета. Они, скорее всего, превратят вас в собаку, чтобы вы провели остатки вашей жизни, патрулируя территории к северу от Глистера... в течение тех нескольких дней до того, как вы встретите свою смерть.

Он выпрямился, распрямляя ноги, и добавил:

— Достаточно резких слов. Достань ещё вина, Чесс, и Расскажи-ка мне о той девице с зелеными волосами, с которой ты был накануне! Я её прежде не замечал. Где вы её прятали?

Чесс улыбнулся, в то время как серебряный поднос, уставленный бутылками и графинами, поднялся с полированной стойки перед ним и медленно опустился на стол.

— Да, ее волосы вчера вечером были зелёными. Ее называют Шадоусил. Она одна из волшебников Маншуна, так что даже не думай приударить за ней, Элдарр. Она может убить нас всех одним движением своей руки.

— И это, Таэрун, — сухо заметил Наер, — также будет слишком высокой ценой за симпатию совета!

Упитанный человек в роскошных одеждах, сшитых по последней моде Калишита с разрезами и отворотами, впервые подал голос этой ночью.

— Я был очень далеко отсюда и лишь недавно вернулся, — сказал он, — но слухи о Жентариме: темных волшебниках, безжалостных убийцах, которые набрали

могущественную магическую силу, разошлись повсюду. И я хотел бы узнать больше. Расскажите мне по порядку: что происходит в нашем городе? Чего вы боитесь, и что лежит в основе ваших страхов?

Лорд Чесс отпил немного вина и ответил:

— Маншун, лидер этих Жентаримов, стал первым лордом совета. И его планы простираются намного дальше, чем просто председательствовать на заседаниях ссорящихся торговцев. Он говорит о Зентил Кипе — “мой”, как будто он уже его король!

Несколько дворян иронически было рассмеялись, и Чесс поднял руку, призывая к молчанию.

— Маншун – могущественный маг. Он собрал вместе волшебников, сильных и слабых, которые поддерживают его. Он убил или изгнал прочь большинство чародеев, которые могли бы противостоять ему. Эти Жентаримы работают сообща. Задумайтесь над *этим*, лорды, и подумайте, что вы будете делать, если к вам на банкет явятся двадцать человек, которые выпьют гораздо меньше, чем они покажут, и которые затем атакуют вас заклинаниями!

Ответом ему стал угрюмый ропот. Чесс тяжело оглядел присутствующих.

— Червяки — вы так можете подумать о них, но эти червяки могут убить нас всех. Разве вы не замечаете, сколько наших великих лордов — даже наш последний боевой лорд – чувствуют себя больными и прикованы к своим кроватям? Старость, да.... Но что, если им помогают побыстрее сойти в могилы? Прежде, чем усмехаться, подумайте: заклятья, возможно, и не пробьют защиту всех этих дорогостоящих оберегов и амулетов, которые мы носим, но ведь есть и другие способы. Я хорошо знаю Маншуна. Мы росли вместе. Он — мастерски использует медленно действующие, иссушающие яды, которые убивают постепенно и не вызывают никаких подозрений. Подобным образом он убил своих родителей, и заполучил их деньги.

Чесс оставил в сторону свой кубок, и его голос стал более настойчивым.

— Каждый день Жентаримы становятся всё более надменными. Я боюсь, что уже очень скоро они захватят власть, используя магию, чтобы повлиять на совет. Маншуну нужно начать действовать до того, как совет одобрит открытие школы магов, которую спонсирует Белдинстоун, и, которая привлечет в наш город много независимых волшебников. И заключительное обсуждение этого вопроса, с последующим одобрением, состоится на следующей встрече совета.

— Арргх! Хватит этой болтовни об опасности! — прорычал Таэрун. — Мы слышали все эти ваши разглагольствования и раньше, Чесс! Как может какой-нибудь волшебник, или даже группа волшебников, действующая вместе, взломать магическую защиту или обмануть внимание жрецов? А ведь именно *эти* чёрные мантии богатеют, удерживая нас в постоянной борьбе друг против друга. Жрецы не любят конкурентов! Они прихлопнут этих Жентаримов, как кучку навозных мух, как только те попробуют действовать в открытую!

— Вы действительно так думаете?

Лорд Чесс наклонился вперёд.

— А что, если я скажу вам, что Маншун часто встречается с самыми могущественными из жрецов? Например, лично с Фзулом, хозяином Черного Алтаря.

Наступила потрясенная тишина, и Чесс, со спокойствием большим, чем он чувствовал, добавил:

— Вот вам ваша – так называемая бдительность «беспристрастных» жрецов, которая охраняет совет от магических уловок. Может так случиться, что она окажется лишь заблуждением и иллюзией.

Он снова взял в руки свой кубок, его усыпанные драгоценностями пальцы ощутимо дрожали.

— Есть что-то ещё, не так ли? — спросил Наер, глядя в лицо хозяина дома.

Лорд Чесс кивнул.

— Таерсэль рассказал мне, что Маншун встречается с кем-то ещё более сильным в волшебстве, чем даже он, — кем-то, кого он держит в тайне от Первосвященника Фзула. Вы все слышали слухи о бехолдерах, бродящих по городу ночью...

Он оглядел их тихие, бледные лица.

— *Теперь-то* вы боитесь, мои лорды? — Он осушил свой кубок и добавил: — Поскольку следующая встреча совета состоится завтра, уже может быть слишком поздно что-либо делать, *кроме как бояться*.

Соглядатай был повержен. Всюду была расплёскана кровь, и внезапно обезглавленное тело корчилось и билось на полу, как выброшенная на берег рыба.

Лорд Рорст Амандон, боевой лорд Зентил Кипа, провёл рукой над своим всевидящим кристаллом, заставляя кровавую сцену исчезнуть.

— Итак, надежда Лорда Хаэля не оправдалась, — пробормотал он. — Едва ли этому стоит удивляться — и вероятно незваные посетители Башни Маншуна будут далеко не единственными, кто встретятся этой ночью со своими богами. Такие ничтожные нападения уже не остановят Жентарим. Хотя... Шпионы Хаэля прошли дальше, чем я ожидал.

Дрожащей рукой старый лорд потянулся к графину около кровати. Этреф – старый слуга, стоящий там специально для этого, вложил кубок с питьём в парализованную руку. Владение всевидящим кристаллом, который мог проникнуть за магические щиты заклятий, означало смерть, если бы только жрецы или волшебники города узнали об этом, но Лорда Амандона это уже давно перестало заботить. Он одной ногой стоял в могиле и знал об этом. К тому времени, как яд Маншуна был обнаружен, его разрушительное действие зашло слишком далеко для того, чтобы можно было что-то исправить волшебством в его возрасте. Самые дорогостоящие мудрецы не знали никакого противоядия от уже принявшегося за работу яда. Его было достаточно, чтобы убить Лорда Амандона.

Старый воин устало оглядел свою спальню, задержав взгляд на своём любимом мече и на портрете жены, умершей долгих семь лет назад. Он может присоединиться к ней уже на рассвете, независимо оттого, когда это должно произойти по планам этих чокнутых волшебников.

— Я... больше не могу ждать, Этреф, — негромко проговорил он. — Мое тело сильно сдаёт. Уже сейчас я могу только пить без вашей помощи.

Подняв голову, он заметил блестящие, еле сдерживаемые слезы в глазах его верного слуги. Рорст отвернулся, чтобы не видеть этого. Годы, когда они были вместе, когда он вел армии Зентил Кипа, чтобы с бесчеловечной жестокостью взять под контроль Тар и северное побережье Лунного моря — то, чем он всё меньше и меньше гордился, те годы прошли. Он никогда раньше не замечал седину, пробивавшуюся сквозь волосы Этрефа, и того, что усы у него были белее снега!

Боевой лорд с трудом сел, переворачивая подушки.

— Время пришло, — прорычал он. — У меня для тебя есть последний приказ, мой добрый Этреф: пойди и вызови того, о ком я тебе говорил.

— Прямо сейчас, Лорд? И ... оставить вас одного? Что, если...?

— Я могу справиться и сам, — решительно сказал лорд, — пока тот, с кем я должен поговорить, не появится здесь. Иди, Этреф, иди ради чести рода Амандонов.

Он поставил на место свой кубок, который заплясал и загрохотал в его дрожащей руке. Рорст неодобрительно посмотрел на него, а затем снова поднял жестокие глаза.

— Иди, — он сказал грубо, — если ты вообще беспокоишься обо мне.

Старый слуга одно мгновение постоял, глядя на него, затем, с похожим на еле сдерживаемое рыдание звуком, повернулся и выскочил прочь.

Рорст Амандон же глядел на затемненный всевидящий кристалл и задавался вопросом, сможет ли он протянуть достаточно долго для того, чтобы увидеть эту финальную битву. Время от времени его глаза отклонялись в сторону портрета Дезил, напиваясь ее знакомо нарисованной красотой, а затем поворачивались обратно к всевидящему кристаллу. «Я — человек боя», размышлял он с бледной улыбкой на лице, и испытывая нестерпимое желание участвовать в этой борьбе до последнего.

Хорошо смазанная дверь тайного выхода из зала закрылась за последним гостем, и Лорд Чесс сидел в одиночестве. До краев полный кубок стоял перед ним нетронутым, тогда как он лениво крутил обычное кольцо вокруг пальца.

Маншуна сейчас мог бы остановить только разгневанный бог. Первый Лорд был настолько могущественен в колдовстве, насколько искусен в стратегии. Еще до того, как выпадет снег, он станет правителем Зентил Кипа. Еще год назад об этом и помыслить было нельзя, при всех этих лукавых, закаленных в боях дворянах Кипа, этих надменных магах, при обладании городом.

Старый Йорлтар объявил Маншуна своим преемником, наследником титула Первого Лорда — под магическим воздействием, как многие думали. На десятый день многие из самых гордых дворян — либо не жаловавших нового Первого Лорда, либо владевших сильной магией — заболели. Причин не смогли найти, однако в трактирных сплетнях была заключена правда. А теперь в этих же трактирах уже в открытую велись разговоры о том, что Жентарим убивает соперников. Когда же начались волнения, многие полагали, что у Маншуна есть некое тайное оружие, нечто более мощное, чем все заклинания его постоянно растущего сборища магов-лизоблюдов.

Самые богатые из обычных Жентарим всячески вставляли палки в колеса зарвавшемуся Зенту, но все втуне. Купцы еще раньше поняли, что ничто не спасет, если твой противник — маг. Что касается черни... Смерды никогда не играли особой

роли в политике, кроме как будучи вовлеченными в тот или иной грамотно срежиссированный спектакль. Совсем как народ в Срединных Землях. Кольцо, которое вертел Чесс, сверкнуло, что привлекло его внимание. Он внимательно осмотрел кольцо. Одна банда стояла ему нескольких лучших наемников, он заплатил самым дорогим наемным убийцам, чтобы убить их, когда они отказались работать на него. Однако это стоило затраченных усилий. В те дни он носил кольцо, не снимая. В обладании секретным оружием в Кипе Маншун был не одинок. Чесс мог с помощью кольца призвать верного дракона тогда, когда это было нужно. Пригубив кубок еще раз, он мрачно подумал: «Возможно, этот день наступит завтра».

— Враги у нас были дольше, чем я помню, — сказал Лорд Амандон, вставая. Его гость пришел и в самом деле быстро.

От попытки встать на лбу старого Лорда выступила испарина. Через мгновение он почувствовал, как невидимые руки переносят его в постель, устраивают среди подушек. Боль и дрожь ушли – но он едва сдерживался, чтобы не заплакать.

— Отдыхайте, Лорд Амандон, — сказал его гость, оставаясь в тени. — По крайней мере, я не принес вам смерти.

Старый лорд приподнял бровь.

— Миркул ждет меня у порога... Вот почему я послал за тобой. Нужно остановить, а не убить Маншуна.

— Когда и как?

— К следующему полудню. Боюсь... на собрании правящего совета.

— Собрание настолько хорошо защищено заклинаниями, что все маги, жрецы и солдаты сбегутся со всего Зентил Кипа при одной лишь моей попытке приблизиться.

— Есть способ проникнуть, — ответил Лорд Амандон, — Нужно принять облик того, кого ждут — и ты сможешь свободно пройти.

— Попахивает ловушкой.

— Да, — сказал Амандон, — Действительно... Но не для тебя. Некоторые известные мне тайные формулы, объединенные с твоей силой, могут навечно поработить живое существо. Я даю тебе свое слово – как Боевого Лорда Зентил Кипа и как Амандон – тебе ничего не грозит.

— Я верю вам, — донесся голос из теней.

Лорд Амандон вздохнул.

— Ты более надежен, чем кто-либо в городе в эти дни.

— Недостаток доверия – более серьезная проблема, чем вы думаете, — последовал сухой ответ. — А теперь... эти тайные формулы...

В центре Зала Верховных Зентил Кипа была большая, гулкая комната, как правило – пустая. Но сегодня были заняты все места, те же, кто остался без мест в комнате совета, но был достаточно важным – стояли на ступенях, ожидая чего

угодно, но еще больше стараясь скрыть свое нетерпение. Город заполонили слухи о возвышении Жентарима и растущем негодовании благородных, накрыв город, подобно покрову холодной ночи. Остановят ли бесстрастные жрецы Бейна тягу колдунов к заклинаниям своими собственными чарами? Это может превратит город в арену колдовской битвы и – разрушить. Или они останутся настолько безучастными, насколько себя таковыми провозглашают?

Все утро прошло в нервном перешептывании горожан, стоящих в овальной шахте из скамей, концентрически спускающихся к главному залу для дебатов, освещенному солнечным огнем. Лорд Чесс со своего места мрачно смотрел на этот островок света и прикоснулся к одному из своих колец.

Некто стоял в одиночестве в кругу света – в богатых одеяниях, осматривавший зал так, как будто все и вся принадлежало ему. Маншун Жентарим. Тот, кого ненавидели больше всех... Первый Лорд Зентил Кипа.

Одарив амфитеатр своей мягкой полуулыбкой, вселившей страх во многих, он изрек:

— Но есть еще одно дело.

Маншун взял толстую пачку пергаментов с передней скамьи и потряс ей. Один лист выпал из стопки и отлетел. Кто-то хихикнул, но Маншун, изогнув бровь, взмахнул рукой, и листы закружились вокруг его головы медленно и безостановочно.

— В этих бумагах сообщается об увеличении агрессии со стороны наших врагов, — сказал он таким голосом, что было слышно даже на самых высоких уровнях амфитеатра. — Посмотрим же, так ли они сильны?

Он потряс одним листком.

— Здесь сообщается об убийствах горожан мерзкими, обжуленными прихвостнями дискредитированного главного сборщика налогов.

Он ткнул в стопку пергаментов.

— Тут мы читаем о бесчестных налогах и поборах, под которыми стонут наши купцы в более чем семи городах Драконова Плёса.

Палец Маншуна снова дернулся.

— Может, вам было бы приятно послушать о наших караванах, которые средь бела дня грабят разбойники, выдающие себя за Культ Дракона!

Первый лорд развел руками.

— Это ли не чудовищно? Разве не должны мы наточить свои мечи и подготовить заклятия?!

— Нет, — сказал кто-то со средних скамей, неуверенно. Раздались смешки.

Маншун продолжил давить.

— Однако есть много чего еще. **ОЧЕНЬ** много! На кону – само существование нашего города!

— И всегда так и было, — промолвил кто-то.

— Да, скажите же что-нибудь поинтересней!

Маншун ответил:

— Что же. Смотрите все! Внимательно смотрите!

Он покачал рукой и отошел. Зал споров потемнел. Светлячки мигали и порхали в магической тьме, постепенно собираясь в призрачную фигуру человека в балахоне.

Незнакомец хихикнул и поднял руку, изобразив замысловатый жест. Беззвучная вспышка света вырвалась из этой руки и устремилась к верхним скамьям. Сидящие попятились – и тут на скамьях появились образы трех колдунов-Жентарим, известных в городе. Призрачные маги колдовали каждый по-своему.

Безвредные тени сияющих, убийственных заклинаний вспыхивали и гасли. Посреди беззвучной ярости Маншун стоял спокойно, а затем сказал:

— Я взываю к верховному жрецу Черного Алтаря!

Фзул встал и с достоинством поклонился. Взлохмаченные рыжие волосы и усы его казались застывшим пламенем на фоне мрачного великолепия его облачения.

— Неужели эти образы ложны? — громко и торжественно спросил Маншун.

В руке у Фзула был камень, мерцавший колдовским светом. Посмотрев сквозь этот камень на призрачные образы, Фзул покачал головой:

— Нет. В этих образах – правда.

Затем он снова поклонился и сел.

— Узрите, — торжествуя воскликнул Маншун, указывая на образ призрака. — Красного Волшебника Тай!

Обведя взглядом недоумевающее собрание, Маншун добавил:

— Сражающегося в этом самом зале два дня назад!

Бесшумные заклинания вспыхивали и сталкивались друг с другом. Яростное зеленое пламя рванулось к Красному Волшебнику. И плоть корчащегося человека исчезала в адском огне, покуда не остались только черные скрученные кости. Затем, под взглядами собравшихся, кости рассыпались в прах.

В наступившей тишине голос Маншуна был отчетливо слышен.

— Видели вы свиток у него на поясе?

Призрачное изображение рассеялось, когда он встряхнул рукой, но многие из собравшихся утвердительно кивнули.

— Я узнал его, — мрачно произнес первый лорд, — и проверил наши хранилища записей. Исчез морской договор, который мы недавно заключили с Тай! Мы беззащитны перед тайскими пиратами, однако уступки, на которые мы пошли ради заключения этого договора, все еще ощущаются нами.

Оглядев присутствующих, Маншун поднял руки и воскликнул:

— А ведь это всего лишь кусок бумаги! Что было бы, если этот колдун использовал бы смертоносные заклятья, чтобы лишить вас денег? Или жизни? Или для того, чтобы продать ваших детей в рабство?!

Вот уже начался возбужденный, злобный шум – лорд смотрел на лорда. Маншун позволил реву усилиться, а затем призвал к тишине.

— В нынешнее время Зентил Кипу нужны надежные защитники. Вы сами видели отвагу и способности трех Жентарим, спасших от разрушения этот зал, а может, от чего-то худшего. Я могу спасти город, имея в своем распоряжении намного более стойких и преданных магов, нежели чем те, кто здесь присутствует. Но мне нужно ваше разрешение на это...

Маншун величаво вышел вперед так, чтобы солнечный свет выделил его фигуру.

— Мне нужны право и сила, чтобы защитить вас!

Затем, более спокойно:

— У меня должна быть свобода тренировать и снаряжать людей для защиты города. У меня должны быть все полномочия, чтобы собирать их и использовать в нынешнее время! Я требую, чтобы формальная власть первого лорда Зентил Кипа – моя власть! – была усилена.

Зал взорвался от негодования. Побагровевшие старцы били кулаками по своим скамьям с криками «Не бывать!», «Тирания!». Другие же – «Совершенно верно!». Некоторые же кричали – «Пусть лорд говорит!», «Наконец-то дельное!».

Под прикрытием шума, откуда-то с верхних мест что-то сверкнуло и, вслед, вращаясь, полетел кинжал. Маншун спокойно следил за полетом. И только в последнее мгновение, когда почти все присутствующие увидели вращающееся лезвие, первый лорд взмахнул рукой и прошептал заклинание. Кинжал взорвался фонтаном искр и пропал.

Фзул Чембрил встал и его одеяния распахнулись. Его голос загремел:

— Хаос и грызня ничего, кроме бедствий, не принесут. Чтобы ни было здесь решено – нам необходимы порядок в городе и действенные законы. Мы все слышали определенное предложение на случай бедствий, и четко видели то, чем было вызвано это предложение. Так вынесем же это на голосование. И решим этот вопрос сейчас же! – добавил он, медленно и сурово обведя взглядом зал.

— Вопросы торговли не решаются с наскока! Это неправильно! Совет никогда не решает и не действует второпях, – запротестовал один пожилой аристократ.

— Кинжалов в этой комнате тоже никогда не метали, – холодно парировал Верховный Жрец Фзул. Затем он, горделиво расправив одежды, сел на место.

— Начнем же голосование! Мы должны что-то предпринять, или мы зря потеряем время! – поднял голос молодой аристократ, в попытке перекрыть яростную перепалку.

— Голосовать, голосовать! – раздались ободряющие крики. Большинство голосов, казалось, раздавалось с тех рядов, где сидели волшебники.

— Голосование необходимо, – кивнул Маншун. – Кто еще из присутствующих готов высказаться?

— Я готов! – завопил возбужденный молодой аристократ с верхних рядов, посреди шквала шепотков и шипенья.

— Уже двое высказываются за голосование, и долг этого собрания очевиден. Голосуем, – голос Маншуна разом прекратил все перешептывания.

— Согласно правилам, любое голосование за или против первого лорда должно проводиться в присутствии старшего жреца, – Фзул снова встал. – Однако, я думаю, что служителям великого Бейна не пристало вести себя столь разнузданно на столь мирском собрании Зентил Кипа. Почтит ли нас присутствием Советник Аразил?

Молодой аристократ, только что призвавший к голосованию, раздулся от гордости.

— Первый лорд требует от собрания увеличить его полномочия и полномочия тех Жентарим, которыми он командует. Кто за это предложение?

Там и сям в зале собравшиеся молча вставали с мест. Аразил пересчитал их дважды, включив себя, а затем назвал Фзулу общее число – девятнадцать – которое Фзул подтвердил.

Теперь, уже с меньшей уверенностью, молодой аристократ сказал:

— Поднимитесь все, кто против предложения.

По комнате пронеслось эхо скрипящих скамей. Аразил подсчитал и объявил:

— Сорок шесть советников!

Фзул кивнул.

— Счет верный и на нем благословение Бейна. Запрос откло...

— Подождите! – строгий и недовольный голос Лорда Фандимма заглушил слова верховного жреца. Фзул поклонился, вежливо уступая место и сел.

Старый аристократ, известный как стойкий противник Жентарим, поднялся во весь рост. Он дрожал и его почтенное лицо несколько раз кривилось в конвульсиях. Ища поддержки, он вцепился руками в скамью.

— Я... Я считаю, что мы слишком поторопились, проголосовали более сердцем, нежели разумом, забыв о безопасности нашего прекрасного Зентил Кипа. Это раздражает многих, в том числе и меня, — тут глаза Фандимма озарились яростью и он пробормотал что-то пока голос его не восстановился... — Раздражает нас, говорю, то, что столь юный лорд предпринимает то, что, по мнению некоторых, является ничем иным, как самонадеянной и опасной попыткой обрести абсолютную власть над нашим городом. Вот еще что – если мы отставим в сторону наш гнев, разве не поймем мы, что то, что он предлагает – это единственно разумное?! Разве не видели мы опасностей, которые таятся в тенях самого этого зала?! Разве не должны м-м-мы-ы-ы..., — тут лицо аристократа снова свело гримасой, его тело дернулось, как будто невидимые руки ударили его, затем он провел дрожащей рукой по лицу и сел, пробормотав: — Мне больше нечего сказать.

— Магия! — неожиданно возопил советник. — Кто-то применил к Фандимму магию!

— Магия?! Сквозь антимагические щиты?!

— Да, магия Жентарим!

Волшебник-Жентарим в ярости вскочил.

— Отвергаю это обвинение! Прошу верховного жреца проверить Фандимма. Уверен – он чист от любых заклинаний!

Фзул снова встал и поклонился.

— Судя по ходу этого собрания, — сказал он сухо, мне лучше продолжать стоять.

С ростом напряжения стали раздаваться смешки. Фзул снова посмотрел через сияющий волшебный камень, чтобы найти малейшие следы колдовства – и взрогнул.

— Здесь нет магии, — твердо сказал верховный жрец, — однако, есть что-то другое...

Он пошевелил пальцем и из нагрудного кармана одеяния согбенного лорда вылетела маленькая фляжка, озаряя свой путь блеском. Все могли видеть, что внутри – крепкое вино.

— Ага, — изрек Фзул в гуще неуверенных смешков, дождался, когда возгласы стихнут, вернул фляжку на место и мягко добавил: — Похоже, Лорд Фандимм слегка... взволнован... однако его глубокое беспокойство о безопасности нашего города искренне. И, следуя мудрости, дарованной столь преклонным возрастом, о каком мы и помыслить не можем, он призывает нас к повторному голосованию

Маг-Жентарим, отвергавший влияние магии, вскочил и воскликнул, торжествуя:

— Так свершится повторное голосование!

Советник Аразил почти подпрыгнул, возопив:

— Поддерживаю!

Фзул опять поклонился.

— Проведем теперь повторное голосование.

Маншун, слегка улыбаясь, беззвучно сел на переднюю скамью. Взгляд его был прикован к вспотевшему Лорду Фандимму.

Со своего возвышения Лорд Чесс увидел слабое свечение в глазах первого лорда – это была настоящая магия. Он встал.

— Хватит, Маншун, и вы, Жентарим! Прочь отсюда, из этого зала, колдуны! Советники Зентил Кипа должны принимать решения чистым разумом!

Маншув в ярости отвернулся от Фандимма, упавшего без чувств на место, уронив голову. Взгляд Маншуна был прикован к Чессу.

Арристократ неожиданно почувствовал, как неожиданная тяжесть разрывает его разум. Тут он сглотнул – и заревел от ярости, почувствовав как язык его распух и лишил его дара речи.

Первый лорд злорадно улыбался ему, так же как радостно урчит кошка, поймав свою жертву.

Чесс взирал на эту нехорошую улыбку, одновременно сражаясь с собственным телом. Малые защитные кольца на его руках дымились, охваченные маленькими язычками синего пламени – а затем сгорели. Чудовищная боль пронзила его разум. С колоссальным усилием Чесс поднял свою руку, которая двигалась медленно, будто проделала огромный путь, и посмотрел на последнее кольцо. Оно вспыхнуло.

В воздухе над центральной площадкой Зала Верховных разлилось неожиданное золотое свечение. Оно вспыхнуло ярче и взорам собравшихся предстал огромный черный дракон, мощный и укрытый толстой броней. Голова его была подобна колоссальной рогатой змее. Хлопнули мощные крылья.

Ветер, поднятый этим взмахом крыльев, пригнул людей к скамьям. Дракон зашипел – громко и сердито. В уголках его челюстей запузырилась и вспенилась кислота, наполнив зал слезоточивым чадом драконьего дыхания. Люди кричали. Дракон повернул свою змееподобную голову и в его глазах были голод и хищное наслаждение. Дракон небрежно ударил хвостом одного из присутствующих, превратив его со скамьей в кровавое месиво и груды щепок.

Вслед за этим ударом, со звоном, подобным колокольному набату, высокие окна зала разбились. Присутствующих обуял подлинный ужас.

Дракон изогнулся. Его блестящая чешуя скрипнула.

Через разбитые окна в зал влетели три шара, казавшиеся черными на фоне солнечных лучей. Вокруг единственного немигающего глаза, находящегося посреди каждой сферы, извивались щупальца с глазами поменьше. На одной из сфер раскрылся огромный рот, полный зубов. Рот кривился в жестоком хохоте.

— Бехолдеры! – завопил советник.

— Слухи верны, — поддержал другой. — Жентарим столкнулись с бехолдерами!

В зале все – советники и горожане – вопили и карабкались по скамьям в безумной попытке выбраться отсюда. Дракон взревел и плюнул в ближайшего бехолдера дымящимся сгустком кислоты, но тут воздух был пронзен множеством мерцающих лучей, исходивших из глаз бехолдера. Едва соприкоснувшись с этими лучами, кислота с шипением превратилась в пар.

Лорд Чесс почувал ослабление ментальной атаки Маншуна. Старик сполз за скамью и попытался завладеть разумом дракона, чтобы обратить его ярость на первого лорда, покуда Маншун не перешел к более разрушительной магии.

Воля дракона была ясной и непреклонной, она была сильнее воли старика. Занятый уничтожением своих многоглазых врагов, дракон не обращал внимания на беззвучные команды. Чесс застонал от бессилия.

А в самом зале колдуны-Жентарим работали вовсю. Ловко уворачиваясь от ударов драконьего хвоста, они использовали панику, чтобы осуществить свой тайный заговор. Их лица кривились в злорадном ликовании, когда они метали огненные шары и разряды молний в самых гордых и самых могущественных из правителей Кипа. Многие лорды выхватывали свои жезлы и посохи, с яростью обрушиваясь на противников.

Возвышаясь надо всеми, дракон, извиваясь, ревел от боли, когда лучи обжигали и пробивали его чешую. Вот уже все его тело усеяно дымящимися ранами, заливающими горячей кровью людей, сражающихся внизу. Кинжалы и мечи сверкали в руках людей, сражающихся на скамьях. Чесс снова попытался достучаться до разума дракона, но боль, которую он почувствовал, затопила его сознание, заставив закричать от боли и столь сильно скорчиться, что он ударился головой об обратную сторону скамьи. Когда к нему вернулись чувства, он извлек узкий церемониальный меч.

Мимо пробежал колдун-Жентарим. Когда рядом оказался еще один человек, Чесс встал и пронзил того насквозь.

Колдун захрипел, задержался и обмяк на мече старика. Когда Чесс выдернул свой меч, из бехолдера вырвались лучи губительной магии и ударили в дракона.

Могучий дракон мигнул и начал бледнеть с каждым ударом губительной магии, проникающим сквозь него. Вот уже Чесс мог видеть скамьи и сражающихся людей – видеть сквозь дракона!

Мгновение спустя ревущий дракон просто испарился.

Старик оглянулся, подняв меч. Колдуны-Жентарим перекрыли все выходы, магией отшвыривая перепуганных советников, не давая самой малейшей возможности уйти. Заклинания вырывали мечи из рук или превращали клинки в прах, поджигая их. Увидев, как кто-то выругался, когда меч выпал из рук на пол, Чесс почувал, что и его собственный меч объят огнем. Только тогда он позволил оружию упасть.

Посреди зала, открыто злорадствуя, стоял Маншун. Колдун осклабился еще шире и взгляд его скользил по стонущим и умирающим. Затем первый лорд взглянул на трех бехолдеров.

Торжествующая улыбка перешла постепенно в громовой хохот. Бехолдер, известный Маншуну как Арглат, повернулся – и лучи его, полыхнувшие из глаз, разорвали двух его сородичей.

Одно чудище взорвалось, залив своей кровью остолебеневших жрецов и магов. Пылающее и разорванное тело другого пронеслось по воздуху, и упало прямо в кучу отчаянно верещающих колдунов-Жентарим. Бехолдер-изменник медленно проплыл по комнате. Лорд Чесс пригнулся, когда над ним зависла массивная туша с извивающимися, подобно растревоженному клубку змей, стебельками с глазами.

— Хватит убийств, — прошипел глубоким и жутким голосом глазастый монстр, погрузив весь зал в неожиданную тишину. — Пусть порядок будет восстановлен и прекратится использование магии. Все живые советники должны вернуться на свои места. Маншун, я имею в виду всех!

Первый лорд Зентил Кипа замер как вкопанный, на середине своего волшебства. Прерванные заклинания вспыхивали и гасли вокруг него, в то время, как он глядел на бехолдера. В глазах Маншуна Чесс видел страх в незримую борьбу с бехолдером.

Страх победил. На этот раз.

Второе голосование, прошедшее в присутствии бехолдера, висевшего над головами уstraшенных советников окончилось ничем – требование первого лорда об особых полномочиях были отвергнуты.

По требованию бехолдера, Лорд Чесс был назначен Лордом-хранителем собрания. Он был лишен права голоса, так же как командования армией Зентил Кипа, однако, он получил власть надо всеми аспектами управления советом. Теперь уже никто не мог незаконно обойти совет и захватить власть над городом – даже амбициозные архимаги.

Множество глаз следило за Фзулом, предположительно беспристрастным верховным жрецом Бейна, побагровевшим от ярости. Раздались сердитые перешептывания, касающиеся раскрывшегося попустительства Фзула, когда Маншун, обойдя круг скамей нагнулся над жрецом и прошептал несколько слов. Цена разоблачения была велика, но дело нужно было доделать до конца.

— Не сопротивляйтесь, — выдохнул Маншун. Его лицо было безмятежно и только пылающие глаза выдавали страх и ярость, которые почти душили его. — Однажды я уже имел дело с Чессом, и смогу повлиять на него снова, чтобы... убедить его принять наше предложение.

Что бы ни сказал Фзул, его глаза были по-прежнему темны и страшны от гнева – но он был парализован бесстрастным, шипящим голосом бехолдера. Бехолдер медленно подплыл к двум мужчинам и завис над ними.

— Мы полагаем, — проговорило глазастое чудовище и непередаваемым сарказмом, — что события, произошедшие сегодня, указали вам на бессмысленность размахивания мечами при решении столь важных вопросов. Ведущие дела с поспешностью меняются сообразно своим поступкам – и далеко не в лучшую сторону. Потери, причиненные вам вашей же жестокостью, должны преподать вам столь же недвусмысленный и болезненный урок, как и оставшимся членам этого собрания.

Бехолдер тут же взлетел, однако, не теряя из виду двух мужчин. И добавил, почти с сожалением:

— Но, похоже, главная беда всех людей в том, что они слишком быстро все забывают.

Маншун обернулся, раскрыв рот для гневной тирады уязвленного самолюбия. Но бехолдер уже улетал сквозь выбитое окно. Его прощальные слова были: «Впредь веди себя более осмотрительно, Маншун, если хочешь рассчитывать на нас и в будущем!»

Наступила тишина. Советники сидели как статуи, онемев от ужаса перед тем, что первый лорд мог сотворить в приступе ярости.

Долго, очень долго Маншун смотрел на окно. Затем он слегка улыбнулся и поднял руку как бы в приветствии или как бы отпуская кого-то, а затем – тихо вышел из зала. Оставшиеся Жентарим, не проронив ни звука, встали и последовали за ним и их черные плащи развевались за ними, подобно крыльям стаи хищных птиц.

Лорд Чесс проводил их взглядом и только тогда перевел дыхание. Выходя из зала, он постарался не встречаться взглядом с Фзулом Чембрилом. Он нутром чуял ледяной взгляд жреца. Повелитель Черного Алтаря, говорили, в гневе был воистину страшен.

Ледяной пот стек по спине новоназначенного лорда-хранителя, когда он пересек комнату и быстро обернулся туда, куда не могли достать заклинания. Затем он вздохнул. Все еще была в воздухе натянутость, хотя ни Жентарим, ни жрецы Бэйна больше не осмеливались обмениваться магическими ударами. Затем Чесс опять вздохнул и устремился прочь, оставив за собой встревоженную охрану.

Ужас и трепет захлестнули улицы Зентил Кипа, когда над городом, в лучах солнца проплыл темный и молчаливый бехолдер титанических размеров. Не обращая внимания на насмерть перепуганных людишек внизу, он проплывал мимо шпилей и высоких башенок имея перед собой какие-то тайные и зловещие цели. Наконец, подплыв к группе башен высокого и могучего каменного замка, он остановился у одного из окон.

Затем появился клуб дыма, который, кажется, скрыл открытое окно. С земли никто не видел бородатого человека, скрывшегося в облаке дыма. Он вышел на подоконник снаружи окна. Бехолдер отплыл от окна и его тело начало уменьшаться до тех пор, пока от него не остался клочок тьмы, полностью затем исчезнувший.

Ждать пришлось долго. Лорд Амандон прерывисто вдохнул, когда в высокое окно спального покоя распахнулось и в него влетел ледяной северный бриз. Поверхность гадального кристалла затуманилась.

Этрет рванулся вперед с обнаженным мечом, когда он встретился взглядом с седобородым стариком, прошедшим сквозь окно и спустился по воздуху.

— Приятная встреча, Рорст Амандон – у незнакомца был сухой и глубокий голос.

— Привет и тебе, Эльминстер, – старый лорд вздохнул. Этрет застыл с открытым ртом. И только тогда он понял, что все еще сжимает меч.

Эльминстер с минуту смотрел на него, а затем, почти дружелюбно, сказал:

— Брось эту игрушку.

Лорд Амандон попытался взять слово.

— У меня... нет времени на пустые разговоры. Все прошло как нельзя лучше, Лорд-Маг. Вы сдержали свое слово. Моя цена оправданна. Я счастлив, что сделка совершилась...

Эльминстер кивнул.

— Я был обязан сдержать слово. Я в этом поклялся – ни Маншун, ни Фзул не погибнут от моей руки или моего же заклатья... сколько бы зла они ни наделали, – тут он снова кивнул. — Моя плата за имена, которые вы сообщили.

Этрет переводил взгляд с одного старика на другого. Лорд Амандон кивнул.

— Я не хочу смерти Маншуна, что бы он со мной ни сделал. Зентил Кипу нужен сильный военачальник, способный справиться с растущим числом врагов. Однако, я хотел удержать его от превращения в тирана, правящего городом, лишь немногим отличающимся от крепости, — тут дыхание Амандона сбилось, и старец долго пытался набраться сил, а набрав их, просто пожал плечами. — Так что... даже злобный старик может быть вам чем-то полезен, а?

— Воистину, — сказал Эльминстер, смотря на боевого лорда взглядом, в котором читалось грусть. — Я склоняюсь перед вами, Лорд. Сражаться с вами все эти годы было действительно великой честью.

Лорд Амандон откинулся на подушки и прошептал:

— Теперь же, я боюсь, что все это закончилось, Эльминстер, — затем, в последний раз, повернулся к своему верному слуге: — Прощай, Этрет. С тобой – мои благие пожелания и все мое наследство.

Затем его взгляд скользнул по тяжелому мечу и – к портрету Леди Амандон. Эльминстер проследил этот взгляд.

Слезы потекли ручьем из глаз Этрета и он уже не увидел, как маг поднял руку и что-то прошептал со спокойным лицом.

Секунду спустя скромная, тонкая фигура женщины с портрета как будто повернулась к Амандону, признала своего повелителя и мужа и улыбнулась. Картина сияла, когда она сошла с нее, обрамленная призрачным белым огнем, с ликом, сияющим от радости, когда она распахнула свои ласковые объятия своему мужу.

— Дэзил, — задрожал Лорд Амандон. — О, Дэзил!

Он поднял свои немощные руки с неожиданной живостью, устремившись к ней.

Когда она подошла к нему, старец попытался встать с постели, чтобы встретить ее... и упал, растянувшись без звука на ковре.

Сияющая фигура висела над ним несколько секунд, глядя с улыбкой, прежде чем исчезнуть. Этрет сначала рванулся к своему господину, но затем взглянул на Эльминстера. Оба они поняли, что Амандон умер.

— Леди Амандон, — плача прохрипел Этрет. — О, милосердные боги! Она... — верный слуга замер и вытер слезы. — Это вы, вы сотворили чудо, призвав ее. Но почему? Почему вы помогли тому, кто был вашим врагом все годы?

Эльминстер изогнул бровь, однако голос его был чист от насмешки.

— По словам твоего господина, даже злобный старик может быть полезен. Твой господин был полезен и мне, и своему городу. И, как мы, старики, знаем, если нам суждено прожить долгую жизнь – за все надо платить...

Когда старый маг отвернулся к окну, Этрет увидел, что руки его дрожат от усталости.

Одна из рук поднялась в прощальном приветствии, когда Эльминстер, встав на подоконник и обернувшись, добавил:

— ...И не имеет значения, сколь высока цена.

Один визит, тайный, в Зирту

Рад представить самый первый рассказ о вселенной Forgotten Realms.

Написанный в 1967 году, до моего восьмого дня рождения, он немного медленнее, статичнее и тяжелее в диалогах, чем если бы я писал эти сцены сегодня, – но я думаю, что он выдержан замечательно.

Он также довольно точно вписывается в форму многих приключений Dungeons & Dragons (игры, которая была создана примерно через семь лет): начинаясь в таверне, или, точнее, с драки в таверне.

В нем так же представлены первые появления более шести довольно известных (некоторые могут предпочесть термин «печально известных») персонажей Королевств. Зирта, кстати, была поглощена Скорнубелем – тогда так называлась группа поселений на южном берегу реки Чонтар.

Итак, спуститесь по ступеням тускло освещенного питейного заведения под названием "Банши Лэйд Бэр", 4 Элесиаса в год Плачущей Луны (1339DR) и понаблюдайте за весельем.

В конце концов, именно здесь, друзья мои, все веселье и началось.

Во всех землях между шумным Глубоководьем и сверкающими волнами Моря Упавших Звезд никого не любили и не боялись больше, чем сурового мечника Дурнана, грубого старого плута Мирта и мудрого древнего волшебника Эльминстера.

Поэтому все разговоры в «Банши Лэйд Бэр» внезапно и неожиданно прервались, когда пыхтящий мужчина, спустившийся по ступенькам в мерцающий, не слишком хорошо освещенный свечами мрак таверны, прорычал через плечо:

– Запиши это сам, парень! Мирт Ростовщик – не лакей!

Более чем одна голова непроизвольно обернулась, чтобы посмотреть на задыхающегося, с отвисшим животом, в скрипящих потрепанных старых сапогах прибывшего – и не одна бровь приподнялась, когда их владельцы подавили усмешку. *Это* и есть Старый Волк Глубоководья? Которому люди, даже тот хладнокровный скользкий зловещий эльф, по кличке Змей, боялись перейти дорогу?

Мирт Беспощадный, если это действительно был он, приподнялся, как нос усталого корабля, заходящего в док – судя по его внешности, толстый старый ког, расходящийся по швам, – и огляделся вокруг.

Со вздохом удовлетворения он направился к свободному столику и едва успел со стоном удовлетворения устроиться на скамье, чей ответный стон был гораздо более сердечным, как лысый, с орлиным носом человек за соседним столиком крутанулся на месте.

– Это, – объявил он с мягкой угрозой, – мой стол, видишь? Мне нравится, когда он пуст, чтобы было у меня было место для пустых кружек. Так что пошевели салом, свиноголовый!

Мирт не подал виду, что услышал его, и с усилием поднял одну из своих ног в грязных сапогах на стол.

– Эй, девка! – позвал он. – Я хочу пить!

Лысый моргнул, посмотрел на толстяка, который теперь критически изучал носок своего поднятого сапога, и прорычал:

– Я к тебе обращаюсь, кабанье брюхо!

Мирт изучил свои ногти, бросил взгляд в сторону лысого мужчины, кивнул в знак приветствия и окинул взглядом зал и других посетителей, большинство из которых уже сгорбились в предвкушении.

Мирт одарил всех расплывчатой, непринужденной улыбкой приветствия и крикнул:

– Эй! Эля от Темпуса Штормового Шлема! По меньшей мере, бочонок!

С гневным рыком лысый мужчина поднялся и встал над толстым торговцем, обнажив плечи, широкие, как маленькая повозка, и обнаженные руки, с мускулами, испещренными зелеными венами. Руки, похожие на лопаты, потянулись вперед, пока Мирт с легким интересом наблюдал за происходящим, и с жестокой силой сомкнулись на ноге торговца, у лодыжки и колена.

– Похоже, ты плохо слышишь, салага – прорычал их хозяин, грубый юмор исчез из его глаз несмотря на то, что головорезы вокруг стола, за которым он сидел, зашушукали и зафыркали. – Интересно, будет ли это продолжаться, когда ты познакомишься с болью, быстро и скоро!

Мирт моргнул, посмотрел на мужчину, перевел взгляд на руку на колене, затем вниз по ноге до волосатой хватки на его лодыжке, поднял голову, чтобы почти соприкоснуться носом с сердитым лицом, придвинутым вплотную к его лицу – и рыгнул, протяжно и громко, в лицо мужчине.

С гневным ревом мужчина дернул торговца за ногу, подняв ростовщика в воздух вместе со столом и всем остальным (благодаря другой руке и ноге Мирта, которые держались за них). Когда стол со скрипом встал на дыбы, торговец сильно ударил толстым кулаком в горло новообетенного врага. Лысая голова с тошнотворным бульканьем резко откинулась.

Мирт уперся другой рукой в его лицо и вырвался на свободу, когда мужчина сполз на пол, безжизненно шатаясь, и стол рухнул на него. Старый Волк с грохотом упал на соседний стол, расплескав выпивку во все стороны и забрызгав ругающихся мужчин – пьяных собутыльников лысого.

Под общий рев изумленных или восторженных ругательств, сверканье и звон десятков клинков, выскакивающих из ножен, зал взорвался. Мирт с силой ударил ногой человека за столом, за которым стояла колонна. Он услышал, как череп несчастного с глубоким и влажным звуком стукнулся об него, а затем прыгнул в противоположную сторону на другого человека, повалив того на пол и злобно нанося удары кинжалом длиной в фут, каким-то образом, появившимся у него в руке. Они боролись, затем мужчина под толстым торговцем застыл.

Мечи звенели о сабли, мужчины выкрикивали вызовы и рычали о намерениях разжечь старые или воображаемые обиды, а кто-то бросил стул.

На лестнице спешащая служанка вскрикнула и уронила бурдюк, но его ловко поймала в воздухе в нескольких дюймах от того места, где он должен был разбиться о грубый, усыпанный песком пол, длинная загорелая рука, обладатель которой сказал с уровня ее щиколоток:

– Благодарю, милая. А теперь, хорошенькая служаночка, унеси свой плач обратно на солнце, и дай мне пройти в зал!

С безумными глазами и стремительно, как напуганный сокол, она подчинилась, оставив мужчину с бурдюком откупоривать его и с удовольствием пробовать то, что в нем плескалось. Он тут же скорчил гримасу, вернул пробку на место и положил шкуру на ступеньки рядом с собой.

В суматохе битвы, когда стулья опрокидывались, а углы столов впивались в животы восторженно бранящихся мужчин, никто не расслышал его бойких слов. Но когда новоприбывший схватил ближайший стол и швырнул его через весь зал, чтобы тот разбился в щепки о колонну и визжащие тела дюжины отчаянно борющихся мужчин – все обратили внимание на второе появление.

– Б'ыр Леди Луна! – ахнул один мужчина в возникшей во второй раз за этот вечер внезапной тишине пивного зала. Мужчины уставились – и увидев – замерли.

Стоя на нижней ступеньке, улыбаясь маленькой кошачьей улыбкой и оглядывая комнату с возникшей и томящейся в его глазах обещанием смерти, стоял мужчина, одетый в кожаные бриджи, сапоги и жилет, обнажающий грудь и руки. Чужестранец, конечно. Его кожа была загорелой, как медовое дерево, а мускулы, проступающие под ней, делали его похожим на большого охотничьего кота, когда он оглядывал комнату. Он скривил губы в нечто, что отчасти было насмешкой, отчасти нетерпеливой улыбкой.

– Ты мог бы подождать, пока я не закончу пробираться к комнате, Старый Волк! – сказал он с притворной жалобой. – Я и так был слишком обделен в нашем путешествии!

– Шесть свернутых шей, а у четверых мужчин перерезаны органы и горло? – пыхтя ответил Мирт, пробиваясь вперед с чужой кровью на руках. – Этим обделил? Что ж. Да, полагаю, для тебя это так. – Он нахмурился и оглянулся через плечо, мгновенно просветлев.

– Смотри-ка! – сказал он, мотнув головой так сильно, что его взъерошенные усы затрепетали. – Я оставил тебе кое-кого, Дурнан – большинство из них, били меня!

– Дурнан! – ахнул мужчина где-то в глубине комнаты. – Дурнан из Глубоководья!

– Дурнан! – закричал другой мужчина, его голос был почти рыдающим от страха.

– Что ж, так и есть, – восхищенно заметил Дурнан, как будто никто не произносил его имени, а длинные, покрытые шнуровкой руки, пронзившие его, словно скорострельные стрелы, подхватили другой массивный стол, словно перо из дамской шляпки, и швырнули в комнату.

Грохот, возвестивший об окончании его короткого полета, был почти заглушен криками и испуганными воплями людей, пытавшихся спастись бегством, почти перелезающих друг через друга в поспешной попытке добраться до неосвещенной узкой лестницы для слуг в самом дальнем углу пивной.

В течение одного-двух мгновений комната была наполнена воплями людей. Затем здесь снова стало пусто и тихо, если не считать пары крупных и тихо посмеивающихся друзей.

– Так-так, – сказал Дурнан, сделав шаг вперед так же плавно, как любая пантера, – похоже, ты до сих пор не можешь сделать что-то столь же простое, как заказать небольшое горловое пойло, не начав кровопролитную драку!

– Моя репутация, – с простым достоинством ответил Мирт, выпрямляясь, – опережает меня.

Он огляделся, когда его осенила внезапная мысль.

– Интересно, оставил ли кто-нибудь выпивку, которую не разлили, а?

Дурнан посмотрел вверх на потолок.

– О боги, наблюдающие за нами, – горячо заговорил он. – Было бы очень мило с вашей стороны, если бы...

–Эй! – Мирт заурчал от неожиданного восторга. – Смотри!

Три фигуры ютились за столом в одном из самых темных углов комнаты, без свечей или ламп, и среди них были графины, высокие бокалы и тонкие, изящные руки, обхватившие рифленое стекло...

– Хо! – Мирт радостно взревел. – Женщины! И все для нас!

Три длинноволосые головы повернулись, чтобы посмотреть на него, выражения их лиц невозможно было различить во мраке, но раздраженный мужской голос, исходивший с их стороны, был совершенно безошибочен в своих чувствах:

– Я думаю, нет.

Глаза Мирта сузились, когда он шагнул вперед.

– Я уже слышал твой язык раньше... кто ты?

Девица в центре – та, что с дымчатыми глазами и откровенно невероятной грудью, украшенной яркой татуировкой дракона, прокладывающего свой счастливый путь вниз, – казалось, на мгновение растаяла и дрогнула перед глазами

Старого Волка. Когда она перестала мерцать, перед ним предстал исхудалый белобородый старик в потрепанной остроконечной шляпе и изорванной мантии.

– Люди обычно называют меня Эльминстером, – кисло сказал волшебник через край своего поднятого стакана, – если вообще осмеливаются меня как-нибудь называть.

Он сделал жест бокалом, словно поднимая тост за двух воинов, и Дурнан опустил руки с рукояток кинжалов, пристегнутых к внутренней стороне браслетов, и снова вздохнул.

Мирт беспокойно усмехнулся.

– А девки? Они с тобой?

– Похоже, что так, – промурлыкала одна из женщин, прижавшихся к Старому Магу Долины Теней за мгновение до того, как ее накрашенное лицо закружилось, заколебалось и превратилось в мрачно улыбающуюся красавицу в обрамлении длинных серебристых волос, которые лениво шевелились вокруг ее плеч, словно щупальца беспокойного осьминога. – Но почему бы тебе не посмотреть, сможешь ли ты завоевать нас, доблестный ростовщик?

– Шторм! – Мирт грубо ахнул. – Шторм Серебряная Рука!

Дурнан посмотрел на девушку, прижавшуюся к другому плечу Эльминстера, и тихо спросил:

– А ты...?

На этот раз вихрь был кратковременным, и глаза, смотревшие на него в ответ, были немного скромнее, но волосы снова были взъерошенными и колыхались, словно танцуя под дуновением ветерка, которого не было.

– Мужчины обычно называют меня Аластриэль, – сказала она, дразня Эльминстера взглядом, – когда они обнаруживают, что их губы достаточно свободны, чтобы называть меня, как угодно.

– Боги Всевышние! – Мирт выругался, когда три бокала были подняты в его сторону. – Что вы трое здесь делаете?

– Ну, мы *слушали* очень интересные беседы, – сурово сказала Шторм, – то твоего, ах, доблестного прибытия. Немного о рабстве, немного о темной магии, заговорах на одно или два цареубийства; это таверна немного лучше, чем большинство других для такого рода развлечений, которые мы страстно желаем.

Улыбка играла в уголках рта Дурнана уже некоторое время, и она стала шире, когда он вкрадчиво спросил:

– Если я разделю расходы на это вино, могу ли я разделить бокал или два?

– Можешь, – хмыкнул Эльминстер. – Наша работа в Зирте, на данный момент закончена.

Мирт нахмурился и озадаченно приподнял одну щетинистую бровь.

– Эта?

– Да, эта. – Старый маг указал через весь зал. Его длинный указательный палец указывал на труп, полураздавленный под обломками стола. – Смотри.

Растянувшаяся рука оканчивалась кистью, покрытой сверкающей чешуей. Два пальца вытянулись и превратились в жестокие крючковатые когти, а кровь, стекавшая по полу между ними, была ярко-синего цвета.

– Ты можешь поразмышлять об этом, – многозначительно сказал Эльминстер, подталкивая графин через стол к Мирту, – когда в следующий раз будешь наглотать в таверне или в городе. Сколько зла – или дерзкой отваги, или ловких сделок – может сделать тот, кто тайно приходит в Зирту, а?

Шторм закружилась и снова превратилась в пышную накрашенную танцовщицу из таверны, ее грудь покрывал лишь сверкающий блеск фальшивых драгоценных камней, а серьги болтались возле черных, цветущих губ, как черные звезды размером с кулак.

– Или вдвоем? – спросила она.

Вихрь Аластриэль был слишком мимолетным, чтобы увидеть его, но он оставил длинный обнаженный бок с яркими татуировками, когда она откинула плащ, показывая почти дородное тело с совершенно другим изящным лицом и вызывающими глазами – один из которых был окружен нарисованным светящимся кольцом, а старый шрам от меча постоянно морщил ее губы и подбородок. – Или втроем? – спросила она, глядя на Мирта.

Мирт тряхнул головой, как бы отменяя ее так, как если бы поморщился, и несколько неохотно опустил глаза от зрелища, чтобы взглянуть на мертвую когтистую руку.

– Как ты думаешь, сколько их сейчас ходит по Зирте?

Эльминстер пожал плечами.

– Почему бы вам не пойти с нами и не посмотреть?

Мирт посмотрел на Дурнана, тот посмотрел на Старого Мага и пожал плечами.

– Почему бы и нет? – ответил загорелый мечник, потянувшись к графину.

Он был уже на полпути к губам, как легкий звук с лестницы позади него заставил воина развернуться и напрячься.

Женщина в плотно обернутом плаще стояла в одиночестве на ступенях, глаза почти весело блестели сквозь полную маску. Рука Дурнана дернулась к эфесу меча.

– В этом нет необходимости, – серьезно сказал Эльминстер, поднимая палец. Когда какое-то заклинание облачком взвилось вверх по лестнице, облетая каждый уголок таверны, он мягко добавил:

– Добро пожаловать, ваше величество.

– Благодарю тебя, старый маг, – ответила фигура в маске, распахивая плащ и снимая маску, чтобы золотые локоны рассыпались по плечам, а Мирт забормотал в изумлении.

– Могу я представить королеву Кормира Филфаэрил? – добавил волшебник, величественно жестикулируя. Мирт и Дурнан уставились на Пурпурного Дракона, сверкающего аметистами на груди, мягко задрапированной золотой тканью.

– Боги издеваются надо мной! – взревел Мирт. – Что вы здесь делаете?

Королева Кормира пожала плечами, ловко взяв графин из его рук и подняв его, чтобы посмотреть на содержимое.

– Это показалось мне правильным поступком, – сказала она, критически повертев его в руках. – Если кто-то пожелает получить наставление или предупредить о заговорах против трона, или вести разумный разговор о причинах мира, человек может тайно прийти в Зирту.

Мирт покачал головой.

– Когда я был моложе, – пожаловался он богам, которые в очередной раз не смогли сразить его, – мир был намного проще.

Эльминстер вздохнул.

– Боюсь, это обычное дело, – сказал он Старому Волку. – Похоже, ты потерял свой графин. Вот, возьми другой.

Долгие, тяжелые дни Белдрим Тарустер работал в пыли складского двора, пошатываясь под тяжестью мешков тяжелее его самого и бочек, которые не должен был поднимать ни один человек. Один промах – и он будет мучиться до конца своих дней, не имея больше монет, чтобы набить брюхо, и сидеть, кисло наблюдая, как более молодой человек шатается под бочками.

Такие мрачные мысли охватывали его плечи, словно тяжелый плащ, и в конце изнурительной смены он, спотыкаясь, отправился в "Банши", чтобы спуститься по темной лестнице в гостеприимный мрак таверны к его любимому огненному вину.

Его манило это время дня, и если люди бросали на него странные взгляды, пока он ковылял к дверям, что ж... он к этому привык.

На пороге Белдрим кашлянул, сплюнул, а затем медленно ступил на темную лестницу вниз. Ступени были неровными, как раз для того, чтобы заставлять усталые ноги спотыкаться, и тогда он...

Магия коротко запела вокруг и внутри него, и его шаг замедлился. С мужчинами, которые попадали в объятия магии, случалось всякое.

Но он все еще был жив и не чувствовал боли. Возможно, это просто...

Белдрим сделал еще один шаг, очень медленно. Свет вокруг него изменился, и в оглушительной тишине зазвучали голоса. Веселящиеся люди – их было не так уж и много – разговаривали.

Он напрягся, прислушиваясь, и замер, крепко схватившись за поручень.

Да, так. Он все правильно услышал.

А когда великие и могучие смеются, то порой дрожат замки, и смерть протягивает руку, чтобы забрать многих, многих людей. Причем слишком быстро, чтобы убежать от нее.

– Лучше быть в другом месте, как можно скорее, прямо сейчас.

Тихо – настолько тихо, насколько он умел – Белдрим Тарустер развернулся на ступеньках и снова пошел вверх по лестнице, его уход был так же незаметен, как и прибытие.

Иногда в жизни так лучше.

Танец в саду у Шторм

Далее следует каприз. Дневной инцидент, связанный со Шторм Серебряной Рукой, ее садом, старым пройдохой волшебником, который, кажется, появляется во многих рассказах Королевств (Эльминстер, конечно, никакой интриги на эту тему) и ... кого-то менее известного.

Будет также немало магического издевательства, отчасти со стороны Эльминстера. Воло (пожалуй единственный фаэрунец помимо Эльминстера, который моментально находит, что сказать) однажды прокомментировал эту тему следующим образом: «Эльминстер, вероятно, единственный человек на всем Фаэруне, который может преподнести свой сон, как ключевой подвиг, имеющий исключительное значение для Королевств. Опять же, он один из немногих, чьи ритуалы ко сну действительно имеют исключительное значение для Королевств. Если бы он просыпался утром хмурым, мало что осталось бы к востоку от Долины Теней, кроме пустошей дикой магии на месте Вороньего Утеса, Мулмастера, Тэя и ... хм. Пожалуй, все же Королевствам нужен кто-то достаточно отважный (или глупый), чтобы парочку раз украсть завтрак у Старого Мага».

Итак, позвольте мне использовать магию рассказчика, чтобы незаметно украсть ленивое послеобеденное время шестого дня Элейнта, в Году Лука (1354 DR) в саду Шторм в Долине Теней, и посмотреть, что произойдет.

Воло еще кое-что тонко заметил в отношении волшебников: «Вы когда-нибудь обращали внимание на то, как волшебники воображают, будто вся жизнь в Королевствах танцует на их руках и переходит из дня в день только потому, что они постоянно работают, чтобы сохранить нам всем жизнь? Они что, думают, будто мы выживаем, когда они купаются в ванной?»

Кхм. Сад, насколько я помню, все так и стоит ...

I. Меч

Меч выскочил из ножен, крутанулся один раз в воздухе и с мерцанием превратился в кошку с серебряной шерстью. Она отпрыгнула на каменную плиту, чтобы сесть, сердито дернула хвостом, а зеленые глаза полыхнули яростью, оглядывая красивый сад вокруг.

Эти глаза видели более величественные приемы и более радушную и почтительную аудиторию, чем этот залитый солнцем, с щебечущими птицами уголок сада. Здесь изобиловали еще не созревшие таласки, а на месте столба, бывшего когда-то копьем жентиларского всадника, вилась вверх замысловатым

завитком виноградная лоза с колокольчиками. Сзади – толстая живая изгородь, обхватывающая, как объятия. Ни кланяющихся слуг, ни торопливых лакеев, даже ...

Со звоном тысячи крошечных невидимых колокольчиков из ниоткуда на разгневанного посетителя обрушилось заклинание.

– Моё, моё, – послышался из-за розового куста нежный веселый голос. – Сначала длинный меч, потом кот. Неужели тебе так не нравится твой облик?

Кошка замерла, затем закружилась – стремительно и со злобным свистом отправив птиц, полевок и даже ос в безумное бегство – и превратилась в высокую, мрачную, угрожающую фигуру, которая возвышалась во внезапно наступившей тишине.

То, что кошка превратилась в женщину в темном рваном плаще поверх платья подобного цвета и настроения – не произвело впечатления на розовый куст. Ее глаза оставались двумя изумрудными языками пламени, брови темными и опущенными в рычании, которое не свидетельствовало ни о доброй воле к разговаривающему кусту роз, ни к тому, кто прятался за ним.

– Я не знаю, кто ты, и мне все равно, – выплонула бывшая кошка, – но обличье, в котором я решаю встречать мир, – мое личное дело. То неизвестное и ничтожное заклинание, которое ты так нагло осмелился наложить на меня – я разрушила его. Теперь умоляй меня пощадить твою жизнь и говори, где я могу найти Эльминстера из Долины Теней, и тогда – если ты будешь очень сильно умолять, полностью унижая себя, и доставляя мне безмерное удовольствие – останешься в живых. Или нет.

– А, – весело ответил голос из-за розового куста, – тогда полагаю, я должна умолять тебя пойти со мной на кухню и отведать чаю "Лунная погода". Или нет, конечно.

II. Розовый куст

Женщина в темном платье в ярости зашипела и выбросила вперед руку, швыряя в невидимый голос пригоршню пустого воздуха. Полыхнули искры и вырвавшиеся из ее ладони синие сгустки пламени пронзили залитый солнцем воздух над розовым кустом – только для того, чтобы вздрогнуть и исчезнуть в голубом мерцании, неистово вращаясь во всех направлениях. Заклинание пролетело по пустому воздуху и кануло в небытие, так и не задев ни единого лепестка розы, ни единого темного нежного листа.

Колдунья, которая провела столько месяцев в обличьи меча, вскрикнула от ужаса и быстро защитила себя перед тем, как огрызнуться:

– Кто ты?

– Какая любезность, сказала бы Шторм Серебряная Рука, которая потом осмелилась бы мило спросить то же самое: какое имя носишь ты?

– Серебряная рука? Одна из семи?

– Именно.

– В пекло! – в этом сорвавшемся рычании было больше страха, чем ярости, и его зеленоглазая, одетая в черное обладательница не прибавила к нему свое имя.

Вместо этого она быстро произнесла еще одно заклинание, позволяющее ей скрыться из виду – теперь она билась в настоящем страхе, затем дернулась назад, как будто ее поймали звенящим жестким ошейником с прочной цепью.

– Какая жестокая магия? – ее рычание было больше похоже на визг.

– Такое изобилие вопросов сильно утомляет, – нежно заметила Шторм Серебряная Рука и обошла вокруг розовый куст, чтобы противостоять яростно сопротивляющейся колдунье. – Я знаю, что делаю.

Не проявляя никаких признаков огорчения из-за заявленной усталости, она подошла вперед в заштопанных и запотевших бриджах, смешной скомканной шляпе и пыльном нашейном платке. Из под шляпы торчали великолепные серебряные волосы до бедер и локоны, своенравно вьющиеся, словно ленивые змеи.

Она спокойно обратилась к корчащемуся посетителю.

– Я задаюсь вопросом, что за манеры у колдуньи, которая путешествует как меч – меч, который так резко вырывается из ножен, появляется в моих покоях, не объясняет ничего, и снова отступает так же быстро, – затем становится кошкой, прежде чем принять облик женщины, которая изрыгает столько высокомерия и яда на любого из шести правителей. Также я все еще задаюсь вопросом, какое имя может носить такое существо. В самом деле, непросто.

– Я ... нет! Ты все равно убьешь меня, так почему я должна раскрывать тебе свое имя и форму?

Шторм вздохнула от горечи и обратилась к розовому кусту:

– Гордость – такая хрупкая броня. Ты так не думаешь?

III. Волшебник

Куст роз затрясся всем телом, завел колючий усик назад, будто желая почесать себя, распрямился и стал более плотным и коричневым. Коричневые ботинки, коричневые штаны, коричневый пояс и комплект ножен с мечом, впечатляюще тяжелого вида. Все это нес высокий стройный мужчина, чья длинная распущенная борода и почти такие же длинные волосы были белы, как нетронутый снег. Серо-голубые глаза сверкали – озорством? – под слегка темными бровями. Изогнутая блестящая коричневая трубка возникла из ниоткуда и услужливо парила у бородатого рта. Который тут же криво улыбнулся.

– Все чаще я нахожу это так, да ... но ведь у меня и возраст больше, чем у большинства заклинателей, чтобы исследовать это. Эта злобная колдунья не хуже большинства.

Он повернул голову, приподнял бровь в манере, знакомой многим фаэрунцам – большинство из них мертвы – и спросил почти так же мягко, как Шторм спокойно задавала свои вопросы:

– Ты так не думаешь, Натчанция из Невервинтера?

Борющаяся колдунья снова замерла, ее лицо побледнело. От страха ее грудь вздымалась быстрыми вздохами, из которой вырвался вопрос, больше похожий на всхлип, чем на рычание.

– Т-ты знаешь мое имя?

Седобородый мужчина выпрямился, пристально посмотрел на нее строгим, все еще мерцающим взглядом, и ответил:

– Я попробую перенять твою напускную заносчивость: знай, девка, что Эльминстер из Долины Теней знает многое, очень многое. Я ступаю по мирам и вижу, как проходят столетия, возводятся башни и падают замки, и все же сохраняю свою улыбку. Я спариваюсь с драконами – разумеется, соответствующим образом измененными – и живу, чтобы сожалеть об этой прихоти. Я танцую с личами, будь они костями или нет, я крушу крепости, когда они стоят на пути прекрасного вида, обмениваюсь букетами цветов по зову девушки и даже плачу налоги с улыбкой. По правде говоря, я ... хвастун и болван, который каким-то образом сумел остаться в живых дольше, чем большинство благодаря чистой удаче, а не хитрости. Да, Натчанция, я знаю твое имя – так же, как я знаю имя твоей матери Алайс и твоего отца Ророльда и их родителей до них и ... ну ты понимаешь куда я клоню. Я даже знаю, почему ты пришла в Долину Теней искать меня, но меня позабавило бы услышать это из твоих уст. С надлежащим умалением, как ты потребовала. Или нет, конечно.

IV. Ловушка

Белое лицо Натчанции стало еще более бледным, а ее красивое горло задвигалось, когда она сглотнула, облизнула пересохшие губы, снова сглотнула, а затем прошептала:

– У-убить тебя. Меня отправили сделать это.

– Да, по принуждению?

Колдунья качнула головой, в глазах у нее блеснули слезы.

– Я не могу произнести его имя, иначе наложенное на меня заклинание убьет меня.

Эльминстер одной рукой сделал жест в воздухе, достигая двух целей: он велел Шторм Серебряной Руке молча отступить, ее лицо при этом стало серьезным, а его парящая трубка плавно переместилась к ее плечу. Казалось, воздух содрогнулся от ожидания, когда Старый маг угрожающе улыбнулся, обнажая зубы, и шагнул к дрожащей волшебнице.

– Итак, ты стоишь перед деликатным выбором: предать его и умереть, или бросить вызов мне ... и умереть. Ах, это трудный путь, который мы, творцы заклинаний, должны пройти. Снова и снова мы вынуждены противостоять самим себе и видеть, кто мы есть и чем становимся. Натчанция, кто же вы?

Женщина в черном смотрела на него, как маленькое животное, попавшее в ловушку, вздрогнула, закрыла глаза и тихо плача, прошипела:

– Нет... нет... нет.

– Тебе нужно больше мужества перед лицом смерти, – мягко заметил Эльминстер. – Тем не менее, это не редкая ошибка. Позволь мне избавить тебя от уверенности в неминуемой гибели и сказать тебе, что я сам назову имя заказчика, который прислал тебя сюда. Его имя: Аундаман из Тэя.

Имя странным образом раздалось эхом, когда оно сорвалось с его губ. Затем все затихло, леденящей тенью растекаясь по саду.

Глаза Натчанции, устремленные на Старого Мага, вспыхнули во внезапном торжестве. Из ее неподвижной груди внезапно вырвалась ревущая магия, хищный поток голодной ярости, который врезался в седобородого волшебника и с белым опаляющим пламенем понес его прочь на живую изгородь за ним. Но что-то невидимое отбросило его обратно в клубящийся, исчезающий дым.

И все же ее грязная работа была сделана, и когда иссушающее заклинание завершилось, колдунья из Невервинтера холодно улыбнулась Шторм Серебряной Руке, беря себя в руки и наблюдая с жестоким весельем:

– И поэтому Эльминстер из Долины Теней оказывается в конце не более чем старым дураком, из чистой гордости попавшим в ловушку, которую Красный Волшебник заложил в меня, чтобы устроить его гибель!

Она подняла когтистую руку и добавила с усмешкой:

– Бард Долины Теней тоже падет сегодня от рук Натчанции из Невервинтера!

V. Трубка

Шторм вздохнула и закатила раздраженно глаза еще до того, как вспыхнуло синее пламя, отвернувшись, чтобы пожаловаться парящей трубке:

– Почему они все похожи на старого менестреля Тинтроса, высмеивающего Мэншуна? Почему это всегда Великая Насмешка Судьбы, а?

И трубка выпустила кольцо дыма в небо, подмигнувшее Шторм, и во второй золотой вспышке... исчезло, оставляя Эльминстера стоять рядом с Бардом из Долины Теней, с укрытой бородой подбородком на том месте, где была трубка.

Старый маг пожал плечами и развел пустыми руками.

– Теперь, милая, ты должна признать, что Великая Насмешка Судьбы – это смешно. Чистое пустословие, без бешеного азарта, стремительных погонь, взрыва замков и драконов, раздирающих когтями и заклинаниями! Да мы можем предаться высмеиванию, лежать на тронах с любовницами, потягивать вино и вязать теплые носки на предстоящие зимы! Избавимся от Натчанции, но не от насмешек!

Шторм Серебряная Рука посмотрела на все еще дрожащую колдунью и холодно произнесла:

– И все же она достаточно ясно показала свое истинное сердце, когда ты дал ей шанс.

Эльминстер улыбнулся, махнул рукой, и, прежде чем она успела вскрикнуть, Натчанция из Невервинтера исчезла, и на ее месте возникла чахлая, раздраженная горгулья, изношенный камень которой покрывал старый мох в крапинку. От безысходности ее когти не тянулись вообще ни к чему.

– Итак, милая, как тебе еще одна статуя в саду?

Бард из Долины Теней положила длинные умелые пальцы на свои бедра и твердо произнесла:

– Спасибо, но только в чужом, очень далеком саду. Если те, кого ты уже дал мне, когда-нибудь вырвутся, большая часть Драконьего Предела будет сравнена с землей до наступления следующей ночи!

– Хорошо, хорошо. Значит, сад Аундамана?

Улыбка Шторм медленная, мягкая и злая, она кивнула, отвернулась и направилась на кухню.

– Чай "Лунная погода"?

– Я должен умолять об этом, дорогая?

Она обернулась и кивнула, все еще злобно улыбаясь.

Эльминстер упал на колени, когда статуя исчезла позади него, и взмолился:

– Разве нет другого пути?

Бард фыркнула, сморщила нос и сказала:

– Или нет, конечно. Даже спустя тысячу с лишним лет, тебе нужно больше тренироваться в молитвах о пощаде.

Тихий день в Скуллпорте

Блеснувшие в темноте глаза – прелюдия к редкому в Подгорье звуку: глубокому, скрежещущему смеху. Ксазун очень, очень давно не был так возбужден.

В сырых, леденящих глубинах огромного подземного лабиринта, который представляет из себя смертельно опасное Подгорье, в извилистых коридорах недалеко к северу от Скуллпорта, берет свое начало один из путей, под аркой в виде каменной статуи улыбающейся нимфы. Резьба не может передать подобную неземную и смертоносную красоту, но статуя все же прекрасна, и слухи о ней в течении лет распространялись. Некоторые даже верят что статуя изображает богиню – возможно, Сьун, огневолосую леди любви – и кланяются ей или молятся перед ней... и кто посмеет сказать, что они не правы?

В статуе и на самом деле таится больше чем почти живая красота. Все, кто пытались отделить ее от камня и унести были найдены мертвыми – разорванными на маленькие кусочки – в комнате перед аркой. Окровавленный резец одного из них сейчас все еще лежит там, служа немой предупреждением для энтузиастов переносной скульптуры которые могут в будущем забрести в комнату с аркой.

Кто создал арку и почему, секреты эти все еще хранят таинственные строители этих окраин Уотердипа. Осторожный – и удачливый – искатель приключений может,

однако, выяснить, что лежит за этой аркой. Коридор с гладкими каменными стенами, конечно (это легко может увидеть любой, смотрящий на нимфу). Но по каким-то причинам немногие идут по нему.

Те же, кто идет, обнаруживают что скоро коридор сужается и резко уходит вниз, становясь грубо высеченным в скале тоннелем. В нескольких местах эта дорога наполнена непрекращающимся шепотом эха: слабеющие, но никогда не утихающие следы удаленного грохота, который, кажется, включает в себя и громкие разговоры... на языках, которые не поймет и даже не определит самый внимательный слушатель.

Когда заинтригованный путешественник продолжит путь, на все еще спускающейся в глубину дороге станут попадаться белеющие кости людей и каких-то больших змееподобных существ, и начнут попадаться ямы. Над несколькими из этих смертельных провалов, окруженные, покрытыми паутиной костями, свисают темные, древние древесные ветви, оканчивающиеся остриями. Годы прошли с тех пор, когда как клыки падали они на своих жертв, которые теперь лишь искореженные кучки костей и жил, тихо свисающие с ветвей; их жизненные соки давно поглощены.

Немногие заходят так далеко. Можно днями ждать пока рассыпающаяся кость не упадет в глубину с маленьким сухим шорохом... и этот шорох – единственное происходящее здесь событие.

Любой пришелец кто пройдет район ям – и сможет уклониться от личного знакомства с новыми – скоро наткнется на взгляд черепа, размерами больше чем большинство людей. Голова гиганта смотрит вниз по коридору, в пустых глазницах источают сияние обитающие там светящиеся черви. В их бледном свете видно, что принесло гиганту смерть: лежащий рядом в сумерках булыжник, размером почти с расколотый череп, из которого топорщатся проржавелые металлические острия с человека длиной. Ремни, обтягивавшие камень и державшие массивную цепь на конце которой он находился, все еще прочны. Покрытая шипами глыба лежит в проходе как поджидающий добычу бехолдер, почти перегораживая путь, иногда легонько покачиваясь в ответ на удаленный грохот и ветер глубин.

Только глупец – или искатель приключений – зайдет так далеко, и тем более пройдет дальше, за гигантскую ловушку, в поисках дальнейших опасностей. Храбрец вскоре дойдет до участка, где неровная полоса светящегося камня пересекает потолок, отбрасывая слабое рубиновое сияние вниз, на старое удобно выглядящее кресло с подлокотниками и подставку для ног. Они стоят вместе в алькове, рядом с маленьким столиком на котором разбросаны старые пожелтевшие книги – в основном, истории невероятных приключений, но также и несколько томов в жанре “сладострасный маг” – и закладка, сделанная из длинного перевязанного узлом локона человеческих волос.

Если пришелец удачлив, он обнаружит кресло пустым, и будет удивляться, как оно попало сюда, и кто использует его. Неудачник, или тот кто попытается украсть или повредить вещи, скоро узнает что это один из приютов старого и сумасшедшего мага, известного под именем Халастер, некоторые называют его Лордом Подгорья. Только он может призвать на Фаэрун призрачное кольцо плывущих скелетоподобных личей, которые окружают кресло, мечущее заклятия на

доставившего ему неприятности. Тот, кому повезло обнаружить альков пустым и пройти дальше, вскоре найдут полосу где человеческие кости бесконечно дрожат и мечутся, ожидая живого врага которого можно разодрать на части. Кости кружатся медленно и терпеливо, но смертельным голодом взрываются когда пришелец оказывается в пределах их досягаемости.

За костями коридор поворачивает направо, и заканчивается безграничной пустотой – пещерой, достаточно большой чтобы вместить некоторые города из верхнего мира.

Пещера, в которой вновь мигнули множество глаз, когда во тьме ожила искорка света.

Свет пульсировал, метался в бешеном танце, и быстро увеличивался в размерах, превращаясь в яркое, плавающее изображение... человеческой женщины, с длинными шелковистыми волосами, плавной грацией, хорошо одетой и с темными, пронзительными глазами.

Глубокий смех раздался вновь, и его источник приблизился к сияющему фантому, множеством глаз рассматривая изображение.

“Начнем”, прогрехотал глубокий голос, полный триумфа, и нечто из щупалец и волнующейся плоти поднялось почти устало со скал пещеры, приблизившись к изображению.

Когда оно подошло, щупальца слились в единую массу, которая поднялась, утончилась, и с пугающей скоростью превратилась в двойника фантомной леди.

Над изображением и изменяющей облик тварью, множество глаз пристально наблюдали как одно старается стать таким же как другое... множество глаз на беспокойных, змееподобных отростках сферы, разрезанной широкой полной мириадами зубов пастью. Единственный огромный глаз в центре плавающей сферы сверкал от радости, и по пещере вновь прокатился глубокий удовлетворенный рокот.

Ксазун был стар даже по меркам бехолдеров, но и у его рода бывали случаи когда терпение, порожденное долгими годами и холодной расчетливостью заканчивалось... для Ксазуна сейчас был именно такой случай.

Глаз-тиран быстрее обычного проплыл вокруг своего зачарованного доппельгангера, ища малейшее отличие от сотворенного им изображения... и вновь издал звук удовлетворения не обнаружив ни одного. Искры магического света бурлили вокруг него, когда он начал творить могучее волшебство.

Если все пройдет как надо, раб который принял сейчас такое прекрасное и изящное обличие – до последнего дюйма повторяющее утонченную человеческую девушку благородного происхождения – скоро будет носить другое лицо: одного из Лордов Уотердипа. И таким образом Ксазун через глаза и руки оборотня, подчиненного его воле, наконец-то доберется до Верхнего Мира, и богатого, суматошного города людей, слишком глупых чтобы заметить когда ими манипулируют. Уотердип, Город Роскоши, где золотые монеты текут как реки, куда стекается народ со всего Фаэруна – и из более далеких краев – чтобы зачерпнуть из протекающего мимо богатства. И, что главное: попробовать вкус и запах власти, достигаемой ли грубой силой или хитростью.

Власть. Быть частью происходящего, изменять его согласно собственным желанием. Она влекла Ксазуна, он чувствовал ее флюиды даже здесь, скрываясь во тьме. Когда его раб займет место Дурнана, хозяина знаменитой гостиницы Зевающий Портал, Ксазун сможет спокойно переправлять вещи и живых между Скуллпортом и Уотердипом (по твердой цене), когда пожелает. Он станет каналом для этих текущих монет, и частью самых темных интриг на Побережье Меча.

Жить вновь, после всего этого прятания по углам, после долгого ожидания в этой нескончаемой тьме!

Очень, очень давно пришли фаэримм, и город Оолтул пал. Вспышки боевых заклинаний вымостили кровавыми ошметками бехолдеров лабиринты предместий и сами улицы Города Тиранов. Оолтул, когда-то использовавший пурпурных червей и иллитидов как рабов, лишенных рассудка, чьи коридоры и залы с легкостью вырезались в прочной скале, обитатели которого уничтожали отряды и целые армии дроу, когда бы те не появлялись. Город, где родился Ксазун. Бехолдер все еще с трудом мог убедить себя, что город разрушен, даже после отчаянного бегства в мрачном Подземье от неугомонных фаэримм, которое закончилось в знаменитом Скуллпорте, Источнике Рабов, самом знаменитом из мест, где Верхний Мир встречается с Миром Нижним.

Место, в котором Ксазун остался, и из которого поклялся никогда не бежать. Глаз-тиран снова посмотрел на раба, и нетерпеливой мыслью разрушил сияющее изображение девушки, ставшее тысячей танцующих искорок магического света. Мгновение они беспорядочно метались, затем отлетели к стенам пещеры, своим бледным свечением давая возможность сработать следующему заклинанию.

Да, следующее заклинание. Приманка, которая приведет обреченного Лорда Уотердипа к Ксазуну. Старейший герой осторожно спустится в глубины Подгорья, чтобы спасти молодую симпатичную леди в беде: Нитикс Тандерстафф, дочь старого друга Дурнана Анадула, кто, в свою очередь, был братом Баэрому, главе благородного Дома Тандерстафф. Здесь он и умрет.

Бехолдер вновь оглядел раба доппельгангера, стоявшего в облике Нитикс, и мысленным приказом заставил его сжаться, и в ужасе прижать тонкую ладонь к губам. Идеально. Ксазун улыбнулся. Скоро Дурнан окажется в пределах досягаемости.

Скоро... если все пойдет как надо. А дела редко идут как положено, если они связаны с людьми, хмуро подумал Ксазун. Затем он вздрогнул, глазные стебли задергались как гнездо потревоженных гусениц, и несколько искорок магического света послушно метнулись к нему. Они слились, образовав глаз – глаз, наблюдавший за испуганной девушкой, произносившей слова, указанные ей Ксазуном.

Когда сообщение было составлено, бехолдер удовлетворенно рыкнул; глаз облетел вокруг него и направился на север, ища человека по имени Дурнан.

Дурнан, Лорд Уотердипа, Дурнан, Хозяин Портала. Дурнан Обреченный.

“И наши несравненные клинки...” пропел Дурнан, прерываясь чтобы нагнуться и пошарить в ящике. Выбрав бутылку он вытащил ее.

“Сверкали сквозь проклятый воздух”, продолжил он, и резко подул на серую пушистую пыль, которая не взвилась в воздух с крышки, а только неохотно отлетела в сторону и опустилась вниз. Виски Дантимера, 1336. Хмм. Не Эликсир Эвермита, но не так уж плохо. Азун Кормирский был коронован в тот год... и кто скажет, что он сейчас так же хорош как это вино?

Дурнан провел кончиком тряпки по бутылке, и положил ее в корзину, спокойно висевшую у его локтя. Что еще он - ? Ах, да, Лучший Белаэрд! Уфф. Что так может нравиться клиентам в этом виски с далекого Шейрталара было ему совершенно непонятно, но оно пользовалось успехом, и чем дальше тем больше, так что приходилось идти в ногу со временем.

Мда. Мальчишки, едва начавшие бриться, вваливаются ночь от ночи в его гостиницу, с громкими надменными криками, и отполированными мечами, которыми они усердно размахивают вокруг, беспрерывно похваляясь... Неужели и мы были такими невежественными в юности, такими... безхитростными? Наверное, так.

Время великий лекарь для ран, и источник благостного света; без сомнений, именно оно делает его юность ярче в его глазах, одновременно заставляя его спину трещать и кости болеть в сырую погоду. Они и сейчас нудят. Дурнан опустил в корзину несколько бутылок белаэрда, и зашагал, не проверив, следует ли она за ним.

Естественно, следует. Старый Энгулт творил хорошие заветы, долгие, не гаснущие, и... умер, старый, одинокий, жалкий. С того момента, как они пели для него погребальную песню не прошло еще и десяти дней.

Дурнан покачал головой, пригнулся под низкой аркой у входа в следующий погреб, и с вызовом продолжил старинную боевую песню. “Десяток драконов уложил я на пузо!”

Эхо отозвалось ему с полудюжины темных углов, он ухмыльнулся и вложил всю душу в следующую строку: “Орков без счету и красотку-медузу!”.

Слова оживили в его разуме воспоминания. Это был не просто самый глубокий винный погреб Зевающего Портала. Также это было хранилище множества трофеев его юности проведенной с мечом: светился амулет лича, приспособленный в качестве лампы; пара клыков орка – от единственного гигантского орка, который ему попался – а проиграй он той ночью, это оказался бы единственный гигантский орк, которому попался он; мечи павших врагов, вырванные из безжизненных окровавленных рук на поле боя, или унесенные как добыча из подземелий, населенных призраками или драконьих сокровищниц. Больше десятка клинков висело здесь, там, везде вокруг, отбрасывая бледный свет медленно угасавших чар, питавших запутанную паутину его магической защиты.

Дурнан разглядывал их, удивляясь, как же жизнь его стала такой скучной и обыденной. Мысли его были на пылающих палубах давно потонувших кораблей, смотрели на драконов, взвивающихся в воздух из разрушенных замков, теперь забытых... злобные лица врагов и радостные женщины... и вокруг всего этого – яркие искры и лязг мечей, танцующих смертельный танец в котором он всегда побеждал. Задумавшись, Дурнан пробормотал окончание песни и начал другую

боевую песню его юности, продолжая путь, сопровождаемый послушной корзиной. А сколько вообще старых шлемов, клинков и тому подобных вещей он складировал и почти позабыл здесь, внизу?

И тут в комнате перед ним засияли ослепительным огнем его защитные заклятья, дородный старый держатель таверны даже не успел выругаться, прежде чем защита лопнула в последней вспышке, и что-то яркое впорхнуло в неожиданно разорванный воздух, разбросав смертоносную магическую энергию во все стороны и подплыло к нему.

Дурнан пригнулся, потянувшись в невидимую корзину позади за бутылкой чтобы метнуть ее, выхватив поясной кинжал. Светящаяся штука была маленькой и округлой, и ... раскрывалась, показывая внутри себя картину. Она расширилась в магическое окно, остановившись перед Дурнаном, защита восстановилась с последним разрывом волшебного пламени, и в погреб вернулся покой.

“Дурнан? Лорд Дурнан?” Лицо девушки было знакомым, но никогда он не слышал в тихом мягком голосе такую дрожь страха. Нитикс Тандерстафф стояла в какой-то темной пещере, лицо ее было грязным, одежда на одном плече разорвана. В расширенных темных глазах отражался ужас. “Если послание дойдет до тебя, прошу, помоги мне. Я в...” аристократка сглотнула, прикусила губу и продолжила – “...Подгорье. Другие убежали, и ... кто-то крадется за мной. Мне кажется, я около твоих погребов, но я не уверена... и мой светильник гаснет. Т-там что-то следит за мной. Пожалуйста, найди меня.”

Изображение потемнело и растаяв исчезло, а Дурнан все еще смотрел туда, где были смотревшие с такой мольбой глаза. Послание было подлинным – должно было быть. Только немногие благородные смели открыто обратиться к нему “лорд”, и он видел Нитикс на ночном праздновании во дворце всего четыре дня назад. Это была она, все верно, и напуганная. Пещера позади нее может быть где угодно под горой, но не слишком близко: вокруг Портала подземелье состояло из гладкостенных залов и коридоров. Ее слова “остальные убежали” звучали как один из этих лихих набегов молодых аристократов с яркими новыми мечами, несколькими бутылками храбрости и острой необходимостью впечатлить своих леди. Такие нашествия редко проходили больше нескольких комнат в верхних уровнях бесконечного лабиринта Подгорья прежде чем страх – или реальная опасность – прежде чем только что веселившиеся участники обращались в бегство в город наверху.

Итак, маленькая девчушка с которой он смеялся и играл в куклы, а позже разговаривал про жизнь и приключения, и бегство от скуки жизни, благой молодой леди великого дома – хмм, не столь уж отличной от скуки ушедшего на покой путешественника – потерялась и в беде где-то в подземных лабиринтах. И он единственный достойный источник помощи которого она знала и к которому могла обратиться. Дурнан вздохнул. Долг его был ясен.

Не то чтобы это могло сравниться с деяниями его юности, но... Хозяин таверны нахмурился и подошел к одному из столбов. Так, четвертый камень снизу, или - ?

Четвертый камень держался прочно, а вот пятый послушно ушел внутрь, открывая рычаг. Он надавил на этот каменный палец, и что-то невидимое слегка взвизгнуло и щелкнуло. Он отступил от камней, качнулся, получив чувствительный

удар по колену и вновь пошел вперед, чувствуя как оживает в нем старое возбуждение. Он заглянул в темную нишу.

Рукоять клинка приветственно замерцала, Дурнан достал его и вытащил из ножен – длинный, тяжелый меч добытый в гробнице в замороженной безымянной долине северней Серебристой Луны, одним днем когда он бежал от отряда орков. С ним он прошел половину северных земель, а затем на палубе пиратского корабля все Побережье Меча. Было время, когда он мог снести голову человека с его плеч... Мускулы руки напрягались, как и всегда было, когда он размахнулся мечом, чуть не задев плывшую за ним корзину.

Меч прорезал воздух с той жуткой мощью, которую он так любил... но казался куда тяжелее чем был раньше – боги, неужто он бежал так, размахивая им, день и ночь? Дурнан опустил его, установив острием на пол, и облокотился на него, раздумывая где может быть Нитикс... потерянная где-то на темных опасных путях за стенами его погребов.

Вздох или два трактирщик ощупывал знакомую рукоять меча, затем пожал плечами и сделал что-то с невзрачным колечком на среднем пальце его левой руки. Маленькое колесо световых искорок тихо окружило кольцо; он склонился над этим быстро растворявшемся свечением и прошептал, “Ушел под гору, спасать Нитикс Тандерстафф, старый друг; может понадобится помощь”.

Последние волшебные искорки исчезли. Дурнан посмотрел на кольцо, вздохнул и снова поднял меч. Последовавший вздох был громче. Он угрюмо покачал головой, думая о своей угасающей силе, вернул меч на место, и прошел по комнате туда, где на стене висел более короткий и легкий клинок. Этот тоже был хорош в его руках когда-то.

Резко он вытянул его из ножен, подбросил в воздух, поймал и мгновенно атаковал невидимого противника, тут же подпрыгнул и развернулся, разрубив воздух в волоске от бутылок в плавающей корзине. Она, казалось, уклонялась от броска стали, но Дурнан не замечал этого, направившись под арку, где заклинания позволяют пройти только ему, и вниз по ступеням в темноту. Впервые за долгие, пыльные годы он шел в бой!

Плывущая корзина с бутылками, забытая позади, пыталась проскочить преграду вслед за ним. Последовала вспышка разбуженной магии, и ее отбросило назад. Корзина, казалось, вздохнула на мгновение, прежде чем упасть на пол, разбив как минимум одну бутылку белаэрда. Темное виски расплескалось по полу... но никого не было, кто мог бы услышать это.

“Транстра? Я знаю что ты здесь! Выходи и дерись, прокляни тебя боги, или я...”

Оратор не стал заканчивать угрозу, а просто нанес двери могучий удар. Она задрожала настолько, что ни один из занимавших комнату за дверью не нуждался во взгляде на яркую сталь топора, которая пройдет насквозь на втором ударе, чтобы знать что третьего дверь не выдержит.

Толстый, краснолицый человек в комнате оторвался от проводившихся шепотом переговоров и отскочил назад, давая своему партнеру по бизнесу необходимое место. Змеиные кольца скользнули мимо него, когда она подобралась, слегка всколыхнулась и сосредоточилась.

Огненно-красные волосы Транстры и прекрасная, не отягощенная одеждой верхняя часть тела остались неизменными; нить из рубинов которую она носила все еще подмигивала меж ее груди. Ниже тонкой талии, однако, чешуя стала растворяться, хвост превратился в длинные человеческие ноги. Мирт шагнул к ней, приводя в действие магию, защищавшую его от ее прикосновения, и заключил ее в нежные объятия, как раз когда оглушающий грохот возвестил о падении двери.

Вопли и грохот телег Скуллпорта ворвался в комнату. Голова минотавра с длинными рогами наклонилась в дверной проем, осторожно следуя за гигантским топором. Раздувая ноздри он проревел, “Транстра?!”

Мирт поднял голову, отрываясь от уступчивых губ вкуса вишни и раздраженно закричал “Ты ошибся комнатой, Рогатая Голова... а за эту я заплачу”.

Минотавр взвыл от злости и бросился вперед – и замер, когда тонкий клинок со смертоносной внезапностью взмыл перед ним из половицы. “Следующий окажется у тебя промеж ног”, прорычал толстый ростовщик, “если ты очень быстро отсюда не исчезнешь. Понял?”

Минотавр посмотрел на него, уставился на женщину которую обнимал Мирт, пробормотал “Простите” и отступил.

Тучный ростовщик поднял руку, и задействовал второе кольцо, окружая дверной проем и стены вокруг непроницаемым туманом. Звуки Скуллпорта мгновенно стихли, и в наступившей тишине стальной голос у его горла твердо сказал: “Моя благодарность за твою сообразительность, Мирт. Теперь ты можешь отпустить меня и отойти подальше”.

“Что угодно чтобы избежать невежливости – и крови”, язвительно заметил Мирт, подчиняясь. “Из тебя получилась хорошая девочка, Транстра”.

“Не для тебя”, резко ответила ламия; ноги ее вновь удлинились и на них начали появляться чешуйки. “Давай вернемся к вопросам торговли и импорта, хорошо? Думаю, мы договорились на шести ящиках белаэрда и десяти сундуках тяжелых цепей”.

“Не хочешь добавить пару-другую рубинов?” ответил Мирт подняв бровь.

Ламия холодно посмотрела на него. “Нет” отрубилла она. “Не хочу”.

“Что же”, легкомысленно сказал Мирт, “значит придется кое-что тебе вернуть”. Он протянул ей в ладони нить рубинов.

Транстра нахмурилась, и посмотрела вниз, где ее волосы свободно спадали на грудь. Три нижних камня на нити отсутствовали. Она яростно зарычала и подняла на него полыхающие глаза.

Мирт низко поклонился ей когда она схватила свои рубины, и опустив подбородок почти до пола посмотрел вверх, округлив глаза и сверкнув ей улыбкой типичного идиота.

Хвост Транстры взметнулся по полу в опасном мгновении, затем шипение ярости ламии медленно расслабилось, превратившись в смешок.

“Ты ни разу не пытался надуть меня”, сказала она с тихим удивлением, наблюдая как человек крикнув выпрямляется. “Как же ты вообще зарабатываешь деньги?”

“Мое безграничное очарование”, спокойно объяснил Мирт, “заставляет богатых женщин таять в моих руках, страстно желая одарить своими безделушками такого внимательного и – гм, умелого – как я. Это привело меня на великую дорогу, на которой я сейчас нахожусь”.

“Спутник по найму в худшем борделе Скуллпорта?” язвительно спросила ламия, поддвигаясь ближе.

Мирт засунул пальцы себе за пояс и возразил. “Ну, девочка, не секрет что моя осторожность...”

“Тебя оставила если ты посмел назвать меня девочкой” последовал резкий ответ. Ламия скрестила руки и подтянулась, кончик хвоста раздраженно постукивал о пол.

Мирт пренебрежительно взмахнул ладонью. “Если ты думаешь, что маленький воображаемый укол заставит меня стыдиться и даст тебе преимущество в торговле, подумай еще, чешуйчатая малышка”.

“Чешуйчатая малышка?” прошипела ламия, теперь по настоящему сердясь, и наклоняясь к нему со сверкающими глазами. “Что же, я...”

Она отпрянула, и лихорадочно подняла руки готовясь метнуть заклинание когда в воздухе перед ней объявилось маленькое светящееся колесо. Сердитый взгляд Транстры устремился на торговца, но она увидела что это явление не его рук дело; Мирт был ошеломлен не меньше ее. Ламия тихо отодвинулась подальше, держа руки поднятыми наготове.

Из этого светового круга послышался знакомый Мирту шепот. “Ушел под гору, спасать Нитикс Тандерстафф, старый друг; может понадобится помощь”. Первое кольцо на его руке вздрогнуло в ответ, тихонько подтолкнув Мирта в направлении Зевающего Портала, далекой таверны Дурнана.

Мирт последовал этому зову, направившись в своих старых шлепающих башмаках к разбитой двери. Транстра подвинулась, освобождая дорогу, он похоже вообще забыл что она в комнате. Преграда беззвучно раздвинулась перед нахмурившимся старым торговцем, он шагнул в проход, незанятый минотаврами. Несколько шагов доставили его к ближайшему окну.

Толстый торговец посмотрел вниз, на огороженный стенами двор Клинка Биндла, новейшей таверны в сумрачном опасном Скуллпорте. Заходя сюда он разглядел столы и видел... да, так и есть.

Новым веянием в Скуллпорте были сопровождающие факелы, нанимавшиеся на вечер, и несомые куда бы не пожелал покупатель плывущей отделенной от тела скелетной рукой. Множество этих мельтешащих нововведений мерцали среди бережно расставленных столов Клинка и сейчас, и одно из них довольно четко освещало лицо Нитикс Тандерстафф. Она спокойно сидела с несколькими женщинами-работоторговцами. Высокая бутылка была в ее руке, тонкий длинный меч на бедре. Он смотрел как она смеется в ответ на чью-то шутку, откидывается в кресле, задирая одну ногу на стол, и поднимает бутылку приветствуя насмешившую ее работоторговку.

Если это – женщина в беде, подумал Мирт, не хотелось бы ему увидеть ее уверенную в себе и спокойную.

Мирт наблюдал, как молодая женщина с кошачьей грацией выпрямляется в кресле и оглядывается вокруг. Он отступил назад прежде чем она могла случайно посмотреть в окно, и покачал всколоченной головой. “Ну-ну”.

“Эта... штуковина”, сказала ламия из-за спины. “Она закончила наши торговые разговоры на сегодня, так?”

Мирт повернулся, посмотрел в глаза цвета пламени, заметив – не в первый раз – как прекрасна Транстра. “Да”, почти печально сказал он, и его партнер по бизнесу улыбнулась ему, одновременно загасив мерцавшее пламя готового заклинания в тонкой руке с длинными ногтями.

“Будут... другие вечера” сказала она, и скользнула мимо так близко, что чешуйки касались его руки. Мирт смотрел как она идет вниз по лестнице в темноту, затем вздохнул и покачал головой. Какая жалость, что он такой упитанный, а ламии едят человеческое мясо. Он начинал хотеть, чтобы эта улыбка означала что-то другое.

Шагнув назад в комнату он сделал что-то с первым кольцом. Колесо серебристых искр послушно окружило его, нагнувшись над ними он прошептал, “Ушел из Скуллпорта по просьбе Дурнана помочь ему в спасении Нитикс Тандерстафф. Я видел ее здесь, так что подозреваю обман”.

Свечение рассеялось. Толстый, стареющий Харпер и Лорд Уотердипа пробормотал что-то над другим кольцом, призвав обрывки защиты окружить его, чтобы защитить от летающей смерти на пути по Скуллпорту. Корабли и лица подземного города менялись быстро, но место не становилось терпимей к слабым и неосторожным. Мирт огляделся вокруг и достал что-то маленькое с пояса, держа наготове в ладони и направился по коридору к скрытой лестнице ведущей из Дома Долгого Медленного Поцелуя. Он оставил дверь в комнату открытой, чтобы Хлардас знал, что он ушел и мог отключить лезвия. Лучше будет напомнить ему, проходя кухню. Так ведь можно потерять хороших горничных.

Аспер в прыжке перелетела через голову ошеломленного стражника и развернулась как только ее босые ноги пружинисто соприкоснулись с холодными плитами пола. Городской стражник плавно повернулся, – великолепно выглядя в своих доспехах – как раз вовремя чтобы увидеть рукоять кинжала молодой леди в пальце от его глаз, где сейчас могло бы находиться и острие. Он едва посмотрел на него, когда почувствовал прикосновение рукояти ее меча к груди, как раз в том месте, где он вышиб бы из него дух будь это настоящий бой.

Он посмотрел на покрытое потом сияющее лицо светловолосой девушки, покачал головой признавая поражение и смахнул собственный пот льющийся с кончика носа. “Я вижу, что ты делаешь”, проворчал он, “и все же не могу поверить”.

“Считай себя мертвым, Херл”, сказал стоявший сзади капитан стражи. “И в следующий раз постарайся не поворачиваться как спящий слон. Она могла бы ударить тебе в шею и исчезнуть за дверью прежде чем ты упал”.

“Да, капитан” устало сказал Херл. “Хоть раз я хотел бы увидеть...”

Он умолк, уставившись на колесо маленьких огоньков один за одним тихо возникших в воздухе перед его одетой в кожу противницей. В наступившей тишине Аспер наблюдала как они вращаясь становились ярче и сливались. Она подняла руку прося стражников молчать.

Из этих вращающихся огоньков раздался хриплый шепот, хорошо ей известный. “Ушел из Скуллпорта по просьбе Дурнана помочь ему в спасении Нитикс Тандерстафф. Я видел ее здесь, так что подозреваю обман”.

Затем светлячки начали гаснуть, пока, благодаря магии Мирта, не остались видимы только для Аспер. Они выстроились в линию, направленную на север – и резко вниз. Под гору, ниже даже этого темного, промозглого подвала замка.

Аспер нахмурилась. Она знала, что ее мужчина послал ей сообщение на случай если вызов Дурнана был фальшивкой, предназначенной заманить в ловушку самого Мирта. И, обман это или нет, если только оба старых Лорда Уотердипа не изменились серьезно за последние несколько дней, им очень скоро понадобится ее помощь. Она повернулась и поклонилась наблюдавшим стражникам.

“Это было удовольствием скрестить с вами клинки, как и всегда, господа”, сказала она смахивая пот с брови и обуваясь. “Я должна идти; нужна моя помощь”.

“Нам стоит что-то знать об этом?” спросил нахмурившись капитан.

Аспер покачала головой. “Дела Лордов” сказала она, и выбежала из комнаты, оставив стражников смотреть ей вслед.

“Как может клинок одной женщины – даже этой женщины – быть важным для Лордов Уотердипа?” спросил один из них удивленно. “Почему они так часто нуждаются в ее помощи?”

“Дружище”, ответил Херл, “ты лучше попытайся одолеть ее на мечах в следующий раз, а затем спроси у меня снова”. Он небрежно метнул клинок через весь огромный зал в предназначенное для него отверстие – не больше кулака. Клинок улегся на месте войдя по рукоять с громким звоном, и все его сослуживцы посмотрели на стражника с восхищением. Херл развел руками, без следа гордости на лице и добавил, “Вы все видели что она со мной сделала. Как бы хорош ты ни был, всегда найдется кто-то лучше”.

Другой стражник поежился. “Не хотел бы я встретить того, кто лучше ее”.

“Теперь к другим делам” пробормотал глаз-тиран, повернув глазной отросток к укрытой в тених расщелине в стене пещеры. Послушно что-то маленькое и блестящее поднялось оттуда и плавно выплыло в полость гигантской пещеры: сверкающая сфера полированного хрусталя, размером с большую человеческую голову. Она искрилась и подмигивала подплывая к бехолдеру, затем неожиданно засветилась ярче, внутри ее пробудилось бледное зеленоватое сияние.

“Вот оно”, Ксазун всмотрелся в появившееся в глубине шара изображение. Лесистая местность, молодая худенькая человеческая женщина, плавно повернувшаяся в седле чтобы рассмеяться, свободно распущенные светлые волосы

рассыпались по ее плечам. Ее радость и неслышные слова были направлены молодому мужчине, появившемуся в изображении, в его собственных глазах тоже танцевало веселье. Губы наблюдавшего бехолдера скривились в чем-то, что посторонний зритель мог бы счесть язвительной ухмылкой.

“Шандрил Шессаир в моей власти, хоть и не знает этого”, промурлыкал гластиран. “Еще несколько добавочных чар и тогда... о, да, пламя магии будет использоваться ею по моей воле, против любого моего врага! Многие заплатят мне долги, очень, очень скоро”.

Сталактит в другом месте пещеры зевнул и пробормотал. “Еще несколько заклинаний, и я буду править миром? Сколько же раз я слышал это прежде?”

Черная летучая мышь слетела вниз с ближайшего сталактита, повернула голову и моргнула. “Эльминстер?” спросила она. “Это ведь ты? Тоже почувствовал отклонение?” “Конечно я, и конечно да”, ответила скала. “Я чувствую любое изменение происходящее с девочкой. Занимался бы Халастер в своих владениях делом, а не просто предавался созерцанию, меня бы здесь не было, но...”

“Наблюдать почти наверняка лучший выбор”, холодно заметил сталактит под когтями приземлившейся летучей мыши, и слегка дрогнул. “Ты всегда действовал слишком быстро, и менял Фаэрун слишком сильно, Эльминстер”.

Летучая мышь взмыла в воздух и быстро перелетела к скале, которой был Старый Маг. “Халастер?” осторожно спросила она повернувшись. “Привет, Лаэрал”, ответил скалистый выступ на котором она приземлилась до этого. “Мы все согласны, что этому Ксазуну огонь магии достаться не должен?” Двое других согласно пробормотали “Да”. “Тогда доверьтесь насчет него мне, я сделаю все так, что и бехолдер и Шандрил останутся в неведении”, продолжил Халастер. “Я держу свой дом в таком порядке какой мне нравится... хотя ты, Леди-маг Уотердипа, можешь баловаться здесь когда захочешь; твой подход более умелый, чем у большинства”.

Осторожно переводившая взгляд с одного сталактита на другой, летучая мышь очень хорошо чувствовала напряженность в воздухе, между скрещенными взглядами смотревших в глубины души друг друга древних архимагов. Тишина опустилась и сгустилась меж ними. И тогда, потому что она была такой, какой была, Лаэрал посмела спросить: “А что Эльминстер? Приветствуется ли он под горой?”

“Тем малым остатком рассудка что у меня есть я обязан ему”, ответил Халастер, “и я уважаю его мастерство – и его умение сочувствовать – больше чем любого другого живущего мага. Но то, что он сделал со мной... Что он вынужден был сделать со мной... У меня нет к нему любви”.

Два темных, похожих на ястребиные, глаза появились на скале, и Хозяин Подгорья тихо добавил, “Это мой дом, и я вправе захлопнуть его двери перед теми, кого не желаю видеть”.

Сталактит что был Эльминстер ответил так же мягко, “Я не могу спорить с этим. Знай, что мои двери для тебя открыты всегда”.

“Я ценю это”, сдержанно сказал темноглазый сталактит, исчезая.

Он не ходил этой дорогой годами, и почти забыл места на которых можно споткнуться и выбоины, попав в которые можно переломать себе ноги. Побитый старый ящик все еще лежал на положенном месте. Дурнан достал оттуда несколько бутылочек с зельями, и засунул их за пояс, постучав по металлическим сосудам, чтобы убедиться что они все еще полные. Затем он достал клочок тонкой черной ткани, лежавшей под ними, и обернул ее так, чтобы она закрывала глаза.

Тут же отступила окружавшая его темнота, он мог видеть во мраке так же ясно как любой обитатель Подземного Мира. После недолгих раздумий он откинул внутреннюю крышку ящика и обернул вокруг горла вторую ночную маску. Может понадобится.

Трактирщик подумал было, что еще стоит взять с собой, и со вздохом отогнал от внутреннего взора картину самого себя, сгибающегося под весом, битком набитого всякими полезными вещами, мешка, больше него размером. Давно прошло то время, когда он кидался в бой только с мечом в руке и огнем в глазах. Еще дальше в прошлое ушло время, когда он чувствовал себя неуязвимым.

Дурнан глубоко вздохнул, размял плечи чтобы снять напряжение, опустил руку к рукояти меча, проверяя удобно ли он лежит в ножнах, и отправился вниз по узкому коридору. Две потайных двери открылись под его рукой, и он осторожно закрыл их за собой. За второй была комната, которую он знал хорошо.

Стоя у входа в нее, Дурнан огляделся, удостоверяясь что ничего не изменилось с тех пор, как он видел ее в последний раз, затем осторожно обогнул ловушку с падающей плитой и пересек комнату. Она была густо покрыта пылью, паутиной, и рассыпающимися скелеты нескольких неудачников, все еще валялись в обрывках паутины давно убитого паука. Отбрасывая останки в сторону клинком, Дурнан медленно направился в гигантский подземный лабиринт, видевший бесчисленное множество смертей.

Подгорье было владениями сумасшедшего мага Халастера, и могилой тысяч страшных чудовищ и глупых смертных. Когда-то оно было игровой площадкой для Дурнана, место, позволявшее почувствовать себя живым после долгого дня за стойкой бара, и выслушивания похвалы молодых аристократов и искателей приключений, о том, что они совершат в лишенной света глубине. И слишком часто после этого он наткался потом на их трупы, жертвы ловушек, которых они должны были почувствовать и хищников, к встрече с которыми они должны были быть готовы.

Кстати... Он обнажил клинок и ударил вверх перед собой, наклоняясь в открытый дверной проем. Меч вошел в что-то твердое но поддающееся, и Дурнан отскочил, уклоняясь от падающего тела. Подждавший его над дверью с грохотом упал на плиты. Кобольд, державший в содрогавшихся руках странную проволоку.

Дурнан уколол его мечом в горло, для уверенности, и резко толкнул тяжелую каменную дверь, которая с силой ударилась о стену. За ней слышались какие-то

хлюпающие звуки и неразборчивый вскрик, и что-то упало на пол. Что-то кобольдоподобное.

Третий из трусливых вопящих маленьких зверюг обнаружился в дальнем конце комнаты, и Дурнан вскинул меч отбивая брошенный им дротик. Вообще-то его браслеты защищали его от метательного оружия, но только не зачарованного, и будет поздно обнаружить что данный конкретный дротик был магическим, когда он уже окажется у него в горле.

Бросок получился плохой, мягким шагом в сторону он ушел с траектории полета. Не успел дротик удариться о камень где-то позади, как старый воин пришел в движение.

Бросившись вперед, Дурнан схватился за дверной проем и резко развернулся направо. Как он и думал, его поджидали выстроившись в линию три кобольда, подняв шипованные дубины и клинки. Трактирщик успел заметить удивление на их лицах, прежде чем его меч нашел ближайшего. Он продолжил рывок, отбросив умирающего на его соратников, и заставляя их покатиться по полу. Он безжалостно бил и колол, зная, как могут быть опасны кобольды, и прикончив последнего развернулся к тому, кто метнул дротик.

Тот пытался от него, рыча, в глазах его, увидевших всех его приятелей мертвыми или умирающими, был страх. Дурнан приблизился на шаг. Кобольд плюнул в его сторону, неожиданно повернулся и побежал из комнаты. Дурнан нагнулся, подобрал оружие кобольда и метнул его со всей силы.

Тяжелый удар, грохот и стон раздались из под арки, но Дурнан уже бежал туда. Мудрый путешественник в Подгорье не оставляет за спиной живых врагов.

Оборвав ударом попытки кобольда поползти, Дурнан подобрал его кровоточащее тело и забросил его в следующую комнату. Как он и ожидал, что-то зеленовато-желтое быстро подползло к трупам со стены. Дурнан заглянул в комнату – обращая особое внимание на потолок. Проверив, что в ней только единственный падающий, он пробежал комнату и через дверь по правую руку, закрыв за собой тяжелый каменный блок. Что-то далекое вскрикнуло в агонии.

Открывавшийся перед ним коридор был единственной связью между несколькими комнатами вокруг его подвала и остальным Подгорьем. В этом месте всегда надо было опасаться всяческих слизняков и других тихих, труднозаметных, ползающих тварей.

Следы огня как и уродливые, искореженные и обгорелые останки на камнях вокруг, сообщили ему что кобольды только недавно очистили дорогу по крайней мере от одной такой опасности. Дурнан осторожно пошел дальше, думая о том, где сейчас Мирт и скоро ли они встретятся. Хорошо было вновь участвовать в деле, пусть дни славы Четверки давно прошли.

Когда-то нахальная и дерзкая группа, которой руководили он и Мирт была главной темой сплетен в Уотердипе и постоянной головной болью для честных торговцев по всему Побережью Меча – герои невероятных историй, рассказываемых в сотне таверн. Но годы прошли, и все это ушло... как, полагал он, всегда уходят такие вещи. Все что осталось от этого времени – счастливые воспоминания, давняя дружба, и кольца для посылки сообщений, которые все еще носил каждый из Четверки.

Дурнан часто виделся с Миртом и Аспер, но Рандал Морн воевал в далекой Долине Кинжала, чтобы сохранить принадлежащее ему по праву владение этой прекрасной землей. Рейнджер, Флорин Фальконхэнд, который в нескольких путешествиях подменял Аспер, был теперь Рыцарем Миф Драннора, и редко объявлялся на Побережье Меча. Шепотом ходили даже слухи, что он недавно побывал на Эвермите.

Дурнан все еще вспоминал блистательные победы Четверки, когда неожиданно мотыльки магического света окружили его в пустом коридоре. Времени у него хватило только на возмущенную мысль – опять попасться на заклинание? – а затем мир вокруг него заполнили мечущиеся огни, и под ногами не было уже ничего...

“Поцелуй Бешабы!” выругался он раздраженно. Он знал, что телепорт переносит его в какое-нибудь мерзкое место.

Они всегда так делают...

Транстра стояла в комнате, про которую лишь немногие в Скуллпорте знали, что она принадлежит ей, сузив глаза и задумавшись. Кольцо старого Мирта заговорило, и это значит, что кто-то из Четверки позвал его на помощь. А когда Четверо зовут, это всегда значит для кого-то неприятности – и, раньше или позже, если только этот старый торговец не потеряет немного веса, приобретя взамен благоразумия, адресатом для неприятностей окажется он сам. Возможно этот случай настанет раньше, чем он ожидает... возможно, уже настал.

Ламия отбросила назад волосы, так что они спадали по ее спине как тлеющее пламя, и заскользила по полу как гигантская змея. Мягкое, пульсирующее магическое сияние окружало ее тело узором, заставившим ее раба – тощего и грязного мужчину-человека, скрючившегося на коленях в углу комнаты – сглотнуть, и поспешно отвести глаза в сторону. Транстра была жестока, когда замечала его похотливые мысли... а ее жестокость обычно проявлялась в бичевании хорошо просоленными плетями. Раб невольно вздрогнул, вспомнив последний такой случай.

Сухой звук скользящих чешуек приблизился и смолк. Человек продолжал смотреть в угол, пытаясь не дрожать от нарастающего холодного ужаса при мыслях о том, что она может сделать на сей раз. “Тортан”, сказала она почти вежливо, “встань-ка, и сделай кое-что для меня”.

Тортан неохотно встретился с ней взглядом. “Да, великая госпожа”.

“Открой ворота к Улисссу, и иди в свою комнату”, приказала Транстра.

Послушно торопясь исполнить приказ, Тортан слышал как она произносит первые слова одного из паутины заклинаний, которое она использовала чтобы держать в подчинении бехира.

Когда двенадцатиногое змееподобное существо с бешеной скоростью ворвалось в ее комнату, задрав рогатую голову и распахнув пасть, Транстра встретила его подняв над головой обе руки, окруженные магическим пламенем.

Улиссс покорно склонил голову и печально вздохнул. Однажды он поймает свою жестокую повелительницу на ошибке и убьет ее... но не сегодня.

Транстра, позволив пламени метаться вверх-вниз по ее рукам скользнула к могучему змею и обняла его за голову, как домашнее животное, глядя его между рогов, в том месте где Улисссу больше всего нравились ее прикосновения.

Под ее лаской, напряженные мускулы задрожали и расслабились, прочные как сталь чешуйки медленно, против его воли, начали тереться о ее, и змей заурчал. Транстра заклинанием ввела в медленный, затуманенный разум Улиссса изображение Мирта и мягко сказала, “Внимай мне, возлюбленный, ибо у меня есть для тебя задача. Следуй за этим человеком – да, он необычайно обширен – и...”

Она шептала, и глаза бехира становились ярче, отливая золотом, в них появился злобный голод и нетерпение – и когда она освободила его, он торопливо бросился в путь.

Транстра выпрямилась, скрестив руки на груди, и наблюдала за ним. Хотя в ее глазах был опасный блеск, улыбка медленно появившаяся на ее лице была полна кошачьего предвкушения.

Она подготовила заклинание, которое позволит ей следить за Миртом и Улисссом и издала наблюдать за происходящем, язык ее облизывал губы в интимной радости. Возможная потеря делового партнера – небольшая цена за предстоящее грандиозное представление.

“Что может случиться? План идеален”, вспыхливо сказал Ираэгли, его щупальца метались в раздражении.

“Ты не первый в истории произносишь эти слова”, сухо заметил Илоэбр, вращая в пальцах стакан дуйруина, так, что золотистые пузырьки в глубине черного вина искрились. Иллитид наклонился поближе к сородичу. “Все что угодно может случиться”.

“И что же?” вскинулся Ираэгли. “Даже Безжалостные-Под-Анаурохом не знают о нашем шептуне. Бехолдер не дурак, и все же не подозревает о его присутствии... а значит, и о нашем воздействии”.

“Возможно, только потому, что мы еще не пытались контролировать его”, сказал Илоэбр в глубину стакана. Там маленькие червяки извивались в бесконечном бессмертном танце, удерживавшем маслянистое черное вино от сгущения в патоку.

“Ты сомневаешься в моем мастерстве?” бросил Ираэгли наклоняясь вперед в кресле, сопровождаемый свистом рвущихся шелковых рукавов. “Он проглотил шептуна, а тот уже проел свою дорогу в ту ничтожную вещь, которую Ксазун и его родичи имеют гордость называть мозгом! Я чувствовал, как он питается кровью бехолдера и растет! Я чувствовал это сквозь связь, которую сотворила моя магия – и я могу оживить ее вновь когда пожелаю! Ты сомневаешься во мне, младший? Ты в самом деле смеешь?”

“Расплети щупальца и шипи потише”, спокойно ответил Илоэбр, потягивая вино. “Я полностью уверен в том, что ты можешь установить контроль над глазом-тираном – я сомневаюсь лишь в нашей способности избежать внимания других здешних сил. Шептун – мозговой узел, соединенный с тобой магией... и Жилище

Черепов над нами, и город над ним просто кишат магами и жрецами, способными увидеть это, а на них влияет – нет, управляет ими – этот потрясающий человеческий недостаток, известный как ‘любопытство’. Что поможет нам не попасть под удар через вздох после того, как ты сокрушишь волю Ксазуна?”

Лиловая кожа Ираэгли почти почернела от гнева. Голос дрожал яростью и угрозой, когда он медленно произнес, “слушая меня, слабовольный, и пусть одного раза будет тебе достаточно: ни дроу, ни человек, ни матрона-мать, ни архимаг не обнаружат нашего шептуна, и нас, пока мы здесь”.

Илоэбр покосился на каменные стены вокруг, и единственную сияющую скульптуру, издававшую время от времени звон, когда она меняла облик. Комната в которой они сидели содержала только их плавающие кресла, несколько плавающих столов (включая и бледно светившийся стол между ними), и набор различных оттенков сосудов, откуда было взято и вино в его руках. Невидимые руны силы извивались на обратных сторонах крышек столов, ожидая момента когда один из иллитидов приведет их в действие, но больше не было никакой защиты, кроме того, на что были способны сами иллитиды.

Не то, чтобы такие вещи должны были понадобиться. Они были в шести перемещениях от выгребной ямы под игорным домом, известным как Погребальная Яма Краснеющей Невесты, в южном Скуллпорте – цепь телепортов с ловушками, достаточная чтобы обмануть или уничтожить даже самого настойчивого и могучего из любопытствующих магов.

Именно в этот момент стол между ними отрастил два темных, суровых глаза – и взорвался, разбросав изломанные тела обоих пожирателей мозгов по стенам их убежища.

Последние слова услышанные Илоэбром, боровшимся со жгучей болью, был презрительный мужской голос: “Тупые иллитиды. Все время лезут куда не просят”.

Искореженные тела пожирателей мозгов оплывали по стенам как слизь. Ни один из них не прожил достаточно долго, чтобы увидеть как черные глаза Халастера превращают в танцующую пыль и искры их столы и пожитки.

Когда его взгляд прокатился по всей комнате, и он перестал чувствовать следы разумов на шептуне в мозгу бихолдера, маг вздохнул и собрался вернуться в телепорт... но остановился, и с новой силой уставился на сияющую, изменяющуюся скульптуру.

Она избежала – или преодолела – его разрушительный взгляд. Глаза Халастера сузились, затем сжались в полоски тьмы, пронзившие воздух – ударившиеся о скульптуру и втянутые куда-то, оставив странную конструкцию неповрежденной.

“Кто?” рявкнул Халастер, превращаясь в более материальную форму.

Скульптура прокашлялась и спокойно сказала, “Я, конечно. Мы договорились, что чужие действия в твоём доме нежелательны, но ничего не было о простом наблюдении. Это позволяет мне учиться, видишь ли”.

“Эльминстер”, мягко сказал Халастер, вновь растворяясь во тьму с двумя глазами, острыми как копье. “Однажды ты переступишь рамки, установленные мной... и тогда...”

“Ты попытаешься меня убить, и не сумеешь, и мне придется решать сколько жалости к тебе проявить”, весело ответила скульптура. “Знаешь, те кто устанавливают рамки лучше бы занимались чем-то другим”.

“Не пытайся угрожать мне”, ответил голос Халастера издали, масса темноты что была Хозяином Подгорья начала втягиваться в невидимый телепорт.

“Это была не угроза”, спокойно ответила скульптура. “Я никогда не угрожаю. Только – обещаю”. Ответ из телепорта очень напоминал какое-то грубое ругательство.

Дурнан все еще высказывал свое недовольство, когда вихрь голубоватого тумана рассеялся и мир вернулся: сумрачный мир пещеры, освещенной множеством ламп и факелов, с острым запахом только что сработавшего боевого заклинания. Дым лениво клубился вокруг него; он пошатнулся на неустойчивом камне и пригнулся, выставив клинок и оглядываясь по сторонам.

Шепот справа. Первым делом Дурнан повернулся туда, и обнаружил любопытствующую толпу – хобгоблины, багбиры, орки и еще кто-то. Они стояли на залитой факелами улице, делая ставки и обмениваясь возбужденными замечаниями – и смотрели прямо на него.

Скуллпорт. Он в Скуллпорте. Удивление на некоторых лицах и неожиданная энергичность ставок подсказывали, что его прибытие не ожидалось. Значит, толпа собралась посмотреть на что-то другое. Дурнан огляделся по сторонам на темные, покрытые дымом руины вокруг. Ох-хо.

Слева от него висел в воздухе бехолдер, жестокие глаза смотрели на него и за него на... лиловое существо с щупальцами на лице и белесыми глазами без зрачков. Оно стояло в темных, разукрашенных одеждах справа – и поднимало трехпалые ладони в магических жестах, холодно шипя заклинание. Пожиратель мозгов... и глаз-тиран. Магическая дуэль. И он между ними.

“Спасибо тебе, Бешаба!” воздал трактирщик хвалу богине неудачи. Он бросился в развалины, вызывая в разуме картину открывания двери из драгоценной кости ключом драконьей чешуи. Изображение стало четким, дверь распахнулась – и Дурнан вовремя успел закрыть глаза.

Белый свет в его мыслях был сущей ерундой, по сравнению с ослепительной вспышкой, сопровождавшей срабатывание драконьей руны на его браслете. Широкая полоска металла рассыпалась пылью, вызвав странное покалывание в руке, Дурнан перекатился через низкую каменную стену, упал на пол и вскочил на ноги. Толпа отозвалась возбужденным гамом, когда трактирщик понесся вдоль колонн и валяющихся каменных глыб и открыл глаза.

Кольцо белого свечения, возвещавшее о высвобождении энергии руны, все еще окружало его мигающим, расширяющимся защитным куполом. Заклинания и атаки взглядом будут разрушаться при соприкосновении с ним... слишком недолгое время.

“Помоги мне, Тимора!” взмолился он на бегу, проносясь между двумя почерневшими глыбами – остатками каменной стены, стоявшими как замерзшие

пальцы, тщетно устремившиеся к потолку пещеры. Если Госпожа Удача улыбнется ему, драконья руна прикроет его спину от могущества глаз бехолдера на достаточное время, чтобы добраться до пожирателя мозгов. Да, если...

Темные одежды метались впереди, иллидид наклонился так и этак пытаясь прицелиться в добычу, мечущуюся среди руин. Дурнан на бегу выхватил кинжал, а пожиратель мозгов громко бросил одно единственное слово.

Вспышка, рев боли камня, одна из стен впереди взорвалась осколками размером с кулак. Дурнан спрятался за колонну пока опасность не миновала и вновь бросился вперед. Если один старый и отяжелевший трактирщик сможет бежать достаточно быстро, у врага просто не будет времени привести в действие другое заклинание!

Он злился на собственную медлительность перепрыгивая через камни. У столба он успел на мгновение оглянуться на бехолдера, скользящего следом за ним, но держащегося в отдалении. Видимо не голоден... по крайней мере, не слишком голоден.

Противник был уже близко, камни катились из под ног Дурнана, когда он ворвался в разрушенную комнату и увидел иллидида за разваленной стеной впереди. Маслянистые, покрытые слизью ладони опустились к поясу и достали меч с широким клинком, заканчивающимся крюком. Клинок? Обычно они слишком спешат накинуться на голову жертве своими высасывающими мозги щупальцами, чтобы беспокоиться насчет стали.

Кальмароподобные отростки вокруг губ твари дергались от возбуждения, видел Дурнан, когда обогнув последнюю стену набросился на врага.

Сейчас оступить на неустойчивых камнях может значить мгновенную смерть, напомнил он себе хмуро, пригнулся на бегу чтобы лучше удерживать равновесие, и намеренно поскользнулся когда добрался до каменного выступа, за который он мог зацепить ногу.

Пожиратель мозгов бросился к потерявшему равновесие человеку, жадно выставив четыре щупальца. Дурнан поднял одну руку отбрасывая их, просунул острие кинжала мимо ближайшего и яростно ударил по их основаниям.

Меч иллидида довольно неуклюже поднялся отражая его удар, и он использовал набранную скорость отбросив противника в сторону плечом, и ныряя мимо него пнул его ногой в живот.

Зрители разразились криками и с новым оживлением начали обмениваться ставками когда Дурнан вскочил на ноги, оттолкнулся от каменной балки и вновь прыгнул на иллидида. Он не посмел повернуться к нему спиной и попытаться удрать по улице – это не только давало время противнику метнуть заклинание, но и толпа могла начать охоту на него, или же, ради развлечения, преградить ему путь, вынуждая повернуться и драться.

Тело иллидида казалось деформированным; оно дрожало, когда тот поднялся с камней – как раз вовремя, чтобы дрогнуть и зашипеть под ударом меча Дурнана. Раз, другой метнулась сталь обрубая щупальца... и хлынувшая кровь была не млечным ихором, какой должна была быть, но темная красновато-зеленая жидкость!

Дурнан обрубил последнее щупальце, и отвел назад клинок для последнего укола в один из этих яростных белесых глаз. Вдруг враг начал растворяться, превращаясь во что-то вроде длинного, красноватого червя или кучки червей,

которые извивались и взмахивали влажными, быстро растущими крыльями пытались удрать. Он с отвращением ударил, и отскочил чтобы избежать щупалец, потянувшихся к его ногам.

Из толпы раздались сердитые крики: превращение ясно говорило, что тварь с которой дерется Дурнан – не пожиратель мозгов а что-то другое... а кто будет ставить на неизвестную тварь изменяющую форму, которую быстро разрубает на части тяжело дышащий человек?

Вслед за проклятьями полетел стакан, упавший на камни неподалеку. Затем еще один. Вzbешенные игроки выражали свои эмоции. По счастью, дела в Скуллпорте обстояли так, что очень немногие посмеют метать кинжал, если он может очень скоро понадобится в руке.

“Благодарю за это богов”, вслух пробормотал Дурнан когда ему в голову пришла эта мысль, одновременно уклоняясь от части червеобразной твари, которая вдруг отрастила костяные шпоры и попыталась достать его.

Он получил небольшую царапину на руке, около левого плеча – и в этот момент и он и его противник пошатнулись. Кто-то из толпы метнул в них заклинание достаточно мощное, чтобы сотрясти руины вокруг – и защитный купол драконьей руны отбросил его назад.

Скученная аудитория зрителей превратилась в вопящую, разбегающуюся толпу, густо залитую кровью; искореженные бескостные тела слабо шевелились на камнях вокруг кольца очищенного пространства.

Дурнан нырнул под размахнувшуюся костяную руку противника, и ухватился за червеобразные кольца, с натугой подняв их. Тварь металась и боролась в его руках, создавая из себя когти и зубы, а затем трактирщик сжал зубы, поднатужился, мышцы его плеч дернулись и тварь полетела по воздуху.

Она приземлилась с смачным, влажным “шмяк”, и пару раз спазматически дернулась – но не смогла оторвать себя от ряда железных колец, прошивших ее плоть как клинки. Она повисла, издав свистящий звук, и обмякла. Темная кровь медленно капала на камни внизу. Полезные штуки, ограды из клинков.

Голубое сияние мигнуло и исчезло вокруг трупа, который вновь изменился, продемонстрировав неуклюжие конечности и зубастую голову допльгангера.

Глаза Дурнана сузились, когда мягкая белая вспышка возвестила что защита драконьей руны истощилась. Кто-то – в толпе? помогал заклинаниями этой зверюге, и, вероятно, контролировал ее.

“Я Ксазун”, глубокий голос раскатисто прокатился откуда-то сзади, наполненный уверенности и угрозы, “а ты, Дурнан из Уотердипа только что сразил моего самого верного слугу”.

Повернувшись, Дурнан, как и ожидал, обнаружил возвышающегося над ним бехолдера, огромного и устрашающего. Его центральный глаз излучал холодное злорадство; камни вокруг взорвались вызванными магией вопрошающе подергивающимися черными щупальцами.

“Значит, приведший меня сюда телепорт был твоим?” спросил Дурнан. “И эта... дуэль тоже ради меня?” На лице его не было страха; меч и кинжал плавно уставились в сторону глаза-тирана – и щупальца вокруг него сгустились, как колышущиеся, вставшие вертикально угри.

“Конечно” сказал бехолдер. “Я на многое пошел, чтобы добраться до тебя тебя”.

Дурнан бросил быстрый взгляд на медленно и осторожно сужавшееся кольцо щупалец. “И по какой причине?” спокойно спросил он.

“Я решил побыть некоторое время Лордом Уотердипа”, сказал монстр, демонстрируя в улыбке ряд клыков, некоторые из которых были длиннее меча Дурнана. “И – к сожалению для иногда знаменитого и частенько хранимого богами человека, зовущегося Дурнаном – я выбрал тебя”.

Странные зрелища – вещь обыденная в Скуллпорте, и те, кто выживает здесь давно, научились не слишком любопытствовать, и не торчать долго на месте событий, дабы не быть взятыми на заметку и не навлечь на себя неприятности в будущем. Так что ни люди-ящеры ни снующие халфлинги не кинули более чем осторожного взгляда на маленькую линию мерцающих, танцующих искорок свечения объявившихся из темноты, и направившихся вниз по аллее узкой и шумной даже для Источника Рабов. Волшебница из великого города наверху на охоте, или посланник какого-нибудь работающего на аристократа мага... или стайка маленьких вилл’о’виспов? Лучше не гадать, а наблюдать и не быть замеченным, и проследить куда плывут огоньки.

Многие из этих наблюдавших глаз расширились от удивления, узнав объемистую хрипящую фигуру следовавшую за свечением, шлепая поношенными кожаными башмаками. Лорд Уотердипа, ну и ну...

Многие из путешествующих по улицам Скуллпорта сейчас могли бы видеть солнце над Уотердипом, если бы не указы лордов. Да и Мирт завел себе немало личных врагов за эти годы. Некоторые из них предлагали большие деньги чтобы его доставили к их ногам, более-менее целого, или, по крайней мере, хотя бы его голову.

Так что перекатывающаяся походка и взъерошенные усы были замечены многими прохожими, сопровождаемые возбужденным шепотом и суетой. Довольно скоро из ночи вылетел кинжал, брошенный сильно и безошибочно, быстро приближаясь к левому глазу старого Харпера. Мирт проигнорировал его, сосредоточив внимание на камнях под ногами, тех кто мог загородить ему дорогу и ведущей его стайке мотыльков.

Кинжал ударился о невидимые щиты и отлетел назад к метнувшей его руке. То же произошло и с камнем, полетевшим в затылок Мирта – и еще одним; отряд убийц по найму Руки Хоэлортона был известен мастерским обращением с пращей.

Или дубинкой. Мирт услышал легкий шорох ноги по камню, и развернулся, как насторожившаяся бочка, кинжал сиял в кулаке. Два бегущих бандита были уже почти рядом. Один замахнулся дубинкой на бегу.

Волосатые пальцы толстого ростовщика перехватили просвистевшую деревяшку и потянули. Ошарашенный противник потерявший равновесие успел только удивленно хмыкнуть, а потом рукоять кинжала ударила ему в подбородок. Удар отправил его в объятия тех леди, что мягко шепчут дремлющим воинам: он

упал как падающее дерево, разбрасывая зубы из разбитой челюсти, глаза его потемнели.

Второму пришлось обогнуть падающее тело, и попасть под удар Мирта слева, все еще пытаясь поднять свою дубинку. Мирт позволил своему кулаку отправить голову человека к ближайшей стене, и почувствовал как что-то ломается под ним; затем он повернулся чтобы продолжить путь, ведомый мерцающими огоньками которые все это время терпеливо ждали. Две лежавших фигуры в аллее не следовали за ним.

Еще один кинжал мелькнул из темноты, целая корзина камней упала сверху, когда Мирт проходил под одним из висячих мостов, протянутых над улицами Скуллпорта. Щиты отправили оба подарка к отправителям, так что его путешествие сопровождалось приглушенными, булькающими криками.

Мирт вздохнул – дураки на Фаэруне, похоже, не собирались переводиться – и пригнулся, проходя под особенно низким мостом.

Опущенная сверху гаррота окружала его шею, когда он вошел в освещенный факелами участок, но жирный старый лорд не выказывал никакой заметной реакции, продолжая путь. Только напряженные мускулы его шеи показывали что ему приходится прилагать усилия чтобы не замедлить хода, пока воцеленная нить сжимается вокруг гладкой стали ошейника, прикрывавшего его горло.

Меньше вдоха понадобилось пыхтящему торговцу, чтобы пройти полную длину смертоносного шнура и умелых рук державших его. С изумленной бранью их владелец упал из темноты сверху, и мешком свалился на улицу. Короткий взмах толстой руки – и кинжал глубоко вошел в затылок человека в маске, гаррота упала на булыжники рядом со своим недвижимым владельцем. Мирт даже не посмотрел туда. Это, в конце концов, Скуллпорт. Кроме того, его ждали дела... и, зная Дурнана, он полагал что дела спешные.

Три типа в масках выступили из боковой аллеи перед ним, но Мирт не замедлил шага и не потянулся к мечу на поясе. Он спокойно продолжал шагать навстречу поджидавшей смерти, и очень скоро один из трех отступил назад, и махнул своим приятелям поступить так же.

“Прошу прощения, Мирт”, пробормотал он. “Ты так хорошо выглядишь, я тебя еле узнал”.

“Хорошо сказано, Илбарт”, хмыкнул Мирт, неожиданно поворачиваясь и глядя на другого из тройки, который сделал шаг к его спине. “Так что вы все можете сохранить себе жизни”.

“Великодушно, белоусый”, мягко сказал шагнувший, “особенно когда нас трое на одного”.

“Я известен великодушием”, сказал Мирт оскалив зубы в улыбке и не замедляя хода, “так что сохраню тебе жизнь второй раз, Алдон. Постарайся не растрчивать свою удачу, и мое терпение”.

Алдон сделал неуверенный шаг вслед за ним. “Как ты узнал мое имя?”

“Он знает всех в Скуллпорте”, сказал Илбарт с нервной улыбкой. “Не правда ли, Мирт? Могу поставить золотой, что ты прожил здесь всю жизнь”.

“Пока нет”, сказал Мирт, поворачиваясь и разглядывая его холодным и спокойным стальным взглядом. “Еще не всю”.

Он отвернулся от них и пошел дальше по аллее не поворачиваясь, но трое не последовали за ним. Они еще некоторое время смотрели вслед, и скоро у них появилась причина радоваться, что они не приступили к насильственным действиям.

Старый ростовщик прошел мимо щупальца, скользнувшего вниз из окна чтобы подхватить вызвавшего его, перешагнул распростершегося в луже крови орка, с копьем в спине – и обнаружил что путь ему преградили с дюжину или больше стройных фигур, с кожей такой же черной как и одежда которую они носили. Путеводные искорки почти издевательски танцевали в воздухе между ними.

“Что теперь, старик?” прошипел один из дроу. “Купишь свою жизнь точным и полным списком всех твоих сокровищ, где их можно найти и как они охраняются?”

“Нет”, прорычал Мирт, “Я тороплюсь. Так что отойдите, и я оставлю вас в живых”.

Холодный издевательский смех был ему ответом, один из темных эльфов фыркнул “Очень щедро с твоей стороны”.

“Верно, но у меня нет времени”, бросил Мирт. “Прочь с дороги!”

“Отдаешь приказы старик?” ответил дроу заговоривший первым. “За это придется тебе отведать бича!” Тонкие пальцы одетые в перчатку потянулись к оружию.

“Или трех”, согласился другой дроу проделав то же движение; тонкие черные плети взвились и щелкнули.

Мирт вздохнул, раскрыл пригоршню показывая вещицу, которую достал из сумки в Доме Долгого Медленного Поцелуя и шепнул слово.

Металлическая полоска на его ладони взметнулась звенящей сверкающей сталью – и старый торговец стоял, спокойно наблюдая как высвобожденная магия превратилась в сотню рубящих и колющих мечей, летевших смертельным вихрем по аллее вокруг него. Дроу прыгнули в поисках укрытий... и все равно умерли, из открытых окон наверху донеслись пронзительные крики. Кто-то остановился на висячем мосту понаблюдать – и кто-то другой подтолкнул наблюдателя сзади, добавив беспомощно падающее тело к безумию внизу.

“Хватит!” прорычал Мирт наблюдая как неудачника разрезало на кусочки. Пробормотал второе странное слово, и клинки послушно исчезли, оставив аллею свободной от угроз на его дороге. Мирт направился дальше.

Следующие несколько шагов были по скользкой черной крови, но мотыльки все еще подмигивали из сумерек впереди, ведя к неожиданной удаленной вспышке света – сработавшему заклинанию. В этом сиянии Мирт разглядел большую толпу, собравшуюся понаблюдать за чем то слева – драка? дуэль? Делались ставки, наиболее воинственные боролись за лучшие места.

Еще одна вспышка – превратившаяся в голубоватое колесо, отмечавшее использование ловушки-телепорта – и оттуда вывалился Дурнан. Старый друг Мирта был в каких-то развалинах, угодив в середину магической дуэли между – о боги! – бехолдером и кем-то... магом? Нет, лиловая кожа; это может быть только пожиратель мозгов. Великие боги! Дело и впрямь спешное!

“Идиот!” энергично описал он Дурнана и перешел на рысь, одновременно ощупывая себя в поисках какой-нибудь маленькой спасительной вещицы.

“Внимайте все!” прохрипел он камням, с трудом набирая скорость, “и смотрите: Пыхтящий Воитель спешит на помощь – вновь!”

Что-то холодное коснулось его шеи сзади и прилипло. Дурнан зарычал и ударил, пара черных щупальцев обернулись вокруг его клинка и потянули, пытаясь вырвать его.

Дурнан выбросил другую руку с кинжалом, пытаясь освободить меч. Оледенение на шее распространялось, нежные пальцы холода обхватывали его плечи. “Что там, кости проклятых?” рявкнул он.

Бехолдер улыбнулся. “Твои воспоминания я заберу первыми... а затем возьму ничтожную свечу что ты зовешь разумом – и задую ее!”

Дурнан округлил глаза. “Говоришь как плохой актер пытающийся впечатлить скучающих аристократов в Северном Районе!” Тут острое его кинжала прикоснулось к рукояти меча. Он с силой надавил, и прошипел единственное слово.

Камень в рукояти сверкнул неяркой вспышкой – и медленно, в полной тишине, все черные щупальца исчезли. “Вот и кончилось твое заклинание”, пробормотал трактирщик, метнув кинжал в уставившийся на него центральный глаз бехолдера.

Мир взорвался ревом боли и ярости. Глаз-тиран метался в воздухе как дикий жеребец, пытающийся скинуть с себя веревки, задрожал и перевернулся с ужасающей скоростью, глазные отростки обратили на Дурнана множество смертельно опасных взглядов.

Ничего не произошло.

“Мистра, пусть блокирующее заклятие продержится еще чуть-чуть” вслух взмолился Дурнан, потянувшись к кинжалам спрятанным в сапогах. Огромная пасть была уже очень близко, и от рева издаваемого ею тело трактирщика содрогалось. Беспомощно щелкая зубами, Дурнан наблюдал как пасть широко распахивается...

Неподалеку, черная паутина вздрогнула и застыла. Затем из нее донесся хриплых голос – голос скрипевший и шипевший от долгого неиспользования. “Кто-то использует блокирующее заклятие” сообщил он пустой темноте вокруг.

Неудивительно, что ответа он не получил.

После короткой паузы, паутина отрастила руку, как щупальце черного осьминога, и погрузила ее в камень дальней стены – как если бы щупальце было простой тенью, свободно проходящей твердые тела. Затем вся паутина зашевелилась как гигантский бесформенный паук и последовала за щупальцем, просачиваясь в камни стены пещеры.

Вздохом позже, черное щупальце высунулось из сплошной стены в Скуллпорте, заизвивалось по аллее и повернулось проверяя узкий, дурно пахнущий коридор. Крыса приостановила свои хлопоты чтобы понаблюдать за этим новым, возможно съедобным, червем или змеей – но юркнула под укрытие мусорной кучи, когда

щупальце разросло до паукообразного нароста, покрывшего большую часть стены. Эта штука затем стала развивающимся черным плащом... из которого выросла фигура человека в плаще, с накинутым капюшоном, глаза которого сверкали в темноте так же ярко как и у самой крысы.

Плащ пролетел мимо укrywшегося грызуна. Человек вышел из аллеи, посмотрел на почерневшую арену магической схватки, где стояли сожженные или разнесенные вдребезги строения, и громко сказал, “Хммм”.

Бехолдер нависал над одиноким человеком, окруженный сиянием заклинаний, которые тем не менее не могли добраться до человека, поглощаемые неким невидимым щитом. Блокирующее заклятие, без сомнений.

“Хммм”, снова повторил наблюдавший и шагнул назад в стену, погрузившись в камень и оставив только два темных внимательных следа на месте где должны были быть его глаза.

Мудрая крыса поторопилась убраться. С архимагами нельзя ни в чем быть уверенным. Халастер Черный Плащ был известен одновременно и как один из наиболее могущественных архимагов, и своей склонностью к ... нерациональному поведению. Похоже, он просто устроился в стене понаблюдать за происходящим в развалинах, но – если вообще говорить о безопасности в Скуллпорте – безопаснее оставаться от него подальше... насколько возможно дальше.

Аспер остановилась на высоком подвесном мосту, и на мгновение ухватило за его ограждение, переводя дух. Бежать пришлось долго и тяжело, и больше чем один глупый зверь пытался сделать ее своим ужином. Клинок в ее руке был все еще темным и влажным от последнего столкновения. Прыжок из конца малоизвестного туннеля – проходившего через сердце горы Уотердип и заканчивавшегося обрывом высоко под крышей пещеры, в которой находилась большая часть Скуллпорта – вниз, на крыши под ним, всегда был нелегким делом.

Хватая воздух, леди Мирта помотала головой. На лицо непрерывно стекал пот, мокрые волосы прилипали ко лбу. Аспер глубоко вдохнула, дернула головой отряхивая пот, прикрепила кольцо на рукояти меча к такому же у горла и повернула его, чтобы окровавленный клинок висел у нее за спиной, оглядывая Скуллпорт и ожидая пока успокоится дыхание.

Опасное место сейчас казалось притихшим. Таинственные черепа-стражи – или что они там такое на самом деле – мелькали здесь и там сквозь мрак над улицами, где каменные клыки потолка пещеры опускались вниз. Аспер любила этот мир летучих мышей, раздающихся иногда вскриков и таинственных бормотаний. Она наслаждалась прогулками среди разрушающихся горгулий на крышах, тихо светящихся защитных заклинаний и арбалетов, ждущих чтобы крадущийся вор споткнулся о натянутую веревку, где редко открывались задвижки, покрытые ржавеющими разбитыми старыми щитами, чьи владельцы больше не нуждались в них – и ни в чем другом.

Но это путешествие трудно было назвать приятным. Аспер прижалась к перилам как к возлюбленному и вгляделась на север. Что-то там было... вспышка... вот!

Сияние магии расцвело в темном месте – какие-то развалины, похоже, с многочисленными глыбами и колоннами почерневшего камня. Эта вторая вспышка показала Аспер фигуру, которую нельзя перепутать ни с чем – сфера бехолдера, глазные отростки извиваются в ярости или боли, низко в воздухе нависает над каким-то врагом... кажется человек. Да, в такого рода неприятности Дурнан или ее любимый ввязывались почти наверняка.

Аспер перепрыгнула через перила и упала в холодный воздух, игнорируя восклицание и удивленное лицо в окне мимо которого пролетала. Ее ноги нашли второй мост, скользнули на мгновение по сырым доскам, танцевавшим под тяжестью ее приземления, затем обрела равновесие. Дрожание моста стало тише, Аспер низко пригнулась, чуть прикасаясь кончиками пальцев к доскам перед ней, и снова посмотрела на бехолдера. Проблема была в том, что в Скуллпорте подобных существ и происшествий хватало: как раз тот сорт, в который могли влипнуть Дурнан и Мирт – но этот ли случай они выбрали, или нашли развлечение еще где?

Затем ее глазам предстало то, что она искала – далеко от нее, по узкой аллее бежавшей под ее мостом к развалинам где метался бехолдер. Знакомые качающиеся формы, просто полный там где не был очень толстым, он бежал пыхтя с тем самым бесстрашием которое она так любила. Мирт Ростовщик, человек чье сердце вело Лордов Уотердипа, громыхая как бешенный гиппопотам по камням там, где аллея выходила в хаос развалин – неся навстречу разъяренному бехолдеру, спасти друга.

Значит именно эта драка их. Аспер задумалась. Она быстро расстегнула пояс, вытащила что-то из под его застежки и осторожно положила на доски перед собой. Не очень мудро будет встретится с магией которую несет взгляд бехолдера, таща с собой эту маленькую безделушку.

Она застегнула ремень, задумчиво прикусила губу, плавно развернулась и пробежала немного по балкону. Там кто-то храбрее большинства привязал веревку для сушки белья от моста до балкона. Хотя веревка была уже старая и мягкая там где много раз смывалась светящаяся гниль, она выдержала торопящуюся, похожую на кошку женщину достаточно долго, чтобы дать ей добраться к балкону. Аспер поставила одну ногу на ограду балкона и оттолкнулась; стареющее железо протестующе застонало, когда она прыгнула в темноту, вытянув пальцы по направлению к подвесному светильнику.

Подвеска была покрыта шипами, чтобы предотвратить похищение любимыми коварными типами железной корзины светящихся червей, служившей какому-то боязливому купцу для освещения задней двери. Перчатки Аспер оканчивались кольцами на середине пальцев, оставляя большую часть ладони открытой чтобы не сковывать движений – но она пролила лишь немного крови ухватившись, качнувшись и прыгнув, направляясь вперед ногами к другому мостку.

Глаза ее сосредоточились на битве впереди. Глаз-тиран похоже пытался укусить Дурнана, который прятался и метался среди множества каменных выступов стены. Когда ноги Аспер коснулись досок моста, скользнули по чему-то неприятному, и отправили ее в новый прыжок в пустой воздух, она увидела что бехолдер нанес удар.

Каменные блоки рассыпались а Дурнан прыгнул в сторону, в его руке сверкнул кинжал. Мирт уже подобрался ближе, и дальше, за ними –Аспер видела это, подбираясь для падения на прогнившую крышу костяной повозки – были несколько осторожно наблюдавших существ. Минотавр и кенку среди них, презрительно указывали на Мирта, крича друг на друга. Видимо, делали ставки.

Тут ноги Аспер провалились сквозь посеревший от времени шелк, и в хрупкие кости под ним. Прикрыв глаза, защищая их от летящих осколков, она сжалась, принимая удар на ноги.

Грубый голос орка проревел, “Клянусь мозгососущими щупальцами склизских слуг Илсенина, что это?”

“Специальная доставка”, ответила Аспер незримо торговцу взмахнув мечом. Шелк опал словно паутина, она выпрыгнула на улицу мимо изумленных бешенных глаз и сверкнувших клыков.

“Грраарр!” вопль ярости орка эхом отражался от зданий, Аспер бросилась к концу аллеи, не глядя вскидывая меч за спину. Тяжелый топор скользнул по его кончику и врезался в железные ворота позади нее. Аспер умчалась в темноту, крикнув на прощание, “Приятная встреча, кровавые клыки!”

Почтительное обращение по-орочи едва ли успокоило торговца, крышу повозки которого только что развалили, но она торопилась. Впереди бехолдер сотрясал воздух ревом ярости куда страшнее рывканья орка сзади. Во всех направлениях из его извивающихся глазных отростков металась лучи. Те, что попадали вниз исчезали наткнувшись на какой-то щит, единственный метнувшийся навстречу Мирту встретил ту же судьбу. Остальные вызвали впечатляющие взрывы, всплески пламени и молний – в одном месте камень растворялся как сироп, стекая сам на себя медленным потоком.

Магический свет искрился и вспыхивал вокруг глаза-тирана, выплескивавшего поток заклинаний, заставивший зрителей попрятаться по укрытиям. Делающие ставки перекрикивались между окнами, балконами и по углам, земля дрожала, камень стонал, последняя из стен уцелевшая на развалинах обвалилась с медлительным достоинством, прямо на трактирщика.

Пыль медленно поднималась, вспучивающаяся земля под ногами успокоилась, и звону в ушах Аспер не под силу оказалось заглушить рев вызова Мирта.

“Повернись! Повернись, обгорелый мешок плавающего сала! Я тебе в каждый глаз загляну, и клинком добавлю прежде чем ты сможешь удрать! Повернись, говорю!”

Аспер поморщилась от такой неосторожности ее лорда, но губы ее скривились в улыбке. О да, это действительно ее Мирт.

Утомленный собственным криком, толстый старый Лорд Уотердипа запыхтел и направился напрямик к бехолдеру. Его старые башмаки шлепали по неустойчивой куче камней. Добравшись до ее верха он с важным видом выхватил свой меч и поднял его в вызове. “Слышал ты меня, шар с дерьмом? Я...”

“Слышал, слышал”, сказал бехолдер с угрожающим спокойствием. “Замолкни теперь, толстяк”. Его глаза вспыхнули испуская смертоносные лучи.

Нечто невидимое в воздухе преградило путь лучам, бившим с такой яростной мощью что сама пустота потемнела. Ростовщик отчаянно пытался удержаться на ногах под весом магии, бившейся о его щиты.

Глаз-тиран закричал в новом приступе ярости – да что же это, всякий человечешко защищен от его сил? – и начал бомбардировать его заклинаниями и лучами из глаз. Земля снова задрожала, Мирт исчез под горой камней валившихся со зданий по всей округе. Когда Аспер крадучись направилась вперед, от большого особняка слева от нее отвалился балкон и упал на железные ворота двора, разбросав вокруг булыжники.

Осколок прилетевший из ниоткуда разрезал ее щеку с легкостью бритвы. Аспер зашипела и вскинула руку, защищая лицо, раздвинув пальцы она видела Мирта, который боролся как человек, прокладывая дорогу наперекор ураганному ветру. Чернота искрилась и бурлила вокруг него, отмечая постепенное разрушение его щитов – вскоре они падут, и его разнесет на кусочки... и она навсегда потеряет его.

Она могла помочь единственным способом, и он мог стоять ей жизни. Возможно, эта жертва останется бесполезной, если она упустит свой шанс. Аспер сглотнула, мотнула головой отбрасывая волосы с глаз и перехватила рукоять меча, чтобы вырезанную на нем руну смочила кровь все еще сочившаяся с ее пальцев. Она почувствовала знакомые контуры, мокрые и скользкие от ее крови, и удовлетворенно кивнула. Повернувшись к беснующемуся глазу-тирану, она твердо произнесла вслух два слова.

Меч дернулся в ее руках, твердо державшихся за рукоять, когда высвободилась и вспыхнув исчезла в никуда энергия руны. Вознеся ее в воздух он потащил ее за собой вперед. Наступила мертвая тишина.

Сейчас она была невидима, взмывшая в воздух в прыжке, который закончится дробящим кости столкновением со стеной пещеры или болезненным падением на землю, если она ошиблась.

Бехолдер все еще не замечал ее; он все еще хлестал ее лорда бесполезными взглядами и заклинаниями когда она вспышкой вынырнула в содрогавшемся в воздухе, проходя над монстром – ну!

Мощь руны согласно подмигнула и Аспер упала, выставив меч, вновь обретя возможность слышать рев Мирта и восхищенные крики наблюдавших обитателей Скуллпорта. Аспер расставила ноги и приготовилась к приземлению – у нее будет единственный миг для удара прежде чем ее отбросит прочь.

Она сама смешивала сок камнекогтя и клей крипера и смазывала подошвы своих сапог более толстым слоем чем большинство воров, горняков или моряков. Это уже не раз спасало ее сегодня на подвесных мостах и падениях на крыши, и если поможет хотя бы еще раз...

Сапоги Аспер звучно шлепнулись о тело бехолдера, меч в ее руках сверкнул прежде чем она успела обрести равновесие. Почти перерезанный глазной отросток метался перед ней, расплескивая жалеющую желто-зеленую кровь, другой глаз повернулся в ее сторону. Ее ноги нашли опору на пластинах, защищавших тело, Аспер сделала отчаянный выпад, пробив мечом вопрошающий глаз и дернулась, высвобождая клинок прежде чем на нее обратится смертоносное внимание другого.

Поворачивались сразу три, как медлительные змеи, а сам бехолдер начинал переворачиваться, чтобы сбросить ее. Теряя равновесие, Аспер пнула один глаз, рубанула клинком по другому. Тяжело упала на костяные пластины тела монстра, обернув руку вокруг глазного отростка. Она сжала его одной рукой, и поперечиной меча ударила по другому оборачивавшемуся глазу. Млечная жидкость брызнула на нее. Отплевываясь от слизи, Аспер сосредоточенно нанесла очередной удар. Затем она упала, тело бехолдера больше не поддерживало ее.

Камни кинулись ей навстречу, Аспер сжалась вокруг своего меча, пытаясь перевернуться. Времени не было, она с силой врезалась в то, что оставалось от стены и беспомощно откатилась в сторону. Туман вихрился перед глазами, новая влага на подбородке показывала где она прокусила губу.

Мирт ревел ее имя и неся к ней, вытянув руки чтобы обнять ее. Смогут ли его щиты прикрыть их обоих?

Не от этой смерти.

Большой центральный глаз бехолдера был треснувшей, сморщенной раной, млечная жидкость капала из разреза на незрячей выпуклости, но меньшие глаза на своих стеблях блестели беснующимся бешенством. Они уставились на нее, быстро приближаясь. Атакующий монстр либо врежется в нее, давя о камни и выжимая жизнь, или перевернется в последний момент чтобы разорвать ее клыками – зубы обрамляли пасть достаточно большую чтобы проглотить ее целиком.

Аспер вздрогнула, помотала головой приходя в чувство и подняла окровавленный клинок который не выпустила из рук. Мирт задышавшись подбежал к ней держа наготове меч – и глаза бехолдера скрылись под его собственной тушей. Он перекатился открывая готовую поглотить ее пасть.

Гигант среди собственного рода, вооруженный заклинаниями, которых не было у других, магией самой по себе достаточной, чтобы одолеть многих человеческих волшебников, Ксазун стал презрительно самоуверен. С людьми это выходит боком, он припомнил, как старший тиран предупреждал его.

Много магии и долгие, долгие месяцы в укрытии понадобятся, чтобы восстановить потерянное в несколько секунд алой, безумной боли... но сначала навеки успокоить руки сотворившие это!

Мирт задышавшись пробормотал “Ты с ума сошла, девочка? Твой...”

Аспер отбросила его в сторону, развернулась и отпрыгнула. Мирт попятился назад, и с болезненным ревом впечатался в камень получив пару синяков. Бехолдер врезался в камни где они стояли только что, мечась и щелкая зубами.

Осколки разлетелись и раскатились во все стороны, бехолдер развалил на части скалу, вгрызаясь в нее зубами. Сила удара заставила его отлететь, вращаясь в воздухе, – и освободила исцарапанного, пошатывающегося трактирщика.

Сумев подняться на ноги, Дурнан вскарабкался по наваленным камням, рыча от боли многочисленных ушибов. Он лежал под завалом достаточно долго чтобы познать первое холодное прикосновение отчаяния, и в таком настроении готов был разрывать бехолдеров руками.

“Ухх”, проворчал Мирт, неловко вставая. “Что это выплюнула земля? Беззаботного трактирщика шатавшегося по Скуллпорту?”

“Рад встрече, старый друг”, сказал Дурнан ухмыляясь, и хлопнув Мирта по плечу пальцами, казалось сделанными из железа.

Усы Мирта произвели странные движения, долженствовавшие означать улыбку. “Я видел маленькую заразу которую ты понесся спасать, прохлаждавшуюся в Клинке Биндла, потягивавшей вино – так что пришлось поторопиться, зная что ты угодишь прямиком в ловушку”. Он посмотрел на бехолдера, врезавшегося в стену здания из окон которого тут же исчезли лица зрителей. “Так что ты натворил, что этот гад так взбесился? Отказался его поцеловать?”

“Твой разум как всегда острее бритвы, Старый Волк”, сказал Дурнан с лукавой улыбкой, предававшей легкий невинный тон его слов.

Мирт ответил грубым жестом и добавил, “Ну?”.

“Ничего”, честно сказал Дурнан, наблюдая за тем как бехолдер приходит в себя и медленно, осторожно начинает вновь надвигаться на них. “Выбрался из Портала на помощь благородной леди – и попал в ловушку перенесшую меня сюда”. Он неожиданно усмехнулся. “По крайней мере, не пришлось пешком ходить”.

Мирт проворчал. “Жаль, что мне не так повезло”. Позади него раздался шорох, он обернулся с мечом в руке, расслабился и улыбнулся. “Девочка, девочка, сколько раз я тебе говорил, что ненавижу когда ко мне подкрадываются сзади?” упрекнул он Аспер. Она указала мечом куда-то за него.

“Тогда лучше повернись обратно, мой лорд”, спокойно сказала она, и прикосновение к поясу означало, что Дурнан позаимствовал один из его кинжалов. Мирт заворчал как морж и пытаясь повернулся – как раз вовремя чтобы увидеть несущегося на них бехолдера и копыта сияющих лучей из его глаз.

“Спрячьтесь за мной, вы двое!” взревел толстый ростовщик. “Я защищен!”

“От таких зубов? Какнибудь покажешь мне это заклинание!” сказал Дурнан, становясь плечом к плечу с Миртом, сжимая в каждой руке по кинжалу. Его клинок остался под скалами, один глаз заплыл и почти не открывался, но трактирщик, казалось, был уверен в себе – даже с нетерпением ожидал столкновения – поджидая приближающуюся по воздуху смерть.

С плавной грацией скользящей змеи у другого плеча Мирта встала Аспер. “Интересно для разнообразия побеспокоиться о зубах бехолдера, а не его глазах”.

“Отойди девочка!” взвыл Мирт. “И без того есть о чем волноваться...”.

Бехолдер врезался в них, огрызаясь и кусаясь. Они безуспешно рубили по костяным пластинам его тела.

Горячее дыхание бехолдера окружило его противников, отчаянно прыгавших и уклонявшихся – только, чтобы вновь и вновь отлетать от того, что казалось движущейся стеной замка. Тиран отбросил Дурнана как куклу, тот захрипел и откатился в сторону в расщелину, ускользая от пытавшегося раздавить его бехолдера. Аспер не смогла удержаться на ногах, когда к ней потянулись челюсти. Она укрылась от взгляда монстра под ним, вновь ударилась – и отлетела на другой конец области развалин, меч вылетел из онемевшей руки зазвенев при падении. Судорожно вздохнув и застонав, она оперлась на переломанную колонну, но Мирт был слишком занят чтобы расслышать ее.

Он метался и ругался и отбрасывал назад настойчивые клыки, меч отскакивал от костяной брони и зубов. В конце концов, чтобы не расстаться с рукой ему

пришлось оставить меч вертикально в сжимающихся челюстях. Те перехватили клинок, переломили и выплюнули. К этому времени трое израненных шатающихся друзей поднялись на ноги. В отдалении раздавались голоса делающие новые ставки.

“Да, кстати - это Ксазун”, формально представил бехолдера Дурнан.

“Недобрая встреча”, проворчал шатающийся Мирт. “Очень недобрая”.

В этот момент угасло слабое гудение его щитов: защита от глаз бехолдера исчезла.

“Тьфу ты, черт”, пробормотал ростовщик. “Умереть – и где, в Скуллпорте – да еще и дать кому-то выиграть ставки на этого...”

“Разделимся”, предупреждающе сказала Аспер из завала справа, “а то он нас всех вместе передавит”.

“Оптимистично”, прокомментировал Дурнан, наблюдая за осторожно разглядывавшим их Ксазуном, который еще не знал, что они больше не защищены от его сил. “У кого еще осталась магия?”

“Против такого? Нет”, ответил Мирт наблюдая медленное приближение смерти. Один единственный луч выпущенный им – просто так – и монстр поймет что они беззащитны.

Ксазун уже немало магии применил против этих людишек, и вся она растворилась бесследно или же повернулась назад против пославшего ее. Лорды Уотердипа, были видимо, покрепче простых смертных. Как бы победить этих двух – возможно трех, если женщина одна из них – не уничтожая тела?

Доппельгангер мертв, так что сохранить этих людей – по крайней мере, тела – в целости и сохранности было важно. Они противостояли его магии, и похоже подчинить их волю не удастся. И все же, сбежать из боя, сейчас, при такой аудитории...

Бехолдер замедлил ход, затем остановился. Он висел на почтительной дистанции над развалинами, и размышлял.

“Ну ладно, я пошел”, весело сказал Мирт поворачиваясь. “Охотничий сезон на бехолдеров еще не начался, да и дела у меня...”

Один из глаз Ксазуна вспыхнул. Камень размером с кулак поднялся с земли и понесся к старому торговцу, с точностью и скоростью стрелы. У этих людей может быть щит от магии, но что, если камень уже летит быстро и точно когда магия разогнавшая его разрушается? Медленно вращаясь в полете, камень летел к цели.

“Волк – вниз!” закричала Аспер. Мирт слышал у нее такой тон раза два в жизни, и плюхнулся на живот без промедления. Камень пролетел над головой, и с треском разлетелся о стену.

Бехолдер начал спуск, и одновременно над головой Дурнана взмыл булыжник размером с небольшую повозку. Тот бросился в сторону, но камень тщательно целясь преследовал его. Хозяин Зевающего Портала пробормотал ругательство и начал бешенную скачку по развалинам. Бехолдер улыбаясь плыл за ним.

Если огромный вес камня придавит лорда не нанеся ему тяжелых повреждений, он окажется беспомощным и беззащитным – пленник до тех пор, пока Ксазун не будет готов забрать у него разум и тело. Если это сработает с одним – прекрасно, камней тут достаточно, а людей всего трое.

От ужасного зрелища преследующего Дурнана булыжника Мирта отвлек стук по камню позади него. Он с рычанием обернулся – не пытается ли один из этих наблюдателей-игроков изменить соотношение сил – и уставился на существо в голубоватой чешуе, выглядевшее как огромный крокодил. Голова поднялась разглядывая его, существо бежало по каменным обломкам маленьким лесом быстро мельтешащих ног.

Бехир, человекоядный ящер плюющийся молниями!

“Вот его нам и не хватало!” вырвалось у Мирта от отчаяния, он поднял кинжал, прекрасно понимая бесполезность его маленького клыка против этой твари. “Какой то засранец-маг над нами издевается!”

Ставший похожим на усталого быка, опустившего голову на встречу несущемуся вихрю, старый толстый Лорд Уотердипа приготовился к схватке с новым врагом. Приближавшийся бехир неимоверно широко раскрыл пасть, предоставляя Мирту возможность уставится в глотку в которую он мог спокойно войти не сгибаясь. Раздвоенный язык извивался в ее глубинах завораживающем танцем, все ближе и ближе, быстрее чем мог бы бежать человек.

Аспер выкрикнула имя Мирта и бросилась бежать к нему, вытащив из сапога маленький нож – но она была слишком далеко и могла только наблюдать. Рептилия щелкнула челюстями, повернула голову к Мирту сделав то, что позднее тот смог описать только как подмигивание, и пронесшись мимо остоленого ростовщика выплюнула молнию прямо в распахнутую пасть бехолдера.

Ксазун закричал. Высокий, плачущий вой, похожий на слишком часто слышанные Миртом крики человеческих женщин – и понесся над развалинами, по всему его телу играли молнии. Глазные отростки спазматически извивались, он врезался в колонну и тяжело рухнул вниз. Атакующий бехир мгновенно добравшись до него обернулся вокруг врага и щелкая челюстями обрывал глазные стебли яростно, безжалостно и торопливо. Три человека в немом изумлении наблюдали, затем сошлись вместе в центре разрушений наблюдая как умирает бехолдер.

“Есть тут дыра настолько маленькая, чтобы мы могли там спрятаться от этого?” мягко спросила Аспер, наблюдая как чешуйчатая голова бехира мотается в стороны, разрывая плоть бехолдера. Последний булькающий вой твари смолк под его когтями.

Ни один из них не увидел тихо материализовавшуюся рядом с павшим глазом-тираном хрустальную сферу, сверкнувшую последними остатками энергии заклинания... и рассыпавшуюся пылью, разлетевшейся в стороны.

“Несколько есть, конечно”, хмуро ответил Дурнан, наблюдая за пожиранием, “но ни одна из них не защитит нас от его молний”.

Аспер тяжело вздохнула и покачала головой. Ее глаза ярко сияли когда она спокойно сказала, “Я так и думала”, и подняла маленький нож будто это был древний магический клинок.

Когда крокодилоподобная голова отвернулась от своего пиршества, ей предстал маленький нож, кинжал Мирта рядом с ним, и такой же кинжал в руке Дурнана; в ее глазах сверкнуло золотом веселое изумление. Огромные челюсти раскрылись, издав шипение. Челюсти с усилием шевелились, и Аспер подумала, что существо пытается заговорить. Затем оно раздраженно мотнуло головой, глубоко вздохнуло и снова

попыталось, обратив глаза на Мирта. Все они услышали грохочущий рев вполне четко: “Спасибо Трансстре...”

Затем он опустил голову, свернул ножки под телом и скользнул прочь. Они смотрели как он прокладывает путь из развалин на улицы. Зрительская аудитория – выжившие – попятись, освобождая дорогу. Он исчез за углом – улица Паучьего шелка вспомнил Дурнан – и оставил их наедине с разорванным мертвым бехолдером.

“Интересно, что она с тебя потребует в плату?” спросил Дурнан у Старого Волка.

Мирт пробурчал что-то и повернулся к своей леди, разглядывая ее будто в первый раз заметив. “Привет, маленькая фруктовая корзинка”, промурлыкал он, вытягивая губы для поцелуя.

Аспер показала ему язык и сделала вид что плюется, как обычно молодые леди Уотердипа демонстрировали презрение или неудовольствие.

Затем она подмигнула и просияла.

Мирт улыбнулся было в ответ, но его улыбка замерла когда он увидел опасно поднявшиеся брови Аспер и угрожающую искорку в темных глазах, буравящих его. Она нежно спросила, “А кстати, что это за женщина, “Трансстра?””

Мирт посмотрел на нее укоризненно. “Втяни коготки, малышка: она не человек, она ламия”.

Теперь поднялись брови у Дурнана. “Работорговля, Мирт?”

Торговец оскорбленно посмотрел на него и повернувшись пошел к аллее. “Вы же меня знаете, работорговля – занятие для тех, кто не знает сомнений, не слишком умен, но очень богат. В частности, для аристократов”.

Дурнан взвыл. “Ой, только не начинай опять. Мы вычистили все, что могли, и Хел установил заклинания-шпионы... всегда остаются несколько, по мелочам, но ничего с чем мы бы не могли справиться – ”

Вспышка молнии разнесла в пыль камни у его ног.

“Вот как? Справишься со мной, трактирщик?” Голос эхом разносился вокруг них, усиленный магией: издевательский голос высокомерной молодой женщины, хорошего рода и воспитания.

Три лорда посмотрели туда, откуда ударила молния, и увидели одинокую фигуру, стоящую на мосту, где не так давно Аспер наблюдала бельевою веревку: тонкая надменная фигура в темнозеленом плаще, в складках которого проступали контуры длинного меча под ним. В верхней части фигуры заметны были лишь сверкающие глаза и локоны золотистых волос, спускавшиеся на изящные плечи.

“Нитикс”, проревел Мирт, “Спускайся оттуда!”

В ответ две руки в перчатках показались из плаща, демонстрируя светящиеся смертельные вещи которые они держали: взрывные жезлы из Нетерила, потрескивающие искорками удерживаемых в них молний. “Поднимайся и достань меня, толстяк”, фыркнула Нитикс Тандерстафф. “Я не подчиняюсь приказам пьяных старых простолюдинов”.

Дурнан посмотрел на нее, глаза его сузились. “Так ты работорговка?” он тихо направился к выходу на аллею, и тут же за ним последовали Мирт и Аспер.

Жезлы направились на них, девушка напряглась и сказала почти вызывающе, “Да!”.

Дурнан продолжал шагать, покачивая головой в насмешливом недоверии. “Ты никогда не заковывала людей и не вытаскивала орков из транспортных клеток. Только попробуй, тебя отшвырнут как детскую игрушку”.

Молния ударила в него бессловным убийственным ответом.

Обнаженная женщина чьи волосы и глаза были цвета пламени выглянула из окна и напряглась. “Взрывные жезлы!” прошипела она.

Глаза ее вспыхнули еще ярче, она выплыла из окна. До бедер ее фигура была человеческим, но дальше начиналось покрытое чешуей тело змеи. Она скользнула вдоль стены, выпрямилась и подняла руки сплетая заклятье.

Темная леденящая ладонь прикоснулась к ее плечу.

Она развернулась, с молниеносной быстротой на ладонях выросли когти. “Кто - ?”

“Иногда меня зовут Халастер Черный Плащ”, ответила ей стена. Лицо в капюшоне выделилось из камней присоединяясь к удерживавшей ее руке. Огненно-алые глаза встретились с темными, и через мгновение Транстра вздрогнув отвела взгляд. Рука разжала хватку, и голос Халастера был почти мягким, когда он добавил, “С ними будет все в порядке. Смотри. Просто смотри”.

Молния ударила в трактирщика, раскидав в стороны лампы и белье. Дурнан ловко отпрыгнул, перекатился на ноги, и возобновил спокойное продвижение в дюжине шагов ближе и левее от места куда он направлялся.

Посмотрев вверх, сквозь дымящиеся тряпки и качающиеся веревки, он заметил. “А, так ты поджариваешь каждого раба кто говорит что-то, что тебе не по вкусу? Что же, еще одна причина почему я не слышал о твоей блестящей карьере работоторговца”.

Молния хлестнула вновь. Молодая аристократка завизжала, “Не смей издеваться надо мной, трактирщик! Мой хозяин убил бы тебя – всех вас – если бы не эта – эта змеюка! Тебе очень повезло, что ты жив и можешь сейчас тут умничать!”

“Тебе стоит попрактиковаться с этой игрушкой”, проворчал Мирт направив толстый палец в ее сторону, “если у тебя есть желание когда-нибудь в кого-нибудь ей попасть”.

У его плеча фыркнула Аспер. “Ты служила... бехолдеру?” спросила он громко.

Они подошли уже достаточно близко чтобы видеть как тонкие губы Нитикс Тандерстафф вытягиваются в линию. Она уставилась на них, бледная и дрожащая от ярости и ответила, “Да. С Ксазуном у меня была сила и власть. Великие лорды наливали мне лучшие вина надеясь получить нужных им рабов. Вы разрушили это, вы трое, и за это дорого заплатите. Клянусь!”

“Слышал я о женихах, которые не нравятся отцам”, буркнул Мирт, “но как же ты, девочка, могла оказаться настолько глупой?”

“Глупой??” взвизгнула Нитикс, выбрасывая жезлы в руках почти вертикально вниз, на их поднятые лица. “Глупой? Кто здесь дурак, Старый Волк?” Она задействовала оба взрывных жезла.

Аспер неслышно бормотала что-то – и в этот момент мост развалился, когда оставленная на нем взрывная звездочка послушно отозвалась на приказ.

“Ты, если позволяешь нам подойти вплотную, хотя могла бы поджарить нас”, заметил Мирт. Аристократка беспомощно полетела вниз, на мостовую у их ног.

Бесполезные молнии обожгли здания по обоим сторонам дороги, но замедлить ее смертельное падение они не могли.

Или – почти смертельное. Когда ей оставалось лететь считанные футы, Дурнан метнулся вперед, высоко подпрыгнул ей навстречу и мягко поймал, упав на согнутые ноги погасившие силу удара.

На мгновение Нитикс ошеломленно уставилась на него. Лицо ее исказилось, она подняла единственный жезл который удержала в руках, целясь ему в лицо. Трактирщик, однако, спокойно приложился кулаком к ее челюсти, оставив ее без сознания.

Дурнан посмотрел как медленно выпал из ее руки мерцающий жезл. Когда он стукнулся о камни, ногой отбросил его Аспер, посмотрел на миг в лишенное выражения лицо женщины у него на руках, и забросил ее на плечо, готовясь нести ее домой, к ее отцу в Уотердипе. Только вот что ему говорить Лорду Тандерстаффу?

Взгляд его привлекли рубины, длинные роскошные сережки танцевавшие напротив его груди. Дурнан посмотрел на них, покачал головой и устало сказал, “Стар я становлюсь для всего этого. Что за день!”

Мирт пожал плечами, обняв одной рукой Аспер. “Да? Что ты сказал? По мне, так довольно тихий день выдался в Скулпорте!”

Слова едва слетели с его губ, когда фасад близлежащего здания исчез в реве и пламени, разбросав осколки и обрушив еще один подвесной мост. Разрушительные пальцы бледно-голубого огня вырвались из клубящегося дыма горящего строения, еще прежде, чем камни его стены закончили падение. На этих огненных пальцах извивались два тела.

Три лорда Уотердипа наблюдали как двое безуспешно борются с магией. Это были женщины, немалою возраста и куда более роскошные чем Аспер или Нитикс – их красоту не могли скрыть обрывки дымящейся одежды. Они пролетели мимо трех лордов, сделали резкий поворот перед входом в лавку мясника и понеслись дальше по аллее, движимые беснующейся магией, пленившей их.

Лорды повернулись, вовремя чтобы увидеть как за одной из стен, на полпути по аллее, вздымается черное пламя. Танцующая тень, без горячего и тепла, она казалось не исчезала и не разгоралась, а просто длилась.

Из-за укрывающей вуали, Транстра видела, как из мостовой за ногами Мирта поднимается призрачная рука, прямо возле забытого взрывного жезла – который так и остался жалко искриться на камнях – и втягивает его в камни. Почти сразу, рука появилась рядом с ней, протягивая ей жезл.

“Видишь? Терпение приносит награды”, прошептал Халастер. Ламия изумленно посмотрела на него, потом на жезл, и медленно протянула к нему руку. Маг улыбнулся. “Никакой ловушки; он твой”.

Транстра оглядела его, выражение ее было непроницаемо. “Почему ты отдаешь мне это?”

Глаза, черные как беззвездная ночь, ответили ей прямым взглядом. “У меня мало друзей, леди, и я хотел бы обрести нового – как вы своего торговца”.

Транстра посмотрела на двух волшебниц, всхлипывавших под воздействием незнакомой магии, которая несла их по аллее, глубоко вздохнула, вновь оглянулась на Халастера, и протянула вторую руку.

“И я тоже не против”, уверенно сказала она, и ответившая ей улыбка была как волна теплого пряного вина.

Маг ответил, “Тогда доверься мне, и пойдем”.

Холодные черные пальцы опустились на нее, и повели в направлении стены, к леденящему объятию камня. Транстра сглотнула, закрыла глаза, и твердо держалась за ведущие ее пальцы, которые в молчании увели ее далеко от аллеи.

Черное пламя с одной стороны аллеи неожиданно мгновенно исчезло, будто и не было его никогда, обнажив грязную каменную стену, с единственным темным открытым окном. Две сопротивляющиеся волшебницы вылетели туда, изящные тела задержались, удлинлись - и стали зелеными и покрытыми бородавками.

“Тролли?” нахмурившись спросила Аспер.

Два ее спутника кивнули.

Насильственно измененные женщины пролетели сквозь развалины в темноту, трепеща в магической хватке.

Спустя миг, в дальнем углу пещеры куда они улетели, раскрылось два гигантских зрачка, и громахающий голос проревел, “Кто смеет - ?”

Последовавший грохот сотряс всю гигантскую пещеру, возвещая о пробуждении огромного существа. Что-то большее чем несколько строений поднялось на дальнем конце развалин.

Черный дракон приподнялся, оказавшись выше крыш Скуллпорта, чтобы разглядеть аллею. Аспер прошептала что-то над нетерильским жезлом, и голубовато-золотой огонь окружил ее ладонь. “Дотроньтесь до меня, оба”, приказала она, “И подведите ладонь этой не-особо-благородной леди к моей”.

Дурнан прикоснулся безжизненной ладонью Нитикс к руке Аспер, та что-то шепнула, и жезл начал звенеть и пульсировать, становясь все ярче с каждой вспышкой.

“Что ты делаешь, девочка?” спросил Мирт.

“Использую эту штуку чтобы зарядить тот камень переноса что ты мне дал, и убрать назад в Особняк Мирта”, ответила она. Пока она говорила, знакомый голубоватый туман телепортации начал подниматься вокруг них. Аспер улыбнулась и повернула голову к Дурнану. “Должна согласиться с моим лордом”, весело сказала она. “Действительно, тихий денек”.

“Пусть их будет еще много”, выдохнул Дурнан свое сокровенное желание.

Приблизившийся дракон заставил мостовую содрогаться под их ногами.

Туман сомкнулся над ними, возвращая их в место, где есть камин и теплая ванна, есть вино... и нет драконов. Чего еще желать отошедшему от дел путешественнику?

Для тех, кто хочет узнать актеров и безуспешно искал программу, возрадуйтесь – и внимайте! Храбрые участники вышеописанных событий:

АЛДОН: сильнейший, и самый тупой из трио воров-людей, величающих себя Маски Беспорядка. Алдон сотоварищи владеет полным контролем над примерно шестью ярдами двух аллей Скуллпорта.

АСПЕР: когда-то воспитанница Мирта Ростовщика, который спас ее ребенком в развалинах горящего города, Аспер стала его возлюбленной, соратником и (весьма часто) спасительницей. Смертоносная и любящая акробатические номера в бою, она была мозговым центром знаменитого отряда известного как Четверо – и теперь она мозговой центр Лордов Уотердипа. Мирт любит ее больше жизни – и несколько десятков городских стражников мечтают о ее поцелуях... тщетно, само собой.

ДУРНАН: Этот лаконичный, невозмутимый, со следами многих путешествий на лице человек хорошо известен в Уотердипе как хозяин Зевающего Портала, знаменитой таверны, где находится вход в гигантские глубокие лабиринты Подгорья. Бесстрашие Дурнана и умение обращаться с воинственными посетителями обращают на него восхищенные взоры молодых леди. Однако немногие знают, что этот рослый философ был когда-то воином, чей клинок открывал солнечному свету больше внутренностей всяческих монстров Фаэруна, чем несколько дюжин известных отрядов искателей приключений вместе взятых. Бывший член Четверки, Дурнан в настоящее время один из наиболее практичных и широко уважаемых людей города – и, по секрету, один из наиболее способных Лордов Уотердипа.

ЭЛЬМИНСТЕР: Известен как “Старый Маг” для большинства, и Мудрец из Шедоудейла для склонных к формальностям, этот седой хитрец, обладатель впечатляющей бороды, не нуждается в представлениях для Фаэрунцев. Один из Избранных Мистры, архимаг могущественный достаточно, чтобы заставить трепетать больше чем один мир – и он неплохо заплатил мне за эти слова, кстати.

ХАЛАСТЕР ЧЕРНЫЙ ПЛАЩ: Легендарный злодей Уотердипа, “Сумасшедший Маг”, скрытная фигура которой пугают детей, чтобы они себя хорошо вели. Некоторых из них десятилетиями мучают кошмары о жутком Лорде Подгорья, чей взгляд убивает, кто рыщет в темных подземельях под городом, с мастерством безумца творит заклинания разрывая на кусочки бехолдеров, сражая драконов... и посылая букеты цветов наверх, изумленным молодым леди Уотердипа на пикники.

ХЕРЛ: “Лучший клинок” Патруля Черного Сокола городской стражи Уотердипа, Херл – высокий и обходительный человек со сверкающими глазами, великолепно работающий как мечом, так и языком. Спросите любую благородную даму Уотердипа к которой его назначали в сопровождение – только когда ее мужа поблизости не окажется.

ИЛБАРТ: Главный стратег Масок Беспорядка, с хорошо подвешенным языком и задатками лидера. Илбарт принадлежит к классу симпатичных разбойников, он почти столь же красив как сам думает, знает людей почти так же хорошо как он считает, и если ему будет сопутствовать большая удача, не угодит в могилу еще год или два. Хотя ставить на это не стоило бы.

ИРАЭГЛИ: Этот иллитид (пожиратель мозгов, из той самой лиловокожей щупальцегубой расы, что обожает высасывать мозги людей, у которых они вообще есть) мог бы продолжать свою карьеру манипулирования и запутанных интриг, если бы у него было поменьше самоуверенности и побольше способности к предвидению – недостатки, боюсь, свойственные многим магам и искателям приключений человеческого рода.

ЛАЭРАЛЬ АРУНСУН СРЕБРОРУКАЯ: Леди Маг Уотердипа, супруга знаменитого Хельбена “Черного Посоха” Арунсун (Лорда Мага Уотердипа), который спас ее от проклятого артефакта известного как Корона Рогов. Лаэраль – одна из Избранных Мистры, и одна из Семи Сестер за которыми наблюдает Эльминстер. Ее позиция – представитель Лордов Уотердипа в Скуллпорте (нередко под чужим обликом), раньше она была лидером группы Девятерых. Ее изящество и красота превзойдены только ее магическим мастерством.

МИРТ: Сказать что Мирт Ростовщик весит больше лошади было бы несправедливо. Может, пони... Проницательный и саркастичный старый разбойник любим всеми, кто не должен ему денег. Его иногда зовут “Пыхтящим Воителем” те, кто слишком молод чтобы помнить дни Мирта Безжалостного, наемного генерала которого боялись от Калимпорта до Мирабара. Позднее он был Старым Волком - хитрейшим из всех пиратских капитанов, когда-либо грабивших Побережье Меча. В настоящее время ему приходится удовольствоваться постом старшего Харпера, не самого секретного Лорда Уотердипа и суетливого критика новейших таверн и прочих увеселительных заведений города.

НИТИКС ТАНДЕРСТАФФ: Одна из молодых, симпатичных и беспощадных молодых аристократок которыми кишит Уотердип, Нитикс – дочь Анадула Тандерстаффа, старого друга Дурнана, брата Баэрома, главы Дома Тандерстафф. Нитикс нравится вкус опасности и жестокие развлечения, ей хочется чувствовать себя значащей и могучей. Однажды она вполне может оказаться во главе города... если перед этим ее не затопчет толпа молодых красоток примерно таких же вкусов и способностей. Если сможете, понаблюдайте за ней из укрытия, бесплатное развлечение гарантировано.

ШАНДРИЛ ШЕССАИР: за этой юной девушкой гоняется пол-Фаэруна (самая злобная и пользующаяся магией половина), поскольку ей досталась редкая и могущественная способность призывать магическое пламя, с которой она возможно когда-нибудь сможет изменить весь мир ... конечно, если переживет почти ежедневные нападения тех, кто хочет завладеть ее пламенем.

ТОРТАН: Человек, раб Леди Транстры. Тортан поклоняется своей госпоже почти столь же сильно, как и боится ее. Судьба его по настоящее время печальна, но далека еще от завершения. “Происхождение Тортана многих удивит, когда оно наконец раскроется” (во всяком случае, так сказал Эльминстер – я полагаю, что в этот момент он был слегка опрометчив).

ТРАНСТРА: Жестокая и мудрая ламия, работарговка довольно высокого статуса в Скуллпорте, “Леди” Транстра иногда ведет дела с Миртом... и со многими куда менее приятными созданиями, которые по счастью не появились в этой истории.

УЛИССС: Бехир, раб Транстры, Улисс принадлежит к расе змееподобных хищных рептилий со множеством ног, которые могут плеваться молнией и пожирать множество нежелательных встречных воинов и путешественников. Ненависть и любовь к Транстре борются в Улиссе; оба они знают, что однажды ненависть победит... вылившись в предательство, к которому, как боится Улисс, Транстра вполне готова.

ВОНДАРРА: С этой молодой колдуньей мы встречаемся лишь на мгновение, на ее беспомощном полете вдоль аллеи в Скуллпорте к нежеланной встрече с Валхариндалотом. Заклинание, отправившее ее туда, и тот, кто сотворил его – эти секреты будут раскрыты позже и в другом месте... как и судьба Вондарры.

ВАЛХАРИНДАЛОТ: Гигантский древний черный дракон, Валхариндалот мирно спит в стене пещеры в том уголке Скуллпорта что мы посетили... точнее, мирно спал, до последних строк этой истории. Как сюда попал Валхариндалот, и что он теперь будет делать в ярости своего пробуждения, эти проблемы будут обсуждены позднее – и с безопасной дистанции. Предлагаю дальнюю сторону Селуне, через столетие.

КСАЗУН: Вот этому бехолдеру (глазу-тирану) стоило бы дважды подумать, но ему так надоело скрываться, что он попытался подставить несколько доппельгангеров (под своим мысленным контролем) вместо Дурнана и еще некоторых важных граждан Уотердипа, чтобы сделаться фактическим правителем города. Можно кладбища наполнить теми кто жаждал этой позиции... хотя Ксазун и смотрел за делами более острыми глазами чем большинство из них.

ИЛОЭБР: Иллитид (пожиратель мозгов) и соратник по интриге Ираэгли, Илоэбр разделил печальную судьбу своего партнера. Возможно, у Илоэбра еще есть шанс на карьеру в будущем – но, зная Халастера, маловероятно.

ЗАРИССА: Вторая, и еще более привлекательная колдунья, которая предстает перед нами беспомощно кувыркающейся в воздухе той аллеи в Скуллпорте, летящая вопреки своей воле дабы разбудить черного дракона. Возможно, мы еще узнаем о заклинании, пленившем ее и Вондарру, его творце и судьбе Зариссы в другой истории. А может и нет.

Кровная связь

Введение: Кровная связь

Похоже, что в большинстве фэнтези судьба (по крайней мере, когда ее устанавливают смертные, а не всезнающие боги) – это то, от чего лучше всего бежать.

Данная история начинается двадцать пятого числа Фламерула, в Год Принца (1357DR), в то самое время, когда события описанные в «Огненной руке», разворачиваются в других частях Фаэруна. Речь идет о женщине, совершенно непохожей на Шандриль, но имеющей аналогичные проблемы.

Кроме того, этот рассказ позволяет нам заглянуть в башню красного волшебника Тэя, о котором Воло однажды сказал: «Все волшебники опасны. Даже я. Большинство волшебников развивают характеры, которые деликатно называют «трудными». Но есть и откровенно мерзкие ублюдки – в этом клубе Красные Волшебники являются гордыми и восторженными членами.

Главному герою «Кровной связи» предстоит узнать, что такое на самом деле мерзость Красных волшебников, а также немного о том, как опасна судьба и как от нее убежать.

Маленьким летающим глазкам Мастера понадобилось полдня, чтобы отыскать ее.

Тейс старалась не улыбаться на их укоризненные взгляды, когда она вылезла из затененного уголка, который она нашла в основании двух каменных шипов, вырастающих из одного конца балкона башни. Злые и немигающие глаза висели прямо перед ее лицом. Она положила два изогнутых кусочка стекла, которые увеличивали далекие объекты – обрывки, украденные с пола рабочего кабинета Мастера, – в один из многочисленных карманов своего пыльного, липкого ремня, потянулась и пробормотала:

– Я иду, Мастер.

Ветер с шипением пронзил ее уши, когда Тейс легко пробежала по балкону и взмыла в воздух с его дальнего конца, перепрыгнув через пустоту в сотнях футов над пыльным каменным двором, окружающим башню, к круглому медному окну, которое она оставила открытым. Она знала, что оно достаточно прочное, чтобы выдержать вес самой молодой и стройной домашней рабыни Маэларха Трона. Ухватившись ловкими пальцами за перекладину, Тейс сильно потянула, закатившись ногам назад в башню Железного Ветра.

Последний дикий проблеск залитых солнцем каменистых высокогорий Тэйской области промелькнул перед ее взором, затем она приземлилась на гладкую плитку,

достаточно твердую, чтобы ушибить ноги в мягких туфлях, но прыгнула вперед... чувствуя, как холодные и твердые, как железо, пальцы впиваются ей в плечо.

– Тантараз, – медленно и возмущенно произнесла старая Самира, – от работы нельзя прятаться или убегать. Рабы живут, чтобы работать. Рабы, которые не работают, больше не живут!

Старые пальцы с железными когтями трясли Тейс, словно пыльный плащ.

– Это, – прорычала Самира, – ты прекрасно знаешь, поэтому мои слова пропадают впустую, так что я позволю своему хлысту говорить за меня и просто скажу следующее: Беги к хозяину, который ждет тебя в своей комнате для заклинаний! Беги так быстро, как только сможешь!

Как только Самира ослабила хватку, Тейс рванулась вперед в диком прыжке, так как знала, что красный огонь обжигающих ударов хлыста обрушится на ее спину и затылок, прежде чем она успеет освободиться, – и они обрушились, заставив ее зашататься. Самира порола рабов долго, очень долго.

Удовлетворяющее шипение рабыни преследовало ее до первого поворота – поворота, скрывшего грубый жест Тейс «копай мой навоз», который она послала в ответ Самире, а также взмахи плечами, чтобы ослабить и успокоить жар от хлыста.

Не от Мастера, конечно. Летящие глаза скользили за ее плечами, пока Тейс мчалась. Словно тихий ветер, она бежала, пригибаясь на каждом шагу и наклоняясь так близко к алым и золотистым настенным коврам, что они колыхались от ее стремительного бега.

Она, конечно, боялась Мастера, и, хотя прекрасно знала, что может умереть по его прихоти и что он, безусловно, самый опасный и могущественный человек в башне, он ей нравился.

Более того: она нравилась ему... или, по крайней мере, забавляла его. Он позволял немного поддразнить себя или украсть сладкий пирог с тарелки у очага, не пожаловавшись Самире.

И Тейс знала, что его стражники с горящими глазами не трогают ее, несмотря на ее молодость, потому – и только потому – что так приказал Хозяин.

Огонь вспыхнул от мерцающих золотых переливов, когда она приблизилась к заклинательной комнате, и головы крошечных драконов с острыми челюстями оскалились и метнули в нее колючие, ядовитые языки. Тейс почти презрительно уклонилась от них, в какой-то момент перевернувшись, чтобы не замедлить скорость штормового ветра. В конце концов, Маэларх Трон был красным магом Тэя, и как говорится «смерть настигает всех, кто перечит красному магу или осмеливается заставить его ждать».

При ее приближении двери заволокло туманом, и Тантараз вскочила, сделала кувырок и бросилась вперед в затяжном и диком кувырке, который привел ее к самым ногам хозяина. Там она бросилась на позолоченную мозаичную плитку, прижалась губами к его туфлям и высоко задрала талию для наказания, как порой делали его любовницы, когда совершали что-то такое, от чего они плакали от страха, а его лицо темнело от гнева.

Маэларх Трон усмехнулся над ней, а затем спросил почти ласково:

– И ты действительно думаешь, что в моей башне есть место, где ты можешь спрятаться от *меня*, Маленькая Танцующая Паучиха?

– Нет, хозяин. Твоя магия видит все и повелевает всем. Более того, я связана с тобой чем-то почти таким же могущественным.

– О? – Голос волшебника стал мягким, и Тейс поняла, что то, что она скажет дальше, очень важно.

– Моей любовью к тебе, учитель. Поэтому я никогда не попытаюсь скрыться от тебя.

– Красиво сказано, мой Быстрый Сокол. Очень красиво. Ты говоришь почти как рараута.

Куртизанка. Тейс было неинтересно смешивать золотые ароматы под грудью и везде, где сгибались конечности, и носить тщательно отделанные, проколотые и подвешенные платья с колокольчиками или без них. Балансирование с полными кубками на груди и волнообразные движения по комнате под музыку труб казались скорее смешными, чем соблазнительными, но она могла танцевать для своего господина, если он этого хотел.

– Хотя твоя нижняя часть достаточно приятна, я устал обращаться к ней. Встань, Маленький Чертеночек, и посмотри на меня.

Тейс повиновалась. Так грациозно как только умела, она поднялась на ноги и встала, сцепив руки за спиной, как учила Самаира.

Высокий и красивый как всегда, Мастер улыбался ей. Она осмелилась улыбнуться в ответ.

Хотя о нем говорили, что он могущественный Красный маг, Маэларх Трон никогда не носил красного. Когда бы Тейс его ни видела, он всегда был одет в черные сапоги или тапочки и черную мантию с узкими рукавами и вырезами, оставлявшими обнаженной его бронзовую грудь с татуировками и множеством талисманов на тонких золотых цепочках. Именно это было на нем сейчас, когда он возвышался над ней, – магия, которую он творил с Ваэдреном, только что закончилась или на мгновение осталась незавершенной. Переливаясь и поблескивая драгоценными камнями, браслет парил позади Мастера, медленно вращаясь в воздухе над тонким постаментом, которого Тейс никогда прежде не видела, и вокруг него вились дымки заклинаний.

Стройный и ловкий, Мастер Башни Железного Ветра представлял собой поразительную фигуру. Все в нем было настороженным, бодрым и острым.

Волосы у него были черные, с кинжально острыми концами, зачесанные назад и смазанные маслом саррады. Как обычно, с такого близкого расстояния Тейс чувствовала запах гвоздики и лимонов, содержащихся в этом масле. Лоб у Трона был высокий, глаза очень большие и глубокого, поразительного золотистого оттенка, как у сокола, а брови над ними – свирепые, уложенные в точки. Его черная борода изогнулась в привычное острие, а украшенные перстнями пальцы были длинными и тонкими. Его ногти были обрезаны до бритвенного острия – так поступали многие Красные волшебники, чтобы показать, что им не нужно марать руки работой, и, как однажды Тейс подслушала слова Рауксуна, чтобы вооружиться смертоносными цветными ядами, с помощью которых можно погубить врага одной лишь царапиной.

Он вскинул голову, словно осознавая, что она смотрит на него с благоговением, и направился к арке, ведущей в следующую часть; золотые нити защитных сигилов, вплетенные в занавес, коротко вспыхнули при его приближении.

– Идем, Маленький Чертенек.

Ваэдрен устремился за волшебником, и Тейс помчалась следом, зная, что занавес, способный убить, отступит перед ним и пропустит ее в библиотеку магистра.

Маэларх Трон, высокий и бронзовый, в развевающихся черных одеждах, вошел в библиотеку, которую и он, и его младший домашний раб любили больше всего из всех библиотек в Башне Железного Ветра.

Полки возвышались, словно многочисленные колонны, и невидимые для волшебника охранительные заклинания трещали. Ряды сиреневых, темно-фиолетовых и темно-зеленых мягких как мех корешков встретили жадный взгляд Тейс, но их скрывали металлические уголки и застёжки, которые, как она знала, были у каждой книги.

Большинство томов были высокими и узкими прямоугольниками, их страницы из закаленной заклинаниями кожи были испещрены металлическими чернильными глифами. Мастер как-то снисходительно сказал Тейс, что эти глифы – бессмысленные надписи – стихи, цитаты или просто тарабарщина, начертанная поверх настоящего содержания каждой книги. Глифы становились невидимыми на некоторое время, если к ним прикасались, произносили нужное слово, или если на палец надевалось правильно заколдованное кольцо. Если к глифу прикасались иначе, его магия убивала. Некоторые глифы делали и другие вещи с теми кто их тревожил, но Мастер никогда не уточнял, что именно.

Маэларх Трон натянул специальные светящиеся перчатки, которые он всегда надевал для работы с книгами, и выбрал один из самых ценных томов.

Даже если бы он не обращался с ней так трепетно, Тейс знала, как он дорожит ею по замысловатому замку, а также потому что страницы были из полированного электрума, письма вытравлены и оттиснуты, а иллюстрации вырезаны кислотами, чтобы получились радужные оттенки.

Эту книгу она уже видела, не так давно, когда...

– Ты, Маленький Чертенек, – мягко сказал Мастер, – два дня назад воспользовалась возможностью свеситься вниз головой с оконной арки и попыталась прочитать эту книгу, пока я держал ее открытой. Да, я видел тебя. А теперь скажи мне. Когда ты смотрела на эти страницы, что ты видела?

Стоя лицом к нему, Тейс облизала губы и по теплоте приливу к лицу поняла, что краснеет, но не стала тратить время на полуправду.

– Руны, которые я не смогла прочесть, Мастер. Они исказились, когда я смотрела на них, как всегда было, и...

– А. Как всегда. Мой Быстрый Сокол, мне придется тебя ослепить? Или просто выпороть?

Тейс вздрогнула и волшебник пренебрежительно махнул рукой между ними:

– Никаких глупостей. Не в этот раз. Скажи еще. Руны исказились и...?

– Н-ничего, учитель. Я не смогла их прочесть. От них у меня заболела голова, и я отвела глаза, чтобы... смотреть на другие вещи.

Волшебник кивнул.

– И все же ты осталась там, Маленький Чертенек. Ты пыталась снова посмотреть на страницы?

– Я попыталась.

– А потом? – быстро спросил он.

Тейс пожал плечами.

– Я почувствовала... тепло. Как будто у меня в голове был огонь. Я видел что-то вроде окон, открывающихся в темноте, но все это сразу же исчезало, прежде чем я смогла что-то разглядеть.

– Эх, – только и сказал Мастер и отвернулся.

Он взмахнул рукой и на лбу и правой ягодице Тейс, где находились ее клейма, внезапно вспыхнул огонь – такой же как маленькое пламя, пляшущее над тыльной стороной руки красного мага.

Пламя, пока она смотрела, приняло форму ее клейма: буква "Z" с направленными наружу стрелами пламени, парящими над и под двумя перекладинами.

Она горела...

Она закусила губу и задрожала от боли, глядя на пляшущие отблески на бронзовой коже Мастера, стараясь оставаться неподвижной и безмолвной, когда пот залил ее и... пламя угасло.

Боль угасла вместе с ним, и он, кивнув, закрыл книгу и положил ее на место, словно эта короткая магия что-то сказала ему.

Затем он снял перчатки, оставив их на пюпитре. Их сияние перетекло на пюпитр и стало невидимым, оставив их просто... перчатками.

Тейс знала, что они нужны ему для работы с большинством книг из-за талисмана, который он никогда не снимал – разве что в заклинательной комнате. Эта маленькая звездочка, рядом с его кожей, заставляла металлические предметы проходить сквозь него, поэтому почти все кубки, чаши, ложки, вилки и ножи в Железном Ветре были не из металла, а из резной кости или закаленного огнем обработанного дерева.

Слабо улыбаясь, Мастер подошел к ней.

– М-мастер, – прошептала она, и страх поднялся в ней, превратившись в холодное пламя, такое же обжигающее, как жар его магии, – Я...

– Тише, Маленький Чертеноч, – мягко сказал он. – Я пришел не наказывать, а узнать правду. Стой очень тихо.

Он навис над ней, ближе, чем когда-либо. Тейс чувствовала его запах – сумрачный аромат, смешанный со знакомым маслом для волос. Над ее дрожащей головой волшебник что-то пробормотал.

Затем, без предупреждения, он засунул два своих длинных пальца ей в ноздри. От них пахло пряным дымом, и Тейс едва не задохнулась.

Другая его рука внезапно сомкнулась на ее шее, прижав ее к своим пальцам, не позволяя вырваться... и в ее голове забушевало что-то похожее на сине-белый огонь, только журчащий как дождевая вода, вырывающаяся из водопада Железного Ветра.

Она закричала, или ей показалось, что закричала, когда библиотека поплыла и опрокинулась вокруг нее.

Словно кто-то услышал ее, в мягком сумраке библиотеки расцвело золотое сияние: заклинания расступились, а вместе с ними и их занавес, и сквозь них пробился Варлбит, младший ученик Мастера, со свитком послания в руках и озадаченным хмурым лицом.

Его глаза остановились на ней и расширились, а затем Тейс споткнулась, когда Мастер повернулся лицом к своему прибывшему ученику.

Тот вытаращился на него и пролепетал:

– Я... я не вовремя, Мастер? Может, мне вернуться позже?

– Итак, сэр Жент, – сказала Шторм голосом, таким же холодным, как сталь, прижатая к его горлу, – теперь ты будешь предъявлять мне требования на моей собственной огуречной грядке, не так ли?

Воин почувствовал холодное острие собственной зачарованной стали, которая душила его, когда он попытался глотнуть.

Страх, ярость и недоверие боролись в нем: у этой женщины не должно было быть силы, чтобы удерживать его! Магия его клинка должна была рассечь ее заклинания, как паутину, – если только этот змееголовый жрец Шар не солгал ему!

Солгал.

Ну, конечно.

– У тебя есть последние слова? – пробормотала бард из Долины Теней, ее рука сжалась на его шее. Спереди – сталь, чтобы перерезать ему горло, сзади – ее пальцы, похожие на каменные когти...

Хныча, Жентарим задрожал в ее руках, оскалив зубы.

– Можешь ли ты назвать мне вескую причину, чтобы не положить конец всем твоим деяниям сейчас? – тихо спросила она, ее кровь все еще стекала по груди ручьями от порезов, которые он нанес ей при первом ударе.

Нутланд из Жентарима почти умоляюще встретил ее взгляд и ему удалось решительно покачать головой.

– Нет, – сумел выдохнуть он. – По крайней мере, я могу говорить с тобой честно... Леди. Пусть это будет быстро, если вы можете найти хоть какое-то милосердие.

– Это много, – тихо сказала Шторм Серебряная рука, – и даже больше. Она подбросила клинок Шар высоко в воздух и смотрела, как он растворяется во вспышке голубых звезд и пламени, поджидающие духи Мистры и Азута вместе уничтожали его. – Ни одна сталь не прольет твоей крови.

Ее пальцы сжались, и его шея сломалась с влажным хрустом. Его голова откинулась, глаза потемнели.

Устало бард обняла тело, призывая священный серебряный огонь, чтобы сжечь все заклинания непредвиденных обстоятельств или смертельные чары, которые могли быть наложены на Истребителя Жента, чтобы подвергнуть опасности ее саму или Сумеречную Долину вокруг.

Ее кровь бурлила и вспыхивала тошнотворным синем пламенем, пока огонь делал свое дело. Шторм стиснула зубы от короткой агонии, затем откинула голову назад и облегченно вздохнула, когда пламя медленно угасло, оставив ее сжимать в руках приготовленный, дымящийся труп с когтистыми пальцами.

Позади нее кто-то нервно прочистил горло.

Шторм крутанулась на месте, ее плащ рассыпался в прах, а сам Жентарим буквально рассыпался в ее руках. Она взглянула в лицо Сореле, продавщице яиц с фермы Торма Артаувина, расположенной вверх по дороге, с полной корзиной огромных коричневых свежих яиц.

Маленькая пухленькая служанка дрожала от... страха? Благоговения?

Сорел широко раскрытыми глазами смотрела на черепоподобное, осунувшееся лицо Жента, потом отступила назад, когда Шторм нахмурилась, и слабо усмехнулась.

– Сейчас не самое подходящее время, леди? Может, мне вернуться позже?

При звуке их голосов Тантараз замерла, или попыталась это сделать. Ее дрожь не прекращалась.

Мастер больше ничего с ней не делал и отпустил, но его магия покалывала и заставляла ее цепенеть, вызывая неконтролируемую дрожь на грани беспомощного потока слез.

Она бежала по башне, как дикий ветер, и искала одно из лучших укрытий. Она так вспотела во время бега, что ее босые ноги постоянно скользили, и она чуть не разбилась насмерть, когда выбиралась из окна на крышу.

Почти.

Теперь она удобно устроилась в самой большой водосточной трубе крыши, гладкий, затененный камень окружал ее и успокаивал. Конечно, после нескольких дней засухи здесь было сухо. Тейс прижалась к нему, дрожа и содрогаясь. Это было заклинание. Оно что-то делало с ней... все еще делало, даже после того, как Мастер закончил, взял свиток и начал говорить с Варлбитом.

Варлбит разговаривал сейчас не с Мастером, а со старейшим учеником Мастера, Рауксуном.

Тейс ненавидел их обоих, но если Варлбит был просто злобен, то еще не ставший Красным магом Рауксун был... холодным, терпеливым клинком, ожидающим возможности убить своего Мастера и забрать весь Железный Ветер себе.

Мастер, конечно, знал это, и его улыбка была особенно мягкой, когда он разговаривал с Рауксуном, но...

Что он сделал с ней? О, она принадлежала Маэларху Трону, и он мог приготовить и съесть ее по своей прихоти, если бы захотел. Но дело не в этом. Он нравился ей, и она знала, что нравится ему, а также знала из разговоров рабов, что у большинства других в Тэе дела обстоят гораздо хуже, но... эта магия пробудила в ней нечто такое, чего, по мнению Тейс, Хозяин не заметил или не хотел.

Что-то, что ей лучше держать в тайне от него и от его учеников.

Они должны быть в камере рядом с ней, в канюльнике на самом верху западного бокового шпиля. Но что этим двум высокородным делать в таком тесном, вонючем месте?

– Он будет работать над заклинанием по меньшей мере еще один колокол! У нас есть столько времени.

В голосе Варлбита звучал гнев, и он пыхтел почти так же сильно, как Тейс. Она откинула голову назад и изо всех сил постаралась замедлить дыхание

– Говори, – спокойно пробормотал Рауксун.

– Эта маленькая Кларин Тантараз! Она только что была в библиотеке с Троном и каким-то образом убедила его установить с ней связь разума! Она пыталась очаровать его!

– Успокойся, Варл. – Тейс услышал в голосе Рауксуна высокомерную улыбку. – Я знаю лучше и ты должен знать.

Покалывание в теле Тейс превратилось в кратковременный укол боли – кто-то наложил заклинанием, совсем рядом, – а затем почти полностью исчезло. Сквозь щель в каменной кладке водосточной трубы пробилось сияние, которое не угасало.

Тейс заглянула в крошечное отверстие и обнаружила, что смотрит... на себя. Вернее, на свой светящийся образ, парящий в пустом воздухе за низкими арочными окнами. Она стояла прямо и выглядела так же, как в зеркалах Башни, и медленно вращалась, чтобы показать себя сзади и спереди.

Конечно же, она была обнажена, как и всегда. Смуглая кожа, костлявая худоба, все ребра на виду, тазобедренные кости торчат, как крылья. Длинные-длинные ноги; большие красно-карие глаза; волосы медного оттенка, коротко остриженные, чтобы было видно клеймо Хозяина на лбу, такое же, как на правой ягодице сзади... да, так. А когда она подрастет и побреет голову, то будет носить его также на спине и на лице – на правой щеке, опять же...

– Быстрый Сокол, – называет он ее, или «Чертенек», или «Маленький танцующий паук». Не волнуйся, Варл: она его игрушка, а не любовница. Быстроногая, полная слишком большого озорства и еще большего любопытства... может превратиться в хорошую воровку, да. И ты не хуже меня знаешь, что у нее слишком умный язык для любого раба.

– Вот именно! Что в ней такого особенного? Вот что я хочу...

– И ты это сделаешь. Варл, Трон купил эту Тантараз, когда она была еще совсем крошкой. Он купил ее, потому что его заклинания показали ему, что у нее есть природные способности к магии.

– Колдунья! Ну конечно же! Разве ты не видишь? Она будет его любовницей, его невестой, унаследует его Искусство вместо нас...

– Варл, успокойся. Посмотри на нее! Сейчас она не представляет особой ценности, а могла бы вырасти самой уродливой свиноматкой по ту сторону далекого Калимшана! А Трон мог бы выбирать из семи десятков заклинателей на любой ярмарке магов, верно? Да?

– Ну, да, но...

– Но ничего. Слушай и учись. Итак, эту маленькую Тейс обучили быть служанкой «принеси это, поддержи это, помолчи об этом», и сказали, что такая служба будет продолжаться, если она не будет вести себя достаточно плохо, чтобы ее убили, покалечили, превратили в эксперимент, выкинули из Железного Ветра на поиски себя или просто продали.

– Да, – немного угрюмо сказал Варлбит. – И что?

– И вот все меняется, когда начинаются ее лунные кровотечения. Так всегда бывает.

– Да, но...

– Да, но у Трона была своя судьба для этой с тех пор, как он ее купил! Она будет для него «ищейкой».

– И обучать магии как его ученицу, чтоб его!

– Верно, но не так, как нас учат магии. Варл, разве ты не знаешь, что такое кровная привязка? Она будет абсолютным рабом разума. Трон сможет «управлять ее разумом», разделяя ее мысли и управляя ее телом по своему желанию, когда пожелает.

Тейс напряглась, внезапно став холодной, как зимний ветер. Так вот почему Самира так внимательно наблюдала за ней и принималась.

О, боги! Ей нужно убираться отсюда, подальше от Железного Ветра! Она должна унести себя туда, где Хозяин никогда не сможет ее найти!

Но куда? Клянусь всеми богами, куда?

Она с тихой поспешностью вцепилась когтями в водосточную трубу, да так яростно, что кончики пальцев оставляли на камнях кровавые пятна. Она снова задрожала, ее трясло, как знамя, сорванное поднявшимся ветром.

Над многими крышами возвышалась еще одна боковая шпиль Железного Ветра, и маленькая Тантараз, попавшая в ловушку, помчалась к ней, карабкаясь вверх, вверх и вверх, туда, где она могла бы устроиться и подумать.

Или попытаться придумать то, чего она не могла увидеть сейчас: выход. Любой выход.

– Но хватит об этой тощей маленькой обреченной, – пренебрежительно сказал Рауксун, паря на животе над навозом. – Она ничто, но есть несколько важных вещей, которые ты должен знать.

Варлбит облизал пересохшие губы.

– Какие вещи?

– Ты знаешь, что такое Ваэдрен на самом деле?

– Некое чудовище, заклинание, запертое в том браслете. Оно дает ему разум, ограниченный, я думаю, но достаточный, чтобы управлять силовыми драгоценными камнями, которые наколдовал Трон. Сейчас он пытается усилить его.

Рауксун кивнул.

– Ты читал нужные книги. Хорошо. Я не знаю, что за существо «Ваэдрен», или было им, но сомневаюсь, что это имеет значение. Трон сам придумал этот браслет, и он был его порталным ключом в течение многих лет. Но в последний сезон он, кажется, влюбился в эту штуку.

– В смысле?

Рауксун пожал плечами.

– Возможно, он стал беспокойным?

– Нет, – огрызнулся Варлбит, – Я имею в виду, влюбился в нее как?

– А. Все, что он делал, это позволял своему носителю чувствовать близлежащие порталы и заставлять их работать безопасно, не зная их специфики, но в последние

несколько месяцев он перестал просто хранить заклинания в драгоценных камнях, а начал наделять его дополнительными силами.

– Откуда ты это знаешь?

– Я держу глаза открытыми, Варл, и мой мозг работает – маленькие вещи, которые ты должен был освоить много лет назад.

Младший ученик зашипел от гнева, но сказал только:

– Тогда скажи мне, что ты так остро видел и подумал об этих «дополнительных силах»?

– Трон беспокоится о том, что с ним может случиться, если незнакомый портал перенесет его в место, где существует большая опасность или враждебность – скажем, в ледяные пустыни, или в неизвестное место в Подземном царстве, или в морские глубины. Чтобы защититься от таких мест, он пытался усилить Ваэдрен, чтобы тот мог принимать облик некоторых грозных зверей.

– Чудовищ, которых он вызывал и убивал?

– Тех самых зверей, да.

Варлбит изучал старшего ученика, сузив глаза.

– Мы всегда были чем-то вроде соперников, Раук. Так почему ты мне это рассказываешь?

– Потому что я беспокоюсь за шкуры всех в Башне Железного Ветра. Мастер не обучает нас достаточно быстро, а этих новых так называемых учеников вообще не инструктирует! Старый Тарлунд просто спускается к ним с нашими старыми тетрадами и оставляет их пробовать заклинания самостоятельно! Трон тратит все свое время на воркование над Ваэдренами, в то время как ему следовало бы создавать смертников по дюжине, чтобы нам обоим было чем швыряться, когда начнутся нападения!

– Нападения?

– Варл, ты что, слепой и безмозглый? Кто, по-твоему, главный соперник Трона?

– О. Рундарвас Тааэль, конечно.

– Блестяще. Поразительно проницателен. Замечательно! Итак, потратил ли ты хоть одно заклинание на обследование Тааэлтора за последний, скажем, год или около того?

– Ты знаешь, что нет, – мрачно ответил Варл. – Что они замышляют?

– Я не знаю, потому что Тааэль утроил свои заслоны, расставил заклинательные экраны и привязал к ним зверей-хранителей, так что при каждом моем зондировании за мной приходит лунный полумесяц или еще кто похуже, прямо по линии моего заклинания! Разве это тебя не беспокоит?

Варл сглотнул.

– Д-да. Тааэль поклялся убить Мастера «скоро», и это было год назад.

– Действительно, – с горечью согласился Рауксун. – И вот сейчас, когда мы плаваем здесь и шепчемся друг с другом, Маэларх Трон находится в заклинательной комнате, нарабатывая темное зрение – темное зрение! – для своего драгоценного Ваэдрена, в то время как ему следовало бы вооружать Башню Железного Ветра!

Портал вспыхнул, фиолетовое сияние замерцало на лице Маэларха Трона. Он улыбнулся – руки все еще были подняты в последнем жесте заклинания – и посмотрел, как портал вспыхивает снова. Там...

По длинной спирали ползущих фиолетовых молний оно приближалось, мчалось к нему из глубин портала, схваченное его выхватывающим заклинанием из холодной беспросветности Подземной Тьмы и доставило сюда, прямо в...

Его готовая сеть заклинаний вспыхнула огненной жизнью, когда скрытое существо погрузилось в нее, яростно отбивая свои огромные, похожие на камни, створки, извиваясь, как попавший в сеть скат манта. Уже обречен.

Он получит его темное зрение, полет и камнеподобный вид его шкуры – в таком порядке. Он пробормотал слово, связывающее его с паутиной заклинаний, чтобы можно было привести ее в действие и начать кормить...

– Он упивается тем, что высосал этого зверя досуха, – заметил холодно-злорадный голос, – и не видит ничего другого.

– Неужели наше время наконец-то пришло, учитель?

– Да. Ты знаешь, что делать.

Ученик кивнул, сглотнул и осторожно начал долго отработанное заклинание.

Рундарвас Таазель улыбнулся и махнул рукой второму ученику. И третьему, и четвертому, и пятому. Было много порталов, которые нужно было разрушить и изменить, а такие вещи требуют времени. Поспешная работа – это всегда небрежная работа.

Браслет тепло светился на его коже. Трон улыбнулся и потянулся разумом к знакомому сиянию, ища полета...

И нашел его. А-а-а.

Когда Мастер Башни Железного Ветра плавно опустился на камни в дальнем конце своей заклинательной комнаты, некоторые из магических свойств заклинательной сети начали жутковато петь.

Он нахмурился. Никакой скачок энергии не должен...

Неважно. Всего за несколько мгновений эти заклинания плавно растворятся, с помощью Ваэдренов они выпьют свои потоки и не дадут сотне с лишним малых магий Железного Ветра рассыпаться или превратиться в нестабильную недостоверность, и тогда...

[Яркая вспышка!]

Фаэрун взорвался вокруг него.

– Да! – Тааэль ликовал и, не делая ни секунды паузы, огрызнулся. – Не останавливайся, чтобы пялиться на свою работу. Пройдет много-много дыханий, прежде чем ты сможешь увидеть что-нибудь полезное после взрыва портала!

Он возбужденно прошелся по комнате, оживленной искрами возбужденного Искусства, его брюхо колыхалось.

– Мы одолели его очень легко, так что Трон оглушен или даже хуже, но его варды, вероятно, уже срабатывают.

Остановившись рядом с лучами дрожащего белого света, пробивающимися из каждого кончика пальцев его самого компетентного ученика, он величественным жестом указал на разворачивающуюся магию.

– Вот. Присоединяйтесь к заклинанию Ахраула, сейчас же, все вы. Йонский портал – самый слабый у Трона. Он должен быть открыт, и чудовище должно пройти через него! Тогда мы увидим, как кровь омоет стены Башни Железного Ветра!

Маэларх Трон закричал, или ему показалось, что закричал, в белом ослепляющем свете, которое было всем, что он мог видеть.

Под его сапогами все еще был гладкий камень, но в остальном он мог бы с таким же успехом шататься в самом сердце огня, который не жарил и не варил, но принес ему полную тишину и ничего, кроме бесконечной белой пустоты.

Из ниоткуда поднялся странный диссонансный звук, плывущий и жутко воющий, который становился все громче и громче и оказался голосами нескольких взволнованных мужчин, скандирующих заклинания. Слова, как и голоса, были незнакомы, но каденция была безошибочной, и по слогам Трон понял, что невидимые певцы вместе творят заклинание, имеющее отношение к порталам...

Черт подери! Он должен был видеть!

Он попытался применить одно из самых мощных заклинаний, которые знал – один из самых ценных секретов старших Красных магов, – чтобы вернуть свое тело в то состояние, в котором оно было до взрыва. Рендевер Тамторнара мгновенно стирал из памяти огромное количество заклинаний и удавался лишь немногим чаще, чем терпел неудачу, но сейчас, когда отчаявшийся маг пробовал это заклинание, оно могло означать разницу между забвением и выживанием.

Его немой язык казался сделанным из густой грязи, а невидимые пальцы были одновременно онемевшими и тяжелыми... заклинание... мог ли он... всеми силами...

Ваэдрен! Если он вызовет, хранящийся в нем Рендевер...

Непроницаемая жемчужная пустота замерцала, потускнела и начала темнеть. Маэларх Трон изо всех сил старался не зарыдать от облегчения. Казалось, заклинание шло именно оттуда и, похоже, подходило к завершению – триумфальному завершению, будь оно проклято!

Даже когда в его зрение вернулась тьма, а вместе с ней и проблески его заклинательной комнаты, затянутые клубами дыма, разразилась новая вспышка света, сопровождаемый сокрушительным грохотом. Дрожь сотрясла комнату, едва не свалив Мастера Башни Железного Ветра с ног.

Из пожара посыпались искры, которые угасли почти сразу же, как только Трон увидел их, и на смену им пришли новые мотыльки. Мотыльки вырывались из расширяющейся, гневно светящейся пасти наименее стабильного портала, того, который он планировал опоясать по меньшей мере еще двумя заклинаниями силовых браслетов, прежде чем использовать снова. Что-то, нет, кто-то, используя магию столь же могущественную, как и его собственную, захватило контроль над этим искривляющим проходом и расширяло его, либо для того, чтобы протащить через него что-то гигантское, либо для того, чтобы что-то нежелательное может пройти через него, сопротивляясь, и не пострадать при этом.

Трон призвал Ваздрена, чтобы тот выпил энергию паутины, разрушая ее с опасной поспешностью, потому что именно сейчас медленный, осторожный, обычный способ разборки паутины магии был, несомненно, гораздо опаснее. В расширяющейся пасти портала уже вырисовывалось нечто огромное и темное, нечто крылатое и шаркающее, огромное и шишковатое, как огр, его темно-багровые глаза мигали недружелюбной угрозой, а на месте живота зиял лес голодных красных сосущих червей.

Трон видел таких зверей и раньше, как в глубинах Подземной Тьмы, так и в книгах, где странное чувство юмора одного мудреца давних времен заставило его назвать таких существ «невыразимыми ужасами».

Действительно, невыразимые. Очевидно, голодные и враждебные. Тварь уже вырывалась из портала, содрогаясь от боли при столкновении с бурлящими энергиями, спеша наброситься на одинокого Красного мага, стоявшего перед ней, и начать кормиться.

Мастер Башни Железного Ветра спокойно обрушил на него всю мощь разрушающейся сети заклинаний, обжигая чудовище так, что оно задрожало и затащило вонючим дымом и жидкостями, вытекающей из пузырящейся кожи. Однако оно широко раскинуло огромные руки, чтобы схватить и раздавить, и продолжило надвигаться на него.

Трон снова ударил по нему, высвободив всю энергию заклинания в мощной вспышке, которая на мгновение ослепила его и отбросила врага.

Но когда ослепление исчезло из его глаз и последние искры погасли в воздухе вокруг Трона, ужас все еще стоял, его грудь зияла, а большая часть щупальцеобразных сосущих кишок болталась в обжигающих развалинах.

Его с силой отбросило к дальней стене комнаты... но теперь он с отвратительным всасывающим звуком оторвался от камней, оставляя за собой куски обгоревшей шкуры, и снова двинулся к нему.

– Не так быстро, Трон, – прорычал Рундарвас Тааэль в свою сферу, обнажив зубы в недоброй улыбке. – Так просто ты не сбежишь.

Он повернулся к третьему portalу, который теперь зиял открытым под объединенными усилиями трех вспотевших учеников, и осторожно произнес заклинание, поглотившее два крошечных пузырька с жидкостью. В первой из них было немного пурпурно-зеленого ихора невыразимого ужаса, а вторую он хранил долгие годы, в ней были четыре драгоценные капли крови, пролитой давным-давно молодым и амбициозным Красным магом по имени Маэларх Трон.

– Пусть то, что поражает одного, поражает и другого, – пробормотал он, возвращаясь к своей сфере, чтобы проверить, сработала ли кровная связь. Теперь урон, который мастер Башни Железного Ветра нанесет чудовищу подземного мрака, должен будет понести и сам Трон. Иначе говоря, это должно быть хорошо...

В залах и чертогах Башни Железного Ветра и дождь, и пыль царили одновременно. Крики прекратились, но проклятия все еще слышались в отголосках взрывов, сотрясавших башни и поднявших слепящий плащ пыли, сквозь мрак которого пробиралось множество людей.

Большинство из них были слугами, стремительно бегущими на улицу и вниз, в поисках нижних подвалов, но несколько человек были учениками Трона.

Они спешили в другую сторону, торопясь в заклинательную комнату мастера.

Никто из них не надеялся добраться до нее вовремя.

Маэларх Трон выругался, почувствовав, что его руки начинают жечь. Огромный ужас рвался вперед, несмотря на явную боль, и эта новая собственная боль могла означать только одно. Часть Искусства, бьющейся и хлынувшей по расколотой камере, должно быть заклинанием кровной связи, наложенным на него издавна.

Несомненно, чтобы связать его с чудовищем, бредущим вперед, чтобы убить его, так что любой вред, который он нанесет ему, будет нанесен и ему.

В результате у него оставались только руки и кинжал, который он мог выхватить, против огромных рук и напряженных мышц чудовища. Это означало, что хозяин Башни Железного Ветра умрет в агонии, проливая кровь, задолго до того, как погибнет более крупный и сильный невыразимый ужас.

Его руки уже стали тяжелеть, а язык утолщаться. Ваэдрен горел на запястье Маэларха, и с шипящим удовлетворением он погрузился в эту боль, ухватился за нее и погнал ее вниз, в неустанную кроваво-красную пульсацию связующих чар...

Если Тааэль наложил кровную связь, используя заклинание старого Омслаура, ее можно было разрушить таким образом...

Порыв Ваэдрена был настолько яростным, насколько он мог его сделать; кровная связь была уже тяжела для него. Больше мгновения Маэларх Трон вслепую шатался в диком хаосе разрывающихся излучений, тошнотворных всплесков и пронзительных криков: чары резали друг друга, врезались в путы, кусались, плавилась, резали и разлетались во все стороны.

Его конечности стали тяжелее, плечи шире, а равновесие изменилось. Маэларх Трон попытался выругаться, но обнаружил, что его голос стал глубоким и каким-то жидким.

Он искажил формирующуюся кровную связь, а не разрушил заклинание – поэтому, хотя между ним и невыразимым ужасом не было связи, не было также и разницы в их формах.

Ваэдрен на его запястье был единственным способом, по которому ученики могли узнать Мастера Башни Железного Ветра. От крыльев летучей мыши до извивающихся кишок, Маэларх Трон был на дюйм выше невыразимого ужаса.

– Черт! – Рундарвас Тааэль ударил кулаком по парящей перед ним книге заклинаний, отчего та со звоном разлетелась на металлические страницы и врезалась в книжную полку, с которой была снята. – Как он это сделал? Конечно, этот глупый браслет не может...

Он вскинул руки, чтобы отмахнуться от бесполезного вопроса, закружился в злобном жужжании мантии и бросил своим ученикам:

– Вы и вы – через порталы! Пробирайтесь в заклинательную комнату Трона и убейте обоих зверей. Для меня не имеет никакого значения, если вы сможете увидеть этот браслет на одном из них, а не на другом. Возможно, он может поменяться местами с существом из Подземного царства! Вперед!

Хотя Ахраул был одним из самых способных учеников Тааэлтора, его учитель не приказывал ему погружаться через искажающее пространство в Железный Ветер. А ему так хотелось сделать это, убивать и грабить. И все же он знал, что лучше не произносить ни звука – Рундарвас Тааэль крутанулся на месте, покачивая пузом, и радостно сказал:

– Будь готов. Я буду наблюдать за тем, что происходит в Железном Ветре, а ты будешь моей молнией, мгновенно разящей по моему приказу!

Ахраул торжественно кивнул, но Тааэль уже крутанулся на месте и устоялся в свою сферу, чтобы не упустить ни секунды. Он наклонился вперед, как охотничий зверь, натягивающий поводья, жаждущий наброситься на Железный Ветер и вырвать у него книги заклинаний и тому подобное, как только закончится битва. Мгновение спустя из глубины его горла раздался звук.

Магистр Тааэлтор зарычал.

Ужас надвигался на него, с обожженной грудью и всем остальным.

Маэларх Трон не остался приветствовать его. Поспешно пересекая комнату так быстро, насколько позволяло его незнакомое тело, Красный маг коснулся в определенной последовательности широко расставленных фолиантов, не обращая внимания на вспыхивающие излучения магии, которые гневно исходили от них, и отступил назад, когда секция стеллажей широко, словно дверь, распахнулась.

Дерево застонало и затрещало, когда на него навалились широкие плечи. Трон зашипел от боли, шарахнулся в сторону и продолжил движение в потайной проход, не успев вдохнуть воздух перед полками, как внезапно вырос лес колющих лезвий.

Из светящихся пастей разрушенных порталов выбегали люди в одеяниях и бросались куда более страшными заклинаниями. Молнии скрежетали и трещали по полкам, заставляя завесы на многих книгах вспыхивать и превращаться в маленькие

сердитые вихри. В воздухе появилось множество крошечных черных звездочек, превратившихся в слепящие капли с энергично щелкающими челюстями. Многие из них исчезали в клубах дыма при прикосновении рубиновых копий смертоносной силы – лучей, которые не нашли Маэларха Трона, чтобы разорвать.

Одна книга вспыхнула огнем, другая вспыхнула, когда заклинание щита отправило луч, коснувшийся ее, обратно в ученика Тааэлтора, который его наложил.

А где-то за ближайшей дверью в алькове стоял Рауксун и бормотал слова, которые он никогда бы не осмелился использовать, если бы в Башне Железного Ветра все было в порядке: заклинания, в которых использовались тайные имена младших учеников, которые должны были знать только они и Мастер.

Слова, посылавшие приказы, с железной силой врезавшиеся в их сознание, когда они настигали, приказы, посылавшие их бесстрашно в заклинательную камеру, чтобы они бросали свои собственные заклинания, не обращая внимания на опасность.

Именно это смелое бесстрашие отправило на смерть ученика по имени Яус, не успевшего сделать и трех шагов, и заставило Беларла подвергнуть себя заклинанию, которое вырвало плоть из его лица и горла и оставило его булькающим и умирающим, лишенным воздуха.

Но та же смелость заставила его выстрелить заклинанием, убившим Келсина из Тааэлтора, а через мгновение Урлаунт и Ларасс Хаун отправили Элскрина Мартела, нового и теперь уже любимого ученика Тааэля, в пасть заклинания, лишившего его костей.

Он беспомощно опустился на пол, бесформенная масса плоти тщетно корчилась в бесконечных попытках вздохнуть, не говоря уже о том, чтобы пошевелиться... трепыхания, которые вскоре ослабли до немощи.

К тому времени у Рауксуна закончились ученики, которых можно было отправить на верную гибель, и заклинательная комната светилась пробужденными заклинаниями, что делало ее поистине смертельно опасным местом – но уже двое учеников, которых далекие рундарвы, которым Тааэль сердито приказал пройти через порталы в Железный Ветер, были мертвы или еще хуже, и лишь немногим удалось добраться до прохода, через который Тааэль видел, как проскочил его преобразенный враг.

Подстерегающие ловушки Трона заставили их число быстро сократиться, и некоторые из выживших бросили преследование чудовища в заколдованном браслете и пробирались через башню Железного Ветра, истребляя все живое, что попадалось им на пути.

Кровожадные глупцы! Дисциплины в них не больше, чем в шлюхах, которых он учил колдовать! Которые, если подумать, были почти всеми его учениками, кроме...

Зарывав от досады, Рундарвас Тааэль приказал Ахраулу вступить в бой.

Тейс не знала, для чего предназначалась эта маленькая комната, но была почти уверена, что о ее существовании, а не только о назначении, давно забыли.

Она находилась в глубине складских помещений в одном из концов Железного Ветра: длинная каменная комната, в которой не было ничего, кроме пустых, покосившихся шкафов, толстого ковра пыли и развалившейся кушетки. Тейс нашла ее, потому что какое-то угасающее заклинание заставляло это конкретное место разгораться слабым светом всякий раз, когда она входила в него. Одинокая дверь была заперта на такой прочный засов, что она едва могла его приподнять, чтобы не впускать мир, пока она снова не захочет выйти в него.

Она не знала, захочет ли она когда-нибудь сделать это.

Когда она опустилась на диван, чтобы похныкать и спросить, что делать, древняя вещь тут же рухнула с сухим стоном, повалив ее на пол.

Там маленькая Тантараз сидела и тихо всхлипывала, в голове у нее крутились мысли, но ответов не было.

Куда она могла пойти? Куда?

Магия Красных волшебников могла проникнуть повсюду, и...

На стене над ней раздалась вспышка и взрыв, и Тейс вскрикнула, на мгновение отпрянув от... одного из шкафов.

Она знала, что он пуст. Она проверила их все, десятки раз, но одна из дверок сейчас безумно распахнулась, и несколько крошечных мотыльков беспокойного света мерцали и гасли по ее краям.

Она уже чувствовала, как содрогается Железный Ветер, и слышала множество более поздних, слабых всплесков заклинаний, один из которых раздался всего несколько вдохов назад. Кто-то вел войну с помощью заклинаний, войну, которую Мастер не мог подавить. Если боги действительно улыбались Тантараз, то он просто мог...

Шкаф отвалился от стены с протяжным стоном, а затем раздался грохот, от которого Тейс отбросило через всю комнату к дальней стене. Она смотрела, как она раскалывается в путанице крошащихся досок, и из нее выкатывается что-то сверкающее.

Ваэдрен.

Сияющий, он приближался к ней...

Она уставилась на него, во рту пересохло. Неужели Мастер каким-то образом отследил ее здесь? Неужели он собирался продолжать катиться, чтобы коснуться ее и наложить на нее какую-то ужасную магию? Неужели...

Воздух вдруг задрожал и запульсировал, заставив Тейс вздрогнуть.

Не от браслета, который остановился на полу, недалеко от нее, а от двери. Единственной двери. Быстрый сокол, заслужи свое имя! Тейс бросилась вперед – слишком поздно.

К тому моменту, когда она остановилась, она уже почти обняла внезапный, стремительно расширяющийся вихрь искр.

Ни с того ни с сего он вырос и заполнил весь конец комнаты, преградив ей путь к выходу. Ей уже доводилось видеть, как Мастер создавал подобное, и она прекрасно знала, что это такое: в ее не слишком забытой комнате образовался портал, прямо между ней и дверью.

Пока она смотрела, портал разгорелся до высоты самых больших витиеватых арок в великих залах Железного ветра, с треском пронесся по потолку и изверг из себя нечто кошмарное.

Огромное, громадное чудовище неуверенно вошло в комнату. Потрепанные, обгоревшие остатки крыльев летучей мыши торчали из порезанных и обгоревших плеч более широких, чем кушетка. Два глаза смотрели на нее из лица, которое было не более чем капюшоном из плоти, над лесом змееподобных, тянущихся щупалец – блестящих, голодных тварей, которые торчали из его брюха. Огромные шишковатые руки и предплечья тянулись к ней...

Тейс снова закричала, пытаясь вскарабкаться на стену, не поворачиваясь к твари спиной.

Оно приближалось к ней, волочась по комнате на костяшках пальцев, прихрамывая и переваливаясь с измученной болью неровной походкой явно раненого. Крошечные молнии прыгали и трещали по его буро-зеленой шкуре, и Тейс увидела, что они играют на рукоятках кинжалов, которые совсем недавно были глубоко воткнуты в нее.

Огромная рука с длинными ногтями протянулась...

Не за ней, а за Ваэдреном. Неловко подхватив его когтями, монстр швырнул его в Тейс.

Трепеща от немногого ужаса, она поймала его чисто по привычке.

Существо угрожающе помахало ей пальцем.

Тейс прижалась к Ваэдрену и зарычала от страха. Он был гладким, тяжелым и теплым, и она всхлипнула.

Огромное бесформенное чудовище опустило палец к своим ранам, затем к камням, чтобы соскрести пыль в кровавый след, который образовал – буквы!

Тварь писала слово на камнях перед ней, и это слово было... Месть!

Тейс посмотрела вниз, потом вверх, на страшное лицо.

Свирепый взгляд впился в нее, а огромные руки двигались с осторожной, успокаивающей медлительностью, указывая то на Ваэдрена, то на ее запястье.

– Эйс, – прошелестел он булькающим гулким голосом. – Быыыст-ооооко... Бестия.

Тейс сделала шаг назад, губы дрожали.

– М-мастер?

Огромная уродливая голова кивнула.

– Мастер Трон?

Чудовище перед ней задрожало всем телом, как будто борясь с собой... На мгновение Тантараз увидела, как его плоть потекла и изменилась, превратившись во что-то более стройное. Затем чудовище пожало огромными плечами и жестом приказало ей взять Ваэдрен и надеть его на запястье.

Огромная масса села, прижала обе руки к лицу и медленно отняла их, руки дрожали, словно от огромного усилия.

И нижняя половина этого лица искривилась, уменьшилась и превратилась в человеческий рот и челюсть... рот, который показался Тейс ужасно знакомым.

– Саребо, – тихо произнес этот рот, а одна длинная рука потянулась к стене рядом с Тейс.

И она была уверена.

Она слышала, как мастер Трон бормотал это слово, когда запирали или отпирали двери в Железном Ветре. Это было слово, которое повелевало всем – по крайней мере, когда он его использовал. Он заботился о том, чтобы его ученики никогда не слышали его, не украшенное тарабарщиной и причудливыми жестами.

Прочная каменная стена распахнулась, словно занавес, и преображенный Учитель махнул ей рукой, приглашая войти в темный проход, ожидавший за ней.

Тейс заколебалась. Это могла быть тюрьма, место, куда ее упрячут до тех пор, пока не закончатся все неприятности, и он сможет...

– Быстрее! – зашипел Трон, когда в воздухе внезапно возникло волнение, а закрытая и зарешеченная каменная дверь, через которую она вошла, начала светиться и выпучиваться. – Те, кто охотится за мной, здесь! Иди, Малыш, и в грядущие годы, когда ты будешь стоять во главе Красного Братства, вспомни этот день и прародителей Рундарваса Тааэля и придумай, как отомстить за меня!

Огромная сила ударила в каменную дверь с мощью, достаточной для того, чтобы пол под ними просел и зашатался, камни вокруг зазвенели и загрохотали, а пыльные обломки обрушились вниз потоками.

– Поспеши! – закричал на нее Трон, его пальцы уменьшились в нечто более близкое к его собственным, и придавали воздуху форму замысловатыми жестами и позами заклинания. Он начал нараспев произносить фразы магии, которую Тейс никогда прежде не слышала, и которая окрасила пыль вокруг него в багровый цвет и понесла ее к нему в виде дымящихся стремительных стрелок.

Еще одно заклинание ударило в дверь, на мгновение озарив ее ослепительным сиянием и посылая в воздух крошечные молнии, которые исчезали, не успев ни во что ударить.

Маэларх Трон завершил свое заклинание последним победным словом и раскинул руки. Из них наружу хлынуло белое сияние, образовав молочную стену, пересекающую комнату от стены до стены, по одну сторону которой находились Тейс и проход, а по другую – Трон и треснувшая, выпуклая дверь.

– Иди, Малыш, – крикнул он, – и будь в безопасности в этот день, когда...

И тут мир загрохотал, оглушительно и ослепительно ярко, и эта молочная стена стала твердой и черной.

Черное забвение, абсолютная тишина, нежное ощущение падения...

Ей показалось, что кричат сами уши, ошеломленно подумала Тейс. Она поняла, что плечами впечаталась в стену позади себя, затем пролетела вдоль нее и врезалась в угол, по которому теперь скользила вниз.

И потолок, в ужасе увидела она, когда движение над головой заставило ее посмотреть вверх, падал вслед за ней...

В ужасе Тейс бросилась к проходу, не замечая, что Ваэдрен каким-то образом оказался на ее запястье и затянулся там, словно был создан специально для нее.

Сильный грохот подхватил ее и швырнул вниз по темному проходу, расстилавшемуся перед ней, словно бескостный шар, и она так и не узнала, что яркое свечение ее браслета – это Ваэдрен, вновь и вновь собирающий ее разбитый череп и мелкие кости, пока она врезалась в каменные стены, за углы и вниз по невидимым лестницам, отскакивая от колонн, резьбы и окровавленных, покрытых костями останков тех, кому не посчастливилось носить Ваэдрен, пока...

Весь Железный Ветер, Делхумид, сам великий Тэй и всеохватное небо Фаэруна послушно исчезли...

Она лежала в темноте, окруженная слабым сиянием Ваэдрена на запястье. Вокруг нее раздвигались двери, открывались потайные ходы, а свечение за ними гасло. Это означало одно: Хозяин Башни Железного Ветра мертв.

И даже если Рауксун и остальные тоже были убиты, их истребители сейчас преследуют эти залы. Или, если они все погибли, сражаясь с Маэлархом Троном и его ловушками и проститутками, кто-то придет грабить и убивать. И этим кем-то будет Красный маг или несколько таких магов, которые, если повезет, без раздумий расправятся с одинокой рабыней.

Ей нужно было выбираться.

Она должна была уйти подальше от Тэя, должна была добраться до заклинательной комнаты, где находились порталы! Да! Даже если они вели прямо в башню другого волшебника, они были ее единственным выходом из этой башни, и всех стервятников и прочей нечисти, чьи глаза, должно быть, уже обращены к ней. Она должна была добраться до заклинательной комнаты Мастера.

Пока кто-то или что-то не добралось до нее.

– Ну? – Голос Рауксуна был холоден и уверен в себе, как всегда.

– Я знаю, что мы разрушили все шпионские чары Тааэля и наложили защиту, которая продержится против его заклинаний не меньше суток. Думаю, мы нашли и убили всех, кого он послал. – Этот голос принадлежал Варлбиту, и звучал он скорее измученно, чем ликующе.

– Отлично. Спасибо, верный Варл, – мягко и с издевкой сказал Рауксун. На запястье Тэйс вспыхнул Ваэдрен, а затем раздался всхлип, который, возможно, был ее собственным, и она поняла, что Варлбита Дауротана больше нет.

Это "мы" означало, что он, вероятно, вел послушников Мастера против учеников Тааэля, и теперь они тоже мертвы.

Она была бы следующей, если бы не действовала так тихо, как умела. С бесконечной осторожностью Тейс поднялась, повернулась и отступила от арки, к которой кралась.

– Стой, кто бы ты ни был! – Голос Рауксуна был резок. – Магия, которую ты несешь, начнет поглощать тебя, очень скоро, если я не наложу на нее нужное заклинание, чтобы сделать ее безопасной! Стой, где стоишь, и жди меня.

Тейс нырнула в следующий проход. Он шел вдоль задней стенки заклинательной камеры и теперь был завален обломками по пояс в нескольких местах, где стена заклинательной камеры была взорвана.

У Рауксуна должен быть какой-то способ обнаружить Ваэдрена, не зная, что это такое и кто его носит. А это означало, что спрятаться от него она могла, только бросив его или оказавшись на дальней стороне или в самом центре мощного, активного заклинания.

А поскольку Мастер мертв, единственными такими магическими объектами поблизости были порталы в заклинательной камере, куда она и направлялась. Если их не было, она была... обречена.

Что-то большое и громкое скрежетнуло и торжествующе заревело в заклинательной комнате, и она услышала испуганное проклятие Рауксуна.

Затем он произнес стремительное заклинание, и повсюду засверкали молнии. Тейс бросилась вниз между двумя опрокинутыми каменными глыбами: болты шипели и пускали дикие дуги, а то, что торжествующе ревело, корчилось от боли.

Тейс рискнула бросить быстрый взгляд через пролом в стене.

Что-то похожее на ящерицу, но размером не меньше одного из мерцающих порталных ртов, беспорядочно умирало на полу в клубке чешуйчатых лап, линялых хвостов и скрученных клочьев, которые, вероятно, были крыльями. Очевидно, оно вышло из одного из трех порталов, все еще мерцавших и пульсировавших в заклинательной комнате, и Рауксун настороженно стоял перед этими порталами с металлическим стержнем замысловатой формы в руках, заклинательные огни мягко играли на его многочисленных колючках, шипах и фланцах.

Она быстро пригнулась, но не раньше, чем он увидел ее, и только благодаря тому, что она уперлась ногой в один из блоков и бросилась вверх, в сторону и вбок, она не растворилась в небытии вместе с камнями, укрывшими ее, в ревущей магии, которая прорвалась сквозь щель в стене и вгрызлась в дальнюю стену прохода, уничтожая все на своем пути.

Болт был яростным, но недолгим, и Рауксун холодно усмехнулся.

– Ты быстра, маленькая ведьма, надо отдать тебе должное. Что это ты несешь? Ваэдрен? Неужели Трон слишком часто доверял тебе и в итоге был убит тобой за свои проблемы? Эй? Или...

Он прервался, чтобы снова выругаться и произнести еще одно поспешное заклинание. Похоже, заклятие Варлбита ничего не могло сделать, чтобы остановить Таазля от отправки чудовищ через порталы.

Возможно, это ее единственный шанс.

Тейс рискнула еще раз заглянуть в большую, еще дымящуюся щель в стене и увидела, как на Рауксуна летит нечто меньшее, чем предыдущее чудовище, с длинным, похожим на хлыст хвостом и крыльями, как у летучей мыши. Оно было обречено в тот же миг, когда над ним расцвело его заклинание, но это могло дать ей время...

Она перепрыгивала через камни, упиралась ногами в стену, пробиравась по ней когтями, как отчаянный паук, и приземлилась в жестком, синячном перекате за порталом еще до того, как услышала гневный рев Рауксуна.

Когда летающее чудовище погибло во вспышке пламени, потрясшей комнату гневным эхом, Тейс позволила перекату поднять ее на ноги и, спотыкаясь, сделала несколько шагов, чтобы переступить ногой гудящий порог портала. Магия портала тянулась к ней, бесконечно кружась мимо и сквозь нее, заставляя ее плоть покалывать и дрожать, а зубы неконтролируемо стучать.

Портал вцепился в нее когтями, пытаясь утащить туда, где находился его другой конец, но Тейс отцепила Ваэдрен от своего запястья и удержала на выходе из портала.

– Ах ты, маленькая дурочка! Отдай мне это!

Голос Рауксуна был яростным, но в нем звучал и страх.

– Н-нет, – сумела ответить она, едва не захлебнувшись от ужаса, когда он подошел к ней, подняв руки, как когти.

Она немного слышала о порталах в разные времена года – в основном, когда Мастер предупреждал Рауксуна о них.

Поэтому она знала, что если он сохранит рассудок, то не посмеет бросить в нее заклинания, пока она стоит в пасти портала, или даже попытаться убить ее метательными клинками, опасаясь разрушить портал, превратить его в дикий вихрь магии, который расширится и будет бродить по Железному Ветру, пожирая всех, или ее пролитая кровь привлечет одного из "великих крейсирующих чудовищ Междумирья".

Она снова содрогнулась при мысли о чудовище, внезапно выскользнувшем из портала за ее спиной...

Рауксун сделал стремительный круговой жест своим жезлом, и свечение Ваэдрена разгорелось. В отчаянии Тейс сделала шаг назад, в гудящее вокруг нее марево, надеясь, что длины ее руки хватит, чтобы удержать Ваэдрена и не дать искажающему пространству забрать ее.

– Ты умрешь, маленькая дурочка! – закричал на нее Рауксун, размахивая жезлом, как порицающим пальцем. – Ты поднимешься в воздух, высоко над горной вершиной, и упадешь навзничь, или попадешь в клубок паутины пещеры водяного паука в глубине Моря Упавших Звезд! Стой! Стой! С такой магией нельзя шутить! Ты только обречешь себя на гибель!

– Ты обречешь меня на гибель, если я останусь здесь! – крикнула в ответ Тейс.

Рауксун усмехнулся.

– Жизнь в качестве моей рабыни была бы неплохой, – произнес он с неожиданно нежным мурлыканьем, раскинув руки. – А может быть... жизнь в качестве моей королевы?

Вот червяк! Неужели он действительно верил, что она так простодушна?

– Ха! – прошипела Тейс, больше злясь, чем боясь. – Ты убьешь меня, как только получишь вот это..., – она помахала рукой Ваэдреном, – из моих рук!

Она с новой решимостью развернулась, и портал засветился вокруг нее, когда она заставила себя шагнуть вперед в его нарастающий рев.

– Нет! – крикнул Рауксун совсем близко позади нее. – Ты идешь на смерть!

Ветряные бури! Должно быть, он мчится, как шторм, чтобы схватить ее!

– Я иду в лучшее место, чем это! – крикнула Тейс в ответ, когда путь унес ее. Казалось, что сотни молний вырываются из воздуха вокруг нее, чтобы пронестись

сквозь нее, и она знала, что ее волосы торчат прямо из головы, как колючки ветряной травы.

С широко раскрытыми глазами, почти задыхаясь от страха, Тейс понеслась в неизвестность на этом ярком потоке.

Что-то больно резануло ее по спине, и она с воплем обернулась. Одна из рук Рауксуна вцепилась в нее когтями, темный рукав торчал из водоворота бурлящей магии. Но кончики его пальцев становились блестящими, острыми и невероятно длинными.

Пока она смотрела, они удлинились, превратившись в когти длиной с ее руку, паукообразно потянулись к ее лицу, чтобы сгрести и ударить снова. Тейс отступила назад, застонав от страха, и подняла Ваэдрен, как щит.

Вихри энергии, казалось, последовали за ним, и она уставилась на них, потом на светящийся металл и сделала то, что, как она слышала, Мастер говорил ученикам делать с маленькими светящимися фонариками, которые они смастерили под его руководством: уставилась на металл и заставила себя опуститься, опуститься в магию...

Это было похоже на теплое, волнующееся золотое море, пронизанное белыми нитями силы, нитями, которые изгибались вокруг Ваэдрена и, казалось, стеснялись, когда она делала это.

А это означало, что если она сделает это...

На мгновение раздался крик агонии Рауксуна и нарастающий рев вращающегося портала, а затем оба звука оборвались, словно захлопнувшаяся дверь, и она осталась одна в темноте, и только сияние Ваэдрена показывало ей отрубленные когти, падающие мимо нее.

Они ни на что не упали, но продолжали мягко кувыркаться под ее ногами, уходя в неведомое небытие под ней.

Она затушила портал, как свечу, оставив себя с чувством тошноты и пустоты внутри... и очень большого одиночества.

Страх был знакомым привкусом, наполнившим ее рот, когда Тейс прижалась к Ваэдрену и огляделась вокруг. В том направлении темнота была ярче, и она пошла туда.

Потом невидимый пол под ногами исчез, и она бесконечно падала сквозь голубой туман с серебристыми пузырьками и темными тенями... падала... падала... падала!

Медленно... все медленнее и медленнее падала Тейс, пока не наступил момент, когда она перестала брыкаться и хныкать, и попыталась идти.

Она все еще тонула в небытии, но, похоже, это было небытие, по которому можно было идти.

Тантараз Маленький Чертеночок смело шла вперед, ступая по тонущему небытию и молясь всем богам, чтобы последние слова, которые она выкрикнула Рауксуну, оказались правдой.

Вдруг под ней раздалось мягкое шуршание неровностей, вокруг забрезжил свет, и еще больше шуршания, сдобренного музыкой небрежно натянутых струн. Солнечный свет пробивался сквозь листья, каких Тейс никогда в жизни не видела, в этом месте было много-много деревьев и зеленых растущих растений. Растения были повсюду, только не прямо перед ней, где находился лесной бассейн с прозрачной водой.

В нем сидела женщина с роскошной гривой длинных серебристых волос, а над ней в воздухе висела арфа, струны которой трепетали. Они тихо звенели, но рук, чтобы играть на них, не было, и женщина лишь смотрела на инструмент. Теперь он плавно скрылся из виду за кустами, а сереброволосая женщина с любопытством посмотрела на Тейс.

– Ну, так кто же ты такая? И какую магию ты несешь?

Тайс остановилась, прижимая к себе Ваэдрена и не зная, что сказать. Женщина в бассейне, похоже, была одна, и никакой одежды на ней не было, хотя с дальней стороны бассейна в кусты уходила узкая тропинка. Кусты травы, которые, похоже, были специально посажены и ухожены.

Женщина терпеливо ждала с приятной полуулыбкой на лице.

– Я – Тейс-Тантараз, – промолвил Тейс, – а это Ваэдрен. Его дал мне мой Учитель перед смертью.

Сереброволосая женщина приподняла бровь, и Тейс показалось, что в ее глазах мелькнула легкая грусть.

– Хорошо встретились, Тейс. Я – Шторм Серебряная Рука, а это место вокруг нас – моя ферма. Не затруднит ли тебя поделиться со мной именем твоего хозяина и тем, как он скончался?

Тейс вздохнула, оглянулась назад и не увидела ничего, кроме деревьев. Она быстро огляделась в поисках места, куда можно было бы убежать, или других людей, но увидела только кролика, проскакавшего мимо вдалеке за деревьями, вниз по склону. Она глубоко вздохнула, встретилась с этими обескураживающе теплыми глазами и твердо сказала:

– Моим хозяином был Маэларх Трон из башни Железного Ветра, и он... за ним охотились в Железном Ветре в этот день волшебники из Тааэлтора и, возможно, некоторые из его собственных учеников. Он погиб, помогая мне бежать из хранилища, и просил меня отомстить за него.

Шторм кивнула. В ее глазах теперь была явная печаль.

– Ты знаешь, как использовать его для этого?

Тейс уставился на нее.

– Зачем тебе это знать? – тихо спросила она, пытаясь понять, за какое дерево ей лучше всего прыгнуть, если дело дойдет до этого.

Что-то, не совсем похожее на улыбку, тронуло губы Шторм.

– Спокойно, Тейс, я не хочу выхватить у тебя твою безделушку. Что же касается причины, то когда-то я хорошо знала Маэларха Трона. Его будет не хватать. А теперь перестань искать пути к отступлению и скажи мне, что ты предпочитаешь попробовать первым. Теплый суп? Прохладное вино? Поплавать со мной в бассейне? Или мягкое место для сна и дверь, которую ты можешь закрыть от всего мира, пока не отдохнешь?

Тейс знала, что ее рот раскрылся, но... но... но...

Она резко села на мох у края бассейна и заглянула в воду.

– Глубоко?

Шторм оглядела ее с ног до головы. "

– Примерно до подбородка, я бы сказал, если только ты не зайдешь вон туда, где он доходит примерно до переносицы.

Тейс с тоской посмотрела на бассейн и в неожиданном вихре окунула в него кончики пальцев, а затем тут же выдернула их обратно.

– Нет, там не полно чудовищ, готовых утащить тебя вниз, и я тоже не из таких, – сказала ей Шторм.

– Ты знаешь магию, – почти обвиняюще сказала Тейс.

– Немного, – ответила Шторм со слабым вздохом. – Ты присоединяешься ко мне?

Тейс обняла колени и пробормотала:

– Нет.

– Ты решила, что хочешь делать?

Тейс посмотрела в сторону деревьев.

– Нет.

Шторм кивнула. Ее локоны коротко закрутились вокруг ушей, как будто они жили собственной жизнью, и, не протягивая руки, она поднялась из воды.

Тейс смотрела на нее, пока Шторм медленно поворачивалась. Ни жеста, ни шепота заклинания... и вот уже вода на гладкой и стройной коже просто исчезла. Капать перестало. Беспокойно обнажившись, Шторм прошла по воздуху до тропинки, оглянулась и спросила, – Идешь? Суп готов, и чай тоже.

Тейс сглотнула, встретила взглядом с этими странными глазами – временами они казались очень синими, а в другие моменты сине-белыми или даже серебристыми, как лезвие меча, – затем кивнула и поспешила за ней.

Не успела она пройти и шести шагов по тропинке, как воздух вокруг нее вдруг зазвенел едва заметным серебряными и обжигающе-белыми нитями. Ваэдрен яростно дернул ее за руку, а затем отскочил в сторону, рассыпая искры. Шторм развернулась, оперев руки в бедра, и пристально посмотрела на нее.

Тейс замерла, когда нити исчезли, сердце колотилось.

Шторм взглянула на Ваэдрен, кружившийся в воздухе, и, словно повинувшись ей, вернулся к запытью Тейс.

– Прости, – тихо сказала сереброволосая женщина, – но я должна была убедиться, что на тебя не было наложено никаких отслеживающих чар.

Вздвогнув, Тейс постаралась придать своему голосу спокойствие.

– И?

– Больше нет.

Глубоко вздрвогнув и вспомнив, что если она заговорит в гневе, то, скорее всего, ее быстро убьют, она спросила:

– Какое заклинание вы только что применили ко мне?

– Никакого. Я вызвала клубок Плетения. Интересный у тебя браслет.

Тейс приложила к нему руку, во рту пересохло.

– И что ты теперь собираешься со мной делать?

Улыбка Шторм была печальной.

– Ты теперь не в Тэе, девочка, и здесь ты ничья рабыня. Я собираюсь накормить тебя и приготовить тебе постель, а затем задавать глупые вопросы, пока ты не заснешь от скуки. На завтра ты сможешь делать практически все, что захочешь, и на следующий день тоже, и так далее, пока не будешь готова выбрать новую жизнь. Думаю, я смогу продолжать придумывать дерзкие вопросы так долго. Ты не против?

Тейс посмотрела на голую сереброволосую женщину, прикусила губу, а потом, беспомощно, начала смеяться.

Шторм улыбнулась, скользнула вперед, чтобы обнять Маленькую Бестию Железного Ветра, и спросила:

– Ты очень привязана к этому Ваэдрену?

Тейс перестал смеяться.

– О. Значит, ты хочешь его в уплату за...

– Нет, ничего подобного. Я хочу забрать его отсюда. Твой М-Маэларх оставил его незавершенным, и с тех пор он превратился в нечто весьма опасное. Если я пообещаю помочь тебе отомстить за него – а я могу быть очень опасной, обещаю тебе – ты позволишь мне тщательно изучить его, а потом избавиться от него?

Тейс моргнула и снова хлопнула по нему рукой.

– Я...

– Это действительно так успокаивает? Или это единственное, за что ты можешь ухватиться, и что-то мощное, что помогло тебе добраться сюда?

Тейс медленно кивнул, не зная, что думать об этой теплой, сообразительной и могущественной женщине.

– Я не хочу отпускать это, – призналась она, – но я... да, я боюсь этого.

Шторм взмахнула свободной рукой, и воздух вдруг снова наполнился нитями Плетения, яркими и стремительными.

– Просто подбрось Ваэдрен в воздух, – пробормотала она, и Тейс, сама не зная почему, сделала это.

Со всех сторон к ней устремились белые нити, в вихре которых мелькали серебристые, голубые, снова серебристые, потом замерцали.

В воздухе вокруг браслета появились черные линии, похожие на сверкающих пиявок; линии складывались в замысловатые фигуры, словно символы какого-то неизвестного, но яркого языка, а затем тоже замерли, повиснув вокруг Ваэдрена.

Шторм медленно обошла плавающий браслет, разглядывая одну темную загогулину за другой. Потом глаза ее сузились, и она спросила воздух над ними:

– Всевышний, этот знак – твой?

ДА.

Тейс едва слышала о боге Азуте, но каждое эхо этого спокойного, но великого голоса разума повторяло его имя снова и снова.

Не раздумывая, она опустилась на колени, дрожа от благоговения и удивления.

Шторм, что удивительно, казалась такой же спокойной, как всегда.

– Есть ли у меня твое разрешение на то, чтобы изменить это, чтобы...?

СДЕЛАТЬ ЭТОТ БРАСЛЕТ ОКНОМ В РАЗУМ ТОГО, КТО ЕГО НОСИТ?

– Да, – ответила Шторм, в ее голосе звучало такое же коварство, как и в голосе Тейс.

Правда, Тейс поняла это лишь много позже. Мысленная возня Азута привела ее на грань задыхающегося экстаза, в котором она лишь смутно осознавала, что лежит лицом на тропинке, пуская слюни на очень мягкий мох.

Она так и не увидела, что от божественного веселья Азута даже Шторм Среброрукая вздрогнула с открытым ртом и полузакрытыми глазами.

ПОЧЕМУ?

Собравшись с силами, Шторм поймала горсть серебряных нитей и стала плести вокруг Ваэдрена, не касаясь браслета, но заставляя его мерцать, струиться и меняться.

ХОРОШО СДЕЛАНО. КУДА МНЕ ЕГО ОТПРАВИТЬ?

К тому времени Тейс уже достаточно оправилась, чтобы увидеть лукавую улыбку Шторм: сереброволосая леди вскинула голову и поделилась мысленным образом адресата, которого Тейс не узнала, с волнующим Присутствием, на которое Тейс не решалась взглянуть.

И Плетение вспыхнуло, закружилось и унесло Ваэдрен прочь.

У Фзула Чембрила была привычка приятными летними вечерами, когда утомительная дневная работа была закончена, прогуливаться несколько украденных мгновений одиночества в своем личном саду.

Это было скорее время для того, чтобы собраться с мыслями, чем для того, чтобы насладиться пустынной красотой вокруг. Слуги уже несколько часов как ушли, и несколько заклинаний усердно трудились, удерживая на расстоянии всю низшую живность, пока хозяин Жентарима не уйдет.

Он откупорил крошечный пузырек рубитрота, который собирался осушить, стоя на маленьком мостике над лилейным прудом, в своем обычном тосте за себя, затем остановился, взгляделся и нахмурился.

На мелководье рядом с мостиком лежало металлическое кольцо – очень большое, рассчитанное скорее на запястье, чем на палец, и его определенно не было там несколько дыханий назад, когда он только перешел мост.

И более того, хотя Фзул был совершенно уверен, что никогда прежде не видел этого украшения – да и вообще никогда прежде не видел ничего неожиданного в своем лилейнике, – оно казалось каким-то знакомым.

Фзоул хорошо знал, как смертельно опасно любопытство, и все же...

Его рука протянулась, на мгновение отпрянула назад, затем снова протянулась вперед. И все же...

Как мудрость пришла к искалеченному волшебнику

Этот рассказ является чем-то вроде дополнения к «Саге о Шандрил», давая нам представление о том, «что случилось с одним преследующим волшебником», глядя на одного из злодеев, представленных в романе «Рука огня». В частности, то, что случилось с Эйрхауном Искалеченным, магом Жентарима, двадцать восьмого дня Пламени, в Году Принца (1357 DR).

Для изучающих историю Королевств, «Трилогию огня заклинаний» можно точно датировать следующим образом: хотя ее первая книга происходит 16 Пламени 1356 года (Год Червя), основное действие в «Огне заклинаний» начинается 6 Миртула 1357 года (Год Принца) и заканчивается 10 Пламени того же года.

«Корона Огня» начинается там, где заканчивается «Огонь заклинаний», и, в свою очередь, заканчивается в предрассветные часы 22 Пламени 1357 года.

«Рука Огня» начинается в ночь на 21 Пламени, а его основное действие продолжается в ночь на 27 Пламени, хотя Эпизод длится до ночи Элейнта 1357 года.

Урегулировав вопросы в хронологическом порядке, эта история поднимает, но не проясняет небольшую загадку, над которой могут задуматься изучающие Королевства, и дает нам еще один проблеск внутренней политики Жентарима. По поводу последнего у Воло есть уместный комментарий: «В этом беда волшебников. Их разногласия по поводу политики всегда приводят к битвам, а в битвах всегда погибают многие невинные. Можно подумать, у них давно закончились невинные...»

«О маги, есть обучение и есть мудрость – и это далеко не одно и то же».

Высказывания Азута Высокого с алтаря: сборник крылатых выражений Божественного и Святейшего Владыки Заклинаний

Священная книга, составленная анонимными жрецами Азута около 1358 DR.

Эйрхаун Искалеченный сидел один в темной разрушенной башне и обдумывал дурные идеи.

В конце концов, обдумывать дурные идеи было его работой.

Обнаружение предателей в рядах Братства погрузило бы разум в мрачную тьму, если бы у Эйрхауна ум не был бы таким с самого начала.

Холодный ветер свистел в пустые окна, шевеля мертвые, сухие ветви под давно заброшенным гнездом горихвостки. Ни одна птица не была достаточно смелой,

чтобы посетить башню сейчас, из-за темного пения его подопечных. Не было никого живого.

Поэтому ужасный искалеченный волшебник Жентарима приходил в эту забытую часть крепости высоко в Штормовых рогах, когда хотел побыть один. Создать магию, или спрятаться, или найти полное уединение для размышлений.

Или все это вместе, как сейчас. Его четыре глаза, словно блестящие бледные гроздья, плыли вокруг его безглазой головы. Его пустые глазницы вообще ни на что не смотрели, но его только что вылеченная рука ужасно зудела – но, что еще хуже, проклятие Аластриэль действовало. Несмотря на все чары, которые он мог придумать, его отросшие пальцы, как и прежде, были крошечными извивающимися змеями. Теперь они лениво и беспокойно кусали друг друга, отражая настроение своего хозяина и даже крадя у него его старую привычку барабанить кончиками пальцев по подлокотнику его стула.

И все же он полагал, что ему повезло, что он может сидеть где угодно и беспокоиться о чем угодно. Волшебный огонь настиг его через изрядную часть Фаэруна, несмотря на то, что его настоящая цель – Хеспердан – отразил его с силой, достаточной, чтобы разрушить цитадель Эйрхона – дюжину великих пещер, сердце горной вершины, с сотнями переплетенных чар, стражей, берегов и щитов. Он подвергнулся удару магии, более сильной, чем все, что когда-либо чувствовал раньше, даже когда сам Ужасный Бэйн ходил по Фаэруну ... более сильной магии, чем предполагалось.

Волна агонии? Возможно. Некоторые говорили, что девушка умерла. Однако все, кто жадно преследовал ее в поисках волшебного огня, были мертвы, а построенный лагерь для караванов давно превратился в дымящийся кратер. Те, кто утверждал, что Шандрил Шессаир мертва, на самом деле были выжившими, которые благополучно шли позади на безопасном расстоянии, посылая других, чтобы захватить волшебный огонь ... и чтобы их убили.

У выживших теперь была очень веская причина заявлять о ее смерти: спасение их собственных шкур. У них были свои повелители, которые могли приказать им вместо этого попытаться заполучить волшебный огонь и так же быстро отыскать могилы для себя.

Даже у него, самого страшного Жентарима, был повелитель. Однако до сих пор у него не было посланий от Мэншуна, ничего, что могло бы побудить старого Эйрхауна отправиться на поиски волшебного огня. И все же знание правды было частью его работы. Как еще можно было выявить предателей?

– Было бы хорошо узнать, что случилось с Шандрил из Хаймуна.

Необходимо взглянуть, просто взглянуть. Не настолько, чтобы пришлось тянуть руку – вернее змей – к свету, чтобы по глупости схватить огонь, пожирающий магию.

Тем не менее, если он не взглянет и не разузнает, он мог упустить шанс заполучить волшебный огонь. Волшебный огонь, который мог сметать с лица земли всех Мэншунов, Гесперданов, Эльминстеров и Ларлоков, мог покорить Фаэрун и сделать одинокого человека, которого «они» называли искалеченным волшебником, настолько могущественным, насколько он того заслуживает.

Достаточно могущественным, чтобы устранить его уродство, привязать к себе всех женщин, которых вообразил и навсегда избавиться от одиночества.

Кхм.

Конечно, это мечты могущественных новичков, с которыми связаны их самые глупые – и часто фатальные – провалы.

Однако просто смотреть и узнавать также не более чем благоразумно...

...и исполнение своих обязанностей...

...в конце концов, было тем, что не могло причинить никакого вреда.

И поэтому ... Да.

Нарм напрягся, когда что-то коснулось его разума, как мягкий и ищущий червь.

– Какого-? – ахнул он громко, подняв руку так, будто мог попасть в голову и стереть... что-то...

Аластриэль из Серебристой Луны выбросила вперед длинную руку со скоростью поражающей змеи и положила кончики длинных пальцев на плечо Нарма. Она нахмурилась, увидев то, что почувствовала. Вцепившись ногтями, она притянула к себе юного мага. Он погрузился в сон, даже не подозревая об этом. Аластриэль повернулась и улыбнулась своей сестре Лаэраль. Это была недобрая улыбка.

Мысли мелькали между ними, глаза в глаза.

Было достигнуто молчаливое соглашение, и их умы соединились вместе...

Итак, этот неуклюжий парень был на самом деле девчонкой Шандрил, ее разум, конечно, усыплен Избранной Мистры!

Да ведь хитрые ведьмы! Серебряного огня им мало, а? Теперь им нужно иметь волшебный огонь!

Что ж, возможно теперь, в их ближайшем будущем уместно ожидать небольшой сюрприз. Эти напыщенные Сестры слишком долго безмятежно и высокомерно шествовали, прикрываясь щитом Мистры. Однако, несомненно усыпленный разум молодой послушницы-мага противоречил учению Леди Тайн? Как может плененная волшебница, которого насильно усыпили, а тело приняло облик другого, распространять и использовать магию?

Да!

Пусть доставят сюда служительницу Хаймуна – сейчас же! [расцвет плетения заклинаний, всплеск удовлетворения] [яркий момент, победа, успех!] [улыбается]

А теперь найдите меня, серебряноволосые уродины! Ваше сокровище украдено, ха-ха! Попробуйте отыскать могущественную руку, схватившую ее, и ничего не найдете.

Зал был огромным, темным и пыльным. Невероятно высокие и тонкие статуи женской формы плавно поднимались с пьедесталов или лежали тут и там в щелях

среди потрескавшихся и наклоненных плит ... камни огромных размеров и былой потрясающей гладкости. Поистине Зал Мертвых Королев.

Эльфы, или люди, похожие на эльфов вкусом, телом и высокомерием, создали это место в мягко кружащихся тенях за скрытым порталом задолго до того, как прапрадед Эйрхауна Соундэрила впервые вздохнул. Искалеченному волшебнику показалось, что когда он случайно нашел его, он был заброшенным, и его чары исчезли задолго до его рождения.

Ни вода, ни солнечный свет не касались этого места, поэтому оно не подходило в качестве убежища. И все же люди менее подозрительные и нелюбимые, чем Эйрхаун, искали укрытия и тайники, в которых можно было хранить свою магию, и этот казался идеальным для обеих целей. Сюда искалеченный волшебник складывал заклинание за заклинанием, соединив исчезающую магию прошлых лет с сильными новыми чарами, изобретенными им самим. Безмолвная, полупрозрачная паутина, которую он соорудил, подчинялась только ему и лежала во тьме, прислуживая с холодным сознанием, которое соответствовало ее создателю.

Он делал его сильнее и сильнее, пока его сводчатые тени не заполнили комнату, разлетаясь веером с разбитых пьедесталов, подобно толстым ветвям мрачно гудящей магии. Предметы, захваченные или найденные в гробницах, он погрузил в сеть, чтобы спрятать, пока они ему не понадобятся – и он уже давно с некоторым удовлетворением объявил ее клеткой, достаточно прочной, чтобы вместить любого архимага. Кости некоего Жентарима, считавшего себя умным и могущественным в искусстве, парили среди шепчущихся оберегов, доказывая их силу.

Конечно, он мог удержать одну девушку, извергающую волшебный огонь, если ее разум был скован дремотой Избранной ...

Тени сместились, и Эйрхаун встал среди них, закутавшись в их усики, как в огромный плащ, принимая на себя командование огромной холодной паутиной чар.

Присутствовало еще одно мерцание, кружившееся в самом темном углу. Прямо там, куда он положил. Он осторожно протянул руку, исследуя...

Ее разум был все еще закрыт – закрыт от него, да, но ненадолго. Все, что ему нужно сейчас сделать, это присоединить нити своей паутины в тело прислужницы и привязать к своей воле. Затем вызвать сильнейший щит от любой вспышки волшебного огня и нанести удар по ее спящему разуму!

– Итак, – выдохнул он вслух, и его голос был утерян среди многих шепотов, – мое похищение волшебного огня будет завершено. Какая маленькая и легкая задача...

Эйрхаун велел своему сознанию охватить сеть заклинаний полностью, ища незваных гостей, следя за тем, чтобы чары, которые должны были скрывать пленника, работали.

Все было тихо. Разумеется.

С улыбкой, похожей на гладкий бархат, Эйрхаун Соундэрил протянул свои заклинательные нити темного Искусства, свернувшиеся клубком, как огромные, но невидимые змеи, подчиняющиеся его воле.

Ах, какая сила! Нити коснулись его пленника и объяли.

Под его взглядом бушевало замешательство. Он проникал и опускался, погружаясь все глубже.

Внезапно вспыхнул холодный синий свет...

Волшебный огонь!

Искалеченный волшебник обратил вниз нити и щит, нанося удар –

Серебряное пламя расцвело во тьме, обжигая обоих!

Серебро?

После этой вспышки тьма отступила от своего источника в углу, где две осыпающиеся статуи взмыли вверх, словно воткнутые близко друг к другу иглы. Мягко улыбающаяся женщина, стоявшая между ними, была намного выше Шандрил из Хаймуна.

Серебристые волосы колыхались и шевелились вокруг нее, как будто от легкого ветерка, а ее глаза были двумя звездами бело-голубого огня. На ней был темный пояс поверх светлой кожи, высокие сапоги, бриджи и туника, которая плотно прилегала к ее собственному телу. Она тоже улыбалась.

– Добро пожаловать, Эйрхаун Соундэрил, – сказала она с ледяным задором. – Я Лазраль из Глубоководья, и это – она протянула одну руку, свет плясал на ее поднятой ладони, – это волшебный огонь, который ты ищешь!

– Я ... – Волнение поразило искалеченного волшебника, и вместе с ним разгорелась ярость, но ему не хватило времени на сбивающее с толку слово, прежде чем сияние вокруг Лазраль вспыхнуло, и еще один свет вспыхнул в его многотеневой тьме в дальнем конце Зала Мертвых Королев.

Он обернулся, чтобы посмотреть на него, и обнаружил, что встречает холодные глаза другой седовласой женщины, на этот раз высокой и могущественной в ее поношенных и часто используемых доспехах.

– Голубка – это я, волшебник, – сказала она ему, холодно улыбаясь, – и это тоже волшебный огонь! – Свет клубился над рукой, которую она протянула ему.

Эйрхаун отступил на шаг, его глаза метнулись, чтобы посмотреть на обеих женщин одновременно, его шипящие змеиные пальцы непроизвольно сгибались и изгибались. Он был более чем удивлен, когда сияние в руке Голубки вспыхнуло, а за его спиной возник третий свет.

В его мерцающей тьме стояла еще одна седовласая женщина, за которой он много раз шпионил с помощью заклинаний, женщина, чья поджарая кожа источала аромат зеленых растений в Долине Теней. Ее улыбка говорила ему, что она прекрасно знала его подсматриваниях.

– Твои бессонные глаза уже хорошо меня знают, Эйрхаун, – сказала она с легким весельем, – и с таким же успехом ты сам можешь назвать мое имя: Шторм Серебрукая, Бард Долины Теней. Конечно, с горсткой волшебного огня.

При этих словах пламя, которое она держала в чаше, вспыхнуло, и где-то в глубине зала зародился четвертый свет. Искалеченный волшебник с рычанием повернулся, плотно прикрывая свои щиты, и увидел...

Еще одну седовласую сестру, которую он знал.

– Аластриэль из Серебристой Луны, – выплюнул он, теперь страх боролся с его гневом. Какую ловушку они здесь устроили? Что они запланировали?

– Свершить правосудие тому, кем ты стал, – сказала ему Аластриэль, будто услышав его мысли. – С помощью ... – она в свою очередь подняла сложенную ладонь, – конечно же, небольшого волшебного огня. – Танцующее пламя в ее ладони вспыхнуло по сигналу.

Дрожащими руками Эйрхаун сплел вокруг себя второй щит, когда повернулся и увидел высокую и напыщенную женщину-дроу, обсидиановая кожа которой была едва прикрыта открытым платьем, которое она носила. Серебряные волосы закружились вокруг нее, когда она пристально посмотрела на него большими темными глазами, презрение в которых немного напоминало острие кинжала, и промурлыкала:

– Куилья – это я, и я тоже принесу тебе волшебный огонь. Ты искал гибель?

Вспышка пламени в этих длинных черных пальцах возвестила еще одну вспышку сияния. На этот раз Эйрхаун неохотно повернулся к человеческой женщине с дикими глазами, на которой были только спутанные кудрявые серебряные волосы и лохмотья некогда великолепного черного платья, которое выглядело так, будто оно было обожжено, разорвано и разрезано лезвиями. В отличие от своих сестер, она была босая, и ее глаза были похожи на два пламени, которые почти затмевали мерцание в ее поднятой руке. Почти.

– Большинство мужчин называют меня Симбул, – сказала она с холодной улыбкой. – И я тоже, Эйрхаун, принесу тебе волшебный огонь.

Искалеченный волшебник застонал, когда вспыхнуло пламя, удерживаемое королевой-ведьмой Агларонда. Он был обречен, он собирался умереть здесь, он ...

– Мужчины слишком часто забывают меня, – раздался холодный шепот позади него. Эйрхаун резко развернулся, невольно издав небольшой вопль.

– И все же я напоминаю, что меня зовут Силун, Ведьма Долины Теней.

Призрачный светящийся контур босоногой седовласой женщины в платье стоял в пустом воздухе достаточно близко, чтобы протянуть руку и коснуться Эйрхона. Сквозь призрачные пальцы он видел, как в ее ладони бушует волшебный огонь. Она улыбнулась ему и спросила:

– Я должна сказать тебе, что у меня в руках, или твоя смекалка сейчас работает на тебя?

Она рванулась вперед, как будто его щитов не было, бросилась на него в воздухе с волшебным огнем, пылающим голодным кругом вокруг ее плеч, ее лицо превратилось в ухмыляющийся череп с пустыми глазницами.

Искалеченный Волшебник, крича от ужаса, ударил ее всем Искусством, которым мог управлять. Его парящие глаза увидели лишь один краткий проблеск, прежде чем последовавшая за этим вспышка и шипение смертоносного, убивающего заклинания поглотила его. Семь протянувшихся и пустых рук были подняты против него, в них не было следов огня, и его собственная магия отразилась от них обратно на него!

Нет!

Свет, слепота, жестокая агония, кости, вырванные из его плоти, не осталось языка, чтобы передать его крики...

От запредельной боли он беспомощно корчился и плакал, когда вспомнил, как это делать. Это были божественные мучения, или его непредвиденная магия вернула его... сюда?

Почему он был здесь?

Холодный твердый камень под ним и возбужденный возглас. Голоса... кровь ревела, как прибой, в его ушах, заглушая то, что они говорили, и он упал от новой боли, которая заставила его хныкать и кричать, а затем снова хныкать.

– Мы нашли его здесь, – сказал испуганный голос, – и ...

– Мы были сильно напуганы, чтобы преодолеть свой страх перед ним, – промурлыкал холодный знакомый голос. – Ну, хорошо. По крайней мере, вы кое-что узнали сегодня. Еще не все потеряно. Я начал задаваться вопросами. Он заслужил право есть здесь еду – и жить – еще несколько дней. Иди и присоединяйся к остальным новичкам.

Ботинок царапнул камень совсем рядом, и этот знакомый голос сказал прямо над ним:

– Ты Эйрхаун Соундарил, и теперь действительно искалечен. Не мог бы ты поделиться со своим товарищем Жентаримом причиной твоего нынешнего состояния?

Откупорилась бутылка, и вода, жгучая, как зимний лед, хлынула на бушующие в Эйрхауне пожары. Он почувствовал аромат целебных чар на нем.

Свет замерцал в самом центре его брызг – один из его вырванных глаз был восстановлен – и теперь челюсть заработала по его команде. Он задвигал ею, обнаружив, что у него снова есть язык, и использовал его, чтобы спросить:

– Геспердан?

– Конечно, – язвительно сказал Старик Жентарим. – Я был Гесперданом уже несколько столетий и собираюсь оставаться Гесперданом еще какое-то время. Но ты, Эйрхаун, что с тобой случилось? Кто или что искалечило тебя?

– Волшебный огонь, – выдохнул изувеченный волшебник, увидев фигуру, вырисовывающуюся в его неустойчивом поле зрения. – Не ищи его!

Хеспердан улыбнулся ему и мягко ответил:

– Конечно нет. Не я здесь дурак. – И отвернулся.

Старик Жентарим прошелся по комнате, а Эйрхаун изо всех сил попытался приподняться на одном локте – на руках! У него снова были руки! – и сфокусироваться.

Один шаг и... он исчез, как будто его и не было.

– Геспердан? – спросила Эйрхаун у пустого воздуха. – Геспердан?

В воздухе вокруг него витала слабая вонь. Его собственные опаленные волосы и... нет. Нет, это ... курительная трубка.

Так где же, спустя столько лет, он раньше чувствовал запах дыма?

Око дракона

Амбрин с раздражением глянула в окно, пока шла через Облачную Залу, стараясь не отставать от вежливого, но настойчивого дворецкого. Ну почему бабушка Тэшла желала видеть её именно сейчас?

Безумно холодный ветер, гулявший в окрестностях Дома Хоквинтер, наконец стихал. Скоро Глубоководье облачится в сырую, липкую мглу, которая начнёт выплясывать радостный танец Тиморы, играя вспышками ветвистых молний. Даже если все домочадцы погрузятся в сон, она не посмеет призвать ни единой искорки. Неуклюжее, неотточенное колдовство – вот всё, что ей оставалось.

Ещё одна декада пройдёт в бесконечных дворцовых променадах, нудных уроках по достославной и долгой истории династии Хоквинтер и бессмысленной болтовне с пустоголовыми высокородными девицами, подругами её сестёр – если, конечно, этих хладнокровных, мелочных и вечно что-то замышляющих склочниц мог назвать друзьями хоть кто-нибудь. Ещё целых десять дней, во время которых Амбрин Хоквинтер – всего лишь очередное украшение общества в городе, изобилующем высокомерными молодыми дворянками – не сможет заниматься сколько-нибудь значимой магией.

Девушка нахмурилась, взглянув на своё отражение в зеркале, мимо которого как раз пробежала. Да, было бы так легко просто сдаться. Она могла бы похоронить в памяти все эти тайные занятия, полные выматывающей концентрации и произносимых благоговейным шёпотом заклятий, и просто прожигать жизнь, неотвратно двигаясь к унылости свадьбы с обожаемым наглецом, щёголем или болваном из очередной благородной семьи, почитаемой Хоквинтерами. Так, будьте прокляты все боги, просто! Она гордо вскинула голову и посмотрела на обескураженного прислужника. Они уже свернули в Башню Тэшлы и начали взбираться по винтовой лестнице, ведущей к покоям, никогда не оставляемым бабулей Хоквинтер.

- Я не позволю дать этому случиться с такой лёгкостью, - беззвучно поклялась она. – Я не стану одной из тупоголовых мочалок, скорее Дом Хоквинтер погрузится в свои собственные выгребные ямы!

Вход в покои был сразу за дальним краем красного гобелена из мерцающей пряжи. Дворецкий позвонил в висевший рядом звонок, представлявший собой россыпь латунных колокольчиков, спускавшихся изящной спиралью. Затем слуга открыл дверь, потянув тяжёлую створу, плавно отошёл в сторону и пропустил Амбрин.

Младшая дочь рода Хоквинтеров пронеслась мимо него, окружённая ореолом такой абсолютной уверенности, что слуга про себя прозвал её Маленькой Королевой Всея Глубоководья. Она шагнула внутрь, в неосвещённые и тихие

апартаменты, которые теперь были единственной вотчиной, что имела в распоряжении когда-то всемогущей вдовы Хоквинтер.

Бесценные скульптуры из сверкающего камня скользили в медленном танце, когда она проходила мимо. Слабо сияющие картины со сценами эльфийской летучей охоты и вальсирующих лордов и леди притягивали глаз своими бесконечно сменяющимися одно другое под воздействием чар изображениями. Очарованная девушка на добрых двадцать шагов удалилась от двери, углубившись в роскошные покои, прежде чем поняла, что одна. Не было ни следа присутствия трёх пожилых камеристок, вечно трущихся у ведущей в центральную спальню лестницы и только и ждущих, чтобы Тэшла приказала им явиться к ней. Амбрин неуверенно остановилась в пустой прихожей, раздумывая, что делать дальше.

Внезапно на поверхности гладкого, выточенного из слоновой кости навершия одной из нижних лестничных стоек появился глаз, рот украсил другое и произнёс знакомым, сухим и дребезжащим голосом бабушки Тэшлы:

- Поднимайся вверх, девочка; мне осталось не так уж много времени.

Лёгкий холодок пробежал по спине Амбрин при этих словах, произнесённых так спокойно. Покорно она ступила на вьющуюся лестницу – вот он и раздался наконец, зов, которого она так боялась. Она подобрала юбки и торопливо начала взбираться по ступеням.

Ей следовало навещать бабулю почаще, и оставаться подольше, не обращая внимания на вездесущих, злоупотребляющих парфюмом старых камеристок, с их сумбурными, снисходительными комментариями и нескончаемыми жизнерадостными, но нарочито вежливыми и пустыми разговорами о погоде. Ей следовало рассказать леди Тэшле – которая, согласно слухам, заигрывала с тёмной и смелой магией в дни её молодости – о своих собственных неуклюжих потугах овладеть этим искусством. Ей следовало...

Амбрин добралась до верха и остановилась, поражённая. Бабушка была в комнате совершенно одна и лежала на кровати, поддерживаемая грудой подушек. Должно быть, она отослала прислужниц прочь и самостоятельно расплела волосы.

Тускло светившая плавающая сфера висела в воздухе над кроватью. В её свете девушка могла разглядеть, что леди Тэшла была облачена в чёрную мантию, а рукава переливались трепещущим пламенем красного шёлка и больше бы подошли коварной искуственнице, нежели главе одного из старейших и благороднейших домов Глубоководья. Она казалась опасной, и взгляд в её старые, мудрые глаза лишь усиливал это впечатление.

Амбрин сглотнула.

- Бабуля, я пришла так быстр...

- Да-да, похоже, весьма вовремя, - прервал её дребезжащий голос, с едва заметной ноткой усталости. – По крайней мере, я ещё дышу. Да не стой ты там, дрожа, как неопытная куртизанка, лучше подойди и дай тебя чмокнуть – а то у тебя ещё есть-таки шанс опоздать с этим.

Ошеломлённая, Амбрин послушно выполнила, что ей было велено. Немощные руки бабушки тряслись при объятьях, но губы были всё такими же властными и непоколебимыми, как и всегда. Юная леди Хоквинтер взглянула в чёрные, словно

бездонные озёра, глаза пожилой леди – соколиные, как их однажды назвал её отец – и произнесла:

- Бабушка, я должна рассказать тебе кое-что. Я пыталась...

- Плести заклинания, - нетерпеливо закончила за неё леди Тэшла. - Ты думаешь, я об этом не знала, девочка? Ну-ка скажи, куда выходит моё любимое окно?

Конечно же, на окна спальни Амбрин, но при чём тут...

- Я довольна, что ты использовала слово «пыталась». Ох и задала ты тому плащу тёмной тени, - сухо отметила Тэшла. - Но основные движения ты делаешь правильно, моя девочка. Любой молодой подлец долго будет трястись, получив от тебя порцию чар опоросения, если позволит себе слишком многое во время танца!

Амбрин смущённо покраснела – как могла запертая в мрачной башне бабуля узнать об этом? Она могла поклясться, что смогла вернуть старой боевой гончей должный вид, прежде чём её испуганный визг...

Плавающая сфера завертелась, привлекая её внимание – и внезапно в её недрах появилась панорама Замка Глубоководья с высоты птичьего полёта, как если бы кто-то смотрел вниз с вершины возвышающейся над городом горы!

- Вот так я за всем и наблюдаю, - сообщила ей Тэшла, когда видение погасло. - Коснись поверхности.

Изумлённая девушка подчинилась, и покалывание пробежало по ней от кончиков пальцев до самых пяток. Пожилая леди одобрительно кивнула.

- Теперь шар будет слушаться тебя. Когда ты уйдёшь, все будут думать, что я всего лишь одарила родню толикой своей магии, перед тем, как отдать себя в руки богов – но смотри, зачем я на самом деле позвала тебя.

Дряблая рука с удивительной скоростью потянула из-под корсета добротную цепочку, испускавшую блики и висевшую там, сколько Амбрин себя помнила – и вытащила на свет ажурный профиль драконьей головы, отлитой из серебристого металла. На месте глаза был вставлен большой тёмный драгоценный камень, глянцевого на вид, и подобных ему девушка за свою жизнь никогда прежде не встречала, хотя множество раз имела возможность лицезреть сокровища, томно демонстрируемые на пирах и приёмах. Она всмотрелась в него... и украшение словно бы воззрилось в ответ.

- Что это? – прошептала она, когда Тэшла, снова медленно и немощно стянув цепь через голову, протянула её.

- Око Дракона, дитя, - мягко ответила бабушка. - Пусть оно послужит тебе лучше, чем мне – и используется тобой мудрее, чем мной. Возьми.

Младшая дочь Хоквинтер сглотнула и, подняв голову, уверенно потянулась за амулетом. Тэшла хмыкнула при виде столь властных движений, затем чуть склонилась, чтобы наблюдать за наследницей внимательнее... почти настороженно.

Благоговейно переняв ожерелье, Амбрин словно почувствовала его тепло и душу – и невесомость, как если бы оно могло парить в воздухе само по себе. Оно таило мощь, сильные чары, которые девушка ощущала всем телом. Она восхищённо уставилась на вещь, затем почти неохотно перевела взгляд на женщину.

- Я... я даже мечтать не могла, чтобы такая невероятная вещь оказалась в нашем доме, - восторженно воскликнула юная наследница. - И получить его... Спасибо, бабуля! Огромнейшее! Я не знаю, как выразить это, но...

- Ты должна узнать, каковы его свойства, прежде чем так рьяно и свободно радоваться, - предостерегла Тэшла. – Это твоё истинное наследие, только чародейка может им пользоваться. Храни его в тайне. Больше никто в этом доме не знает об амулете; это предмет величайшей силы.

Глаза старой чародейки угрюмо изучали лицо Амбрин.

- Запомни, девочка – изучи его тщательно и используй с особой осторожностью. Он крадёт, а украв, оберегает, воспоминания, и может оставить от человека лишь пустую оболочку... как я обнаружила это на свою беду.

Сдвинув брови, молодая девушка взглянула на старую женщину. Бабуля обратила человека в... оболочку? Кого же она хотела так наказать – кто вообще осмелился взглянуть на неё косо? Должно быть, это был какой-то безрассудный грабитель – явился в самую высокую башню Дома Хоквинтер в надежде набрать безделушек, ну и...

- Думай, что хочешь, - предупредила её леди Тэшла, словно читая мысли, - но даже не пытайся тратить последние вздохи, дарованные мне в этой жизни, на дурацкие вопросы «кого» и «зачем». Это моё дело, хотя ты можешь узнать правду из Ока, когда меня не станет. Но помни и остерегайся – он опустошает память.

Амбрин уже готова была надеть могущественное украшение, но остановилась на полпути и посмотрела на него так, словно оно могло её укусить, затем спешно убрала его во внешний карман своих одежд.

- Мудро, - отметила Тэшла, откидываясь на подушки. – Теперь, когда с этим разобрались, и...

Её глаза закрылись и голос угас. Девушка с возрастающей тревогой смотрела на наставницу.

- Бабушка? – почти срываясь на крик, позвала она. – Баб...

И потом она услышала хлопок неровного вдоха, затем другого – медленного и неверного. Бабуля ещё жила, но всё же эта кровать станет её смертным ложем. Совсем скоро.

Амбрин ещё долго тихо стояла рядом с диваном леди Тэшлы, напряжённо размышляя, а затем вихрем развернулась и решительными шагами покинула каморку; волшебная сфера бесшумно поплыла за ней.

Пронесаясь мимо дворецкого, она почти бежала, и не обратила внимания на его удивлённый, вопрошающий вид и приглушённый вопрос. Она пересекла Облачную Залу с такой скоростью, какой старый воин за ней никогда не замечал - ему пришлось припустить, чтобы не отстать. Поприветствованная камеристками, она, вместо того, чтобы кинуться в свои покои или же удариться в слёзы, резко свернула в сторону, направляясь к задней лестнице, ведущей в конюшни, а затем к воротам.

Дворецкий семенил вслед за ней, придерживая ножны, чтобы они не мешались под ногами, грозя послать его в не самое грациозное падение.

- Леди Амбрин! – пропыхтел он, стараясь звучать повелительно. – Это недопустимо! Ваш отец ничего не сказал о том, что вы куда-то собирались сегодня, а учитывая, что уважаемая Леди Тэшла так близка...

Леди Амбрин даже не удосужилась повернуть головы.

- Он не упомянул об этом? Что ж, сходи к нему и убедись в обратном – но если хочешь остановить меня, делай это на свой страх и риск! – ложь легко шла к ней, и

она вся тряслась от возбуждения и злости. Никто не остановит её, даже лорд Пьергайрон собственной персоной! Бабушка была её единственным другом, и Амбрин не намеревалась её терять, что бы там сама Тэшла не думала об оставшемся ей времени...

Сотню вздохов назад, Амбрин Хоквинтер была бессильна против неотвратимого увядания бабули. Но это было до того, как Око Дракона попало к ней в руки.

Оно было восхитительным – да, таким восхитительным! – и к тому же являлось мощным артефактом. Но что значила эта вещь в сравнении с душевной теплотой и мудростью бабушки, всегда готовой посмеяться вместе с Амбрин, или пожурить, или обучить путям магии, людей и самого Глубоководья?

Ходили разговоры, что во всём городе нет мага могущественнее Хелбена Чёрного Посоха. Раз уж он мог воскрешать мёртвых и собирать по кусочкам самих богов, несомненно он мог подлатать одну старую женщину! Наверняка он захочет получить это Око в обмен на такое маленькое, но доброе дело.

Мельком Амбрин подумала, какой сильной заклинательницей амулет сделал бы её саму, и как медленно – опять – без него будет продвигаться её обучение, но отмахнулась от этой мысли. Без наставлений и направляющей руки бабушки она никогда не научится управляться даже с этим кулоном, не то, что с собственной магией!

Она неслась по улице, а дрейфующая за ней сфера, в компании пытящего, побагровевшего дворецкого, привлекали взгляды толпы. Дюжина ухмыляющихся, наспех созванных солдат из числа стражи Дома Хоквинтер завершали процессию. Но девушке было все равно. Для того чтобы не сбиться с пути до тёмной иглы Башни Чёрного Посоха, видневшейся вдалеке, ей нужны были только глаза.

Каждый ребёнок Глубоководья знал это строение; дом человека, владевшего заклинаниями столь могучими, что они могли отправить в небытие личей, иллитидов и бехолдеров, всех разом, и чьё правосудие было столь непреклонным, что пугало даже гордецов из богатейших семей города. Приближаясь к строению, она внутренне съёжилась. Но, в конце концов, она была из рода Хоквинтеров, и миссия её была благородна – кто знает, может когда-нибудь и её имя будет произноситься с тем же трепетом, что и имя Хелбена Арансана. Девушка вздёнула подборок и устремила вперёд, не замедляя шаг... а позади, закатив глаза и дыша с присвистом, не отставал дворецкий. Почтительный ужас отразился на его лице, когда она вступила под сень оплота Чёрного Посоха.

Пламя одинокой тонкой свечи в покоях Амбрин заметалось, когда она решительно задвинула дверную щеколду. Она устремила к пыльному пространству позади шкафа, где были спрятаны те немногие кусочки магии, что у неё имелись.

Ей почти удалось. В двух шагах от тайника она разрыдалась; горячие слёзы ярости и горя прорвались потоком, ослепляя, застилая взор. Юная леди наощупь двигалась вперёд, всхлипывая, пока не наткнулась на полированную стенку

гардероба. Вздвываясь кулаки, она изо всех сил лупила по ней, снова и снова, не замечая боли.

Хелбен принял посетительницу сразу же, и надежда огнём взметнулась внутри неё, ровно до того момента, как Амбрин произнесла имя. Архимаг тяжело посмотрел на неё и произнёс слова, теперь словно выжженные в её сознании навек: «Тэшла Хоквинтер? Нет, дитя. Только не её. Она знает, почему, и приняла свою судьбу. И ты должна».

Больше он не проронил ни слова, несмотря на слёзные мольбы. Наконец, юная дочь Хоквинтеров поднялась с колен, вздёнула подбородок, молча развернулась и ушла, не окликнутая. Хелбен даже не оторвал взгляда от своих бумаг!

Она понеслась прочь, окружённая стражей, во главе с дворецким; ни один из воинов не осмелился беспокоить её вопросами. По возвращении домой, она обнаружила тишину, накрывшую Дом Хоквинтер, и такие же бледные, как и её, лица обитателей. Лишь приглушённые стенания доносились из-за закрытых дверей. Старая вдова Хоквинтер покинула этот мир.

Священники полудюжины храмов бормотали молитвы, собравшись вокруг закрытой балдахином кровати. Амбрин даже не позволили взглянуть на останки её бабушки – маленькое, высохшее тело навсегда заснувшей старушки, покоящееся на груди шёлковых подушек – пока все эти лицемерные посторонние не ушли.

Её отец тоже был здесь. Он позвал её один раз, мягко, и потянулся за ней – но девушка, обойдя его, осталась смотреть на леди Тэшлу в одиночестве и молчании. Когда она отвернулась, чтобы покинуть церемонию прощания, отец дал знак слугам не следовать за ней. Да, за этот жест трогательной заботы ей следует принести свою благодарность, когда найдётся возможность. Но не сейчас, о нет, отнюдь не сейчас.

Она заставила себя подняться, в её горле кипел гнев, из-за которого ей хотелось кричать, рвать и метать, круша всё подряд. Она прошипела голосом, отчаянно пробивавшимся сквозь пелену слёз: «Я заставляю тебя заплатить за её смерть, “великий” Лорд-маг Хелбен Чёрный Посох Арансан. Амбрин Хоквинтер заставит тебя просить о помощи... и ты получишь от меня ту же милость, что получила я. Клянусь».

Эти последние слова эхом отозвались внутри неё, и девушка схватилась за дверцу шкафа, стараясь унять внезапную дрожь. «Вот как ощущает себя человек, давший смертную клятву. Да ещё и против могущественнейшего мага Глубоководья», - вздохнула она, и поспешила к двери. Она должна была добраться до бабушкиных книг с заклинаниями и прочих магических штук, пока кто-нибудь из служанок не умыкнул их, в надежде выручить монетку-другую – тогда их и след простынет. Юной леди Хоквинтер предстояло много работы...

Месяц спустя, Амбрин стояла перед гардеробом, вглядываясь в своё отражение. На неё в ответ своими чёрными, ввалившимся глазами уставилась исхудавшая девушка с бледной кожей, но горящим взором. Прислуга втайне шепталась о том, что молодая девушка тронулась умом из-за смерти госпожи Тэшлы - она знала об этом, но ей было плевать.

Амбрин была почти готова. Оттачивание всех чар из книг бабушки Тэшлы – теперь уже её книг – могло занять годы, но у неё на груди свободно сияло Око Дракона, едва уловимо трепеща и отдавая коже своё тепло по ночам, наполняя сны неясным шёпотом.

Слишком часто ночные видения, насылаемые им, рассыпались лохмотьями дыма, но в те моменты, когда воля её была достаточно сильна, чтобы удержать их, эти грёзы являли ей способы, пользуясь которыми можно было забирать воспоминания... или доставать их из глубин амулета, просматривая, точно кукольные представления, показываемые на банкетах.

Как и предостерегала бабушка, Око могло высасывать мысли – и когда ей представится возможность, она использует это против Хелбена, чтобы украсть его магию. И тогда она станет могущественной чародейкой, а он останется неуклюжим, слюнтявым болваном. Достойная его судьба, считала она... до того чёрного дня, когда кулон явил ей истинную причину, по которой маг отказался сохранить старой женщине жизнь.

Амбрин увидела, как всё произошло, увидела своим Оком.

В молодости Тэшла была цветущей, роковой красоткой – сверкающие глаза, струящиеся волосы цвета вороного крыла, жестокий изгиб насмешливых пышных губ... и гордый, безнравственный дух. Многие мужчины желали её добиться, но всех она рассматривала лишь как приятное средство для достижения ещё большего богатства и власти. Она поклялась в вечной любви одному волшебнику – только лишь затем, чтобы, в постели, телом прижать к нему Око, прижаться к его губам своими – и высосать всю колдовскую силу Эндейрна, неудавшегося любовника, становясь магом в тот же миг.

Получив новые способности, она заточила опустошённого чародея в тёмный подвал, наложив заклятье безмолвия, и отправилась покорять самого процветающего из торговцев города, рассчитывая женить его на себе.

Хортран Хоквинтер и вправду был богат. Она бы не отказалась быть осыпанной его золотыми монетами, но что её привлекало больше всего, так это его ум, его способность видеть людей насквозь, знать всё об их прошлом, интригах, союзах и умениях. И именно её она забрала в ночь, подобную первой, в той самой постели, что он делил с ней, постели, в которой она через много лет встретит свою кончину. Потерявший способность думать, Хортран с этого момента был заперт в своих чертогах, посещённый Тэшлой один раз, когда ей понадобился наследник, и второй – чтобы зачать ещё одно дитя, на случай, если злой рок постигнет первого ребёнка.

Дрожь пробежала по её телу, когда Око показало младенцев – её отца и дядю, лежащих друг рядом с другом в детской. Тем временем Тэшла выцарапывала и прогрызала свой коварный путь к господству, превращая Дом Хоквинтер в одно из крупных и уважаемых семейств Глубоководья.

Слёзы наворачивались на глаза, когда Око показало скучающую Тэшлу, сведшую своего мужа и лишённого разума волшебника в поединке, для своего развлечения. Они оба погибли – но, удушаемые рукой противника, они смотрели друг другу в глаза и делили между собой взгляд, полный чистосердечной благодарности.

Этот взгляд беспокоил коварную женщину, даже после того, как она сожгла тела, развеяв затем с судна Хоквинтеров пепел над морем. Он снился ей в кошмарах,

и вскоре её слуги были настолько ими напуганы, что обратились к Лорду-магу Глубоководья. Хелбен изъял у их хозяйки все книги заклинаний и предметы силы, кроме Ока, оставив её одну в башне. И то, как он посмотрел на Тэшлу перед уходом, мучило её не меньше предсмертных взглядов Эндейрна и Хортрана.

Спустя долгие годы, женщина восстановила свою коллекцию, свиток за свитком; туда, куда она сама не могла проникнуть, находило дорогу её богатство, помогая заполучить – при этом часто оставляя кровь на клинках наёмников – то знание, которое она не смела искать в открытую. Её сын и наследник, Эremos, под влиянием лучших наставников, которых только можно было заполучить за золото хоквинтерской казны, вырос в мудрого и справедливого мужчину. И настал день, когда он вернулся в Дом Хоквинтер с красивой женой, волшебницей Мерилайли Карантор из Аткатлы.

Чётко видя свою мать в видениях из памяти, Амбрин оцепеневши наблюдала, как амнийка отправилась к Хелбену, искать защиты от Ока. Укрытая его чарами, она попыталась завладеть магией Тэшлы.

Колдовская атака на Дом Хоквинтер не оставила и следа от возлюбленной Эremosа, истребила половину прислуги и разметала верхние этажи особняка. Он всегда считал, что эти разрушения были результатом происков дома-соперника, не зная о том, что это была магическая дуэль между его женой и его же матерью. Дуэль, которую Тэшла не проиграла.

Амбрин заплакала, когда увидела себя, под защитой чар Тэшлы, лежащую в яслях. Только родившись, она стала избранницей бабушки – другом и преемницей тайн – и эта роль ей навязывалась безучастно и расчётливо.

Досмотрев до конца длинную-длинную череду воспоминаний, сохранённую Оком, она провела на коленях полную рыданий ночь. Наконец она поднялась – глаза сухи, но ненавистный лик Хелбена всё ещё маячит перед ними.

Почему он не остановил колдунью? Будучи Лордом-магом Глубоководья, он нёс ответственность за это. Так почему же он позволил матери Амбрин быть уничтоженной, а Дому Хоквинтер – быть на побегушках, выполняя прихоти Тэшлы? Он знал об её делишках и амбициях, но ничего не предпринял. Что же делало его лучше старой леди Хоквинтер?

Ничего. Она ушла, оставив лишь формулы заклятий, Око и... стыд. Но архимаг всё ещё жил, тот, кто проигнорировал Амбрин, даже не взглянув на неё, тот, кто позволил дому Хоквинтер превратиться в творение Тэшлы. А её отец даже ничего этого не знал...

В то же утро Эremos Хоквинтер нарушил траурное молчание. Во дворец и в каждый из великих домов города были посланы приглашения на празднество. И они не останутся без ответа – о гостеприимстве Дома Хоквинтер ходили легенды.

Имя Хелбена Арансана тоже было на одном из листков... и он должен был явиться. После того, как Амбрин сообщила леди Лаэраль о том, что подумывала начать изучение магических искусств и о том, как сильно она хочет увидеть архимага, она была уверена, что Лаэраль убедит великого мага посетить мероприятие.

Девушка медленно улыбнулась, открывая книгу заклятий. До пиршества оставалось десять дней; у неё было не так много времени, чтобы хорошенько

подготовиться к встрече Хелбена. Она подозревала, что будет не так-то просто заставить Лорда-мага покончить с собой.

Обмен приветствиями был завершён; разноцветные плавающие сферы, сотворённые ею, в сгустившемся сумраке стали намного полезнее. Когда Лорд-маг Глубоководья со своей спутницей были встречены отцом, юная леди Хоквинтер издали, через всю площадку для танцев, помахала и улыбнулась Лаэраль, а затем позволила очередному предполагаемому ухажёру увлечь себя пустой беседой.

Девушка едва узнала себя в зеркале, когда служанки закончили наводить на неё красоту; однако даже если бы она была мешком невымытых помидоров, то все равно каждый из молодых представителей городской знати преследовал бы её, грозя растоптать. Но ночь продолжалась, и Амбрин по-прежнему носила спокойную улыбку и использовала магию, чтобы сохранять причёску в форме, а свои ноги – самую чуточку выше плиток пола. И когда она покинула постоянно потеющего Талага Илвастарра в поисках уединённого места, она не была и наполовину такой уставшей, какой она станет после восхода луны.

Множество парочек наслаждались красотой обширных садов Дома Хоквинтер, укрывшись здесь от смеха, песен и болтовни. Какая-то часть Амбрин страстно желала всю ночь напролёт хихикать и нежиться в руках какого-нибудь молодого красавчика, но она не могла нарушить данное самой себе обещание. Можно сказать, это был первый раз, когда она твёрдо решила сделать что-то важное в жизни. Отныне Амбрин Хоквинтер будет держать свои клятвы. Любые.

Она стояла одна в плохо освещённой комнате. Пара движений и брошенное слово – и под свободным платьем заходили ходуном мышцы. Их шевеление ощущалось весьма своеобразно; она становилась толще, её щёки и подбородок – полнее, а волосы приобретали каштаново-рыжий цвет. Теперь ни один воздыхатель не признает в ней очаровательную наследницу Хоквинтер.

Она мрачно улыбнулась и отправилась на поиски Лорда-мага Глубоководья.

Его не было ни на танцевальной площадке, ни в окружающих её шумных, переполненных людьми вестибюлях, где представители старшего поколения аристократии занимались тем, что громко выясняли отношения, обсуждали сплетни, объедались и напивались вусмерть. Амбрин не нашла его и там, где ожидала увидеть больше всего – в тёмных прокуренных комнатах этажом выше, где те из гостей, что считали себя умными и влиятельными, шептались вполголоса, обсуждая заговоры и договоры, предрекали Глубоководью тёмные времена и заключали всё новые выгодные сделки и пакты, новые нити в и без того запутанной паутине городских интриг.

Юная девушка направила чары поиска на спальни и комнаты прислуги. Увиденное там заставило её покраснеть – а её брови, возможно, навсегда теперь останутся поднятыми. В одной из спален она обнаружила Лаэраль и своего отца – к счастью, они всего лишь разговаривали. С некоторым облегчением – ведь ей не

пришлось добавлять ещё и Леди-мага Глубоководья в список тех, кого она должна уничтожить – она продолжила поиски архимага.

Наконец, по ту сторону залитых лунным светом садов, она заметила его, общавшегося с кучкой молодых гостей, праздно бродивших рядом. Хм. Вне всяких сомнений, делясь своей колдовской мудростью. Глаза Амбрин сузились, и она прочитала ещё заклинание. Раздался звук, похожий на негромкий перебор струн арфы, а затем:

- Отличная ночь, вот уж точно, - громко произнёс кто-то, кого там не было, прямо ей в ухо, - только вот живот крутит, как корабль на волнах прибоя!

- Это из-за того вина, - раздался в ответ более тонкий голосок. – Если уж ты решил попробовать осушить погреба Хоквинтеров в одиночку...

Чары работали, но где же голос Хелбена? Колдунья нахмурилась и послала свою волю в направлении мага.

Третий, жизнерадостный голос воскликнул: «Неплохой вечер, Лор-» - и резко смолк, словно обрубленный ножом.

Амбрин вдохнула жизнь в тающие лоскуты первого заклинания и увидела человека – должно быть, это были его слова – в укороченном плаще, сиреневых брюках и обшитом золотым шёлком дуплете... беседующего с Хелбеном. Прокляни его боги... маг должно быть наложил заклятье тишины, чтобы случайно подслушивающий не мог узнать сказанного!

Она подозрительно прищурилась. Что за слова могли быть настолько важными, что должны были оставаться сокрытыми ото всех?

Неожиданная мысль пришла в голову девушки – она пустила свои чары ясного слуха обратно через весь дом, и они валом накрыли комнату с Эрмосом и Лаэралью.

- Услуги, предоставленные Вами ордену Арфистов, были своевременны и весьма удовлетворительны, как и обычно, - сообщила Леди-маг, - и я хочу сообщить Вам, что они не остались неоценёнными, равно как и само собой разумеющимися.

Амбрин моргнула. Её отец – Арфист? О боги!

- Я знаю, что это так, - ответил он, - но должен признаться – у меня была и своя причина для этой встречи...

- И эта причина – растущее магическое умение Вашей младшей дочери? – мягко спросила Лаэраль.

- Верно, - подтвердил Эрмос Хоквинтер. – Я знаю, в Башне Чёрного Посоха всегда много учеников – больше, чем то количество, на которое у Вас с Хелбеном хватало бы времени – но если бы вы согласились исследовать её возможности... и, признаюсь, её мысли и чувства... Она была расстроена смертью моей матери гораздо больше остальных моих детей, или любых детей её возраста. Так что я был бы очень благодарен. Пока я не понимаю её интересы и сильные стороны, я не могу нанять подходящего наставника, а спросить её напрямую – значит умалить себя в глазах моей дочери, расстроить, но всё равно не узнать ответы.

- Я могу заняться этим утром, если желаете, - успокоила его Лаэраль. Амбрин в панике вскрикнула, и её заклятье рассыпалось.

Она должна действовать прямо сейчас! Как только леди Лаэраль прощупает её разум, все секреты будут обнаружены, а Хелбен превратит её в лягушку, или вообще

в подставку для книг, или даже в свою рабыню – пока она будет скулить под воздействием чар Леди-мага.

Дрожа от нетерпения, Амбрин вновь сменила внешность. Молодая женщина, почти бегом, вихрем спустилась по ближайшей лестнице в сады, распугивая парочки и прерывая их объятия, и постаралась как можно скорее найти нужное, залитое лунным светом местечко.

Агенты Арфистов, похоже, закончили свои дела с Лордом-магом Глубоководья, и на один леденящий миг девушка решила, что Хелбен уже покинул Дом Хоквинтер, и она упустила свою возможность. Но затем она заметила его в дальнем углу садов, сидящего в одиночестве на озарённой ночным светиллом скамье. Сняв амулет через голову, она спрятала его в рукав, отдышалась, приобретая контроль над своим дыханием, и медленно двинулась к своей жертве.

Это её единственный шанс. Чтобы сдержать зарок, она не должна провалиться. Амбрин двигалась настолько беззвучно, насколько могла, не выглядя при этом подкрадывающейся – если Хелбен повернёт сейчас голову, он должен увидеть её завлекающей, а не шныряющей, точно вор.

Когда она приблизилась, он, подперев подборок, внимательно смотрел на светлый пояс звёзд над головой, так, словно они что-то рассказывали ему.

- Какая встреча, Лорд-маг, - соблазнительным тоном начала девушка, когда до скамейки оставалось несколько шагов. Она старалась говорить низким, густым голосом, с нотками смеха – как у обворожительной куртизанки; однажды во дворце она подслушала развлекательную беседу такой дамы с калимшанским торговцем. - Лунный свет Вам к лицу.

- Позвольте, последнюю фразу должен был произнести я, леди, - спокойно ответил Хелбен, изучая её глазами, казалось бы, видящими сквозь магическую маскировку.

- Я ещё молода, - легко парировала Амбрин, - и до сих пор пополняю свой список фраз для оболения и заигрываний. Всему Глубоководью известны Ваше стремление к справедливости и Ваша преданность леди Лаэраль, мой лорд, но всё же мне интересно, не были бы Вы против, если бы девушка, предпочитающая ум и зрелость пустой гордыне юнцов, попрактиковала строчку-другую из него на Вас... возможно, после этого став намного смелее...

Она наклонилась к Лорду-магу Глубоководья, предоставляя тому возможность оценить очаровательный кружевной узор, изображавший вздыбившихся драконов и окаймлявший её корсет, медленно и хрипло продолжая:

-... для того, чтобы получить поцелуй? Который я буду с нежностью вспоминать, оставшись наедине с собой, никому о нём не рассказывая...

Лорд-маг окинул её взглядом. Уголки его губ почти поднимались в улыбке.

- И что же именно у вас на уме, увлечённая молодая леди?

Амбрин позволила широкому рукаву принять на себя вес Ока, и протянула эту руку к Хелбену. Когда она присела на колени – чтобы её глаза оказались на одном уровне с глазами волшебника – его взгляд метнулся от одной чистой, не обременённой кольцами кисти к другой.

- Я не чудовище под маской, я обычная одинокая женщина, - проворковала она, приглашающе и испытующе глядя в лицо Лорда-мага, - и я совсем не отказалась бы от поцелуя.

Она облизала губы и прошептала:

- Я не буду против любой магии, что Вы захотите использовать, чтобы убедиться, что я... не опасна.

Чёрный Посох приподнял бровь.

- И к чему же готовность принять эти жертвы - возможное унижение, может, даже угроза жизни - ради одного лишь поцелуя от старика?

- Я слышала много вещей о волшебниках, - шёпотом отозвалась девушка, сверкнув очами.

Хелбен быстро осмотрелся по сторонам, словно проверяя, что никто не наблюдает за ними, и приглашающе развёл руки.

- Что же, девочка, попробуй осуществить задуманное...

Амбрин заподозрила неладное при этом выборе слов, но предоставленная возможность слишком манила её, чтобы быть упущенной. Жадно открыв рот, она скользнула в его объятия – и изогнулась в них, доставая кулон и оборачивая его цепочку вокруг шеи жертвы, придавая сходство с атакующей змеей. Око Дракона сверкнуло, вторя её крику: «Забери его память! Всю до дна! Отдай её мне!»

Цепь стягивалась вокруг горла мага, но он лишь подтянул её ближе и пророкотал:

- Не забывай, ты ведь хотела поцелуй.

Его губы были тёплыми, но Амбрин судорожно замотала головой и попыталась укусь их. Наконец, освободившись, она плюнула ему в лицо и прошипела:

- Моли! Моли меня не забирать магию, архимаг!

Она затянула цепь ещё крепче. Однако Хелбен всё не приобретал фиолетовый оттенок, как она того ожидала, лишь слабо улыбался.

- Ты знаешь, что это? – прорычала девушка, вновь дёрнув цепочку. Маг кивнул.

- Око Дракона, - сообщил он невозмутимо. – О, девочка, многие годы прошли с тех пор, как я видел его в последний раз. Так, посмотрим...

- Годы? – Амбрин с трудом выдавила слово – губами, что внезапно начали извиваться и двигаться... Её тело и лицо принимали истинную форму!

Но бородатое и изборожденное лицо её врага тоже таяло и менялось. Она взглянула на окончательную его форму – и цвет схлынул с её собственного, а от ужаса застучали зубы.

Она видела Старого Мага Долины Теней только раз, но ошибиться было невозможно. Тот, кого звали Эльминстером, широко улыбнулся ей.

- Если собираешься прожить немножко подольше, детка, - начал он мягко, - то никогда не пытайся добраться до настоящего Хелбена таким способом. Он не настолько доверчив, знаешь ли... В конце концов, вот уже несколько столетий разные миловидные дамочки стараются осуществить то же самое – большинство, конечно, его ученицы.

- Но... как...?

- Хелбену нужно было поспешить в свою башню по какому-то арфистскому дельцу, ход которому был дан сегодня ночью, - пустился в объяснения Старый Маг. –

И он, и Лаэраль почувствовали твои мысленные щупы – серьёзно, девочка, будь более осторожна с такими вещами – поэтому он попросил сыграть его роль, на случай, если другие Арфисты также решат доложиться... или если ты решишь проверить что-нибудь невероятно глупое.

- И так ли уж было глупо то, что я сделала? – обманчиво спокойно уточнила девушка, закручивая цепь до тех пор, пока она не вгрызлась в шею старца.

Эльминстер беззаботно улыбнулся и ласково потрепал её по подбородку, словно она была маленькой девочкой.

- Ну, это уж точно было невероятно, - проворчал он. – Я бы не стал носить такое платье.

Он наклонил голову, чтобы поближе рассмотреть корсет.

- А, драконы, вставшие на дыбы... Тэйская работа; очень мило....

Амбрин ринулась к нему, оплетая его ноги своими и прижимаясь как можно крепче к его телу. Положив голову на плечо, она прижала подбородок с силой, несомненно оставляющей синяки, держа его изо всех сил своими трясущимися руками.

- Теперь, - сказала она на ухо волшебнику, - любое гибельное заклинание, применённое ко мне, повредит и тебе. Хелбен поступил неправильно с моими бабушкой и семьёй; моя месть предназначалась ему. Но твоя магия тоже может послужить мне – она даст мне нужные заклатья, способные уничтожить его другим способом... чувствуешь, как воспоминания покидают тебя?

- Нет, - легко отозвался Эльминстер. – Я знаю, как заставить Око работать так, как предполагал его создатель. Я делюсь с тобой только теми частичками памяти, которыми хочу... и оставляя их у себя, а не позволяя быть высосанными.

Амбрин недоверчиво усмехнулась в ответ:

- И как же ты можешь делать это? Леди Тэшла не могла; оно даже мне не открыло подобного способа обращаться с ним! С чего ты решил, что эксперт в этом?

Искры веселья зажглись в глазах великого мага, когда он игриво ответил:

- Видишь ли, девочка, я его создал. В Миф Дранноре, на досуге.

Амбрин насмешливо мотнула головой, но ничего не сказала. Он был так спокоен... что, если он не врёт?

Внезапно она вздохнула и напряглась – мир вокруг неё растворился в потоке воспоминаний, не принадлежавших ей. Картинки столь живые и ясные, словно это она проживала их прямо здесь и сейчас... Она смутно осознала, что её ногти впиваются в чью-то спину, и её владелец протестующе рычит, потом внезапно появился сильный запах трубочного табака, но...

Она стояла на палубе попавшего в бурю корабля, наблюдая за тем, как одетый в богато украшенную мантию человек отвернулся от своего сына – а тот засмеялся и выпустил из рук ветвистую молнию. Удар разорвал тело его отца пополам, сверху вниз, воспламенив половину корабля...

Мгновением позже она уже стояла в спальне, к двери в которую мечом был приколот мужчина – и жизненная сила покидала его вместе с кровью, собираясь на полу.

- За что, Маруэль? Почему ты это сделала? – выдохнул он.

- Потому что я так хочу, - отозвалась с кровати ошеломительно красивая женщина, с усмешкой, не уступавшей лучшим из усмешек Амбрин. – И потому что

наконец-то ещё и могу. Я – Шэдосил, и отныне я буду получать всё, что только пожелаю... а не вымаливать это!

Привычным жестом сотворив заклинание, она заставила длинный клинок, весь покрытый чёрной кровью, послушно выскользнуть из тела поверженного человека. Он свалился на пол, глотая воздух:

- Но я любил... тебя.

- И что мне с того, болван? – лишь рассмеялась красавица...

Изображение завертелось, и вот уже Амбрин снова в другом месте...

Башня, рыдающая женщина, дым, клубящийся из её пустых рук, пепел вокруг неё. Человек, сидящий неподалёку прямо в воздухе, произнёс:

- Итак, твоя уловка обернулась против тебя. Отличная работа, Алата... о, просто отличная!

Животный, полный горя вой женщины отбросил Амбрин на новое место действия – к видению с колдуньей, предающей своего наставника, затем на следующее – к тщеславной магистрессе, свернувшей на путь зла и случайно убившей любимого...

- Всё это произошло, девочка, и всему я был свидетелем, - мягко обратился к ней Эльминстер. – Неужели ты так хочешь присоединиться к ним?

Амбрин разрыдалась и попыталась отстраниться, мотая головой и пытаясь сосредоточиться на выбранных ею мыслях... но её вновь безжалостно затягивало в водоворот мести, горя и злодеяний...

- Боги! О боги, хватит! Я прошу пощады! – всхлипывала она.

- Больше пощады, чем ты намеревалась показать Хелбену, надеюсь? – угрюмо уточнил старый маг, и неожиданно перед ней предстала молодая девушка, облачённая лишь в свои длинные, роскошные волосы, коленопреклонённая посреди светящихся, плавающих символов в палате, чьи тёмные стены усыпаны мигающими звёздами.

- Кто...?

- Леди Миф Драннора, сотворяющая первое заклятье предвидения, - ответил Эльминстер.

Без предупреждения, заклятье просочилось в мозг Амбрин, впечатываясь рунами даже не огненными, но из самой эссенции пламени. Она задышалась и стонала, а её разум растягивался, вызывая головокружение, яркий свет словно пронизывал её, и...

- Запомни, эти чары позволяют только тебе видеть судьбу других. Если твой разум выдержит их, и ты не сойдёшь с ума, они станут твоим самым полезным инструментом – и самой тяжёлой ношей, - поделился Эльминстер, когда она, поморгав, снова увидела его лицо, в сантиметрах от своего.

Заботливые руки вложили в её ладони Око Дракона.

- И кстати... насчёт того поцелуя...

И когда тёплые губы старого мага нежно коснулись губ девушки, она вновь едва не расплакалась, а старый мудрый голос поблагодарил: «Спасибо за воспоминания».

Пожилой волшебник отвернулся; Амбрин смотрела ему вслед и из глаз ручьями текли слёзы тысячи прожитых лет. Эльминстер пересёк сад, и пока он шёл, его поношенные сапоги стали отрываться от покрытой росой травы. Он шёл, опираясь

на пустоту, словно само звёздное небо было его лестницей. Он поднялся над стеной, выше и выше, а затем и над крышами города.

Когда он скрылся из виду, девушка посмотрела на лежавший в ладонях амулет. Неожиданно он заговорил голосом Мага Долины Теней, и от испуга она чуть не выронила его.

- А, девочка, - молвил он, - не расстраивайся, ибо всё, что говорят о волшебниках – правда. Надень кулон, если захочешь поговорить со мной... или с Хелбеном. Он ожидает, что ты придёшь повидаться.

Юная леди Хоквинтер ещё очень долго смотрела на свет звёзд, слишком поражённая, чтобы плакать, неподвижная и молчаливая, точно окружавшие её статуи.

Так уж вышло, что молодая, мило воркующая парочка пробрела мимо, не заметив задумчивую фигуру. Амбрин знала девушку – Берента Мантар, скромная знатная девица одного с ней возраста, которой она иногда улыбалась на праздниках, наследница Дома Мантар с того момента, как её брат Карн погиб на охоте – и уже хотела начать приветствие. Но только она об этом подумала, как молодой и умопомрачительно симпатичный спутник Беренты, Ферентар из Амна, хрипло спросил:

- Берента, перед ликом Селуны, нашего свидетеля этой ночью... ответь же – ты выйдешь за меня, будешь ли предана мне до конца дней своих?

Амбрин сглотнула, с ожиданием глядя на наполовину скрытое в тени лицо девушки. Она чувствовала щекочущее пощипывание, и желание знать правду, что таилась за слащавыми словами, перевесило всё остальное. Она сконцентрировалась на щеколке предвидения.

Было весьма странно пытаться управлять этим, но она вовремя обуздала новую способность – вовремя, чтобы узнать, что Берента всю свою душу вложила в ответные слова:

- Я согласна... О, Ферентар, я согласна! Обещаешь ли и ты мне, в присутствии Селуны и всех богов, быть справедливым и честным со мной?

- Конечно, моя дорогая Берента, - нежно ответил молодой человек.

Холод, перехвативший дыхание, оставил ей беспомощно трястись. Сила предвидения явила ей – Ферентар хотел всего лишь быть лордом Мантаром, носить внушительный меховой плащ и тратить деньги на вино и танцовщиц. Ему не было дело до этой глупенькой тёлочки из Глубоководья, столь страстно уставившейся на него большими наивными глазёнками – о, она вполне мила, но...

Амбрин Хоквинтер хотела выкрикнуть предупреждение и навсегда оттолкнуть их друг от друга – но проклятое предвидение продолжало работать. Она увидела, как делает это, и как Берента смотрит на неё как на злейшего врага... и как день свадьбы все равно настанет, но потом лорд Ферентар Мантар пускает слухи на гуляньях в высокородных домах: «Амбрин Хоквинтер – распутная колдунья, пытавшаяся соблазнить меня, чтобы прибрать богатства Дома Мантар к своим рукам». Затем она увидела, как он удовлетворенно смеётся, сталкивая свою жену с погружённого в ночной мрак балкона, и поворачивается в гневе к Сокрытым Лордам с требованием арестовать Амбрин Хоквинтер – за магическое убийство леди

Беренты Мантар... и сразу же лицо Ферентара превратилось в лицо бабушки Тэшлы. Юная девушка услышала свой собственный крик:

- Хелбен! Лорд Хелбен! Помоги мне!

Сильные руки обхватили её, грубоватый голос Чёрного Посоха произнёс прямо в ухо:

- Я здесь, девочка – прочь, Ферентар, иначе я выверну выгребную яму, что у тебя на месте мозга, всему Глубоководью на обозрение! – я здесь.

Амбрин повернулась к спокойной силе этого голоса; она услышала яростный крик – это могла быть только Берента – и Фаэрун бешено закружился вокруг неё, погружаясь во тьму.

Она очнулась в Башне Чёрного Посоха, обнаружив перед собой заботливые руки Лазраль с кружкой дымящегося чая из лепестков роз. И с этого дня, и до того самого утра много лет спустя, когда боги решили, что Амбрин Хоквинтер пора покинуть земную обитель, Око Дракона никогда не покидало её груди.

Пустяк, но столько хлопот

Эта история рассказывает лишь об одном из тысяч и тысяч забавных небольших инцидентов в свободной жизни торговца Мирта Ростовщика из Глубоководья. В данном конкретном событии участвует еще одна известная фигура Королевств, и я должен воспользоваться возможностью и подчеркнуть, что конец рассказа повествует не о надвигающейся измене возлюбленной Мирта Аспер, а возможности хозяйке заполучить Мирта, чтобы он, будучи лордом Глубоководья, провернул для нее несколько отвратительных закулисных дел.

Рассказ «ПУСТЯК, НО СТОЛЬКО ХЛОПОТ», ранее напечатанный на страницах журнала DRAGON, происходит в Глубоководье вечером девятнадцатого дня Пламени в Году Посоха (1366 DR) и иллюстрирует довольно грубый характер мира и правосудия, царящих в шумном Городе Великолепия. Однажды Воло, прочитав предупреждение Хелбена Чёрного Посоха Арунсунa, лорда-мага Глубоководья, советуящее посетителям прекрасного города «не нарушать покой», гневно отозвался о подобном положении дел.

Воло возмутился: «Не нарушать покой? Каким образом? Если ты не такой могущественный архимаг, что, проходя мимо, народ дрожит, подобно выброшенным на берег медузам, то тебе в принципе трудно найти в Королевствах какой-либо мир, который можно нарушить! О мой мир, он разрывается от раздоров, а прекрасное Глубоководье – более смертельный уголок, чем большинство других. Остерегайтесь мудреных советов волшебников; их понимание реальности весьма поверхностное».

Когда дело доходит до понимания реальности – и сильного ее давления – толстые и стареющие ростовщики, конечно, намного лучше разбираются в таких понятиях, чем волшебники. Согласны?

Клуб Башня Авантюристов Матери Тешлы в настоящее время был самым уютным местом встречи «парней и девушек меч» во всем прекрасном городе Глубоководье. Его комнаты заполняли удобные старые стулья, в которых можно было утонуть, удобные столики, на которые можно было закинуть ноги в сапогах, а также хорошее вино, лучшее пиво и горячие бутерброды с маслом и беконом. Были даже угри в медовом соусе. Конечно же, все еще скользкие.

Было бы здорово снова увидеть Теши, спустя столько времени. Некоторый слишком щедрый маг из Долины Теней выбрал хорошее место для их встречи. Только если Хелбен не узнает об этом, пока они не закончат, все будет в порядке. Если же нет...

Мирт-Ростовщик пожал плечами. Обрушится бедствие. Он знал, что мало что сможет сделать, кроме безумных попыток убраться с его пути. Что бы ни случилось, он снова увидит Теши.

С улыбкой предвкушения на измученном лице Мирт Ростовщик взглянул на мягкие летние звезды, поманил фигуру в плаще и капюшоне, идущую следом за ним, и бросился в последнем, неуклюжем рывке на последний пролет лестницы Клуба.

У Клуба Башня Матери Тешлы был только один недостаток: он был в башне, а башни, как правило, требовали восхождения.

Сжимая кулаки в перчатках и постоянно покачиваясь, Мирт с хрипом забрался на лестничную площадку, и хватая ртом воздух прислонился к ее низкому парапету. Когда его ободранные усы больше не вздымались от одышки, толстый Старый Волк Глубоководья протянул один покрытый металлом палец, чтобы открыть крышку на двери перед ним, прокричал два слова в открывшуюся таким образом дыру и снова поманил своего последователя в капюшоне.

Затем он открыл дверь – и его приветствовал хор проклятий из внутренней темноты. Несколько мечей сверкнули, целясь в лицо!

Поэтому он перехватил их руками в перчатках и потянул с силой.

Их обладатели с испуганными криками перелетели через него, через парапет и стремительно полетели на свидание с дворовыми булыжниками внизу.

Не успели их крики затихнуть, как ледяной голос из глубины комнаты за дверью спросил:

– Зачем, Мирт, ты убиваешь гордых молодых дворян нашего прекрасного города? Заметь, они исправно платили за свои напитки – в отличие от некоторых толстых лордов, которых я могла бы перечислить!

– Я сказал пароль, Тешла, – немного застенчиво проворчал Мирт, – а потом, черт побери, они напали на меня!

При виде ее он был так же поражен, как и в первый раз два десятка лет назад. Она едва возвышалась над горделивым изгибом его живота, тонкий шомпол огненного духа. Ее кожа была молочно-белой, глаза щелкали черными лужами, а миниатюрная фигура привлекала внимание своей текучей грацией. На ней был

пурпурный шелк, который подчеркивал стройность и не оставлял ничего для вечно безудержного воображения Мирта. Его взгляд упал на ее украшенные драгоценностями туфли из золотой ткани, когда он вспомнил ночь, когда она была одета только в фиолетовый... и не так много фиолетового...

– «Ягодицы Бельдарры» уже как два лета перестало быть паролем, – еще холоднее сказала ему мать Тешла, подходя к двери. Встретившись с острыми черными точками ее глаз, когда они приблизились, Мирт начал понимать, что почувствовала одна из его свиней, когда мясник вошел на свинарник с ножом в руке и посмотрел в ее сторону.

Он открыл было рот, чтобы ответить, но все, что он произнес было шипящим, шуршащим звуком, наподобие тех, каким гигантский жук зовет своих детенышей.

Он мог вспомнить Теши с нежностью, но было ясно, что она не разделяет его теплые воспоминания. Женщины такие переменчивые...

– И это значит, что ты зря убил тех троих молодых дворян Глубоководья, – прорычала Тешла, – Дозор прибудет сюда менее чем за свечу. Мои благодарности, о лев среди авантюристов. Как ты собираешься исправить дело?

Мирт снова попытался заговорить.

– Вот незадача! – сердечно сказал он.

– Вот незадача – излюбленный комментарий, к которому лорды Глубоководья прибегают, когда сталкиваются с особенно яркими примерами собственной глупости.

Он попытался улыбнуться, но встретившись с ожидающим взглядом Тешлы, почувствовал как она исчезает с его подбородка. Тешла была женщиной, чей пристальный взгляд мог заставить атакующего дракона фыркнуть и уклониться.

Давным-давно они с Тешлой были любовниками, и он полагал, что они все еще старые друзья, но сейчас Мирт начал в этом сомневаться. Не говоря уже вообще о мудрости приезда сюда.

Он мрачно посмотрел вниз, во двор, и обнаружил, что там нет никого, кроме любопытного кота, который взглянул в ответ.

Стараясь не показать всей степени своего удивления, умудренный Лорд Глубоководья торжественно показал вниз на пустые – и незапятнанные – булыжники внизу.

– Никакого ущерба, Теши, – прогрохотал он. – Посмотри, и вуаля! Трое юных галантников улетели в постели своих возлюбленных с помощью небольшого заклинания, над которым мы экспериментируем – э-э, для безопасности Глубоководья, понимаешь. Они обнаружат несколько монет в своих ладонях за свои беды, когда очнутся, и все будет хорошо...

Тешла пронеслась мимо него, как разъяренная грозовая туча, выглянула через перила и пригнулась.

– Ну, я не знаю, как ты это сделал, – сказала она, подняв глаза примерно на уровень его пряжки на ремне. Ее глаза все еще горели, – Но на этот раз мне больше не нужны «экспериментальные заклинания» или убитые покровители. О, любовь моего прошлого. Ты можешь войти... ты и твой безмолвный друг.

Взглянув на безмолвную фигуру в капюшоне, она отвернулась к двери, а затем, когда вошла добавила через плечо:

– О, да, парольная фраза сейчас звучит так: «Идиот пришел, зовет». Понимаешь, ничего личного.

– Э-э, нет. Нет, конечно, нет, – от души пробормотал Мирт в пустой дверной проем. Затем он нетерпеливо поманил фигуру в капюшоне и вошел в Клуб Башня.

Тешла исчезла. Он стоял в комнате, в которой находилось несколько небритых мужчин с кислым видом. Все они приготовили оружие наизготовку, все смотрели на него, и никто из них не смотрел дружелюбно.

– Не думаешь ли ты сесть здесь, Старый Волк? – спросил человек с повязкой на глазу, криво улыбаясь, когда его любимая змея лениво скользнула вверх по руке. – Будь я на твоём месте, я бы подумал еще раз.

– А я бы держал язык за зубами, Боллард, – безмятежно пророкотал Мирт, небрежно засовывая правый ботинок глубоко в темную плоть под выступающим животом мужчины. – На твоём месте.

На Фаэруне есть заядлые авантюристы, которые могут смеяться в лицо катастрофы, весело улыбаясь быстрому приближению верной смерти, пожимать плечами и уходить от бедствия. Боллард не был одним из них.

Он за короткое время попытался отдышаться, чтобы закричать, но издал лишь своего рода свист. Бледный и изможденный, с толстым слоем прыщей, Боллард попытался снова и издал что-то вроде надтреснутого стога. Удовлетворившись этим звуком, Мирт посмотрел на остальных.

– У кого-нибудь есть еще что-нибудь умное, чтобы поделиться? – весело поинтересовалась Мирт, оглядывая комнату.

Никто не заговорил, и никто не смотрел ему в глаза. С громким фырканием самый суровый лорд Глубоководья прошел через комнату к дальней двери. Фигура в капюшоне молча последовала за ним.

Когда он открыл дверь, его не встретили никакие мечи, что почти разочаровало его. Почти.

Вместо этого он обнаружил лиловое мерцание в воздухе, которое он опознал как завесу тишины. Кроме того, молодая женщина, которая не успела сбросить так много одежды, прежде чем приступить к работе, танцевала перед одним столом. Перед столом, который был обозначен местом встречи, на которую он пришел. Перед столом, за которым неожиданно сидел один из его самых давних врагов.

Поистине, сегодня вечером боги, казалось, ухмылялись Мирту Ростовщику.

У Кабана Оргаза были холодные глаза, безжалостные манеры и два выступающих нижних зуба или клыка, которые стали причиной его прозвища. У него также было несколько десятков тысяч золотых монет из денег Мирта, быстрый корабль, который некоторые критики окрестили домом «самого грязного пирата Побережья Мечей», и арсенал личных заклинаний, которые спасали его от Старого Волка, и нескольких десятков других ростовщиков. Но прямо сейчас он сидел к нему спиной.

Мирт ухмыльнулся и, пытаясь украдкой скользнуть по комнате, двинулся вперед, словно большой каменный столб. Сияние волшебной завесы замерцало, когда он прошел сквозь нее, и Оргаз повернул голову.

Нож был уже в руке, Мирт натянуто улыбнулся и бросил. Лезвие пронеслось в воздухе и глубоко вонзилось, прижав руку Кабана к столу. Другая рука, метнулась к палочке, но Мирт отбросил ее вторым ножом.

– Хорошо встретил, старый скряга, – пророкотал Мирт, выступая вперед.

Оргаз посмотрел на него в ответ, выглядя таким ошеломленным, как рыцарь, который, чтобы ринуться вперед впился шпорами и зарычал на свою лошадь, – только для того, чтобы она повернула голову и спокойно сообщила ему, спасибо, но она сейчас не в настроении.

Танцующая девушка смотрела, как кинжал и палочка пронеслись мимо нее, перестала петь и вместо этого попыталась закричать – с мгновенным и выразительным результатом.

У Мирта как раз было время, чтобы сесть за стол рядом с Оргазом и забросить ноги на соседний свободный стул, прежде чем на шум, который производила девушка, вернулась в комнату Мать Тешла.

– Прекрати, – отрезала Тешла, тыкая костлявым пальцем в гибкий и голый живот девушки.

Девушка вздрогнула, но не прекратила кричать. Мирт поморщился. Ее крики доходили до нот, которые требовали быстрого выстрела из лука... или какого-нибудь бесстрашного авантюриста, который прекратил бы нарастающую какофонию сбросив ее с башни и разбив о землю. А потом отвез бы ее вниз к гавани и утопил в толще воды, пока Дозор не появится.

Тешла, судя по всему, тоже так подумала, и поэтому она ловко схватила скатерть, накинула ее на голову девушки и отодвинула тяжелый раскачивающийся стул. Девушка упала, внезапно замолчав.

– Мирт, если ты атаковал моих гостей... – угрожающе начала Тешла, опуская закутанную фигуру девушки на пол.

– Нет, нет, Теши. Я только что сел! Оргаз любезно поймал один из моих клинков, выпавших из ножен, когда я подошел, – заверил ее Мирт.

– Я уверена, – ответила Тешла тоном, которым благородная леди Глубоководья могла бы сказать слуге, что гигантский клещ, каким-то образом попал в ее салат.

Она взглянула на Оргазу – он все еще выглядел как труп, который плавал в гавани Глубоководья в течение нескольких душных дней, но, по крайней мере, это был труп, который попытался улыбнуться. Медленно.

– Когда вы закончите, не могли бы вы очистить мой стол от крови? – спросила она его.

Оргаз, который до сих пор ничего не мог сказать, продолжал это делать, но поспешно кивнул, глядя на Тешлу, затем через стол Мирту.

Уперев подбородок в волосатую руку, Мирт ласково улыбнулся. Ему снилось, как Оргаз беспомощно скользит по крутой и скользкой крыше башни замка, крича Мирту, чтобы тот бросил ему что-нибудь, – и Мирт кидает ему единственную переносную вещь в комнате: полный ночной горшок.

Оргаз проглотил волчью ухмылку Мирта, оглянулся на Тешлу и пролепетал:

– Возьми меня с собой. Вниз.

Внизу Тешла продавала маскировку и снаряжение нуждающимся искателям приключений. Она недоверчиво посмотрела на Кабана, затем встала, вырвала кинжал Мирта из руки пирата и схватила его за рукав. Воющего от боли, Оргаз выволокли из комнаты в мгновение ока.

Вытирая окровавленные кинжалы о скатерть, прикрывающую упавшую танцующую девушку, Мирт вздохнул и повернулся к фигуре в капюшоне.

– Слишком рано. Садись, парень. Эльминстер скоро будет здесь.

– Я уже здесь, – довольно раздражительно сказал стул, на котором сидел Оргаз, меняя свою форму. – На самом деле, достаточно давно, чтобы не дать трем молодым дворянам разбросать свои мозги по всему внутреннему двору. Если бы ты проложил более широкий путь через добрых граждан Глубоководья, Старый Волк, у тебя скоро не осталось бы никого, кто мог бы стать лордом!

– Без сомнения, без сомнения, – проворчал Мирт, – но на это сейчас нет времени. Не мог бы ты перенести лекцию и позаботиться о парне? – Он схватил фигуру в капюшоне за рукав и пробормотал: «Единство, Бергос».

Фигура послушно откинула капюшон и моргнула, глядя на самого могущественного мага Фаэруна. Эльминстер снова посмотрел на него и вздохнул. Рождение богатым и благородным не делает молодого человека красивым, вежливым или галантным, но молодой человек редко осознает это.

Глаза молодого Бергоса были выпучены и пристально смотрели, а его щеки были такими же красными, как угли ревающего очага.

Мирт взглянул на него и потянулся за ближайшим графином. Он был влюблен, конечно. Уже третий раз за это лето, когда Бергос Броссфезер влюбляется вечной, бессмертной любовью в молодую благородную даму Глубоководья. Эээ, или на этот раз это был молодой дворянин. А может леди.

– Он поражен, – проворчал Мирт. – Какой-то враг наложил на него заклинание, которое вызывает у него любовную тоску. Он влюбляется по уши в кого-то нового каждый раз, когда наступает новолуние. Мне нужно его вылечить. Политика. – Лорд Глубоководья задумчиво поднял графин. Всегда настаивающий на наказании, он посмотрел на себя в его отражающей глубине.

Броссфезеры были должны Мирту гораздо больше золотых монет, чем то, что глубоководная знать (обычно с белыми лицами, шеями и поджатыми губами) называла «тысячей тысяч». Если бы Бергос, подписавший долговые обязательства, не пришел в себя, Мирту пришлось бы взорвать Дом Броссфезер на куски, чтобы вернуть свои деньги. И это сделало бы его врагом почти всех благородных семей Глубоководья. Твас уже был его непростым сезоном; Мирту сейчас не хотелось наживать столько врагов.

– Кто это сейчас, Бергос? – тихо спросил Эльминстер, чуть шевеля пальцами.

Молодой дворянин замер, его широко раскрытые глаза видели кого-то не в комнате.

Старый маг кивнул, как будто он тоже мог видеть этого человека. Затем его лицо, казалось, растаяло и потекло, медленно растворяясь в чертах молодой женщины с сапфировыми глазами и искрящейся ухмылкой.

– Я делаю это для Глубоководья, – проворчал Эльминстер, когда Бергос бросился через стол, чтобы обнять свою недавно появившуюся возлюбленную. Из-под дождя поцелуев маг прокричал, – Ты мой должник, Мирт.

Зачарованным голосом, который мог слышать только старый торговец, великий маг добавил:

– Мне, вероятно, придется держать нас обоих в секрете и действовать как маленький злока в течение месяца или больше, чтобы вылечить его. Заклинание сильное; просто развеяв его, разум превратится в руины. Знаешь, какие великие дела я мог бы сделать за целый месяц?

– Подожди! – прокричал Старый Волк, когда волшебник и пылкий молодой дворянин начали исчезать. – Кто наложил приворот на Бергоса?

– Это сделала она, – ответил Эльминстер, указывая, прежде чем он полностью исчез.

Мирт повернулся, следуя за указательным пальцем Старого Мага.

Тешла стояла в дверном проеме, уперев руки в бедра. Она ярко улыбалась – выражение, которое часто принимают женщины, пытающиеся ускользнуть от вопросов своих близких.

– Привет, Старый Волк, – хрипло сказала она.

Мирт поспешно поднялся с графином в руке:

– Зачем, Теша?

– Наконец-то ты здесь, не так ли? – ответила она, и в ее глазах вспыхнуло знакомое пламя. Когда она скользнула вперед, напевая мелодию, которую он вспомнил, Мирт подумал, не оставил ли Эльминстер еще один портал, чтобы спасти его, если он выпрыгнет во двор...

– Нет, – сказал ему Тешла немного самодовольно, – Он этого не сделал. Он даже наложил на меня это заклинание, чтобы я могла читать твои мысли. Тебе больше не убежать от меня, Старый Волк. Садись.

– О, – слабо ответил Мирт. – Ну что ж...

И он сел.

Ухмыляющийся призрак Чертогов Тавертона

– Как видите, призрак – часть нашей семьи. Погибель Пэйтроверов. Мы бы не смогли изгнать его, даже если бы хотели.

Молодой лорд был в полном восторге – его голос был настолько чистым, что не уступал по элегантности любому барду. Бессмертный Грейрин, сенешаль Чертогов Тавертона, раздраженно провел рукой по своим серо-стальным волосам и отвернулся, с легкостью и тишиной растворившись в глубоком подлесе. Не по

нраву ему это выпячивание силы и роста, да и не мог он в своём положении быть замеченным восторгающимся от услышанного, пока они были в игре. А то, что ему приходилось обходить их телохранителей, скрывавшихся за каждым вторым деревом или кустом, было весьма нехорошо...

На дворе стояло позднее теплое лето Года Знамени... достаточно напряженное лето. Весь залитый солнцем сезон, три амбициозных благородных лорда, власть которых непрерывно росла, таскали своих дочерей вдоль и поперек всего королевства в поисках подходящих, а значит, с грустной улыбкой подумал Грейрин - богатых, мужей, и все ради своих Драгоценных Цветов Норфбанка - Фарроубрейса, Хантингдауна и Батлбара. Ох, на этих трех хорошо образованных дам было приятно смотреть даже старому солдату, но всё их путешествие было таким... продуманным. Неужели по венам благородных лордов вместо крови текло ледяное вино.

Иммулт задумчиво сплюнул на папоротник и обменялся холодными и ровными взглядами с еще одним телохранителем, чьи пальцы в перчатках ласкали рукоять кинжала на его поясе. Высокомерные комнатные собачки командовали им в саду, который он и защищал!

Высокомерные? Да вот только их хозяева были хуже. Пока они разъезжали по королевству, представляя своих дочерей сыновьям благородных домов всего Кормира, они проходили через ворота Чертогов Тавертона, по крайней мере, трижды, а возможно и больше. Это, может быть, самое старое и, одновременно, самое маленькое из великих поместий в Норфбанке, но для этих трёх лордов оно, должно быть, навсегда останется заведением с лучшей едой на праздники. Чертоги Тавертона были резиденцией лорда Эскульта Пэйтровера, барона Старватера и Конного Маршала Короны Кормира, голубейшая кровь среди всех благородных семей, что ныне были при дворе. Любая девушка, которая выйдет замуж за сына и наследника этой семьи, молодого лорда Кримона, дарует своему отцу высокое положение при дворе.

О да, очень высокое положение. Может, лорд Эскульт и любил придаваться ностальгии по своей славе, но его рука все еще подписывала приказы, дарующие титулы, а вместе с ними и деньги, различным дворянам, а так же распоряжения, по которым другие дворяне должны были содержать Пурпурных Драконов. Солдат нужно кормить, и так было всегда, а ко всему прочему они принесут в твой дом лишние подозрения и будут глазами трона, непрерывно наблюдающими за тобой. Так одна дворянка разбогатела, а кошельки другой опустели под тяжестью орав голодных солдат. Да, было много дворян, которые считали себя "старыми друзьями" лорда Эскульта. В праздничные дни через ворота Чертог Тавертона проходило много бочек с отличным вином. Иммулт облизнул губы, вспомнив особенный огненный херес из винодельни Роумантлов.

Другой телохранитель подозрительно посмотрел на него, но сенешаль пронесся мимо него, делая вид, что не заметил этого. Ба! Да пусть собачонки рычат, все равно скоро уберутся отсюда.

- И тем не менее, - убедительно сказал лорд Кримон, зная, что он привлёк внимание затаивших дыхание гостей, - призрак всегда появляется вновь. - Он одарил их призрачной полуулыбкой и изогнулся, жестами рук изображая разрушение стены плотно сложенных камней. Кольца на его пальцах ловили тёплый утренний свет и мерцали, подобно звёздам.

- Здесь, например, он выглядит как едва-видный образ на стене, независимо от того, как часто Пэйтроверы сносят эту стену и строят новую, - он снова широко махнул своей блестящей рукой над головой, пока три пары блестящих глаз следили за каждым его движением. - Повсюду в поместье люди видят порхающее ухмыляющееся лицо в шлеме с длинными перьями, - лорд снова улыбнулся им, зная, насколько красиво и богато он выглядел. - И это отпугивает моего отца от ухаживания за садом.

- И как это повлияло на вас, лорд Кримон? - Голос леди Шамрил Фарроубрейс был, скорее, тихим и хриплым мурлыканьем, звучащим почти как вызов. Ее большие темные глаза, внимательно смотрящие в глаза лорда, отражали, скорее, некое обещание, нежели вызов, поскольку пальцы одной из её тонких рук игриво бегали по блестящему жемчужному ожерелью, свисающему прямо над весьма откровенным лифом.

- Леди, - сказал ей молодой лорд с насмешливым упреком в голосе, - вы вынуждаете рассказать меня больше, чем необходимо знать порядочным благородным дамам.

Изящные брови трио Драгоценных Цветков вопросительно изогнулись.

- Потому что это нарушит игру, лорд? - спросила леди Латью Хантингдаун. - Вы стремитесь ослабить нашу забаву, или лишь забаву наших сиятельных отцов?

Леди Чалас Батлбар напряглась, и её глаза на мгновение вспыхнули, говоря о том, что она собиралась обидеться. Ее голова резко обернулась, чтобы посмотреть на своего отца, но она лишь увидела, что старшие лорды и их телохранители уже вышли в другую комнату. Остальные охранники осторожно расположились вне пределов слышимости обычного разговора, но в пределах досягаемости. Она расслабилась, повернулась к лорду Кримону, привлекательному негодяю, который выгодно отличался на фоне толстобрюхих или вялых наследников древних династий, и улыбнулась.

- Со своей стороны, - сказала она как бы между делом, - меня вообще не волнует, если мой лорд-отец умрёт от старости, заглядывая под каждый камень в Кормире в поисках "подходящего" для меня жениха. Я вообще не заинтересована в ухаживаниях на это прекрасное лето. А теперь... - Она деликатно опустила ресницы, приложила кончик одного длинного пальца с длинным ногтем к губам и медленно облизнула его.

- О, Чалас, чуть повежливей, пожалуйста, - выдохнула леди Шамрил. - У нас будет достаточно времени, чтобы посвятить его нашему милостивому хозяину, его отцу или, раз уж на то пошло, твоему, когда начнётся настоящий танец. Пока что я наслаждаюсь рассказом, который всяко лучше, чем бахвальство молодых лордов своими жеребцами-призёрами, их неуместных и неловких шуток о верховой езде, желания увидеть наши сёдла и всего подобного.

С отвращением она махнула рукой, и все три Цветка слились воедино в общих воспоминаниях, которые были достаточно сильны, чтобы снять напряжение, возникшее на лице леди Чалас из-за упрека Шамрил.

- Да, - согласилась леди Латью Хантингдаун, склоняясь вперед не с тягостной мукой, а с настоящим рвением, что она делала и раньше, чтобы выпятить свою внушительную грудь. - Наши отцы, возможно, охотятся за положением при дворе и золотом Пэйтроверов, но мы, а я думаю, что могу с уверенностью говорить за всех нас, не ищем себе мужей. Пока что.

Она поймала взгляды обеих дам, увидела их согласие и подтвердила его кивком, из-за чего её блестящие волосы упали на плечи... а затем резко отбросила учтивые манеры, и открыто обратилась к лорду Кримону:

- Кримон, расскажи нам побольше о своем "ухмыляющемся призраке". Мне нравятся хорошие страшные истории.

Молодой лорд, внезапно уставший от хвастовства своей семьи, будто он был в каком-то трофейном зале, пожал плечами.

- Я не придумываю истории о нём. Все, что я говорю – чистая правда, и есть кое-что еще, что я, пока что, не рассказал.

- Мы прошли долгий путь, лорд, - промурлыкала леди Шамрил. – Пожалуйста, произведите же на нас впечатление.

- Мы увидим ухмыляющегося призрака? - прямо спросила леди Латью с очень большими и темными глазами. Она наклонилась вперед подобно охотничьей собаке, жаждущая охоты, и лорд Кримон не мог не улыбнуться.

Снова придя в нужное расположения духа, если так можно было сказать, учитывая предмет обсуждения, лорд наклонился, почти коснувшись носа леди и, с блеском в глазах, сказал полупшепотом:

- Если в этом доме вы почувствуете, что кто-то смотрит на вас – обернитесь! Вы увидите пылающие глаза призрака, парящего у вас за спиной!

Две леди издали короткий крик испуга. Третья, Латью, не издала ни звука, но Кримон увидел, как дрожь пробежала по ее красивым плечам и рукам. Её темные глаза неотрывно смотрели на лорда, который лишь хмыкнул и продолжил:

- Он никогда не говорит ни слова и ничего не делает, а лишь следит за людьми, которые, завидев его, кричат и убегают, - молодой дворянин величественно дернул рукой, будто из последних сил взмахивая мечом. - Некоторые осмелились напасть на него или проткнуть насквозь. Все они говорят, что почувствовали ужасный холод... и испугались, когда улыбка соскальзывала с лица призрака подобно плащу с чьих-то плеч.

Лорд Кримон остановился, прислушиваясь к очередному всплеску испуганных стонов и продолжил:

- Когда он наблюдает за тобой, но не улыбается, то, говорят, это означает, что ты в смертельной опасности

Три дамы слегка рассмеялись, отвергая такое нелепое заявление - как дух мог знать о судьбах и бедах смертных? Однако хозяин не присоединился к их веселью, и оно угасло, когда дамы посмотрели ему в лицо.

Несмотря на то, что серые глаза Пэйтровера еще мгновение назад были темными и глубокими, теперь бились в безумном танце, когда их взгляд зацепился

за что-то, что было за спинами Драгоценных Цветов и что как водой смыло всю краску с лица лорда. Три дамы развернулись ... и присоединились к глубокой тишине.

Позади них, где-то в трех шагах, витала в воздухе бестелесная голова с острым и белым лицом, и слегка покачивающимися перьями, обрамляющими его. Взгляд лица был устремлен на лорда Кримона, а его выражение не выдавало абсолютно никаких эмоций, хотя, даже так, казалось каким-то мрачным и опечаленным. Внезапно, голова начала исчезать, медленно превращаясь в пятно солнечного света, после чего в мягкую тень и в итоге... в ничто.

Когда вечерние тени удлиннились, и дворяне вышли с веселого пира с кубками в руках, чтобы прогуляться по саду, молчаливые слуги ловко зажгли уличные фонари. Лорд Эскульт был в редком хорошем настроении и чувствовал, что его остроумие было таким же резким и ловким, как и двадцать лет назад, а его гости прибывали в таком же хорошем расположении духа из-за отличной еды, хорошего вина и успешных торговых переговоров. Даже если они не смогли породниться с молодым Пэйтровером, казалось, что они обрели верного друга в лице старого Конного Маршала.

- Необычно! – прогремел лорд Белофар Батлбар, своим тяжелым дыханием поднимая усы над губами. - Лабиринт, но только по колену!

- Гордость моей дорогой покойной жены, - сказал лорд Эскульт, шагая по травянистой тропинке так, что весь Кормир видел гордость маршала. - Она хотела себе лабиринт, как...нет, даже лучше, чем тот, который она увидела в Селгонте, но она не хотела заблудиться в нём. Однажды вечером солнце село слишком быстро, и она не смогла найти выход до наступления темноты. Вот тогда она испугалась по-настоящему, но потом нашла несколько лампад, которые вывели её к сараю, где она взяла косу и, с отдышкой наездника после изнуряющей поездки, принялась за работу. Она заснула где-то перед рассветом, и я отнёс ее внутрь дома, приказав слугам продолжить то, что она начала – и вот результат. Никто больше никогда не потеряется в Лабиринте Маэридиты!

- Боги, - восхищенно воскликнул лорд Хорнсар Фарроубрейс, - что за сказка! Ах, какая женщина! Я прямо-таки вижу её, с горящими глазами...

- Да, - сказал хозяин, оборачиваясь, - они всегда горели. Как они горели! Ох, она была великолепна!

Следуя в тени высокого лорда Корграста Хантингдауна, его дочь, леди Латью, закатила глаза к темнеющим небесам. Лорд Кримон похлопал ее по руке и улыбнулся. Когда она поняла, кто ее успокаивает, то её дыхание оборвалось от ужаса, вызванного тем, что даже неумышленно она представляла его мертвую мать, но молодой лорд лишь весело и пренебрежительно отмахнулся, а вся компания зашла в лабиринт.

Извилистая спираль низкорослого шиповника целиком заполнила собой затопленный квадрат густого зеленого газона, окруженного со всех сторон

склонами, поросшими цветами и увенчанными зелеными деревьями. За деревьями возвышалась каменная стена с четырьмя проходами, в центре каждого была лестница, уходящая в лабиринт. Среди цветов стояли скамейки и статуи, некоторые из них были украшены лампами, но в самом лабиринте их уже не было.

- Это прекрасно, - пробормотала леди Чалас. - Ты когда-нибудь играл здесь, Кримон?

Ответа не последовало. Она обернулась, чтобы посмотреть на то, что могло помешать лорду говорить, и увидела его в двадцати шагах от себя, с графином и кубком в руках, которые он снял с подноса, что нёс один из слуг.

- Когда он захочет, то может двигаться быстро – прокомментировала леди Шамрил.

- Хммм, но не так быстро, как хочу я, - ответила она, кивнув головой в сторону четырёх старших лордов.

- Ну, если бы я управлял Кормиром... - сказал лорд Фарроубрейс, явно не осознавая того факта, что дворянство королевства произносило эту фразу даже чаще, чем опускающийся по социальной лестнице придворный обсуждал погоду. Перебив лорда Хантингдауна и хозяина дома, он резко размахивал графином, почти таким же большим, как их головы, иллюстрируя то, как они, ища снисхождения Эскульта, хотели получить власть, и управлять Кормиром, но не много не так, а еще так и так...

- Боги, - пробормотала Шамрил, - давай уйдем отсюда! Сейчас они начнут говорить о том, какие благородные дома должны возвеличиться, а какие пасть, о том, кто следующим сядет на королевский трон...

- Это наводит на мысль о серьезном вопросе про будущее прекрасного Кормира, - произнес лорд Батлбар. - Кто из нас поднимется, а кто падет, если Азун, да сохранят Боги нашего короля, завтра умрёт?

Трио Цветов в унисон застонали, после чего Шамрил в отвращении развела руками, изображая жест "я же тебе говорила" и сказала:

- Должны ли мы последовать примеру Кримона? - прошипела она. - Они будут здесь всю ночь – вина-то достаточно! Я...

- Нет, - сказала леди Латью с опасной улыбкой, положив руку на руку Шамрил. - Не уходи сейчас! Мы заключили пари, помнишь? Я хочу видеть лица наших отцов, когда мы будем показывать себя не Кримону, а его отцу! Что же они подумают? В конце концов, барон, в роли зятя, хотя и слишком взрослого, чтобы продолжить род, даст им куда более высокое положение при дворе, да и деньги попадут к ним в карманы куда быстрее...если только могила не заберет старого лорда, а все наследство перейдёт молодому Кримону.

- Ставка была на самый смелый способ украсть поцелуй старого Эскульта, - нахмурившись напомнила ей Чалас. - Я не хочу перечить своему отцу. Он с меня шкуру сдерет, если я осмелюсь...

- Для наших отцов это лучший вариант! - выпалила Шамрил с внезапным энтузиазмом. - Дамы, повторяйте за мной! - Она прошла сквозь лабиринт, подхватив свое платье, дабы беззаботно перешагнуть через стены шипованных кустов и догнать четырех лордов. Чалас и Латью смотрели на ее продвижение со смесью опасения, благоговения и восторга.

- Она действительно собирается сделать это, - произнесла Латью так тихо, будто произнесла пророчество, что вот-вот обрушится на них. - О Боги.

Тёмная ночь, наконец, наступила, однако фонари давали достаточно света, чтобы можно было разглядеть то, что происходило в центре лабиринта. Они увидели, как Шамрил прошла мимо лорда Батлбара и собственного отца, проскользнув под подмышкой лорда Хантингдауна. Латью взорвалась удушающим хихиканьем от вида испуганного удивления на лице своего отца, увидевшего проскочившую под его вялой рукой молодую даму, одетую в очень тонкое зеленое шелковое платье идвигающуюся к Эскульту Пэйтроверу.

Барон Старватер посмеялся над действиями Шамрил и протянул ей руку с преувеличенной галантностью. Вместо того чтобы подать руку в ответ, молодая леди Шамрил увернулась от вытянутой руки лорда и прижалась к нему, из-за чего кружевной вырез обтянул её грудь а бедро прижалось к бедру старого дворянина. Лорд Эскульт выглядел удивленным, но довольным. Его зубы вспыхнули в улыбке, когда девушка подняла губы в очевидном требовании поцелуя, и он наклонился над ней с такой готовностью, будто был молодым пылающим дамским угодником, а не старым бароном.

Чалас прикусила костяшку на руке, чтобы не закричать от восторга, пока Шамрил раскрыла рот на дюйм или два шире, чем обычно, игнорируя воззвание к Богам, которые выпалил её отец. Латью покачала головой, пробормотав:

- Кримон должен увидеть это. В жилах его отца все еще течет немного огня...

Мягкий вечерний воздух разразился эхом от резко звука, сопровождаемого ядовитым шипением арбалетного болта, рвущего воздух в полете в сторону новоявленных любовников. Казалось, он выпрыгнул из мрачной темноты подобно вспышке черной молнии, пронзив старого лорда и молодую игривую леди.

Болт, пронзивший горло Шамрил, выбил из него поток крови. Её волосы танцевали вокруг головы, крутящейся в неконтролируемом падении. Цветок дома Фарроубрейс издала булькающий звук – последний звук, в своей жизни, с грохотом пронёсшийся по саду, после чего её вялое и окровавленное тело вырвалось из хватки лорда и растянулось на кусте терновника.

Эскульт на мгновение уставился на свои собственные пустые руки, ослепленный разбрызганной повсюду яркой кровью, а затем схватился за грудь, издал странный звук – смесь рёва и плача, и медленно, подобно срубленному дереву, упал и уткнулся лицом в землю.

Перед тем как начались крики, повисло мгновение тишины и мертвецкого спокойствия. Не сговариваясь, все присутствующие разом обернулись туда, откуда должен был вылететь смертельный снаряд, и крики ужаса были будто отрезаны острым клинком. Тишина ошеломления вновь повисла над садом.

Над безлюдным участком садовой стены, на которую смотрели все собравшиеся, можно было увидеть голову. Выражение её лица выглядело так, будто она поднялась из-за стены только для того, чтобы с улыбкой удовлетворения посмотреть на резню внизу. На бледном лице показались белые и жесткие зубы, светящиеся под темным шлемом, надетом на голову. Ухмыляющийся Призрак Чертогов Тавертон снова улыбнулся.

Голова, висятая над садовой стеной, улыбалась им в течение двух долгих и дрожащих вдохов Латью, прежде чем внезапно упала вниз за стену. Как по сигналу, собравшиеся дворяне бросились к выходу из сада. Раздался рев, а затем слуги и телохранители бросились к стене, обнажая свои мечи, до сих пор свисающие с поясов. Даже Лорд Батлбар, стоящий посреди лабиринта, сорвал с пояса кинжал и с грохотом побежал сквозь кусты терновника.

Чалас и Латью, с побледневшими лицами могли лишь стоять как вкопанные и молча смотреть на суматоху. Какой бы яростной и резкой не была реакция стражей, когда они поднялись на садовую стену, для Шамрил было уже слишком поздно. Выражение дерзости навсегда застыло на её лице. Для лорда Эскульта Пэйтровера тоже могло быть слишком поздно.

Чалас беззвучно опустилась на колени, уставившись на два тела, окруженных подоспевшими слугами, а Латью громко зарыдала и резко обернулась, бросившись вслед за телохранителями. Болт вылетел именно оттуда, где они увидели призрака, и...

Задышавшись, она бросилась вверх по лестнице, прочь из затопленного сада, и, повернув голову в спешке, чуть не упала вниз. Рука в нарядном камзоле схватила девушку за локоть, чтобы остановить, и Латью остановилась, после чего всхлипнула и успокоилась.

Вокруг не было никаких признаков Ухмыляющегося Призрака Чертогов Тавертона. Группа мрачных людей со стальными мечами в руках собралась вокруг того места, откуда был выпущен смертоносный снаряд. Арбалет был привязан к поясу молодого лорда Кримона Пэйтровера. В другой руке он держал блестящий от света фонарей меч. Его белое лицо не выражало эмоций, а глаза смотрели сквозь Латью, будто она была невидимкой.

- Все, кого я любил... покинули меня, - выпалил он и упал на лицо быстрее, чем грубые руки, выхватившие у него оружие, скрутили конечности молодого лорда. Когда половина Фаэруна обрушилась на молодого лорда, Латью почувствовала внутри себя такую глубокую тьму, что ни одна ночь не могла сравниться с ней. Все, что могла сделать девушка, это лишь закрыть свои глаза руками.

- Кто угодно может сказать, что имеет дело с лордом Пэйтровером. Чтобы попасть сюда, многие нищие и старые солдаты говорили это. Вы можете быть его другом или тайным деловым партнером... но я вас не знаю.

Голос старого сенешаля был холодным, его взгляд был таким же морозным, как метель, воющая над Каменными Землями, но человек, сидящий на другом конце стола, лишь улыбнулся лёгкой приветливой улыбкой и сказал:

- Я тоже не знаю тебя, дорогой друг, но это ведь никогда не было препятствием для людей с добрыми намерениями, да? Вы выглядите как Пурпурный Дракон в отставке, и я уважаю всех, кто боролся за безопасность нашей страны. Могу ли я узнать ваше имя?

- Грейрин, - коротко ответил толстобровый мужчина, сидящий на противоположном конце стола. - Сенешаль Чертогов Тавертона.

Толстяк с мохнатыми бакенбардами прыгнул со своего места, чтобы протянуть руку своему собеседнику в таком открытом жесте приветствия, как если бы он был хозяином, а не гостем.

- Гларастир Раулиган, продавец башен и шпилей, - произнес он. - Нет слишком маленьких зубцов, слишком больших амбразур, слишком эксцентричных парапетов. Если вы можете нарисовать это, то я могу построить это! Я ушел от суеты Сюзейла, отвернувшись от настойчивых баронов и страстных рыцарей, чтобы провести назначенную встречу с лордом Эскультом Пэйтровером. - Он властно дёрнул рукой, которую Грейрин упорно игнорировал, и твердо добавил:

- У меня назначена встреча.

- Вы видели чёрное знамя? - спросил сенешаль мрачным и неохотным тоном. Раулиган пожал плечами.

- Нет, но что это значит?

Грейрин холодно сказал:

- Мой господин лежит мертвым в семейном склепе и больше не сможет ни с кем встретиться. Доброго дня, торговец.

Толстяк в шелках и мехах сделал еще один властный жест рукой, на этот раз поспешнее.

- Тогда я бы хотел видеть его сына, - нетерпеливо сказал Раулиган, - молодой красавец, от блистательности которого половина женщин Кормира падает в обморок, а остальные взволнованно вздыхают, лишь завидев его! Теперь он будет лордом Пэйтровером, верно?

- Если он будет жить, то может и получит какой-нибудь титул, - ответил Грейрин тоном палача, который почти был заглушен гулом охотничьего рога, раздавшегося из-за ворот.

Сразу же вслед за гулом, Грейрин поднялся из-за стола и потянулся к своему плащу.

- Вы должны извинить меня – должно быть, это Боевой Маг, посланный из Сюзейла для того, чтобы узреть судьбу лорда Кримона.

Ухоженные руки дворянина мерцали на дверях кареты даже сквозь плотный налёт дорожной пыли. Раулиган насчитал в упряжке не менее шестнадцати черных лошадей, нетерпеливо топающих и дёргающих головами, пока открывалась царственная дверь кареты, и мужчина в пышных одеждах, вышедший из неё, не остановился.

Слуга с охотничьим рогом издал слишком громкий, разносящийся эхом по окрестностям гул, и новоприбывший не потрудился скрыть своё вздрагивание и хмурый взгляд. Он вытянул левую руку, сжав кулак и показывая кольцо уже склонившемуся сенешалю, после чего щёлкнул пальцами.

В ответ на этот сигнал слуга, торопливо выскользнувший из кареты, торжественно заявил:

- Приветствуйте Лорда Джалануса Уестерботама, Скипетр Правосудия, Лорда Драгонфанга, прибывшего к правителям Норфбанка, Старватера и Западного побережья!

Фигура в пышных фиолетовых одеждах слегка склонила голову, тем самым холодно поприветствовав трёх лордов, стоящих на отдалении, после чего пронеслась мимо них и их дочерей, проигнорировала Раулигана и поспешно выстроенных в шеренгу слуг и направилась главному входу в Чертоги Тавертона, увенчанному колоннами. Сенешаль практически бежал, чтобы не отставать от гостя, попутно придерживая церемониальный меч, болтающийся на поясе. Раулиган весело улыбнулся задыхающемуся Грейрину, который одарил торговца лишь хмурым взглядом.

- Господин Джаланус! – прерывисто прокричал сенешаль, пытаясь улыбнуться: - Добро пожаловать в Чертоги Тавертона. Печальный случай привёл вас сюда, но я уверен, что ваше пребывание здесь...

- Где моя комната? – Потребовал Боевой Маг тоном, который Раулиган быстро (и в частном порядке) окрестил «холодным аристократическим».

- Ах, мы приготовили для вас герцогское крыло, милорд, - сказал Грейрин, махая рукой в сторону центрального коридора. – Идите вперед до двери, у которой ждут слуги.

- Сначала я проверю пригодность комнаты и слуг, - сказал лорд Джаланус голосом, который сумел объединить в равной степени раздражение от необходимости иметь дело с дураками и мрачным предвкушением грядущих трудностей и разочарований. Он вытащил из пояса тонкую блестящую черную палочку и пошёл по коридору.

Его слуги устремились вслед за ним, толкая Гларастаира Раулигана с обеих сторон. Торговец пошатнулся сначала влево, затем вправо, а когда устал получать синяки, то шагнул вперед, ногой оттолкнув высокого слугу, упавшего на пол. Посреди царящего хаоса торговец ловко выхватил пару сумок и присоединился к общему потоку,двигающемуся по коридору. Вслед ему вылетел крик, а когда Раулиган повернулся, чтобы войти в герцогское крыло, чья-то рука жестко схватила его.

- Эй ты...

- Ну давай, дружище, - величественно сказал Раулиган, - сделай себя полезным. С прибытием лорда Уэтерботома из его короткой дороги из Сюзейла, конца и края нет этой суматохе. Возьми хотя бы одну сумку и помоги мне!

- Вы...

Из темноты появилось ослепленное яростью лицо Грейрина, через его плечо которого выглядывал лорд Джаланус, на чьем лице боролись за превосходство скука и презрение.

- Торговец! - отрезал сенешаль. – Отдай сумки сейчас же! Если ты не покинешь Чертоги Тавертона до того, как наш высокочтимый гость заселится, то я выгоню тебя отсюда кнутами. Ты услышал меня?!

- Как и весь южный Кормир - мягко пробормотал Раулиган, протягивая руки и опуская обе сумки на полированные кончики лучших сапог сенешаля. - Но услышать, боюсь, не всегда значит исполнить.

- Именно, и это непосредственно касается слуг этого места, - ухмыльнулся Боевой Маг, когда Иммулт Грейрин издал сдавленный вопль и наклонился, чтобы схватиться за пальцы ног.

Раулиган широко улыбнулся.

- Это не то, что Ванги... конечно же, я имел ввиду - лорд Вангердагаст, всегда жалуется мне. Зачем...

- Стража! - взревел Грейрин. - Арестуйте этого человека! Он...

- Когда все будет улажено и суматоха стихнет, я бы хотел получить назначенную встречу с лордом Пэйтровером, - сказал Раулиган, быстро отступая назад к стене, услышав тяжёлый топот звенящих сапог, несущихся по коридору. - Я должен присутствовать, когда Уэтерботом проверит все улики и с помощью магии возьмёт интервью у моего будущего клиента.

- А?

Боевой Маг вытянул властную руку, чтобы заставить Грейрина замолчать и оттолкнуть его в сторону. Когда он подошёл и уткнулся в толстый нос торговца, медленно поднимая другую руку, украшенную декоративными кольцами и жестом останавливая подоспевшую стражу, тон его голоса был мягким и шелковистым.

- По какому праву вы смеее настаивать на всем вышеперечисленном?

Гларастир Раулиган легко улыбнулся и засунул руку во внутрь расстёгнутого жилета.

- Прежде чем сделать что-то опрометчивое, - быстро добавил лорд Джаланус, - я должен напомнить вам, что в Кормире есть законы, и я, Уэтерботом я или нет, поклялся защищать их. Мне не требуется проводить расследование, чтобы назначить финальный, фатальный, приговор. - Одно из колец на его руке предупреждающе вспыхнуло.

- У вас, должно быть, тревожный сон, - ответил Раулиган с нежной жалостью в голосе, медленно вытаскивая что-то маленькое и серебристое, свисающее с цепочки, и держа его в руке так, чтобы вещь могли видеть только маг и сенешаль. Это была округлая серебряная арфа - знак Арфиста. - Я также приехал сюда из Сюзейла, - тихо сказал им торговец, наклонившись вперед, чтобы перейти на громкий шепот, - и меня послал некто с очень высоким положением при дворе.

Глаза Боевого Мага вспыхнули, и он обернулся с сердитым блеском в них.

- Разрешите ему присутствовать при расследовании, - бросил он сенешалю, а затем снова повернулся, чтобы коротко добавить, глядя на Раулигана:

- Не советую вам часто переходить мне дорогу. Я разрешаю присутствовать вам при допросах и расследовании, но вы должны сохранять молчание. Вам ясно?

Раулиган развел руками.

- Ваши слова - это всегда ясность и простота.

Лорд Джаланус долго смотрел на него, а когда почувствовал, что торговец ничего больше не скажет, то снова развернулся на каблуках, не сказав ни слова. Торговец смерил спину лорда гротескно высокомерным взглядом придворного, из-за чего один из слуг хихикнул. Голова Грейрина резко поднялась, и сенешаль

осмотрел слуг, выискивая невежу, кем бы он ни был. Это точно был кто-то из личных слуг мага, а не обслуги Чертогов Тавертона.

Раулиган нежно улыбнулся сенешалю.

- Кажется, лорду Уэтерботому нужно все герцогское крыло, а раз так, то не могли бы вы открыть для меня королевское?

Руки сенешала поднялись, словно дрожащие когти, и потянулись к горлу Раулигана, прежде чем он осмотрительно их успокоил. Послышались новые смешки, и на этот раз некоторые из них исходили от местных слуг.

- Кажется, это не самый удачный день для сенешаля, не так ли? – Громко заметил Раулиган, развернувшись и шагая по коридору в сторону королевского крыла.

- Но это точно сделал он! - запротестовал Грейрин. - Мы все видели, как он держал лук! Тетива еще дрожала, когда мы схватили его!

- Мои заклинания, - холодно сказал лорд Джаланус, - не могут врать. Лорд Кримон невиновен.

- Я..., я понимаю, - поспешно сказал сенешаль. - Я и не сомневаюсь в ваших способностях! Это просто так...удивительно. Кто же тогда сделал это?

- Болиф, - отрезал Боевой Маг, поворачиваясь к большому, как гора Пурпурному Дракону, который всегда стоял за спиной мага, - немедленно закрой ворота. Сообщи стражам, что я хочу, чтобы это поместье было опечатано. Сенешаль, напряги свои воспоминания и скажи – был ли хоть кто-то, кто покинул Чертоги Тавертона после убийства лорда? – Он поднялся со стула, тряся золотыми и пурпурными бархатными одеждами – третьим нарядом, что он сменил за день.

- Я... ну, конечно, - пролепетал Грейрин. – Но их не должно быть много. У нас здесь не как в Долинах, где Эльминстер может уходить и приходить, когда пожелает, будто какая-то ночная летучая мышь!

Позади них, края манекена в доспехах, стоящего в углу, на мгновение будто размылись. Раулиган увидел, что манекен превратился в бородатого мужчину в богатой одежде, который махнул торговцу рукой и подмигнул. Раулиган подмигнул в ответ, как раз перед тем, как доспехи снова стали просто доспехами.

Не обращая внимания на это посещение, сенешаль что-то бормотал, потрясенный мыслью о невиновности молодого лорда. Теперь это само по себе было интересно... А это уже было интересно...

- Лорд-судья, - прервал Грейрин, - куда вы?

- Допрашивать тела, разумеется, - отрезал Боевой Маг, вытаскивая из-под плаща палочку длиной в три фута, которая, казалось, была полностью сделана из полированных и сросшихся человеческих фаланг. - Они редко рассказывают что-то ценное, но выбора...

- ... все мы рабы нашего выбора, - мягко сказал Раулиган глядя в потолок, закончив фразу мага. Джаланус на мгновение остановился в дверях, а затем ловко выскочил из комнаты.

- Я отвечу лишь своему лорду, - коротко сказал старик, - не вам.

Лорд Джаланус выпрямился, его глаза блеснули, а нос задрожал от ярости, и маг выпалил:

- Червяк, ты хоть знаешь, кто я?

Главный садовник задумчиво сплюнул на землю перед магом, переместил то, что он жевал, за другую щеку и сказал:

- Да. Вы – жалкое оправдание Кормира, в котором не осталось достойных Боевых Магов. Во времена моей молодости вас не пускали за порог королевского двора, если я все правильно помню. Тогда я охранял ворота королевского замка и помню, как в него входили куда более достойные люди, нежели вы. - Садовник повернулся на одних каблуках и вышел из комнаты, оставляя лорда-судью дрожать от переполняющей его ярости.

- Закуйте этого человека в цепи! – завывал Джаланус, как только снова освоил речь. Два Пурпурных Дракона послушно двинулись вдоль стен, но тут неловко остановились, когда толстый торговец с нескрываемой ленью встал в дверях и закрыл собой дверной проём... одна его рука лежала на рукоятки меча, которого раньше никто не замечал. Судя по хватке, мужчина умел управляться своим оружием.

- Уважаемый лорд говорил с пустым преувеличением, - сказал Раулиган солдатам, - и не думал, что вы можете воспринять его слова буквально. Он хорошо знает, что тюремное заключение ветерана Пурпурных Драконов и одного из самых близких друзей короля еще с тех пор, когда Азун был мальчиком, только за то, что тот настаивал на вежливом допросе - было бы чрезмерным наказанием. Когда весть о таком серьезном невежестве достигла бы ушей Вангердагаста, даже Скипетру Правосудия пришлось бы поспешить объяснить свои действия ... и никакая поспешность не спасла бы его, если сам король узнал бы об этом. В конце концов, что может быть ценнее для королевства, чем верный Пурпурный Дракон ветеран? Думаю, вы знаете ответ на этот вопрос куда лучше многих, а, господи?

Пурпурные Драконы кивнули. Один почти улыбался, когда они медленно повернулись, чтобы оглянуться на своего дрожащего командира. Его руки побелели, когда он схватился за спинку стула, за которым стоял, а холодным, трясущимся и острым, как клинок, тоном он пробормотал:

- Дорогой Раулиган прав. Я говорил гиперболизировано.

Стражи молча кивнули и заняли свои места у стен. Лорд-судья на мгновение посмотрел на листы пергамента на столе, его взгляд вспыхнул и он сказал:

- Приведите мне кладовщика. Одного. - Он поднял голову и одобрительно посмотрел на Раулигана взглядом, обещающий торговцу медленную, долгую смерть в ближайшем времени.

Торговец башнями лишь одарил лорда-судью веселой улыбкой.

- Требуется сильный, буквально исключительный человек, чтобы выдержать напряжение поддержки всех этих заклинаний правды. Вы даёте нам повод

гордиться вами, лорд Джаланус. Я прекрасно понимаю, почему Ванги сделал вас Скипетром Правосудия.

- Замолчите, - с отвращением сказал маг. – Прекратите эти издевательства.

- Но я говорю правду! - запротестовал Раулиган. – Разве вы не узнали от садовника все, что было нужно, хотя он все еще думает, что ничего не сказал нам? Тяжелая работа и выполнена она прекрасно. Но Ванги забыл вам сказать одну важную вещь: никогда не используйте команды, типа “закуйте его в цепи!” или “выпорите эту девку!”. Они не работают, понимаете? Особенно плохо это звучит от представителей молодого поколения. Ну, знаете, того. К которому относит вас садовник.

Джаланус в знак согласия устало махнул рукой, и некое движение в дверях ознаменовало прибытие кладовщика. Человек был похож на старого испуганного кролика. Вокруг него возвышалась четверка ухмыляющихся охранников, которые не скрывали своего наслаждения страхом мужчины. Боевой Маг посмотрел сначала на стражей, а затем на Раулигана. Лорд-судья прочистил горло и тихим голосом спросил:

- Ренстер, не так ли? Пожалуйста, сядьте и успокойтесь. Никто ни в чем вас не обвиняет...

Толстый кладовщик прислонился к стене и удовлетворенно кивнул. Возможно, Боевой Маг только что научился чему-то.

Раулиган выскользнул из комнаты для допросов, когда в него ввели двенадцатого допрашиваемого - кастеляна хранилища, угрюмого, крепкого человечка. Торговец чувствовал удовлетворенный взгляд лорда-судьи на своих лопатках, когда он проскользнул через дверной проем, прошел мимо подозрительного охранника и шагнул рядом с одиннадцатым «гостем» Боевого Мага - писарем поместья.

Писарь – молодой человек и с глубокими глазами, чье лицо было избито усталостью и страхом - бросил взгляд на шедшего рядом торговца и пробормотал:

- Этот напыщенный павлин и так измотал меня, что еще?

- Стандартная процедура - уверенно сказал Раулиган, поворачиваясь к человеку.

- Мы должны дать магам сделать что-нибудь, потому что в противном случае они склонны попадать в неприятности – призывать монстров и все в таком духе. Проблема в том, что они не очень подходят для этой работы, так что... - торговец указал на выход, и писарь легонько улыбнулся, свернув в боковой коридор. Раулиган последовал за ним.

- Где хранятся личные бумаги лорда Эскульта?

- Вы имеете в виду его завешание? – спросил чтец пренебрежительно. - Сенешаль забрал его еще до того, как сюда прибыл лорд-Всесильный. Три приглашенных лорда хотели...

- Да, да, - прервал его Раулиган, - но откуда сенешаль взял его?

Писарь остановился и подозрительно посмотрел на торговца башнями.

- Если вы хотите найти золото, то забудьте об этом. Кладовщик спрятал его в хранилищах настолько загадочным образом, что открыть его могут лишь три стражника, каждый из которых имеет при себе часть ключа или что-то типа того.

- Речь не о золоте, - сказал Раулиган. - Я говорю о соглашениях, бухгалтерских книгах, налоговых списках. То, что было твоей сферой ответственности.

Писарь пристально посмотрел на него и пожал плечами.

- Из уст большинства это звучало бы слишком сухо, но вы, кажется, один из тех редких людей, кому не все равно на окружающих. Все бумаги тут, в хранилище.

- И у тебя есть ключ. А у кого еще?

- Ну, один висел на шее лорда, и я видел его там, когда он лежал мертвым в саду. Еще он есть у горничной, у сенешаля. Конечно же, у уборщицы, которая прибирается там, ну и у налогового инспектора, посылаемого из Сюзейла.

- Я, - сказал ему Раулиган, - я и есть налоговый инспектор. Здесь я несую волю короля. Прочти это и прими к сведению. - Засунув руку под жилет, он вытащил смятый пергамент, с которого свисала тяжелая королевская печать. Писарь закатил глаза и отмахнулся от листка еще до того, как три кусочка платины выпали из бумажки на ладонь торговца.

- Я прибыл в Чертоги Тавертона, - мягко сказал Раулиган, пока мужчина удивленно перекладывал монеты из руки в руку, - без этого ключа. Мне нужно увидеть эти бумаги. Сейчас. И в строжайшей секретности. - Писарь остановился и взглянул на торговца почти взволнованным взглядом.

- То есть, если я никому не скажу, что позволю вам войти, то вы сделаете то же самое? - спросил писарь, всматриваясь в коридор и осматривая его, будто ожидая. Что люди в масках, плащах и с кривыми кинжалами набросятся на него из-за каждого угла в одно мгновение.

- Именно, - пробормотал Раулиган. Мужчины в масках не появились. На лице удовлетворённого писаря мелькнула улыбка и он стряхнул с руки широкое кольцо с ключами, после чего, с едва слышным щелчком открыл ближайшую дверь. Затем он развернулся и в полудрёме пошёл дальше по коридору, будто странные торговцы и открытые двери совершенно его не касались.

Раулиган широко распахнул дверь, поднял монету и пробормотал слово над ней. Мягкое свечение появилось по её краям, превращаясь в маленький сине-белый лучик, напоминающий лунный блеск. Торговец повернул монету, осветив комнату и осмотрев её на предмет скрытых ловушек.

После долгого изучения, Раулиган убедился в том, что в комнате его не ждали ни смертельные ловушки, ни скрывшиеся убийцы. Была лишь масляная лампа, засов на двери и ударник. Отлично.

Дверь за торговцем закрылась, и ее засов прочно встал на место за несколько вдохов до того, как топот тяжелых ботинок в коридоре известил Раулигана о приближении полудюжины стражников, посланных, дабы найти и вернуть «этого опасного Арфиста». Они прогремели прямо за закрытой дверью.

Раулиган пролистал и просмотрел свитки и бухгалтерские книги. Почти сразу же, из всего написанного, стало очевидно, что сундуки переполнялись от поступающих денежных средств. Но сейчас сундуки Пэйтровых были почти

пустыми. Торговец задумчиво откинулся назад, поглаживая подбородок, и постепенно осознал, что комната позади него казалась ярче, чем была прежде.

Он ловко обернулся назад, попутно положив руку на рукоять метательного ножа, привязанного к предплечью, но на глаза ему попал лишь рассеивающийся, непонятно откуда взявшийся, лунный свет. Дымка трепеталась в воздухе, мелькнула и тут же исчезла. Пропала, но определенно была там.

После короткой прогулки вдоль противоположного конца комнаты, в ходе которой торговец тщетно тыкал и постукивал в стены и пол в поисках тайных дверей, Раулиган пожал плечами и начал быстрый процесс возвращения комнаты в то состояние, в котором она была до его прихода. Закончив, он задул лампу и выскользнул за дверь.

Стоя в одиночестве в темноте, Раулиган боковым зрением увидел, как тусклое сияние появляется посреди коридора, после чего медленно повернул голову и увидел бестелесную голову в шлеме с плюмажем, перья которого мягко танцевали на ветру. Лицо широко улыбалось, глядя на закрытую дверь, а через пару мгновений голова снова начала исчезать. Спустя пару вдохов, коридор снова стал тёмным и пустым.

Стражники охотились за Гларастиром Раулиганом по всем Чертогам Тавертона, с криком осматривая все коридоры и комнаты, но так и не обнаружили никаких признаков торговца. Их неудача не стала неожиданностью для цели их преследования, которая провела весь свой день в счастливом сне глубоко в тени под потолком. Если Раулиган был прав, то ночью в Чертогах произойдут важные события, и он должен будет быть бодрым и здравомыслящим. Если, конечно, он не хотел, чтобы было совершено еще больше убийств.

Как известно, стражники ленивы и не особо наблюдательны после хорошей трапезы и бутылочки свежего вина, полученной от сенешаля в сопровождении пожимания плечами и слов: “Берите. Все равно тот, кому было не все равно на неё, уже умер”. И именно в этот момент один небезызвестный торговец башнями соскользнул с колонны и прыгнул на ветку дерева. За собой он оставил лишь дрожащую листву, на которую взглянул один стражник, пристально рассмотрел дергающиеся листики, а затем пожал плечами и вернул все свое внимание к зубочистке.

Раулиган обошел зал, словно безмолвная тень, держась около деревьев и кустов, попутно высматривая других стражников. Некоторые из них охраняли ворота и главный парадный вход Чертогов, но больше нигде не было этих безмолвных статуй, кормящих комаров.

Однако недалеко от закрытых и редко используемых ворот в задней части Чертогов что-то топталось на мхе. Это была оседланная лошадь, которая топталась

на скошенной траве под тяжестью четырёх забитых седельных сумок. Раулиган проверил их содержимое и привязь, мрачно улыбнулся и заметил, что лошадь просто не видна из окон Чертогов. От того места, где стояла лошадь, к заднему входу в поместья вела маленькая тропинка. Торговец поднял глаза, нашел достаточно толстую ветвь и поднялся наверх, чтобы подождать.

Ожидание не заняло много времени. Вскоре погас последний луч золотого света и в воздухе запели сверчки. Ночной мрак пронесся сквозь деревья, слуги зажгли фонари, заставив росу заблестеть, а тень на ветке медленно переместилась, чтобы не дать своим конечностям затечь.

Резкий порыв дыма показался из одного окна, когда за ним показался язык пламени, возникший так же резко, как зажигается свеча. Затем, последовал внезапный рев и глухой порыв, что свидетельствовало о том, что пламя разразилось вокруг чего-то огнеопасного - несомненно, драпировки или одежды, хорошо пропитанной ламповым маслом. Вслед за этим последовали крики, звуки бьющегося стекла, и поток людей, бегущих к вёдрам с водой, на ходу выкрикивая проклятия и ругательства. Тень же осталась на своём месте. Все разворачивалось, как и предполагалось. Чертоги Тавертона пылали в огне.

Рев превратился в устойчивый гул, и искры разлетались в ночи, сотрясаемой дождём. В одном окне драпировка вспыхнула настолько ярко, что Раулиган даже смог рассмотреть лица спешащих толкающихся людей. Лорд Джаланус, склонившись над открытой книгой, которую тревожно выглядящий стражник держал открытой перед магом, был среди них.

Раздался грохот и из окон вырвалась новая волна огня, когда часть крыши упала, и вокруг Боевого Мага посыпались пылающие угли. Джаланус отшатнулся назад, что-то рыча. Затем он схватил падающую искру, что-то пробормотал, после чего все пламя на мгновение застыло и позеленело.

Через секунду оно снова начало двигаться, ползти к звездам, но не с таким сильным голодом, как прежде. Боевой Маг покачал головой, захлопнул книгу и отправил стражника к вёдрам с водой. Затем он поднял руки, словно собираясь руководить хором, и произнёс совершенно другое заклинание.

Несколько комнат внезапно исчезли, а вместе с ними и огонь, оставив лишь зияющую дыру в пустоте. Оставшийся огонь централизовался в двух очагах, но они были достаточно малы, чтобы вода из вёдер могла справиться с ними, однако понадобится каждая свободная пара рук. Ночь будет длинной и пропитанной борьбой человека и стихии. Тень на ветке зашевелилась, но не сдвинулась. Она ожидала чего-то еще.

Боевой Маг снова открыл книгу заклинаний и направился туда, где лампа светила наиболее ярко. Это было то, что было нужно... кого-то, кто выскользнул из окна поместья, недалеко от того места, где разгоралось пламя, пересек покрытую углем лужайку и спрятался среди деревьев.

Привязь была развязана и свернута, а затем кожаное седло скрипнуло прямо под Раулиганом, который согнул пальцы, немного подождал и сделал свой ход.

У седла был высокий круп. Одной рукой торговец осторожно опустил на него, а другой схватился за ветку. Слабый звук от его движений был заглушен рёвом огня и другими звуками суматохи, из-за чего человек в седле, наклонившийся вперед,

чтобы подобрать поводья, не услышал, как к нему подкрались. Раулиган деликатно сорвал кинжал с ножен на поясе человека и отбросил его в сторону.

Этот легкий звук заставил человека повернуться в седле и потянуться за своим мечом. Раулиган повернулся вместе с ним, одной рукой схватив мужчину за запястье, а другой обвив его горло.

- У нас теплый вечер, - вежливо пробормотал торговец напрягшемуся мужчине.

В течение нескольких следующих вдохов мужчины боролись. Ночь превратилась в какофонию толканий локтями и дерганий, когда Раулиган обвил ботинками ноги своего врага, чтобы не быть сбитым с фыркающей, дергающейся лошади. Торговец прижимал горло соперника к своему предплечью, а когда пальцы наездника не нашли кинжала в ножнах на поясе, то начали яростно царапать руки и лицо Раулигана.

Мужчина ударил ногой и зарычал, после чего лошадь внезапно замерла, а спустя мгновение яростно рванула в кусты роз со страшным криком, напоминающем рыдание. Деревья окружили их, набросив на борющихся соперников непроглядную тьму ночи и оставив позади открытый простор освещенного сада. Раулиган мрачно принялся пинать скакуна в бок, чтобы тот повернулся и вернулся обратно к пожару.

Животное не отреагировало, а наездник сильно укусил торговца, когда он увидел блеск огня, отражающегося от шлемов стражников, будто из ниоткуда появившихся чуть ли не под копытами скакуна. Он встал на дыбы, дрожа от настоящего страха, а когда вновь встал на все четыре копыта, то горящие Чертоги Тавертона оказались прямо по курсу и быстро приближались к несущемуся животному.

Человек в седле изогнулся и отчаянно нагнулся вперед, почти утащив Раулигана вперед, но торговец железной хваткой вцепился в наездника. В этот момент скакун ворвался в закрытые ворота, выбив их и разметав деревянные обломки в людей, опускающих ведра в садовый пруд.

Кто-то закричал, и Раулиган почувствовал, как что-то попало под копыта скакуна. Торговец мельком увидел Боевого Мага, спокойно стоящего на их пути и с осторожным сосредоточением накладывающего еще одно заклинание на горящее поместье.

Скакун повернулся, чтобы избежать этого неподвижного препятствия, поскользнулся на папоротниках и рыхлой земле и ударился копытами о низкую каменную стену. Судя по хрусту, по кости животного пошла трещина. Животное закричало жалобно, как дитя в агонии, дёрнуло раненой ногой в небеса и упало на землю, спазматично скручиваясь и изгибаясь. Оно приземлилось на ряд каменных цветочных урн, разбившихся на острые осколки и, внезапно, затихло.

Мгновение спустя, упавший на землю Раулиган схватился за не разбившийся горшок и подтянулся. Рука торговца горела жгучей болью.

Неуверенно вскочив на ноги, он задохнулся от увиденного – его окружало несколько стражников с обнаженными мечами, а над ним навис лорд Джаланус со свирепым лицом. Когда маг выхватил с пояса черную палочку, вспышка света ослепила торговца.

- Ты устроил пожар, вор!

Крик, раздавшийся откуда-то сбоку, был предупреждением - Раулиган бросился вперед и, не оглядываясь, откатился, уворачиваясь от клинка, который должен был разрезать его.

Острая сталь просвистела в пустоту, совсем рядом с головой торговца. Раулиган вскочил на ноги, вспрыгнул на декоративную стену и развернулся лицом к врагу. Человек, с которым он только что боролся верхом на лошади, как сумасшедший бросился на арфиста, резкостью своего порыва заставляя воздух свистеть.

- Ты устроил пожар! – закричал Иммулт Грейрин, нанеся по Раулигану такой сильный удар, что сам чуть не упал. – Убейте его! Кто-нибудь, убейте его!

- Нет, - сказал лорд-судья холодным голосом, который жалил, как струя огня и заставлял всех вокруг замирать в бездействии. – Не делайте этого. Торговец невиновен.

С дикими глазами сенешаль развернулся к магу и махнул в его сторону клинком, по лезвию которого бежали вспышки от голодного огня, пожирающего Чертоги Тавертона. Джаланус Уэтерботом отступил назад, открыв рот, чтобы позвать на помощь, но тут яркая вспышка стали столкнулась с мечом сенешаля, как молот с гонгом, насытилась кровью из порезанной руки Грейрина и отлетела куда-то в кусты.

Лорд Джаланус что-то пробормотал и с внезапной скоростью рванул вперед, направив пустую руку в Грейрина, будто она была клинком. Удар, нанесенный им, казался лишь слабым толчком, но сенешаль пошатнулся, согнулся пополам так, как будто меч пронзил его кишки, и рухнул на бок, потеряв сознание.

Маг склонился над человеком, чтобы убедиться, что он спит. Удовлетворенный, он поднял голову и огрызнулся:

- Болиф! Свяжи руки этого человека так, чтобы мизинцы и большие пальцы его рук соприкасались, и только после этого останови его кровотечение и присмотри за ним.

Когда его вездесущий, самый надежный телохранитель послушно двинулся вперед, Джаланус Уэтерботом повернул голову, нашел Раулигана и коротко сказал:

- Хороший бросок. Примите мои благодарности.

Торговец отвесил магу изящный поклон. Губы лорда-судью искривились в печальной улыбке.

Теперь вокруг них толпились стражники, отталкивая в сторону слуг и благородных гостей.

- Милорд, - нерешительно спросил один из них, махая рукой в сторону Раулигана, - разве мы не должны арестовать и его?

Боевой Маг резко поднял бровь.

- Брюсгурт, когда ты успел принять привычку решать за меня – кто виновен, а кто нет? Большую часть вечера я наблюдал за этим человеком - он наверняка невиновен в поджоге. Я подозреваю, что его единственным преступлением была слишком большая любознательность...благодаря которой, однако, он раскрыл преступление сенешаля.

- Так кто же убил мою дочь? - потребовал темно яростный голос. Его владелец вышел из последних клубков дыма гаснущего огня, с двумя другими благородными лордами и их уставшими белокуроми дочерьми, которых они держали за руки. Глаза

лорда Хорнсара Фарроубрейса напоминали два огонька яростного пламени, а его рука лежала на рукояти тяжелого боевого меча, которого раньше никто не видел.

- Мастер Раулиган? - спросил маг. – Ответьте ему.

Торговец долго и упорно сопротивлялся взгляду Скипетра Правосудия, но затем кивнул и повернулся к разгневанному дворянину.

- Сенешаль, - просто сказал он, указывая на беспомощного, уже очнувшегося человека, которого прижимали к земле трое стражников, а четвертый надежно связывал руки проволокой.

- Золото Пэйтроверов почти полностью исчезло, а Грейрин был единственным давним слугой семьи, кто имел доступ к нему. Милорд, я боюсь, что ваша дочь погибла этой ночью только потому, что Грейрин – неумелый стрелок. Он вносил в исправления в бухгалтерские книги, записывая туда золото, которое, на самом деле, постоянно убывало из хранилища, а правду мог знать лишь один человек, помимо сенешаля - его хозяин. Он хотел убить лорда Эскульта, в то время, как Шамрил привлекла его внимание и заставила стоять на месте.

Лорд Фарроубрейс издал сдавленный рык, глядя на Иммулта Грейрина, который пытался скрыться от взора старого лорда, несмотря на крепких охранников, которые не подпустили бы никого к арестанту.

- Но что за призрак? – запротестовала леди Латью Хантингдаун. - Это не просто сказка из Кримона! Слуги подтверждали его рассказы!

Раулиган подняла руку, чтобы заставить всех замолчать, подошёл к мертвой лошади и развязал шнурки седельной сумки.

Золотые монеты блестели в руке, которую торговец протянул девушке.

- Последние из богатств лорда Эскульта, - объяснил он. - Этот негодяй, лежащий у наших ног, уже потратил или украл все остальное. Ему помогал, по крайней мере, один человек - кастелян хранилища, чьи кости, без сомнения, находятся в самом сердце пожара, и я уверен, что они будут одеты в доспехи сенешаля, его одежды или что-то такое, чтобы мы могли подумать, что пожар унёс жизнь старого доброго Грейрина.

Монеты звякнули, когда торговец опустил руку во вторую седельную сумку, а затем и в третью. В последней лежал белый шлем с плюмажем.

- Ухмыляющийся призрак Чертогов Тавертона, - объявила Раулиган собравшимся, подняв над собой то, во что всматривались все собравшиеся. – Вы все кричали и убегали в ужасе, не замечая...

Кто-то закричал. Кто-то выругался... медленно и дрожащим голосом. Люди отступили на шаг назад, их лица побледнели, а испуганные взгляды устремились за плечо Раулигана.

Торговец башнями медленно повернулся, уже зная, что он увидит. Он сглотнул, только один раз, когда обнаружил, что он был совершенно прав.

Легкий ветерок, который был почти неощутим, шевелил перья шлема, надетого на голову с ухмыляющимся лицом, парящую почти перед самым носом Раулигана. Лорд Фарроубрейс начал хрипло призывать одного Бога за другим, и Раулиган слышал топот сапог, чьи владельцы спешно убегали.

Темные глаза Ухмыляющегося Призрака Чертогов Тавертона были похожи на бесконечные, чёрные ямы, но каким-то образом в них читалось одобрение. Раулиган

стоял на месте, когда призрачные тени вылетали из шлема, мерцали белыми костями и, казалось, боролись и дрожали. После долгих мгновений некоторые из этих дрожащих теней превратились в призрачную руку, тянущуюся к арфисту.

Ощущая, как пальцы бестелесной руки пробегают по его скальпу, Гларастир Раулиган сделал самую смелую и, возможно, самую безрассудную вещь в своей жизни. Он остался стоять на месте, когда спектральная рука просто хлопнула торговца по предплечью.

Холод был мгновенным и пугающим. Раулиган с побледневшим лицом хмыкнул и невольно отшатнулся. Рядом с ним раздался громкий стук сильного удара, и, когда он посмотрел вниз, то обнаружил, что это был лорд-судья Джаланус Уэтерботом, упавший в обморок и растянувшийся на спине в грязи.

Дрожа каждой частью тела, Раулиган оглянулся на призрака - но его уже не было. Пустой воздух кружился и мерцал перед ним и торговец остался стоять один в лунном свете.

Леди Латью и Леди Чалас нерешительно приближались к Раулигану - их глаза потемнели от испуга, а их отцы держали своих дочерей за тонкие руки, пока в свободных руках блестели небольшие кинжалы. Лорд Фарроубрейс, чьи глаза были полны удивления, стоял немного обособленно. Его меч лежал на затоптанной земле.

- Сэр? С вами все хорошо? - Спросила леди Латью.

Пока она говорила, толпа призрачных фигур в нарядах и доспехах, вышедших из ниоткуда, окружили дворян, и все они одобрительно кивали или в салютах вскидывали призрачные руки с обнаженными полупрозрачными клинками. Раулигана моргнул, шатаясь под тяжестью внимания стольких призраков, а затем моргнул и вот уже все призраки исчезли.

Удивившись, торговец башням посмотрел вниз на свою руку, которая все еще чувствовала себя будто заключенной в обжигающий лёд. Его кожаная куртка была прожжена в трех местах, из-под которых на его бронзовой коже виднелось три выжженные бледно-белые, словно старые шрамы, отметины, похожие на следы от сжимающихся пальцев.

Гларастир Раулиган посмотрел всех собравшихся, глубоко вздохнул и сказал почти ровным голосом:

- Я буду жить, но вот дым может убить тех, кто не успеет выйти из него. Мы должны найти и освободить Лорда Кримона Пэйтровера. Давайте займемся этим.

И с той ночи до дня, когда он умер, эти три белых знака никогда не покидали руку Раулигана.

Место, где стража храпит на постах

9-ый день месяца Киторн, Год Перчатки

Челюсти плотно стиснуты, мышцы передних плавников напряженно пульсируют, говоря о раздражении или неодобрении. Этим сахуагинам приказы и суждения Яховаса явно не кажутся приемлемыми. Упрямые идиоты.

Сардинах убрал щупальца с алебард и гарпунов, которые он обвинил как бы между прочим в тот момент, когда прибыли морские дьяволы, и подтянул их поближе к навигационной карте на столе. Он сделал это не спеша, чтобы показать рыбоголовым, как мало он их боится, и постучал печатью лорда по карте земель Минтарна – печатью лорда сахуагинов Рракулнара – напомнив о том, что их хозяева как минимум уважали власть «какого-то кальмара».

- Приказы, выданные мне лично Яховасом, - начал он мягко, но выделяя каждое слово, - предельно ясны: осадить Минтарн, не позволяя никому войти, и, что важнее, выйти из порта. Захват острова, конечно, был бы выдающимся деянием – лично я нахожу его даже соблазнительным – но оно не может быть нашей главной целью. Прежде всего прочего мы должны не дать кораблям покинуть Минтарн и отправиться за помощью в Глубоководье, Врата Балдура и другие прибрежные города.

- И это лучше всего сделать, - прошипел самый крупный и уродливый из сахуагинов, имитируя придуманный акцент Краундипа, известного – даже немного мифического – города-колыбели сахуагинов Побережья Мечей, - захватив весь остров. – Он говорил так, будто объясняет общеизвестный факт обычному ребёнку, а не вышестоящему офицеру.

Мимолётом, хотя и не в первый раз, Сардинах задумался, не получает ли Яховас какое-то личное, извращённое удовольствие, ставя ненавидящих друг друга обитателей моря одного над другим. Возможно, целью было снижение вероятности предательства, но такая тактика уж точно способствовала возникновению очень напряжённых моментов.

Тако лениво скользнул щупальцем по карте, давая рыбоголовым понять, что даже теперь, когда они начали двигаться от противоположного конца стола ближе к нему, поглаживая копья и кинжалы, он боялся их не больше, чем раньше.

- Мы подробно обсудим это, когда позволят обстоятельства, - сказал он им. – Приближается Млаверлат.

Затонувший корабль, служивший Сардинаху штабом, лежал под углом на рифе, который вырос сверху, поглотил и теперь сдерживал остатки воедино. Большей части дна среди них не было, что давало течениям доступ к внутренностям судна и

открывало панорамный вид на синюю бездну, через которую и плыл сейчас Млаверлат.

Млав был импульсивен и амбициозен, в этом больше походя на сахуагинов, чем на своих сородичей, а потому слишком часто попадался в челюсти собственной безрассудной нетерпеливости. Но, в чём отличие от рыбоголовых – его шкура всё ещё носила пёстрые пятна молодости. А эти следовали излишне прямолинейно вот уже много лет, и это было проблемой, с которой ему придётся бороться.

Да он прямо сейчас с ней борется, акулу за жабры!

Как и все тако, Сардинах мог жить на берегу или под поверхностью волн, хотя и предпочитал более тёплые воды, чем местные. Он знал, чем ценен Минтарн. Сухопутные считали этот остров стратегически важным для торговых путей Побережья Мечей – предлагающим превосходную естественную гавань и неподвластным законам, налогам и указам прибрежных королевств. А ещё Сардинах знал, что ненавидит этих двоих офицеров больше чем всех остальных рыбоголовых, и что он должен стремиться уничтожить их раньше, чем им удастся сделать то же самое с ним. К сожалению, они распоряжались сильным и дееспособным ударным отрядом, превосходившим все остальные отряды Даунфоума в количестве по меньшей мере шесть к одному, или даже больше. Момент придётся подбирать невероятно осторожно.

К счастью, понятие «невероятно осторожно» многие принимали близко к сердцу, а вот никто из сахуагинов по-настоящему не понимал. Если бы только получилось научить Млава использовать хотя бы толику, прежде чем станет слишком поздно.

- Восссможно, теперь мы можем отчитатьсясссс, - сказал сахуагин Нарардиир, тоном, ясно дававшим понять, что он на это разрешения не ждёт, да и не спрашивает.

Сардинах старательно не смотрел на силуэт приближающегося Млаверлата, холодно, почти незаинтересованно бросив:

- Так почему не отчитываетесь?

Оба сахуагина зашипели, показывая своё недовольство, но, поскольку тако даже не посмотрел на них и вообще никак не отреагировал, им пришлось продолжать. Их чёрные глаза следили, неотрывно следили. Бесплезные буркала. Он повернулся к ним спиной – рыбоголовые не пугали старого, морщинистого тако.

- От нашших шшшпионов на побережье есссть новоссти как плохие, так и хорошшие, - быстро начал Нарардиир. – Дракон Хундаррх, «Красная Ярость Минтарна» не так давно погрузился в свой Долгий Сссон в своей пещере. При вторжении он не помешает.

- Хорошие новости, - легко согласился Сардинах, пройдя мимо выставленных снаружи часовых – которые взглянули на него, но не окликнули – и теперь не отрывал взгляд от Млаверлата. – А плохие?

На этот раз заговорил другой сахуагин и – хвала богу морских отбросов – был прямолинеен:

- Недавние нападения пиратов-работоторговцев вынудили Тарнхила Эмбуирхана, человека, называющего себя Тираном Минтарна и являющегося правителем этого куска суши, пригласить группу наёмников на службу, в качестве портового

гарнизона. Хорошо тренированных. Называют себя «Отряд Чёрного Баклера». Бытует мнение, и мы склонны ему верить, что они не будут медлить с пробуждением дракона, если решат, что их враги в шаге от победы.

- Больше докладывать особо не о чём, - добавил Нарардиир, - но...

- И это хорошо, - мягко перебил Сардинах, - потому что Млаверлат уже здесь.

Пока он договаривал, молодой тако выбросил щупальца во всех направлениях, пытаясь затормозить и прервать своё стремительное движение, и вплыл в офис Сардинаха; конечности трепетали, вода потоками вырывалась из-под них, унося остатки достоинства.

Как и подобает не лучшему подчиненному, Млаверлат пролетел между зашипевшими сахуагинами и столом Сардинаха и врезался в дальнюю стену комнаты с глухим шлепком. Старая, но укреплённая кораллами переборка даже не шевельнулась.

- Слава Сардинаху, мастеру всех наших странствий, - торопливо пробулькал Млаверлат, из-за спешки и нервности выпуская множество пузырьков. – Оный приветствует тебя, и в то же время нижайше просит прощения за опоздание. Оный разработал хитрый план, как и обещал, и явился изложить перед мастером.

Он бросил взгляд на двух сахуагинов и, нервничая, слегка потемнел. Багровый цвет стал намного насыщеннее, когда рыбоголовые насмешливо прошипели «Хитрый план! Хитрый план!» и подались вперёд, чересчур активно загибая перепончатыми когтистыми лапами.

- Мои офицеры, похоже, в предвкушении, - сухо объяснил Сардинах, игнорируя взгляды морских дьяволов. – Не обращай внимания и говори свободно. Не заставляй меня ждать.

Млаверлат выдохнул, породив струю пузырей, обхватил ближайшую мачту – скорее для уверенности, которую она придавала, чем для опоры или чего-то ещё – и сказал:

- План оного должен помочь уничтожить и морской народ, живущий в гавани, и этот новый гарнизон человеческих наёмников.

Сахуагины возмущённо зашипели, поняв, что их «новости», очевидно, для всего остального Даунфоума были не такими уж и свежими, и Сардинах тщательно следил за тем, чтобы пощёлкивание клювом, выдававшее его довольство, осталось незамеченным его подчинённым. Тон Млаверлата больше бы подходил фразе: «Оный придумал план, который, как оный надеется, позволит оному вновь вернуть расположение Сардинаха».

- Прошу простить оного за повторение общеизвестных фактов, - запинаясь, продолжал молодой тако. – Это вовсе не оскорбление, а всего лишь основа схемы. Итак, уже несколько лет морской народ Минтарна боготворит и жадно поглощает устрицы из Сияющего Моря, что недалеко от восточного Калимшана и Граничных Королевств, там, где воды подогреваются рекой, идущей от Озера Пара. Сулдольфана – жители города, больше остальных поставляющего этих устриц, которые почему-то называются «мабаданн», «лимонные», – их любят, как и морской народ Минтарна.

Оба сахуагина одновременно обнажили клыки, раскрыв рты в широченном зевке, предназначенном показать, как им скучно. Сардинах не придавал этому значения, но Млаверлат, явно смутившись, продолжал, запинаясь ещё больше:

- Н-на приветственных дружеских пирах в честь нового г-гарнизона, которому они, в конце концов, должны доверять, морской народ угощал людей этими устрицами.

В торопливом возбуждении молодой тако отпустил свой якорь и беспокойно пересёк каюту, волоча щупальца по скошенной палубе, а затем обратно.

- Людям моллюски так понравились, что теперь наполненные водой бочки с живыми мабаданскими устрицами – самый долгожданный товар в Минтарне. Сухопутные даже организовали несколько тайных доставок, чтобы получить ещё больше.

Сахуагины подплыли поближе, склонив головы, чтобы слышать лучше – явный признак заинтересованности.

- В прибрежных пещерах около Сулдольфора живёт маленти, Джирулга Рлурун, за которой имеется должок. Уже долгие годы она практикует магию, погружающую живые существа в особый сон, стазис – и они перестают дышать и видеть, будто умерли – на некоторое время, пока не выполнятся условия пробуждения.

Щупальца тако теперь едва ли не плясали от предвкушения.

- Если удастся уговорить её наложить заклинание на сотню-другую вооружённых булливагов, - завершил Млаверлат, повысив голос, - из тех, что живут недалеко, или у берегов Граничных Королевств, к югу от Ялласха – и заставить их проснуться, когда бочки вскроют, то они смогут стать следующей поставкой устриц, проведённой мимо морского народа и доставленной прямо на кухни Минтарна!

Тако редко радуются вслух, но сейчас бурный поток пузырей означал оглушительный смех Сардинаха. Он заглушил даже удовлетворённое уханье сахуагинов, и из-за него командир Даунфоума едва смог показать своему красному и дрожащему подчинённому своё одобрение.

- Займись этим, Повелитель Устриц! – проревел Сардинах, неожиданным движением щупалец разорвав на куски пропитанную водой скамью. – Иди и возвращайся с победой!

- Вот уж точно, - пробормотал Брэндор, когда оба Чёрных Баклера, самых высоких и мускулистых из всего отряда, убрались с дороги, делая пассы руками, будто творя заклинания и крича, будто от смертельного ужаса, а затем закатали глаза и заухмылялись, - «Место, Где Стража Храпит На Постах».

Он игнорировал и их хохот, и постоянные удары рукояток кинжалов, колотящихся о его тощие плечи – унижительное напоминание о том, что ему, тоже Чёрному Баклеру, совсем недавно более опытный воин прилюдно объяснил, что он должен быть готов сражаться руками и клинками, если его заклинания окажутся слишком жалкими. Теперь ученик плёлся по скользким ступеням вниз, на кухню... где его ждало очередное наказание.

Брэндор вечно подвергался наказаниям. С момента прибытия Баклеров на обдуваемый морским ветром Минтарн, список его дневных поручений и обязанностей достиг длины, даже для самого молодого задохлика, когда-либо носившего знак Чёрных Баклеров, весьма впечатляющей.

То, что он был единственным учеником опытного, но стареющего Драскина, главного волшебника Отряда, делу тоже не помогало. Наоборот, двое других магов группы считали «мелкого дурачка Брэндора» будущим соперником, которого нужно высмеивать и унижать при любой возможности. Большинство могучих бойцов Баклеров также считали его жалким подобием мужчины, мишенью для насмешек – до тех пор, пока он не сбежит куда-нибудь в море, избавив от своего присутствия и своих шуточек.

О да, его шуточки – единственный источник веселья, единственное оружие. Уже давно он приобрёл привычку отвечать на издёвки быстрым языком и ловкими пальцами. Все, кто доставал Дурачка Брэндора, платили цену, даже если были влиятельными – к вящей радости и громкому хохоту их коллег.

Остров Минтарн был маленьким и почти лишённым растительности; население с подозрением относилось к вооружённым чужакам и тщательно охраняло свои секреты, не шибко приветствуя особо любопытных – и ещё меньше того, кто носил и знак Чёрных Баклеров, и мантию мага. Всеобъемлющая скука стала причиной того, что Брэндор назвал остров «Местом, Где Стража Храпит На Постах», что не добавило ему любви среди собственных солдат Тирана Минтарна.

Это случилось ровно тогда, когда скуку парня навсегда развеял вид темноглазой, темнобровой Шалары, чьи волосы оттенка самого солнца целовали изящные плечики, обрываясь посреди красивой спины. При мысли о ней Брэндор начал спускаться быстрее. Она часто приходила поболтать с Хальгером; она могла быть там прямо сейчас.

Дочь Тирана порхала по укреплениям и лестницам Минтарна словно несмелая тень, способная двигаться сама по себе. Говорили, что она – точная копия своей почившей матери, никогда не любившей грубую силу и бахвальство, но уважавшей острый ум. Именно поэтому она проделала долгий путь из Сулдольфа на скудный на чудеса, одинокий остров, несмотря на царивший здесь промозглый холод, в итоге и забравший её жизнь.

Говорили так же, что Тиран обожал свою дочь – но Брэндор её почти боготворил. Он часами бродил по бастионам на пронизывающем до костей ветру, лишь бы увидеть девушку хотя бы краем глаза, а Хальгер в итоге запретил ему приближаться к кухням – за исключением тех случаев, когда ему приходилось работать там, отбывая наказание – когда парень десять дней слонялся там без дела, не отводя взгляд от Шалары, когда та заглядывала.

Очевидно, она не хотела заходить, когда на неё пялились, чуть ли не обливаясь слюной, и Хальгер так об этом и сказал. И всё же он пошёл бы на что угодно – даже на публичную трёпку от рук самого волосатого, самого мерзкого из бойцов-Баклеров, или на отречение от магии – лишь бы заслужить её улыбку и дружбу.

Вместо этого, он пошёл по единственному пути, на котором его могли хоть как-то заметить. Шуточки.

Брэндон Дурачок провернул ряд с каждым разом всё более невероятных трюков, чтобы впечатлить Шалару Эмбуирхан. Он начал с того, что незаметно прибил к земле сапоги посапывавших на постах стражников, подтвердив точность придуманного им названия; затем перепутал все заказы для гарнизона в торговых лавках.

За этим последовало перемешивание нижнего белья всего офицерского состава, а потом и вовсе подмена его на аналогичную одежду, но принадлежащую высокородным дамам замка Тирана. А затем все щиты, вывешенные на замковых стенах, таинственным образом поменяли своё местоположение; наконец, речь дворцового камергера была остроумно переписана, как раз накануне той ночи, когда сам камергер свалился с болезнью, велел своему заместителю прочитать её – со строгим наказом «не менять ни слова».

В ту же ночь люди снова слышали стенания призрака Минтарна, как раз под окнами побитого домика в доках, в чьих дверях приглашающе улыбались фигуристые красотки, и где Чёрные Баклеры имели обыкновение оставлять свои монеты и неугомонность. Позже кто-то выпустил в порту целый загон мулов и...

Неизбежная расплата обрушивалась на голову Брэндора. Ему доставалось всё – кухонные обязанности, ещё больше кухонных обязанностей, мытьё гор посуды, закатывание целого сонма рыбных консервов и неловкий спуск по длинной, скользкой тропе прочь от замка, в конце которой ждало выбрасывание объедков, мерзкого ведра за мерзким ведром, в пруды, где разводили нотрописов; рыбы, словно руки, высывались из бурлящей воды и открывали миниатюрные пасти, каждый раз приветствуя кормильца.

И все эти утомляющие поручения выполнялись под неусыпным оком старого повара замка Минтарн, а Хальгер был не тем человеком, кто мог пропустить или стерпеть хотя бы секунду подготовки к розыгрышам и прочим безобразиям. Бывший пират с жирным пузом, с правой рукой, оканчивающейся деревяшкой (которой он обычной придерживал почерневший, побитый котёл), Хальгер, пыхтя, громыхал по своей вотчине – заполненному дымом залу с высокими потолками – каким-то образом поддерживая огонь не меньше чем в трёх очагах разом, а также стабильный поток еды на тарелках с крышками-клош для насыщения обитателей замка, стражи Тирана, Чёрных Баклеров и прочего люда, оказавшегося за гостевым столом правителя.

За эти годы Хальгер также стал наставником и доверенным лицом Шалары, мудрым старым проводником по большому миру. Он знал её тайные мысли и желания, и её рассуждения о мире и людях вокруг неё. Смеющийся взгляд его глаз, падая на молчаливого Брэндора, заставлял того съёживаться и, иногда, хотеть завить от полнейшей безысходности.

Пройдя под изгибами арок, сконструированных так, чтобы не дать жестоким ветрам задуть пламя кухонных печей, ученик Драскина выдохнул с облегчением. Кто-то подбросил слишком много дров в жерло углового очага. Дым и искры с рёвом поднимались по самой длинной трубе, той, что возвышалась над толстыми стенами сигнальной башни, словно пытаясь достать до небес. Хальгер кричал, мужчины с покрасневшими лицами и каминными щипцами в руках сновали туда-сюда в запачканных сажей фартуках, пока женщины, мрачно склонившись над

разнообразными посудинами, ждали, когда буря уляжется. На просторной кухне со множеством балконов правили бал хаос и вихри дыма.

Посреди всего этого безумия его ждала груда картошки, лишённая – хвала богам – компании старого повара-пирата со сложенными на могучей груди руками и спокойным, но бритвенно-острым взглядом, готовым наказать одного всем известного паренька за нерасторопность. Благодарный судьбе Брэндор схватил нож для очистки, оставленный Хальгером на стуле, заметил ведро с такими же ножами, к которому он, предположительно, должен был обращаться, если его оружие затупится, и понял, что обречён.

На угловом очаге варился картофельный суп с луком-пореем, и теперь, несомненно, содержимое котлов сгорело напрочь. Совсем скоро Хальгер, в своих морских ботфортах, придёт сюда, ожидая увидеть гору свежеччищенного картофеля, весом в три раза больше собственного. Если некий, хм, послушный послушник будет усердно, не щадя пальцев, работать, то возможно – возможно – почистит к тому моменту шесть картошин.

Брэндор сглотнул, сел на стул и закрыл глаза. Если изменить заклинание танцующего клинка совсем чуть-чуть, то он сможет двигаться по кривой. Четыре таких... нет, лучше шесть... строчек, и надрезы выстроятся по поверхности одного примерно сферического объекта. Утроить количество дохлых комаров и железной стружки, добавить это утроение к результирующей формуле – и он получит четыре летающих по своей траектории ножа, чистящих за него овощи. Всё что ему останется делать – отойти подальше, вместе со стулом и ведром, и следить, чтобы никто из идиотов не забрёл на поле битвы. В любом случае, всего один щелчок пальцами заставит оружие мгновенно упасть на пол. Во имя Азута, ошибки и быть не может!

Быстро оглянувшись на затихающую суматоху и убедившись, что Хальгер не смотрит, парень глубоко вдохнул и торопливо пробормотал заклинание. Он чуть не потерял палец, когда нож вырвался из руки и полетел к застывшей в ожидании куче картофеля, но чары сработали. О, Мистра, сработали!

Он уже набрал полную грудь воздуха, готовясь победно рассмеяться, когда увидел, что ножи летают слишком быстро, а коричневые, влажные очистки, летевшие во все стороны, стали бледно-белыми. Воздух наполнился мокрой картофельной стружкой! О боги!

Юноша щёлкнул пальцами, но облако лезвий лишь замелькало ещё быстрее. В отчаянии он прочитал результирующую формулу задом-наперёд, и со вздохом облегчения – почти всхлипом – Брэндор увидел, что ножи упали на землю. Звона они при этом не издали – теперь пол почти до колена был усыпан свежей картофельной нарезкой.

Не сводя глаз с этой катастрофы, ученик мага внезапно осознал, что полностью промок – потому что был весь покрыт ошмётками холодной, мокрой картошки, медленно сползавшими по лицу, с пальцев и мимо ушей – и что на кухню опустилась резкая, всепоглощающая тишина.

Он едва ли мог поднять глаза, чтобы встретиться взглядом с Хальгером, но отступать было некуда. Страхивая нарезанный картофель с рук, Брэндор неуверенно поднял голову.

И обнаружил себя лицом к лицу с Шаларой Эмбуирхан – в чьих глазах радость быстро менялась на отвращение.

- Эм, какая приятная встреча, Шалара, - промямлил он, и там, где никакой надежды и быть не могло, надежда всё же появилась. Боги, пасть ещё ниже было уже некуда.

- Когда ты уже повзрослеешь и перестанешь тратить свои способности на глупости? – резанули эти сладкие губки, теперь тонкие от гнева. – Шутки это для детишек; взрослые мужчины, глупые настолько, чтобы заниматься розыгрышами, очень быстро становятся мёртвыми.

Нет, он всё-таки ошибся. Вот *сейчас* пасть ещё ниже было некуда.

Девушка стояла, глядя на него с презрением, казалось, целую вечность, затем развернулась, словно вихрь из красивого платья и длинных рукавов, и ушла прочь из кухни.

Брэндор не смог сделать ничего другого, кроме как покраснеть, словно варёный лобстер и мрачно кивнуть в подтверждение её слов. Он так и стоял с поникшими плечами и покрытый влажными картофельными очистками, когда вся кухня услышала, как с глухим грохотом захлопнулась дверь, ведущая на лестницу башни. Такой грохот могла произвести только очень, *очень* разозлённая юная барышня.

Брэндор взглянул на свои руки и увидел, что они трясутся. Пара до боли знакомых потрёпанных ботфортвов появилась в поле зрения и остановилась перед ним. Парень поднял глаза, без особого энтузиазма.

Хальгер стоял, сложив волосатые руки на груди, но в глазах бежали искорки. Конечно же. Он встретил жалостливый взгляд ученика мага, усмехнулся и пробурчал:

- Значит, хотим впечатлить леди, а? Почисти эту гору прежде, чем мы тут закончим – уверен, это её точно впечатлит.

Знакомый нож, блеснув, появился в его кулаке; повар бросил его пареньку. Брэндор легко поймал его и мрачно стиснул, угрюмо взглянул на кучу нетронутой картошки за скользкой массой нарезанной, и, оскальзываясь, пошёл к ней, намереваясь расправиться с ней – проверенным способом.

- Из важного, господа, мне сказать вам нечего, - тихо сказал Тиран Минтарна. – Вы так же, как и я, хорошо знаете, что за эти шесть дней ни один корабль сюда не доплывал, и ни одного не замечали даже с башен. Как будто море поглотило их все, взамен отдав лишь тишину.

Все присутствующие хмуро потянулись за кубками – белобородый правитель Минтарна, седоволосый маг Драскин в своей мантии и привлекательный, но суровый лидер Чёрных Баклеров, Олдивар Маэрлин, создававший впечатление бдительного и опасного боевого командира.

Именно Маэрлин поднял бровь, давая магу ясный сигнал. Драскин прочистил горло, глотнул вина и снова прокашлялся, прежде чем сказать:

- Заклятья дают нам зыбкую возможность пробиться через такую тишину, мой лорд. Прошлой ночью я работал над экспериментальными чарами, пытаюсь коснуться разума ночных птиц и посмотреть их глазами. Эксперимент, в целом, оказался неудачен. Мои попытки в основном сбивали птиц с толку, в результате чего они падали в море, но мне удалось заполучить временное местечко в кабине каравеллы, мчавшейся на север из Амна – к Невервинтеру или, в случае неудачи, в любую другую безопасную гавань.

Тиран поднял голову и тяжело уставился на колдуна; последние слова означали войну.

- Местечко за столом, где матросы обсуждали...? – начал он. Голос его был таким же тихим, как и раньше, однако комнату наполнило напряжение подобное тому, что окутывает оценивающих друг друга врагов в секунды перед вот-вот начнувшейся схваткой.

- Тёмные слухи, хотя и из вторых рук, - ответил Драскин. – Совершенно нападение на Глубоководье – полномасштабная атака разнообразных морских созданий. Корабли потоплены, экипажи, защищавшие свои суда – истреблены... всё в подобном духе. Нечто похожее постигло и Врата Балдура. Моряки говорили, что корабли, направлявшиеся оттуда, «потоплены во множестве». А в некоторых случаях даже «утянуты чем-то на дно». Один из них рассказал, что слышал разговоры о прибрежных общинах русалок, уничтоженных сахуагинами – и что тела плавали в глубинах настолько плотно, что обжираться акулы умирали от усталости, погружаясь отдохнуть на дно.

Волшебник с некоторым удивлением воззрелся на дно опустевшего кубка, затем добавил:

- Что из этого выдумки, нам ещё предстоит увидеть, однако ясно одно – силы морских пучин нападают на суда и поселения вдоль Побережья Мечей, а возможно и ещё где-то; словно все живые создания океана как один поднялись, чтобы сразить всё, что дышит и обитает на суше Королевств.

Короткая тишина воцарилась после этих слов, пока трое мужчин обменивались взглядами. Тиран дольше всего смотрел на Маэрлина, пока тот не шевельнулся и не доложил сурово:

- Мой долг перед вами и вашим народом, лорд – убедиться, что Минтарн надёжно защищён. Похоже, морским народам больше нельзя доверять. Простое здравомыслие требует, чтобы мы добавили гарнизону обязанностей – присматривать за морем, чтобы никто не выбрался на побережье Минтарна незамеченным и не напал на нас с неожиданной стороны.

Тиран кивнул.

- Я думал так же. Стража, оружие наготове, припасы под охраной, местные воды мне прекрасно известны... что насчёт магии?

Правитель и командир вместе взглянули на Драскина, который слабо улыбнулся и ответил:

- Стерегающие чары наверняка понадобятся там, где даже тренированные бойцы могут устать. Сеть таких заклинаний будет готова завтра к полуночи, а также дежурные смены всех магов Чёрных Баклеров, включая меня и, эм, моего непутёвого помощника.

Тиран потянулся пополнить кубки и сухо отметил:

- Ах да, доблестный Брэндор. Моя дочь рассказала о некоторых его, весьма хитроумных, но опасных шутках. Вызывающе, для такого-то юного возраста.

- Вызывающе? Возможно, мой лорд. Но я бы использовал слово «глупо». – отозвался Драскин, чей голос внезапно наполнился гневом. Он сильно хлопнул ладонью по столу. – Мы должны запретить ему продолжать заниматься подобными глупостями, когда на кону наши жизни. Полагаю, мне следовало приструнить его давным-давно, но теперь я точно должен выбить из него эти привычки. Немедленно.

Он поднялся, взметнув полы мантии, отказался от протянутого кубка непоколебимой рукой и, в нескольких шагах от двери, удивленно обернулся, услышав позади стук, который невозможно было ни с чем спутать. Уверенный стук сапог. Двух пар.

- Господа, - запротестовал Драскин, - согласно обычаям, дисциплинарные взыскания с учеников осуществляются наедине.

- Нет, господин Маг, - улыбнулся Тиран, - я желаю понаблюдать за этой маленькой беседой. В конце концов, мы все хотим каких-то развлечений... в месте, где стража храпит на постях.

Главный чародей Баклеров покраснел.

- Будьте уверены, милорд, что я заставлю Брэндора извиниться за эту фразочку на коленях и так чистосердечно, как он только сможет.

Он вновь развернулся к двери, и, охваченные водоворотом добротных одежд, туник и нарядных рукавов, трое мужчин вместе поспешили прочь.

Маленькая зелёная дверца в самом тёмном алькове кухни отворилась – как он и ожидал – и из неё вышла Шалара, со светящимися глазами и раскрасневшимися щёками. Её разговоры с Хальгером и сопутствующее им вино всегда оставляли её в приподнятом настроении. Брэндор любил поболтать с ней в такое время – когда её язычок опережал её осторожность и позволял её острому уму засиять. Тогда они помногу хохотали вместе, а Хальгер сдержанно улыбался неподалёку.

Парень ждал этого момента, зная, что Шалара остановится взглянуть на злокозненного чистильщика картофеля на пути в свои покои. С поваром, лавирующим за ней, дочь Тирана уверенно миновала мясные вертелы и столы, шагая туда, где должен был усердно орудовать ножом Брэндор – и остановилась, поражённая, скривив губы.

Куча картофеля лежала практически нетронутой, такой, какой девушка её и запомнила. Брэндор Ученик Драскина стоял перед ней с удовлетворённой улыбкой, сложив руки на груди, словно великий завоеватель.

Шалара упёрла руки в стройные бока, хлопая глазами:

- И что же вы, Сэр Послушник, задумали, во имя всех добрых богов?

Брэндор гордо вытянул руку в сторону длинного ряда больших бочек на наклонном стеллаже позади него.

- Милая леди, последняя поставка так любимых всеми нами устриц только что прибыла, и за то короткое время до вашего прихода я составил заклинание, способное приготовить их прямо в бочках.

Несмотря ни на что, Шалара заинтересовалась. Новые методы и идеи всегда восхищали её.

- О? И как же?

Юноша подобрал длинные щипцы Хальгера – тяжёлые, металлические, длиной с человека – что использовались для сгребания углей и подкидывания дров в большие печи, и указал на стопор, удерживавший бочки на месте.

- Когда уберём этот брус, - начал объяснять он, - бочки покатаются, контролируемые вот этими щипцами. Моё заклинание создаст зачарованную область – «поле» - сильного нагрева, но без огня, чтобы не сжечь дерево. Мы ждём, устрицы готовятся, с толикой удачи бочки не горят – и вот, всё готово! Я сейчас собираюсь попробовать на первой. Не хочешь посмотреть?

Дочь Тирана пожала плечами и улыбнулась.

- Ни капельки не сомневаюсь, что ты за это дорого заплатишь, Брэндор, - сказала она, в то время как Хальгер посмотрел на ученика мага поверх её плеча, а веселье и заинтересованность боролись за место на его лице, - но твой провал обещает... развлечь.

- Только одну, приятель, - рыкнул бывший пират. – Уничтожишь всю поставку, и для вечернего пира меня заставят приготовить тебя самого! Да и к чему нам бочки, ставшие пеплом? Мы же их снова используем.

Слова повара, словно злобные стрелы взлетели к ушам Тирана, мага Драскина и командира Баклеров, когда они вышли на балкон над картофельной кучей. Колдун напрягся, но Тиран твёрдо положил руку тому на плечо и негромко проговорил:

- Пока не торопись. Давай понаблюдаем.

Драскин взглянул на лорда с удивлением и смущением, но сжал губы и развернулся к развёртывающемуся внизу представлению.

Брэндор заметил это движение и взглянул наверх. При виде троих наиболее могущественных людей во всём Минтарне, наблюдающих за ним – два лица спокойны, но лицо его учителя дрожит от сдерживаемого негодования – юноша побледнел.

Командир Баклеров – его командир – наклонился вперёд и спокойно произнёс:

- Прошу, продолжай, Брэндор. Последний розыгрыш? Или умная стратегия, сулящая выгоду всем нам? Во имя твоего же будущего, надеюсь, что второе. Истинная ценность воина гораздо реже заключается в смелых выдумках, нежели менестрели хотят нас убедить. Чаше она состоит в добросовестном выполнении обязанностей по чистке овощей – или, да, в том, чтобы нести стражу не храпя – а не в великолепных атаках и кровавых победоносных сражениях, о которых поют слишком многие барды... но я уверен, что твой учитель подберёт для тебя более резкие слова в ближайшее время. Читай заклятье и восстановись в наших глазах, если сможешь.

Брэндор задрожал, выдавил слабую улыбку и перевёл взгляд на свои ладони. Что ещё он мог теперь сделать, если не прочитать заклинание?

Он сделал глубокий вздох, повернулся к зрителям спиной и поднял руки, творя магию.

Пальцы всё ещё двигались, заклинание ещё не началось, но в первой бочке внезапно что-то шевельнулось. Она качнулась вперёд – на пару сантиметров, не более, слегка подвинув тяжёлый стопор – и слабый запах болотной воды коснулся носа юного колдуна. Он сглотнул и повернулся к Шаларе:

- Т-ты видела?..

Её лицо было таким же бледным, как и его; девушка кивнула. То, что могло вот так сдвинуть бочку, должно было быть большим. Не какая-то тысяча устриц, нет, что-то гораздо больше...

- Ну, послушник? – голос Драскина был полон злости, как выражение его лица и давало предполагать. Он перегнулся через перила. – Есть какая-то особенная причина, почему ты не спешишь выполнять приказ командира Маэрлина? Или это очередная шуточка?

Стараясь не дрожать и не выглядеть настолько напуганным, насколько он себя ощущал, Брэндор посмотрел вверх и проблеял:

- П-пожалуйста, сэр – бочка двинулась! Там что-то живое!

- Ну разумеется там что-то живое, парень! Множество устриц, нет? Колдуй уже!

В последовавшей тяжёлой тишине Брэндор беспомощно взглянул на Шалару, и та поспешила на помощь:

- Сэр Маг, - твёрдо сказала она, посмотрев вверх – Ваш ученик говорит правду, и я видела, как его уверенность сменилась на... ужас буквально за один вздох. И я также видела, почему. Бочка пошатнулась. Что-то внутри пытается выбраться наружу.

Драскин сузил глаза и тихо спросил:

- Снова играешь в героя и пытаешь впечатлить даму, приятель? Гарантирую, что это твоё заклинание подвинуло бочку. Заканчиваем. Отойди, ничего больше не колдуй и отправляйся в мою комнату немедленно. Там мне будет, что тебе сказать.

В повисшем молчании было слышно, как бочонок негромко заскрипел, а потом всё произошло очень быстро.

Крышка вспучилась, затем приоткрылась, слегка скосившись. Болотная вонь прокатилась по кухне и, прежде чем кто-нибудь смог что-нибудь предпринять, крышка отлетела прочь.

Зелёный поток вонючей воды хлынул наружу. Брэндор разглядел блестящую мокрую кожу, выпученные лягушачьи буркала и, наконец, кривую саблю, с энтузиазмом соперничающую с коротким копьём за удовольствие прервать жизнь одного небезызвестного послушника. Нечто оливкового цвета, с головой огромной жабы, неуклюже шатнулось вперёд, а затем выпрямилось на перепончатых лапах. Оно было выше, и шире в плечах, чем любой человек, которого когда-либо видел юноша. Шнуры мышц заходили волнами под поблёскивающей слизью, когда существо злобно замахнулось на Брэндора копьём. На монстре был доспех из панцирей морских черепах, а на его морде – жажда убийства; язык жадно высовывался вперёд сквозь зазубренные зубы, а из пасти смердело.

- Б-булливэг? – спросил абсолютно изумлённый Брэндор у всего Фаэруна.

Когда сабля просвистела над его головой, ученик колдуна пригнулся, отчаянно пролетел три шага, отделявших его от больших щипцов, и развернулся – как раз вовремя, чтобы отбить копьё и отгородиться ими от нападающего.

Булливаг возвышался над ним, зловонный язык хлестал парня по лицу и волосам. Шалара закричала. Брэндор сжался, избегая щёлкающих зубов, отчаянно вцепился в щипцы и пытался удержаться на ногах на мокром скользком полу. Он слышал сдавленные проклятья от Хальгера и с балкона, затем топот сапог повара... убегающего прочь.

После этого у него уже не было времени обращать внимания на что-то ещё, кроме собственного выживания. Булливаг наседали, кромсая и кусая.

- Отойди от него, парень! – крикнул Драскин. – Я не могу колдовать, пока ты там!

Едва не сбитый с ног корчами и напором чудовища, Брэндон стиснул зубы и отбивался, внезапно осознав, что единственное, что отделяет болотную тварь от того, чтобы свободно прыгать по кухне, убивая всё живое – это его руки на длинных рукоятках щипцов и те навыки обращения с ними, что он приобретёт в ближайшие секунд пять.

- Держись, парень! – прокричал Хальгер, грохот его ботинок становился всё ближе. – Я уже иду!

Но сил, чтобы продержаться, ему не хватало. Он должен был умереть. Он был... Внезапно существо издало рёв то ли ярости, то ли отвращения, и отшвырнуло Брэндора в сторону, заставив беспомощно скользить по влажной плитке. Юный маг жёстко упал на спину, увидел, что повар мчится через всю кухню с гарпуном в руках, услышал, как люди на балконе остервенело бьют тревогу – и понял, что булливаг набросился на Шалару.

Она попыталась убежать, поскользнулась и упала, закричав от смертельного ужаса. Наверху на балконе, как последний матрос ругался Драскин, воздев руки для заклинания, которое он не осмеливался прочесть.

Брэндор кое-как поднялся, со всей силы замахнулся своим оружием и бросился вперёд, обрушивая удар. Кухарки выбрали именно этот момент, чтобы завизжать.

Он неловко ткнул монстра в бок, заставив того зашипеть и пошатнуться, но был отправлен в полёт одним взмахом перепончатой лапы, потеряв при этом щипцы.

Металлическое орудие упало на пол со звоном словно от наковальни, а шипение булливага перешло в странный рёв, когда тот махнул копьём, попав Хальгеру в плечо и развернув его. Гарпун, который Брэндор едва ли смог бы поднять, отлетел в сторону.

Ученик мага сглотнул, в очередной раз поднялся на ноги и побежал так, как никогда раньше не бегал в своей жизни. Сабля уже была занесена для удара. Когда она полетит вниз, жизнь Шалары прервётся.

Булливаг сражался с людьми на раскачивающейся палубе, на песках пляжей и на мокрых каменистых побережьях. Он сходил в схватке с акулами, и даже как-то раз сразил сахуагина, но со слабыми, неуклюжими и безрассудно глупыми послушниками сталкивался нечасто. И поэтому решил игнорировать жалкий забег юнца, нанеся удар, чтобы распороть человеческой самке брюхо.

Клинок ушёл в сторону и высек искры из пола, когда Брэндор оступился и беспомощно врезался в лапы булливага. Монстр шатнулся, затем повернулся, намереваясь разрубить это назойливое недоразумение на куски.

Юноша уставился в холодные глаза навывате, увидел в них свою смерть и, корчась и пытаясь отползти в сторону, вспомнил, что поскользнулся на кусках нарезанного картофеля и... Ну конечно! «Помоги мне Мистра», - подумал он. Заклятье чистки картошки!

- Шалара, спасайся! – крикнул он, суматошно копаясь в мантии в поисках компонентов, всё так же продолжая отползать дальше в сторону - подальше от рыдающей дочери Тирана. Булливаг издал пыхтящее шипение – это могло быть только смехом. Боги, должно быть, он выглядит, точно рыба, вытащенная из воды. Ну давай, пучеглазый, смейся надо мной ещё чуточку дольше.

Маг бросил заклинание – торопливо, но точно – когда сабля взлетела вновь, затем откатился, прикрывая глаза руками. У него были сомнения в том, что он захочет, чтобы кровь нарезанного булливага попала внутрь его организма.

Визги, шипение и влажные рубящие звуки были действительно отвратительными, а от запаха тошнило, но Брэндору они казались изысканной серенадой менестреля, перемежающейся с фанфарами – ну, с одним аккордом уж точно: звоном упавшей на плитку сабли.

Он весь вымок, он отчаянно катился, холодное сияние было повсюду... и это отчаянное кувыркание, казалось, продолжалось вечно, прежде чем он наткнулся на что-то, что в ответ застонало. Хальгер.

- Полегче, приятель, - пробормотал повар, его голос – лишь слабое эхо былого громахания. Брэндор открыл глаза. Оказалось, что он смотрит на кольцо сердитых лиц – Тирана, командира Маэрлина, мастера Драскина и всё прибывающую стражу с обнажёнными мечами наготове.

- Твои кулинарные чары, - рявкнул Драскин. – Быстро!

Дюжина рук подняла Брэндора на ноги, прежде чем он успел хотя бы моргнуть. Драскин провёл ладонью по лбу своего ученика, стирая кровь и слизь булливага; никто не давал юноше посмотреть на то, что было разбросано по всему полу. Юный послушник обнаружил, что его ведут через кухонный хаос буквально заломив руки за спину.

Чуть ли не целая армия закалённых воинов, с суровыми лицами и в полном облачении, наблюдала за ним. Ученик мага весь промок, и от него несло кровью убитого монстра. Напряжённые, белые лица со всех сторон излучали ярость и страх. О боги, что-то будет. Все они казались готовыми вот-вот казнить несчастного послушника...

- Заклинание, парень, - не терпящим возражений голосом потребовал Драскин. – Сейчас же.

Брэндор заметил, что шесть рук в стальных перчатках подтащили длинные щипцы к нему, держа наготове. Он сильно и грустно выдохнул, сглотнул, нащупал нужные компоненты, повернул к пустому пространству перед стопором – и выполнил свой долг.

Солдаты отодвинули бревно в сторону и оттащили опустевшую бочку с дороги. Остальные начали катиться. Без лишних слов щипцы были вручены Брэндору, и он остановил первую полную ёмкость точно посреди поля, видимого только ему.

Пар поднимался от досок, пар и отвратный запах. Когда маг подкатил бочку поближе, бойцы с топорами поспешили её вскрыть. Оттуда вывалился булливаг, тёмный и склизкий, а из раззявленной пасти его валил дым. Чудище шлёпнулось на пол ещё до того, как топоры в кровавом согласии вгрызлись в его плоть. От запаха Брэндора замутило.

Командир Маэрлин коротко приказал что-то – парень не расслышал – и наёмники бросились вперёд. Они обступили бочки со всех сторон, вкатывая их в магическое поле Брэндора и вскрывая топорами. Визжащих булливагов припиливали копьями, готовя их на месте ужасающе быстро и эффективно. Резня продолжалась и продолжалась, и было явственно слышно, что не одному человеку на кухнях стало плохо. Ещё несколько исторгли содержимое желудков, когда Хальгер отвернулся от обрабатывающего плечо целителя и хрипло прорычал на всё помещение: «Нет, я не знаю рецептов супа из булливагов... но с готовностью поэкспериментирую».

Брэндор вкатывал бочки в пекло тяжёлыми, неудобными щипцами, как обезумевший, пока кто-то – сам Тиран Минтарна – не схватил его за плечо и не приказал остановиться.

Позволив орудию выпасть из рук, юноша понял, что его трясёт от усталости. Он оглядел пропитавшуюся вонью кухню. Бледных, стоящих на коленях Шалару, Драскина и двоих других магов выворачивало наизнанку неподалёку, а мрачные вояки бродили по колено в мокрых окровавленных трупах булливагов. Ох, вот теперь ему точно несдобровать...

Командир Маэрлин угрюмо пробирался через останки к нему. Брэндор закрыл глаза и дожидался холодных слов, которые закончат его службу в качестве Чёрного Баклера и отправят в темницу.

Рука, опустившаяся на плечо, тепло потрепала его, и сквозь мутный туман Брэндор услышал слова Олдивара Маэрлина:

- Отличная и смелая работа, приятель. Моя благодарность.

С другой стороны послышался звук прочищаемого горла – это был Драскин. Маг звучал несколько запыхавшимся, прося:

- Надеюсь, ты научишь нас всех обоим твоим заклинаниям. За каждое из них дам четыре сравнимых по силе, разумеется.

- Более того, ты спас Минтарн, - раздался неподалёку голос Тирана, докатившийся до каждого уголка просторной залы, - и Минтарн у тебя в долгу. Не вижу причин не вознаградить тебя как подобает в ближайшие дни.

И тогда Брэндор поднял голову, в изумлении посмотрев на правителя острова, но каким-то образом его взгляд оказался пойман в ловушку сияющих глаз Шалары. Юноша и девушка долгое, безмолвное время смотрели друг на друга, затем дочь Тирана внезапно преодолела расстояние между ними, не обращая внимания на крошево из булливагов, и обхватила героя руками.

Её поцелуи были тёплыми и яростными; прошло некоторое время, прежде чем она оторвалась, всё с такими же сияющими глазами. Ещё больше времени прошло до

того момента, как Брэндор смог смотреть на что-то ещё, кроме обожания на её улыбающемся лице. И первым, что он увидел, оказались слизь и кровь монстров, впитавшаяся в перед её прелестного платья и даже в рукава, в тех местах, где она обнимала своего спасителя.

- Я... я испортил твоё платье, - пробормотал он, протягивая руку и стряхивая месиво с корсажа, но не касаясь самой девушки.

Шалара вновь подскочила и прошептала несколько слов, слышных только ему:

- Пусть это будет первое из многих, что ты испортишь, повелитель моего сердца, - и она вновь отстранилась.

Как раз в это мгновение Брэндор понял, что некое движение, которое он отмечал краем глаза, оказалось растущей – широкой и понимающей – улыбкой на лице Тирана.

Маг вспыхнул и быстро взглянул вниз. Затем склонился, выудил что-то среди мешанины у ног и поднялся с маленьким и окровавленным, но, вне сомнений, оружием.

- Постой-ка! – встревоженно вскрикнул Тиран, отступая на шаг. – Зачем тебе это?

- Добросовестное выполнение обязанностей по чистке овощей, - ответил Брэндор, и его голос дрогнул лишь слегка. Он махнул ножом в сторону груды картофеля. – Истинная ценность воина, сэр.

Лицо Тирана вновь медленно расплылось в улыбке.

- Неужели? – поинтересовался он. – А я-то думал она в том, чтобы нести стражу... храпя на посту.

Высокий, залиvistый смех Шалары вознёсся над залпом смешков бывалых вояк. И переливающийся всеми оттенками красного Брэндор, которого Тиран дружески хлопнул по спине, подумал, что это самый замечательный звук, который он когда-либо слышал.

Живущий вечно

Страшись меня, ибо я и в самом деле внушаю страх и трепет. Я Ондруу, и я буду жить вечно.

Когда-то я был высоким, стройным и сильным, и глаза мои пылали зеленым огнем, когда я шагал по Кормантору, окутанный плащом своей силы, посмеиваясь про себя над выдумками эльфов. Прекрасные эльфийские дамы порой смотрели на меня украдкой — и останавливали взгляд на одиночке, вышедшем из ночных теней не для того, чтобы просто смотреть.

Они никогда не встречали человека столь обходительного и прекрасного лицом и фигурой, им не доводилось еще видеть кого-либо, кто мог бы плести сети заклинаний не хуже мастеров школы Шринши, чародея более сильного и искусного, чем надменные архимаги Старима.

О да, на меня стоило посмотреть. Теперь вы считаете меня призраком, а ваши клинки снова и снова пытаются пронзить блики света, всюду следующие за мной... но я не там, где вы думаете. Я здесь, в опутанном заклинаниями сердце этого огромного, размером с кулак, изумруда, что блистает в рукояти быстрокрылого меча Талата Морнира. Видите, как я сверкаю?

Да, я здесь, в своем любимом уголке. Я снова и снова скольжу по вечно сияющему лабиринту, в котором старый Элодар Лириндралей заключил магию, заставляющую этот клинок летать как птица. Магию, которая заставит его при необходимости облететь половину Фаэруна, а затем вернуться к хозяину и принести ему наколотую на лезвие записку, привязанный к рукояти предмет, а то и украденное заклинание.

О, вы начинаете забывать меня и расслабляться. Взгляните же на твердыню, куда вы до сих пор не осмеливаетесь войти: на замок Кормантор, на его высокие и суровые стены, по крайней мере, на то, что от них осталось. Вы страшитесь его, я вижу... его, но не меня.

Не так-то просто будет меня забыть.

И вот теперь я покидаю этот клинок и лечу, отзываясь свистом в ушах и вздымая дыбом волосы. Ха! Кромсайте воздух своими мечами, если вам так хочется, горе-вояки! Посмотрим, может быть вам и удастся пустить мне кровь, хотя даже у богов это не вышло! Тихо усмехаясь, я проскальзываю в стеклянный цветок, созданный Сарсари Сплетающим из янтаря и аметиста. Я начинаю свой танец, и цветок мерцает, как разгорающееся пламя. Я пробуждаю запертые в нем заклинаниями ароматы, которые он источал тысячу лет и будет источать еще тысячу. Посмейте только тронуть такую красоту, и я обрушу на вас молнии, и оставлю в назидание следующим компаниям идиотов ваши сапоги... наполненные пеплом. Что ж, если на мерцание пламени и солнечного света вы собираетесь отвечать мечом, я улетаю прочь! Прочь отсюда, в многоколонный Зал Аладайна, я пробужу его и заставлю петь, и в глубинах огромных хрустальных колонн затанцуют тени эльфийских красавиц. Ха! Вы спешите за мной, позабыв про Замок? Ну что ж, тогда вперед — мимо Аладайна, к Поющим Камням, петь среди разрушенных башен, которые много столетий не слышали нечего подобного... обгоняя вас, нелепых пешеходов, туда, где впустую лежат груды доспехов и оружия Фаэраварры, мертвые, сверкающие и пустые, и только мои мысли могут заставить их вступить в бой! Вы жаждете крови, незваные гости? Вы ее получите, море крови, причем вашей собственной! Да, я Ондруу, бойтесь же меня!

Вы будете меня бояться.

Впрочем, остановитесь, странники, задыхающиеся и с безумными глазами, и внимайте: нет никого благородней меня среди всех поселившихся здесь духов, оседлавших Миталь, словно ветерки. Я знаю, что есть милосердие, и умею оказывать его, подобно Леди Стил, чья красота до сих пор иссушает мне душу. Темным оно знакомо гораздо меньше.

Они тоже пользуются силой Миталя, впрочем, жестоко и неумно: темные эльфы, иссушенные и поработанные той, что имеет дерзость исказить Миталь. Той, что пришла недавно и заморозила баэльнора. Той, чьи глаза горят жаждой власти. Той, кого сопровождает тварь, бывшая некогда драконом. Той, что носит у пояса Перчатки. Той, что мнит себя королевой Мит Драннора, используя Миталь как примитивное оружие, как основу для своих убогих заклятий. Она ищет лишь собственной выгоды, и рассматривает все живые существа как принадлежащие ей орудия, но не в состоянии предвидеть, что случится завтра. Я знал много мужчин такого склада, но среди чародеек таких очень немного. Впрочем, я сказал бы, что одной уже больше чем достаточно.

Если вы встретитесь с ней, вы тут же узнаете ее, раньше, чем она успеет вас уничтожить. Глаза ее полны безумием. Она хочет заполучить больше, больше...

Больше пленных душ и больше власти. С помощью Миталя она дает все больше силы своим рабам, и не драконам, и той твари, что когда-то была драконом. Она создает все новые сияющие источники, уже за пределами Великого Города, истребляя людей, словно бессловесный скот. Похоже, она стремится сравняться с богами, воссиять новой звездой среди старых. Для чего еще ей может понадобиться такая сила? Впрочем, я видел немало звезд, павших с невероятной высоты...

И сгоревших в пламени собственной силы. Она еще даже не знает о присутствии Ондруу, да и других бдящих духов, оседлавших Миталь. Если же она пойдет слишком далеко и попытается сделать что-то не то... из замшелых подвалов и башен, из забытых склепов и внезапно вспыхивающих руин, из скрытых сокровищниц, из задушенных корнями и оплетенных листьями гордых развалин великого города мы взмоём вверх, воссияв во гневе, и обрушимся на нее во всем своем ужасающем и беспощадном величии.

Трепещите, пришельцы! Мы — не просто голоса, сплетающиеся с воем ветра. Кое-кто из нас попал здесь некогда в западню, кое-кто пользуется силой Миталя со дня его создания. Иные окунулись в него, устав от повседневной суеты, иные — когда на закате великого города явились демоны, жаждущие разлучить его жителей с их любимыми деревьями. Видите? Видите мерцающие огоньки в темной арке, среди развалин того, что некогда было Домом Алаунгалеяра? Полюбуйтесь на другой дух Миталя, что глядит на вас теперь: Армантала, Темная Леди Норнанейра, темнейшая из чародеек Мит Драннора. Она купалась в крови — собственной и тех смертных женщин, кто охотно отдавал ей свою — чтобы взамен испытать синего эльфийского огненного вина и продлить свою жизнь. Это было очень давно, и она тоскует по тем временам. Она ненавидит лишенных души темных эльфов еще больше, чем Ондруу, и прочих рабов новой силы тоже... Но больше всего она ненавидит эту выскочку, самозваную Королеву, с ее безрассудными заклятиями и тщетной жаждой власти.

Ей давно следовало бы избрать наш путь — вечную жизнь в Митале и с помощью Миталя, в его торжествующей песне. Это песня тысячи магов, отказавшихся от себя и вплетавших свои силы в Миталь, и игравших на этих силах, словно на струнах арфы, сохраняя Миталь и умножая его могущество.

Я тоскую по тем дням. Вот уже много лет, как силы Миталя не растут; теперь его могущество меньше, чем было раньше. Я уже не могу парить над огнями Сембии или

замереть в ночном воздухе между звездами и Лунным морем. В полотне Миталья возникли провалы и разрывы, и некому заплести и заштопать их вновь, и возродить былую славу Мит Драннора.

Вы видите, как я улетаю прочь от погруженной в раздумья Аманталы к этому балкону, задыхающемуся под тяжестью виноградных лоз и костей демонов. Здесь, у бывших мастерских Палаты Самоцветов, многие нашли свою смерть: и забиравшиеся сюда лисы и жабы, и люди, следовавшие зову алчности, чьи души были уничтожены и развеяны. Вот он, Дарединтур, гладкий, темный, круглый сверкающий самоцвет в шесть раз больше человеческой головы, безмятежно парящий среди оплавленных костей, выжидающий...

Выжидающий момента, чтобы уничтожить вас, если вы осмелитесь тронуть его. Я могу танцевать и в его темном сердце, чувствуя, как даже сейчас шевелится вокруг смертоносная магия — потому что я лишь наполовину дух.

На вас, видимо, лежит милость Тихе, ведь Ондруу — не последний из могущественнейших боевых магов, и, осмелюсь заметить, один из немногих, кто был не прочь иметь дело со смертью и бороться с врагами. Да, если бы мое тело было при мне, ваша удача, пожалуй, уступила бы моей...

— Вот опять, видите? Оно как будто... дразнит нас.

Голос Делмоэн казался почти ленивым, но эта беспечность не ввела в заблуждение ни одного из ее спутников. Возможно, взволнованные вспышки зачарованных камней на ее перчатках имели к этому какое-то отношение.

— Ну и что? Это призрак, просто призрак, который стремится вскружить нам голову и обречь на гибель. Как вы думаете, сколько народу рассталось здесь с жизнью?

Ворчливый воин оценивающе посмотрел на полосы мха, оплетавшие башню с левой стороны от них, а затем на такие же полосы, увенчавшие башню справа.

— Ну, — добавил он медленно, с отвращением глядя на темную и мрачную стену камней, преграждавшую им дорогу, — должно быть, это демоны нагромодили здесь все эти камни, когтями раздирая эльфов на части. Это была ужасающая резня.

— Спасибо, Солор, — холодно ответила Делмоэн, не сводя глаз с неприступных стен Палаты Самоцветов, возвышавшейся над ними. — Это как раз то, чего мне не хватало, учитывая, что вокруг быстро темнеет и мы не успеем вернуться.

— Я же говорю: телепортируй нас обратно на поляну, и мы завтра снова пройдем сквозь врата, — в раздражении заметил другой воин.

— Не могу сказать, что меня так уж пугает идея переночевать здесь!

Оба воина когда-то были возлюбленными белокурой чародейки, но их бестолковость в конце концов вывела ее из терпения.

— Баэлор, — Делмоэн говорила почти мягко, — ты разве не видел, как там, у разрушенного моста, Ратхра превратилась в кровавый фонтан, когда пыталась телепортироваться?

Баэлор пожал плечами.

— Это и так может произойти в любой момент. Мы мо...

— Баэлор, Ратхра была двадцать третьим по счету магом, кто погиб, пытаясь применить в Мит Дранноре телепортирующее заклятие. Я не хочу стать двадцать четвертой.

Воин раздраженно взмахнул мечом.

— Предполагается, что Миталь вообще не дает никому открыть врата в центр города, но мы-то здесь!

— Да, но мы не знаем, кто сотворил эти врата, может, это часть Миталя? И когда вы оба научитесь думать, прежде чем открыва...

Земля под ногами Солора извергла огромную, в два человеческих роста, бледно-серую, как поганка, лягушачью голову, которая ревела от ярости, разбрасывая во все стороны каменные плиты.

Многозубая пасть разверзлась под жестокими глазами гигантского четырехрукого червя. На массивной шее (точнее, там, где у существа должна была быть шея) у твари красовалось ожерелье из человеческих черепов. Чудовище ухмылялось, протягивая вперед длинные корявые когтистые руки...

В отличие от Баэлора, Делмоэн не стала тратить время на визг и вопли. Они со всех ног бросились бежать обратно, по пути, которым пришли сюда, так быстро, как только могли — по грудам камня, покрытым мхом и плетями дикого винограда, направляясь к лестнице, которая вела наверх из долины, где они находились. Внезапно Делмоэн врезалась в спину Баэлору, споткнулась и выругалась, пытаясь удержать равновесие.

— Ловиатар тебя разрази, Баэл, что ты... О!

Лестница была занята. Искатели приключений, задыхаясь, смотрели на холодные улыбки доброй сотни вооруженных темных эльфов.

Добро пожаловать в Палату Самоцветов! Ну да, ну да.

За спиной у вас ормирр, приготовивший камни размером с вас самих, чтобы запустить их вам в спину... а впереди — острые темные клинки лишенных душ темных эльфов. Теперь у вас, пожалуй, не будет времени махать мне мечами, а?

Я Ондруу, и я буду жить вечно!

Долгий путь домой

Второй день Флеймула уже давно перевалил за полдень, когда шесть Пурпурных Драконов, вздымая тучи дорожной пыли, остановились возле указателя, где сходились пути. Не говоря ни слова любопытным жителям Халхвоста, один из них привстал на стременах, чтобы забить широкую вывеску, которую другой вручил ему к старому столбу.

К тому времени, когда он закончил и сел в скрипучее седло, чтобы осмотреть свою работу и устало вытереть пыль с губ, половина Халтейла собралась вокруг воинов Короны и вглядывалась, чтобы прочитать, что написано на табличке:

Весь Кормир оплакивает своего любимого короля, Азуна Обарскира, четвертого по счету, павшего в славной битве, лично уничтожив "Дьявольского дракона". Освобождая королевство от этого титанического красного дракона, его войск и армий гоблинов, Пурпурный Дракон без колебаний отдал свою жизнь, до последнего проявляя храбрость и боевую доблесть, которые сделали его особенно любимым среди воинов, служивших под его началом.

Справедливый и очень любимый король, Азун царствовал долго и хорошо; большинство живущих сегодня кормирцев не знало другого обитателя Драконьего трона. Единственный сын Ригерд II и его королева Таналуста Истинносеребряная, Азун пережил свою королеву Филфаэрил.

Вдовствующая королева назначила своего единственного выжившего ребенка регентом. Принцесса Алусейр Накация будет управлять Кормиром как "Стальной регент", пока внук Азуна не достигнет совершеннолетия. Азун V, законный правитель Лесного королевства, -единственный сын наследной принцессы Таналусты, которая также погибла в героической битве. Местонахождение отца младенца, Ровена Кормарила, неизвестно; возможно, он тоже погиб, сражаясь за освобождение королевства от зловещих газнетов.

Павший Азун был любим многими кормирцами; он был личным другом многих знатных дам, йоменов и крестьян королевства. Как сказал о нем менестрель Раут Риндрел, Пурпурный Дракон был "человеком, который смотрел в глаза любому кормирцу как равному, и когда он смотрел на тебя, то от этого взгляда ты чувствовал тепло, дружбу и значимость". Мне этого не хватает, как и многим, многим жителям королевства. Его будет очень не хватать. Боюсь, никто из нас больше не увидит столь великого короля".

Мне знаком тот же страх. Скорбь, Кормир, и пусть он никогда не будет забыт, чтобы его имя и сказания о нем по-прежнему утешали, укрывали и ободряли всех добрых людей этого королевства на протяжении долгих лет после его ухода.

Эльминстер из Долины Теней

— Это кто?

— Ты не знаешь короля? Почему, болван, он...

— Нет, нет: Эльминстер, навозный осел! Кто такой Эльминстер из Долины Теней?

Какой бы недоверчивый ответ ни начал произносить пожилой человек, он навсегда затерялся в звуках нового удара молотка, когда глашатай снова встал с седла, держа в руке новую, меньшего размера табличку, и принялся за работу, прикрепляя ее под первой.

На этой было начертано следующее:

Звучит глубокий барабан.

Лев, которого я гордо люблю

пал, чтобы выстоял Кормир.

Некоторые короли -лишь старые имена

На разрушающихся гробницах

Звучат в свирели, поющей в Кэндлките.

Больше нет.

Мой Азун не будет так легко забыт,

Спросите любого Туйгана.

Поднимите чашу в его память

И будьте счастливы, как я.

Он был моим, долгие золотые годы

Боги даровали нам это.

Он принадлежал Кормиру, все его годы.

Боги дали этот дар всем нам.

Да, будьте счастливы.

Никакие слезы не вернут его.

Зачем плакать сейчас

От ворот и крепостных стен

Пока все горные склоны

не отзовутся громом печали?

Моя любовь ушла.

Солнце село над королевством

Вся слава пала.

Я больше никогда не увижу Кормир таким ярким.

Ее Королевское Величество

Королева Филфаэрил Обарскир

Из многих уст вырвался почтительный вздох, и не одна шапка была снята и прижата к груди своего владельца.

— Хранят ее боги, — пробормотал один человек.

— Да, бедная королева, — сказал кто-то другой, а кто-то третий фыркнул.

— Похоже, она почти счастлива застать его кончину. "Будьте счастливы", - сказала она дважды. Похоже, все его постельные похождения до сих пор ее раздражают.

— Придержи язык, ты! Она просто просит нас быть беззаботнее - видишь последнюю строчку? Она плачет, дурак, она плачет!

— Я спрашиваю еще раз: кто этот Эльминстер, чтобы его слова висели выше слов нашей королевы?

— Старик, ты что, вырос глухим и слепым? Неужели никогда не слышал о старом маге из Долины Теней?

— Ой, да это всего лишь небылицы, причуды у костра, обросшие сказками, а не реальность.

— О, он вполне реален, — сказал один из воинов в шлеме, сидя в седле, и слова его были столь же мрачны, сколь и неожиданны. — Ты быстро поймешь это, если тебе посчастливится встретиться с ним.

Наступило молчание: жители Халтейла уставилась на Пурпурного Дракона, который говорил, потом снова на письма, читая и перечитывая их.

Пожилой мужчина отвернулся первым, чтобы задумчиво сплунуть и прорычать:

— Да, впереди будет тяжелая зима и еще не одна после нее, будьте уверены. Мы видели дни славы, ребята, и они умерли вместе с нашим Азуном, на той вершине холма с Дьявольским Драконом.

Затем он остановился в своей таверне - остановился так внезапно, что люди, начавшие тащиться следом за ним, едва не столкнулись носами, - и яростно зашипел:

— Но он убил его перед смертью, ребята, убил! Запомните это. Он выполнил свой долг перед нами, как истинный клинок Кормира!

— Да, — недовольно согласился кто-то.

— Да, — отозвался другой, еще менее воодушевленный. И медленное движение к таверне возобновилось, оставив шестерых всадников почти одних.

Они обменялись взглядами, а затем в молчаливом согласии повернули головы своих лошадей в сторону темного и покосившегося трактира "Шестисвечник", одарив его такими же прищуренными взглядами, какими они могли бы одарить знакомого врага на поле боя.

Халтейлянка, которая была медленнее других, с любопытством посмотрела им вслед, затем плотнее накинула шаль на плечи и взглянула на вывески, которые они прикрепили. Когда она пробиралась по строчкам письма, отбивая каждое слово по очереди, ее губы шевелились, бормоча слоги.

— Я никогда больше не увижу Кормир таким ярким...

Когда Гларастир Рулиган вел трех Пурпурных Драконов и двух Боевых Волшебников, которые только притворялись воинами, в тускло освещенную переднюю залу Шестисвечника, странствующий торговец из Сюзейла пышно описывал похороны Азуна дюжине богатых халтейленцев за дымящимися блюдами с кабанятиной.

— Нет, нет, похороны состоялись одиннадцатого числа Киторна - ха! Хотите спорить? Я был там, заметьте!

— Да, да, — поспешно сказал маленький пузатый человечек, которого Рулиган знал как лучшего пекаря в Халтейле, размахивая руками, словно мог успокоить все

разногласия, — все было так, как ты говоришь, конечно, как же иначе? Но говори дальше, молю тебя! Расскажи нам еще!

— Ну, теперь, — сказал сюзейлец, выпрямляясь в своем кресле и похлопывая свой обширный живот с полным видом напускного удовлетворения, — я расскажу это, расскажу. Слушайте.

И он наклонился вперед, как собака, сунувшая голову под кровать, и прошептал грубым голосом, донесшимся до каждого уголка передней залы, как боевой рог:

— Они пронесли их по улицам, короля и павшую принцессу, и сразили меня перед алтарями всех богов, если бы они не улыбались. Мертвые, белые, как кости, и ухмыляющиеся, словно они узнали какую-то великую тайну. Мне сказали, что у боевых магов были наготове заклинания, чтобы отразить все, что бросят в королевские останки.

— Эй? — нахмурившись, спросил портной Халтейла. — Например? Цветы?

Бирлотур из Сюзейла немного самодовольно улыбнулся и ответил:

— Поджигатели. Брошенные теми, кто служит некоторым из наших изгнанных дворян. Могу добавить, что их ждали, но не видели.

— Ха, — пренебрежительно сказал высокий длинноносый кузнец. — Много плача и стенаний, и Пурпурные Драконы отпихивают людей с дороги — рад, что пропустил это.

— О, нет, — мягко сказал Сюзейлец, оглядывая своих слушателей с внезапным огнем в глазах, — вот тут вы сильно ошибаетесь, добрые люди. Это было жутко.

— Жутко?

— Да. Все молчали, слышно было только всхлипывания и шаги, принцесса Алусейр в сопровождении королевы Филфаэрил шли впереди гробов. Жители города по всему маршруту следования делали то же самое, так четко, словно их выдрессировали на торжествах Драконы: без чьего-либо приказа, следуя своему положению в жизни, все они преклоняли колени или отдавали честь. Затем они встали и попытались прикоснуться к гробоносцам, осторожно, словно голыми руками. Затем, как молчаливые солдаты, они падали позади мертвых, присоединяясь к процессии. Большая часть Сюзейла шла пешком. Не побоюсь сказать, что мне было страшно, вплоть до башмаков.

— Испугался?

— Какой-то идиот из Западных Врат совершил ошибку, посмеявшись над умным замечанием друга, и добрые жены набросились на него! Они разорвали его на части голыми руками, выкрикивая имена своих погибших в бою! Да я бы поддержал женщин Кормира в тот день, с голыми руками, против всех наемных клинков, какие только может позволить себе Сембия, даже усиленных Пламенным Кулаком и многочисленной ордой Туйгана. Так полны они были слез и ярости, что не боялись ничего, и бросили бы вызов самому Темпосу, Владыке битв! Я видел, как воин Западных Врат в отчаянном бешенстве достал меч, а старая матрона отбросила в сторону этот клинок, словно детскую веточку, не обращая внимания на порезы, которые он ей нанес, чтобы добраться до того, кто стоял за ним. Послушайте меня: Я никогда больше не буду насмехаться над доброй женой этой земли.

Кузнец махнул рукой и прорычал:

— Ах, но ведь они мертвы. Азун и его дочь умерли, а у нас королем стал младенец.

— Азун Ригерд Палагхард Дуар Обарскир, драконий принц Кормира, Верховный королевский герцог Сюзейла и Король Восходящий на Драконий Трон, Штагмейстер Королевства и Лорд-Адмирал Западных Падающих Звездных Волн, — радостно скандировал пекарь, едва переводя дыхание. Затем он с нетерпением посмотрел на Сюзейлца и спросил:

— Ты видел его?

Бирлотур фыркнул.

— После Помазания никто за пределами королевского двора его не видел. Вангердагаст повсюду видит заклинания очарования, похищения и подмены детей, так что мало того, что вокруг этого мальчишки в кольце стоят Пурпурные Драконы, пока он булькает, воркует и мочится, так еще и множество боевых волшебников заклинаят его, их и комнаты вокруг, каждый день до последнего вздоха. Это будут долгие двадцать лет для этого парня.

— Он здоров? Сможет ли он вырасти и носить такие же тяжелые доспехи, как его отец?

— Ну, я слышал следующее: наш пятый Азун очень любит булькать, хихикать и подражать самому низкому тембру речи, которую он слышит - мужскому фырканию, рычанию и бормотанию проклятий.

Вокруг стола раздались смешки.

Затем кузнец сказал:

— Ну, если что-то сведет его в могилу - болотная лихорадка, а не просто яд или клинок - я уверен, как в своем собственном имени, что у нашего королевского волшебника есть кровь парня и все остальное, что ему нужно, чтобы вернуть его к жизни, даже...

— Хист! — поспешно зашипел сюзейлец, взмахнув рукой. — Ни слова больше! Разговоры об этом - это кандалы в камере и допросы боевых волшебников, и если они найдут измену в твоих мыслях - твоих мыслях, разуме - тогда это смерть. Иначе - изгнание для чужаков и штраф для таких, как мы.

— Святой Трон! — поклялся кузнец, опрокидывая в себя танкарду. — Что это за безумие? Причинить вред человеку из Кормира за то, что он говорит о безопасности престола? По-моему, это смахивает на самоуправство Стальной Суки!

Пекарь отшатнулся, словно кузнец дал ему пощечину, и слабо спросил:

— Ты говоришь о принцессе Алусейр?

— Да, госпожа Верховный Стальной Регент или как она там себя называет в эти дни! А что, я...

Холодная сталь сверкнула во мраке, оказавшись сзади на горле кузнеца, заставив его замолчать на полувсхлипе. Его испуганные глаза расширились над мечом, когда его владелец плавно закончил за него прерванную фразу кузнеца:

— Я внезапно пришел в себя и понял, что совершенно глупо проклинать правительницу нашего прекрасного королевства только из-за моего необоснованного мнения о ее характере.

Затем сталь исчезла, а кузнец зашатался на своем месте от крепкого подзатыльника в ухо, какой можно дать непослушному мальчишке.

Мужчины за столом устали на Пурпурного Дракона, стоявшего за креслом кузнеца, внезапно и неловко осознав, что другие Драконы стоят за их собственными креслами.

— Извинись, — тихо добавил человек с боевым мечом в руке. — Не передо мной, а перед принцессой Алусейр. Сейчас же.

— Я... кто вы...

— Извинись!

Кузнец посмотрел на кончик меча, который был перекинут через плечо, чтобы снова сверкнуть в его взгляде, и поспешно пробормотал:

— Прости. Я прошу прощения за то, что сказал о принцессе.

— Принято, — прозвучало в ответ.

Бирлотур из Сюзейла пристально посмотрел на Пурпурного Дракона. — Итак, ты получил свои извинения, и я спрашиваю: кто ты такой,

Дракон, чтобы острить меч против честного доброго человека из Кормира?

Мрачный человек в доспехах встретил его взгляд холодными, ровными глазами и повысил голос так, что его можно было услышать через всю переднюю палату.

— Меня зовут Рулиган. Сэр Гларастир Рулиган, если хочешь, чтобы все было правильно, когда будешь жаловаться. Я здесь, чтобы прочесать этот трактир.

— Прочесать? Что ты, во имя Драконьего Трона, имеешь в виду?

Этот гневный вопрос исходил от женщины с жестким лицом, которая поспешно вышла из внутренней комнаты и неуверенно стояла за кольцом Пурпурных Драконов.

Рулиган повернулся к ней лицом.

— Райтра Матчам? Хранительница этого трактира?

Из дальних углов передней комнаты донесся ропот удивления, и женщина ответила:

— Да-да, с тех пор как мой Рорт погиб, сражаясь рядом с королем эти два месяца назад. Как получилось, что ты знаешь мое имя?

— Суд не без глаз и ушей, госпожа Матчам. Я послан сюда не для того, чтобы причинить кому-то вред, если я не нахожу в этом необходимости, но мои приказы должны выполняться так, как будто они исходят от самого королевского волшебника. Моя задача - убедиться, что этот постоянный двор безопасен для Стального Регента, чтобы она могла остановиться в нем этой ночью - безопасен от огня, от заклинаний и от занесенного клинка.

Райтра Матчам уставилась на него так, словно у него на плечах выросла вторая голова; голова Азуна IV, улыбающегося ей в своей короне и все такое.

— Я... я...

Рулиган улыбнулся ей.

— Корона заплатит хорошим золотом, конечно. Много. Кроме того, будет последнее жалованье Рорта и цена погребения.

Ритра пошатнулась, ее лицо внезапно побледнело, и он протянул руку, чтобы поддержать ее.

Она вцепилась в нее, как в железо, лишь на мгновение, затем откинула голову назад, глубоко вздохнула и громко сказала:

— Я польщена. Приказывай мне всеми способами, чтобы этот дом стал достойным!

Ропот нарастал и нарастал, когда половина халтейленцев, бездельничавших за бульоном или элем за разными столами в передней зале, поспешили закончить и пойти рассказать обо всем деревне.

— Прекрати свое заклинание, боевой волшебник, — твердо приказал женский голос из-за спины Рулигана. Он обернулся.

Позади него стояла одинокая женщина в кожаной одежде, в одной руке она держала тонкий длинный меч, а в другой - кинжал, поднятый для броска. Острие ее клинка находилось прямо у горла одного из Пурпурных Драконов, который на самом деле был боевым волшебником, а ее кинжал и взгляд были устремлены на другого замаскированного волшебника.

— А кто вы, леди? — спросил Рулиган, немного устало.

— Меня зовут Шарантир. Я Рыцарь Миф Драннора.

Рулиган вздохнул.

— И я полагаю, у тебя с собой устав, искатель приключений?

— Нет. Азун сказал, что нам больше нет нужды носить его с собой.

— Леди, — осторожно сказал Рулиган, — Азун мертв.

— Алусейр знает меня и подтвердит мое право на оружие, — был спокойный ответ. Меч дернулся. — Прекрати свое заклинание, маг!

Рулиган вздохнул и подал боевому волшебнику небольшой сигнал, приказывая тому сделать именно это. День явно предстоял долгий.

— Леди Шарантир, вы останетесь здесь, в Шестисвечнике?

— Да. И да, прежде чем вы спросите, я буду ходить с вами и держать себя под вашим присмотром.

Заметив ее кривую полуулыбку, Рулиган снова вздохнул. Да, это уже затягивалось.

В конюшне пахло так, как всегда пахло в конюшнях, и выглядела она тоже соответствующе. Однако в конюшне Шестисвечника не было пресловутой амурной парочки в конце стойла - вместо нее там стоял дикий волосатый юноша с грязным лицом, который смотрел на Рулигана поверх своих навозных вил.

— Ты действительно рыцарь?

— И где же, — терпеливо спросил Рулиган, — ты это слышал?

— Старый Андур сказал мне, что Высокие Рыцари - это единственные Пурпурные Драконы, которые могут приказывать боевым волшебникам.

— Старый Андур, кем бы он ни был, — коротко сказал Рулиган, — слишком много болтает.

— Ну, этого я не знаю, — огрызнулся конюх, — поскольку он мой отец и стоит прямо за тобой сейчас, с вилами наготове у твоей шеи!

Рулиган бросился в сторону, прежде чем повернуться, вокруг него зашуршала солома, а потом он увидел, что ему вовсе не нужно было двигаться.

Старый ветеран со шрамами, которого ему представили как конюха в Шестисвечнике, действительно стоял прямо за ним, подняв вилы для удара, и тщетно пытался сдвинуть их с места, потный и яростный, в хватке женщины-рейнджера в кожаной одежде, которая стояла прямо за ним.

— Брось их, Андур, — мягко сказала она. — Или ты забыл, сколько стоит убить офицера Двора?

С беззвучным воплем ярости конюх выпустил вилы из рук. Они больно ударили его по голени, когда Шарантир отпустила его, оставив Андур спотыкаться и хвататься за онемевшие руки.

— Будь ты проклята, женщина! — задыхался он от боли. — Да проклянут тебя все Наблюдающие Боги!

— Они уже прокляли. Я искательница приключений, помнишь?

— Сколько злости, — сказал Рулиган, переводя взгляд с отца на сына. — Благоразумие подсказывает мне приковать вас обоих к какому-нибудь очень далекому дереву и поручить придворным управлять конюшнями этой ночью. Так скажите мне, почему я не должен этого делать?

Оба мужчины устали на него, тяжело дыша, а потом Андур прорычал:

— Я хороший хозяин лошадей, и какую бы ненависть я ни питал к кому-либо, я не вымещу ее на его лошадях и не позволю пламени отнять у меня жизнь! Эта конюшня - моя, и я буду содержать ее в порядке! Рыцарь, ты можешь мне доверять!

Рулиган встретил его взгляд.

— Я верю в это. — Он повернулся к сыну. — Итак, парень, в твоём отце столько ненависти, что он подумывает проткнуть вилами меня, человека, которого он никогда не встречал. Ты тоже что-нибудь ненавидишь так сильно?

Конюх бросил на него озадаченный взгляд.

— Э-э... нет.

— Так почему же ты так зло посмотрел на меня, как только я вошел сюда?

Парень покраснел, посмотрел вниз в тщетной надежде, что его вопрошающий уйдет, если его не заметят, а затем пробормотал:

— Ты приходишь сюда со всеми этим высокими и могущественными приказами, рычишь и огрызаешься, а надежда королевства исчезла и унесена прочь. Какая жизнь ждет меня впереди?

Рулиган кивнул, затем снова обратился к Андуре.

— Ты был Пурпурным драконом, но был готов сразить меня. Почему? Какая ярость живет в тебе?

Если его сын был красным, то Андур был почти черным от гнева и стыда. Черным и дрожащим.

— Когда я понадобился моему господину Азуну этой весной, я взял свой старый меч и отправился, — огрызнулся он, откусывая каждое слово, словно не желая его использовать. — На войну, с моим мастером Рортом, как в старые добрые времена. Он, и многие другие такие же, как он, погибли за нашего короля, и мы бы сделали это снова! Но теперь он ушел, пал, сражаясь, и с кем остался Кормир? С его шлюхой второй дочерью, со всеми ее распутными замашками! Я в отчаянии, рыцарь. Отчаиваюсь за нашу землю под ее властью.

Он поднял вилы, но теперь повернулся и протянул их Шарантир, добавив:

— Так урезоньте же меня за мои изменнические слова, и пусть я не доживу до того, как справедливый Кормир погрузится во тьму.

Рулиган вздохнул.

— Я не убиваю никого за их мнение. — Он покачал головой и добавил:

— До тех пор, пока ты сможешь быть хотя бы вежливым с принцессой, если будешь говорить с ней.

— Я буду использовать свой язык, а не вилы, если ты это имеешь в виду.

— Именно это я и имею в виду. — Рулиган снова вздохнул и отвернулся. — Надеюсь, добрая леди Матчам найдет в себе силы быть более приветливой, чем вы.

— Я сомневаюсь в этом, — прорычал Андур. — Она винит в смерти Рорта то, что Алусейр лихо промчалась по тылам, размахивая клинком, вместо того, чтобы стоять рядом с королем в тот день. Она может просто плюнуть и вцепиться когтями в ее величество при первом же взгляде, вместо того чтобы проводить ее в свою комнату.

Рулиган закатил глаза. Слишком длинный день.

Разоблаченные, боевые волшебники больше не заботились о том, чтобы скрывать свою магию, и тщательно проработали заклинание, чтобы смочить дороги настолько, чтобы унять пыль, но не принести грязь. Поэтому все собравшиеся в Халтейле могли отчетливо видеть десятки всадников, переходящих с рыси на галоп, чтобы прибыть к крыльцу Шестисвечника в высшем свете.

Они тщетно искали корону или драконий шлем, сверкающие доспехи или блестящие драгоценности. Многие из них уже вздохнули в разочаровании и отступили назад, чтобы посмотреть на дорогу в поисках второй, более многочисленной группы всадников, когда новоприбывшие выехали на дорогу.

У женщины во главе их отряда были распущенные волосы, на ней было простое боевое снаряжение из поношенной и залатанной кожи, какое предпочитают наемники, но когда она спрыгнула с седла и зашагала к ступеням Шестисвечника, мрачный верховный рыцарь, который провел день, переворачивая трактир вверх дном, вышел и опустился перед ней на колени.

Внезапно воцарилась тишина благоговения и удивления.

— это Стальной Регент?

Затем печально известная принцесса Алусейр повернулась и одарила собравшихся жителей Халтейла взмахом руки и ухмылкой.

Они уставились на грязные и взъерошенные пепельно-русые волосы, веселые карие глаза и черные, как уголь, брови. Она была прекрасна. Стройная, дикая и прекрасная.

Каждое ее движение было плавным и в то же время принадлежало боевому человеку, а не скромной служанке. Она подхватила меч в ножнах, чтобы он не запутался в сапогах, как это мог бы сделать любой оружейник, подняла Рулигана на ноги и крепко поцеловала его в губы, вызвав громкий ропот удивления и неодобрения, и поспешила в Шестисвечник, а он поспешил следом.

— Боже правый, — разочарованно сказала одна добрая жена. — Даже короны нет!

— Более того: никаких доспехов, — прорычал старик рядом с ней. — Любой лук мог лишить ее жизни прямо у нас на глазах! Маленькая дуручка!

— Нет, — вставил купец из Сюзейла, — ты видел ее кольцо? Светящееся? Наверняка защита от оружия! Мы видели кое-что об Алусейр в Сюзейле, говорю тебе, и...

Но к тому времени он стоял в одиночестве и разговаривал с задними частями уходящих лошадей и спинами спешащих жителей деревни. Халтейл торопливо поднимался по ступеням трактира, чтобы самому увидеть что-то об Алусейр.

Трактирщица была белой и дрожала. Алусейр направилась прямо к ней, раскинув руки, словно приветствуя давно потерянную сестру.

— Добрая госпожа Матчам?

Женщина беззвучно кивнула, и Алусейр обхватила ее руками.

— Твой Рорт погиб достойно, — почти свирепо сказала Стальной Регент, когда они стояли нос к носу, — сражаясь с самим Дьявольским Драконом! Он погиб, защищая своего короля, и тем самым помог сохранить жизнь моему отцу, пока падший вирм не был побежден, и за это весь Кормир обязан Рорту Матчаму честью.

Трактирщица вглядывалась в лицо принцессы, рот у нее не закрывался, а потом она расплакалась и беспомощно зарыдала в объятиях Алусейр.

Народ, собравшийся в передней зале, хранил полное молчание, пока Стальной Регент укачивала Райтру Матчам, бормоча нежные слова, долго-долго, пока трактирщица не отстранилась и не зарыдала что-то почти бессвязное, обращаясь к Алусейр.

Принцесса взяла ее за руку и ответила:

— Тебе нечего стыдиться, Райтра. Я плакала много ночей с тех пор, как мой отец ушел в склеп, и буду плакать снова. Боги, как мне его не хватает!

Ее свободная рука сжалась в кулак, затем она вздохнула, откинула голову назад, словно задыхаясь, и объявила:

— Если в здешних подвалах достаточно влаги, регент Кормира будет рада, если все жители Халтейла и путники, заехавшие сюда, выпьют за здоровье Рорта Матчама, героя битвы при Драконьем Падении, и его леди Райтры Матчам, доброй хозяйки трактира Шестисвечник! Корона заплатит за всё, за провизию и выпивку, пока хватит и того, и другого!

Ответный рев одобрения был почти оглушительным. Рулиган вздрогнул. Погреб был полон огромных винных туннелей, большинство из которых были наполнены крепким вином, которому оставалось всего несколько месяцев до того, чтобы стать уксусом.

Ночь предстояла долгая.

Светлеющая серость на востоке предвещала скорый рассвет, но в передней зале Шестисвечника люди еще были на ногах. Всего несколько человек, среди храпящей плоти, наброшенной на стулья, столы и пол, но и эта горстка была достаточно оживленной.

Четыре свечи назад столы были придвинуты к стенам в одном конце комнаты, чтобы освободить место для танцев, и множество рванных мелодий доносилось до пьяных ушей, пока более смелые парни и девушки Халтейла пыхтели и кружились под холодно-бдительными взглядами дюжины Пурпурных Драконов и почти стольких же Боевых Волшебников.

Большинство танцующих уже ушли - в сон или в ночь, в свои постели или к занятиям, которые лучше всего проводить в уединении, - оставив на танцполе одинокую пару.

Сама Стальной Регент кружилась по полу под жуткий дуэт невидимой, зачарованной арфы и шали. С ней в танце, шаг за шагом, кружился младший конюх Шестисвечника, его глаза были полны сияющего удивления.

Алусейр вскинула руку в знак приветствия, и музыка стала медленной и величественной. Парень остановился, не зная, что делать, но принцесса Алусейр Накация с невозмутимым и серьезным выражением лица шагнула к нему, взяла его руки в свои и плавно повела его в придворный танец.

— Остановись, женщина!

Крик вывел из дремоты Райтру Матчам, сидевшую вместе с самыми выносливыми женщинами деревни по одну сторону танцплощадки, но к тому времени конюх, который оттуда вышел, с грохотом остановился перед стальной оградой - барьером из четырех скрещенных клинков Пурпурного Дракона.

За то время, что потребовалось им, чтобы продрать глаза, более нескольких халтейлцев очнулись и впали в изумление.

Парень, прижатый к Алусейр, застонал и попытался отстраниться, но принцесса схватила его за запястье и скомандовала:

— В сторону сталь, люди, и пропустите этого человека.

Андур нашел дорогу к танцевальной площадке свободной. Не обращая внимания на поднявшихся со своих мест Рулигана и Шарантир и умоляющий взгляд отчаяния трактирщицы, он направился вперед.

— Отойди от моего сына! Пусть ты регент королевства и королевских кровей, но мы все слышаны о твоих распутных манерах, да и о твоём нраве тоже! Держись подальше от моего Дарнена!

Алусейр отпустила запястье Дарнена, и тот помчался через всю комнату, как стрела, выпущенная из лука. Сложив руки на груди, с ничего не выражающим лицом, она ждала конюха... чье сердитое продвижение замедлилось, замерло, а затем остановилось в нескольких шагах от нее.

— Ты, конечно, убьешь меня, — прошипел он, — но это необходимо было сказать. Ты - распутная шлюха, не имеющая права приближаться к Трону Дракона, за который я и многие мне подобные боролись.

Алусейр вздохнула.

— Как тебя зовут, старик?

— Андур. Андур Имраит, некогда Пурпурный Дракон, а теперь здешний конюх. Они зовут меня Старый Андур.

Стальной Регент кивнула.

— Андур, я хочу сказать тебе всего три вещи.

Она подождала, пока наступит полная тишина и все в комнате будут слушать. На это ушло меньше вдоха.

— Первое: ты прав. Я распутная шлюха, как ты выразился, и я не гожусь для правления. Я не хотела быть регентом, и, пробыв им несколько дней, мне это нравится еще меньше. Считаю меня одним из тех несчастных Пурпурных Драконов, рядом с которыми ты маршировал и сражался, служащим королевству из рук вон плохо, потому что это лучшее, что он может сделать.

Она развела руками.

— Вторая вещь заключается в следующем: я не собиралась заниматься с твоим сыном чем-то большим, чем обучением его придворным танцам, потому что хочу, чтобы он, в его возрасте и неугомонности, захотел приехать в Сюзейл и увидеть Двор, и таким образом увлекся помощью Кормиру после того, как мое поколение ослабнет. Королю - новому королю - нужны будут люди, которым он сможет доверять, и я должна найти их для него... или сделать их для него.

Она сделала медленный шаг к нему.

— И третье - вот что, Андур: ты нужен мне.

—Что? — Конюх сделал шаг назад, подняв руки, как бы отгоняя ее.

Алусейр криво улыбнулась.

— О, не для того, чтобы уложить тебя в постель, хотя если бы ты попросил по-хорошему...

Рулиган закатил глаза, и она сделала грубый жест - жест, знакомый Фиолетовым драконам во всем королевстве - в его сторону, не отрывая глаз от шокированного взгляда Андур.

— Мне нужна твоя служба, — продолжила она, делая еще один шаг вперед, ее голос повысился. — Твое доверие. Твоя преданность. Мне нужны такие люди, как ты - те, кто сражался за королевство и знает цену крови, которую приходится платить за законы Кормира, гордость, хорошие дороги и сытые животы - чтобы верить. Если не в меня, то в будущее, за которое я борюсь. Ребенку моей сестры еще далеко до того, чтобы стать даже тенью моего отца, но моя мать по-прежнему правит из-за трона, как и всегда. Я все еще езжу верхом с молодыми дворянами королевства и воодушевляю их, как делала это всегда. Солнце по-прежнему встает над Громовыми Пиками и садится над западными Штормовыми Рогами, как и всегда. Мне нужно, чтобы ты, Андур Имраит, держал свой меч острым и не терпел лжи ни от придворных, ни от благородных, ни от регента.

Конюх молча смотрел на нее.

— Но нужна ли я тебе, Андур? — тихо спросила принцесса. — Нужен ли тебе всё ещё кто-то, кого можно любить, на кого можно равняться, за кого можно бороться? Или для тебя все кончено, кроме пьянства и брюзжания о том, что в твоё время все

было лучше, а в наши дни королевством правит стая продажных и беспринципных дураков?

Андур Имраит прорычал:

— Я не буду тебе служить. Просто держись подальше от моего сына. Дай мне слово, и тогда ты сможешь убить меня.

— Я не хочу тебя убивать, — устало сказала Алусейр, — но я хочу править тобой. И я собираюсь сделать именно это. Потанцуем, конюх?

— Нет, — прошипел Андур. — Я не буду...

— Тогда давай сразимся? — мягко спросила Алусейр, сверкая глазами. — Ни клинков, ни заклинаний, только кулаки и все остальное, что дали нам боги. Ибо я - принцесса, и слово мое - закон, Андур из Кормира, и я предоставляю тебе выбор: танцевать или драться? Танцевать... или драться?

— Я не сражаюсь с женщинами, — прорычал Андур, поворачиваясь к ней спиной.

— Я не женщина, я распутная шлюха, помнишь? А Пурпурные Драконы, насколько я помню, пьют до дна.

Андур крутанулся на месте, его лицо исказилось.

— Не делай этого, — шипел он. — Не унижай меня перед моим сыном!

— Каким образом, — спросила Алусейр, — ты унижен?

И она направилась к нему, потянувшись к его запястью и бедру, словно желая продолжить танец, который он прервал ранее.

И с диким ревом конюх откинул кулак и отправил ее в полет.

Райтра Матчам вскрикнула. Два Пурпурных Дракона схватились за эфесы своих мечей, а Рулиган и Шарантир вздрогнули, увидев, как голова Алусейр откинулась и полетели брызги крови.

Она тяжело приземлилась, разбросав стулья, и медленно поднялась на ноги, но, поднявшись, вскинула одну руку в повелительном жесте "не подходите". В ее походке чувствовалась скованность, когда она шла обратно к Андур, который стоял неподвижно, сжав кулаки.

— Не надо, — прорычал он. — Не заставляй меня делать это.

Алусейр снова потянулась к его запястью и бедру, не сводя с него глаз.

— Танцуй или дерись, конюх. Танцуй или дерись.

Он отбросил ее руки и отступил в сторону, предостерегающе покачивая головой, и Стальная Принцесса бросилась на него.

С ревом он ударил ее кулаком, раз и другой, потом потянулся за стулом, чтобы схватить и повалить ее, а принцесса, стоя на коленях перед ним, изо всех сил впечатала обе руки в его промежность, бросившись на удар всем телом.

Андур Имраит издал нечто вроде свиста, пролетев над ней, вверх, затем вниз, лицом вперед, чтобы встретить пол. Там он бесчувственно приземлился, конечности свободно болтались.

Алусейр повернулась, кровь капала с ее разбитой губы, один глаз уже начал опухать, и позвала через всю комнату:

— Дарнен? Тот танец, который мы только что начали?

Конюх нерешительно пробирался через столы, не раз оглядываясь на отца.

— Ты не...?

— Нет, — сказала ему Алусейр, — он жив, и его лицо, вероятно, будет красивее моего, когда он проснется.

Дарнен посмотрел на нее, потом на отца, потом снова на принцессу и ухмыльнулся.

— Боги, это было... это было чудесно, видеть это! Да, он мой отец и все такое, но он уже много лет меня обижает! Я... я... то, что ты сказала о Дворе...

— Я серьезно. Хочешь увидеть Сюзейл, рыцарей со сверкающими клинками, мудрецов, которые могут рассказать тебе истории, о которых ты даже не можешь мечтать - о, да, и дам в платьях, разрезанных до сих до сих?

Дарнен сглотнул, стал таким же красным, как кровь, стекающая с подбородка Алусейр, сглотнул и кивнул.

— Л-леди, вы ранены, — заикаясь, произнес он.

Она улыбнулась ему.

— И это может облегчить твой выбор: танцевать или сражаться?

Дарнен посмотрел на отца, снова сглотнул и поспешно ответил:

— Танцевать.

Андур Имраит хныкнул один раз после того, как его стоны оповестили мир о том, что он снова присоединяется к нему. Затем его глаза открылись, он снова застонал и встретился взглядом с каменным лицом Гларастира Рулигана.

— Все еще хочешь избивать принцесс? — спросил Верховный рыцарь. — Или мне лучше спросить тебя, способен ли ты еще стать отцом кого-нибудь?

Андур бросил на него мрачный взгляд, но его рык боли сменился вздрагиванием, когда Рулиган поднял его на ноги и помог ему, прихрамывая, дойти до стула.

— Па?

Андур вскинул голову на голос Дарнена, и его глаза вспыхнули при виде сына, стоящего на танцплощадке и обнимающего Алусейр.

Он поднялся с рычанием, перешедшим в стон, и поспешно опустился обратно, лицо его посерело. Никто не засмеялся.

Он покачал головой и почти умоляюще обратился к своей хозяйке.

— Я не могу выполнять приказы от... от...

Со своего места рядом с ним Райтра Матчам сердито смотрела на него, ее губы сложились в тонкую, неодобрительную линию. О, она была зла, все верно. Злилась на него.

Андур удивленно посмотрел на нее.

— От распутной шлюхи, Андур? — ледяным тоном спросила она. И в вихре юбок она поднялась, прошла по танцевальной площадке, оттащила Дарнена от принцессы и крепко обняла Алусейр, устремив на Андур острый, как лезвие меча, взгляд.

— О, боги, — простонал Андур, пряча лицо в ладонях. Руки, взятые в крепкий захват, от которых исходил легкий пряный аромат...

Он открыл глаза. Перед ним на коленях стояла Алусейр Накация Обарскир, один глаз почти закрылся от его удара, а губа представляла собой скрюченную, распухшую развалину. Ее скула была серой там, где не было желтизны. Благодаря его кулакам.

И она была принцессой королевства...

— О, боги, — снова простонал Андур.

— Твой выбор немного изменился, — пробормотала она. — Танцуй, сражайся или повинуйся.

Андур покачал головой, пораженный.

— Повиноваться, — прошептал он.

— Хорошо. Очень хорошо. — С удивительной силой она встала и отступила назад, увлекая его за собой. Он возвышался над ней, более чем на голову, когда она решительно тащила его через весь зал.

К центру площадки для танцев.

Андур вздрогнул.

— Мы тоже должны танцевать?

— Да, — ласково ответила ему Алусейр. — Тогда ходим к целителям, мы оба, а потом я отведу тебя в постель. Твоя верная служба начинается этой ночью.

Рулиган и Шарантир обменялись взглядами и в унисон закатили глаза. Позади них ряд Пурпурных Драконов и Боевых Волшебников старательно сохраняли невыразительные лица. С некоторым усилием.

Андур снова застонал, но, встретившись с внезапным огнем сверкнувшим в глазах Алусейр, замолчал.

С определенным усилием.

